

СВОБОДА ИМЕЕТ СВОЮ ЦЕНУ

ЛЕДИ ДЫМ

ЛОРА СЕБАСТЬЯН

Автор бестселлера *New York Times* «Принцесса пепла»

ЛОРА
СЕБАСТЬЯН

ЛЕДИ
ДЫМ

Freedom

Теодосия больше не носит пепельную корону – символ своего унижения. Она сбежала от кайзера и вернула себе законный титул. Но народ девушки по-прежнему находится во власти тирана. Чтобы освободить подданных,

Теодосии нужна поддержка армии, которую она сможет получить, лишь выйдя замуж против воли.

Но королевы Астреи так не поступают – они никогда не отдают свою свободу в чужие руки. Девушке придётся найти какой-то невероятный способ спасти истерзанную узурпатором страну, не потеряв при этом саму себя.

ПРИНЦЕССА ПЕПЛА МЕРТВА. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА!

«Королева мятежников поднимает восстание.

Книга полна интриг и тайн».

Kirkus Reviews

«Идеально для поклонников

Виктории Авеярд и Сабы Тахир».

Bustle

ISBN 978-5-04-100176-6

9 785041 001766 >

Freedom

ЛЕДИ
ДЫМ

ПРИНЦЕССА ПЕПЛА
ЛЕДИ ДЫМ

Продолжение следует...

ЛЕДИ ДЫМ

ЛОРА СЕБАСТЬЯН

Freedom

Москва

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
C28

Laura Sebastian
Lady Smoke

Text copyright © 2019 by Laura Sebastian

Jacket art copyright © 2019 by Billelis

Map illustrations copyright © 2019 by Isaac Stewart

Себастьян, Лора.

C28 Леди Дым / Лора Себастьян ; [пер. с англ. Е. Ефимовой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 544 с. — (Young Adult. Наследница пламени).

ISBN 978-5-04-100176-6

Теодосия сбросила пепельную корону — символ своего унижения. Девушке удалось вырваться из плена кайзера и вернуть себе законный титул. Но тиран по-прежнему держит ее народ в рабстве. Чтобы освободить подданных, Теодосии понадобится поддержка армии, которую она сможет получить, лишь выйдя замуж против воли. Но королевь Астреи так не поступают — их свобода принадлежит только им самим.

Девушке придется найти какой-то невероятный способ спасти истерзанную узурпатором страну, не потеряв при этом саму себя.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100176-6

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ПРОЛОГ

Мать однажды сказала мне, что Астрея может выжить, лишь пребывая в мире. Мы не нуждаемся в огромных армиях, говорила мама, поэтому не заставляем наших детей становиться воинами. Мы не восхваляем войну, подобно прочим странам, не пытаемся получить больше, чем нам нужно. Нам достаточно Астреи, говорила она.

Мама и представить себе не могла, что война сама придет к нашему порогу, хотим мы того или нет. Прежде чем мама умерла, она смогла убедиться, как мало стоит мир по сравнению со стальными клинками и дикой алчностью кейловаксианцев.

Моя мать была Королевой мирных времен, но я слишком хорошо знаю: одного мира недостаточно.

ОДНА

Кофе со специями одобрен изрядным количеством меда, и все равно обжигает мне язык. Крессентия всегда заказывает именно такой кофе.

Мы сидим в павильоне, как и тысячу раз до этого, в руках у нас дымящиеся фарфоровые чашки — холодным вечером о них так приятно греть ладони. Какое-то мгновение мне кажется, что все как прежде, мы мирно сидим в полумраке и молчим. Мне не хватало наших бесед, но еще я скучала по этому уютному молчанию: мы всегда могли просто посидеть вот так, не испытывая потребности заполнять тишину глупой светской болтовней.

Но это же бессмысленно. С чего мне скучать по Крессентии, если она сидит напротив меня?

Словно прочитав мои мысли, подруга смеется и ставит чашку обратно на блюдце, та звякает, и этот звук пробирает меня до костей. Крессентия тянется через стол и обеими руками сжимает мою ладонь.

— Ох, Тора, — говорит она своим нежным голосом, так что мое фальшивое имя звучит как музыка. — Я тоже по тебе скучала, но в следующий раз не стану.

Я еще не успеваю осмыслить ее слова, а над нами уже загорается свет, солнце полыхает все ярче и ярче, освещая Крессентию все больше и больше. Вот уже видна обугленная, отслаивающаяся черными хлопьями кожа — память об обжигающем зелье энкатрио, которое по моему приказу подмешали подруге в вино; волосы у нее белые, тусклые, а губы — серые, как та фальшивая корона, что я когда-то носила.

Страх и чувство вины обрушиваются на меня, все кусочки головоломки встают на свои места. Я вспоминаю, что сделала, вспоминаю, почему я так поступила. Вспоминаю ее лицо за прутьями решетки, пылающее гневом: стоя перед моей тюремной камерой, Крессентия говорила, что будет радостно кричать, когда меня казнят. Вспоминаю, как раскалились прутья решетки, за которые она ухватилась.

Я пытаюсь отдернуть руку, но Крессентия держит крепко, ее очаровательная улыбка сменяется хищным оскалом, с запачканных пеплом клыков капает кровь. Ее кожа обжигает мне руки, она даже горячее, чем у Блейза, я словно сунула руки в огонь. Я пытаюсь кричать, но с губ не срывается ни звука. Я больше не чувствую своих рук и какую-то долю секунды испытываю облегчение, но потом смотрю вниз и понимаю, что кисти мои превратились в золу. Огонь распространяется вверх по рукам, охватывает грудь, тело, ноги и ступни. Под конец загорается голова, и последнее, что я вижу — это чудовищная улыбка Крессентии.

— Ну вот. Так ведь лучше, правда? Теперь никто по ошибке не примет тебя за королеву.

Я просыпаюсь в холодном поту, хлопковые простыни волглые и липнут к ногам. Живот крутит, кажется, меня вот-вот вырвет, хотя, если мне не из-

меняет память, вечером я съела только пару кусков сухого хлеба.

Я сажусь в кровати, прижимаю ладонь к животу, пытаюсь прогнать чувство тошноты, и часто моргаю, чтобы глаза быстрее привыкли к темноте.

Через несколько секунд я осознаю, что нахожусь вовсе не в своей кровати, не в своей комнате, даже не во дворце, а в тесной каморке, сижу на узкой койке с тонким матрасом, застеленным потертой простыней, а укрыта лоскутным одеялом. В желудке все бултыхается, так что меня опять накрывает рвотный позыв, и тут я осознаю, что дело вовсе не в моем желудке, — сама комната раскачивается из стороны в сторону, а желудок просто повторяет это движение.

События последних двух дней обрушиваются на меня все разом. Темница, суд кайзера, Элпис умирает у моих ног. Помню, как Сёрен спас меня, лишь для того, чтобы самому попасть в плен. Едва эта мысль приходит мне в голову, как я тут же пытаюсь от нее избавиться. Есть множество вещей, за которые мне стоит себя винить, и пленение Сёрена не одна из них.

Я на борту «Тумана», корабля, направляющегося к развалинам Энглмара, собираюсь заявить свои права на Астрею. Я у себя в каюте, живая и невредимая, в то время как Сёрена держат в цепях в трюме.

Смеживаю веки и, склонив голову, прячу лицо в ладонях, но в тот же миг перед моим мысленным взором возникает лицо Кресс: огромные серые глаза, на розовых щеках играют ямочки — такой она была при нашей первой встрече. Сердце сжимается в груди при мысли о той девочке, и о девочке, которой была я сама, о том, как я цеплялась за под-

ругу, ставшую единственным спасением от моей кошмарной жизни. Слишком быстро милый образ Кресс сменяется другим: холодные серые глаза глядят на меня с ненавистью, горло обуглилось, и от него отслаивается кожа — такой я видела подругу в последний раз.

Яд должен был ее убить. Если бы я не увидела Крессентию собственными глазами, ни за что не поверила бы, что она жива. В глубине души я испытываю облегчение, но мне никогда не забыть, как смотрела на меня бывшая подруга, обещая стереть Астрей с лица земли, не забыть ее слов о том, что она попросит у кайзера мою голову.

Я снова плюхаюсь на спину и с приглушенным стуком ударяюсь затылком о тонкую подушку. Все тело болит и ломит, но разум напряженно работает, и я не знаю, как унять стремительный хоровод мятущихся мыслей. Все равно закрываю глаза и пытаюсь выбросить из головы Кресс, но воспоминания о ней неотступно танцуют на краю сознания, подобно зловещему призраку.

В каюте слишком тихо, так тихо, что она сама становится источником звуков. Я слышу их, коль скоро больше нет дыхания моих Теней, их бесконечных передвижений за стенами, ерзаний и перешептываний. Тишина оглушает. Я кручусь с боку на бок, съеживаюсь и плотнее кутаюсь в одеяло; вновь ощущаю огненное прикосновение Кресс, пинком сбрасываю одеяло, и оно темной кучей оседает на пол.

Сон все не идет. Я сползаю с койки и нахожу толстый шерстяной плащ, оставленный в каюте Бичом Драконов. Натягиваю его поверх ночной рубашки, и он захлестывает меня уютной, бесформенной волной, доходя до лодыжек. Ткань местами протерта, плащ покрыт таким количеством заплат,

что я сомневаюсь, осталось ли в нем хоть сколько-то первоначальной материи, и все же он мне во сто крат милее, чем шелковые платья, в которые рядил меня кайзер.

Как всегда при мысли о кайзере, в животе вспыхивает огненная ярость, она разрастается до тех пор, пока кровь в моих жилах не закипает, словно лава. Это чувство пугает, хоть я и упиваюсь им. Блейз обещал, что однажды я сама разожгу пламя и спалю труп кайзера дотла; думаю, это чувство не утихнет, пока я не увижу, как тело кайзера превращается в пепел.

В БЕЗОПАСНОСТИ

В коридорах и переходах «Тумана» тихо и безлюдно, нигде ни души, лишь где-то впереди слышен звук быстро удаляющихся шагов, да волны с приглушенным гулом разбиваются о борт судна. Я сворачиваю в один коридор, потом в другой, надеясь найти выход на палубу, но в конце концов понимаю, что окончательно заблудилась. Вечером Бич Драконов провела меня по всему кораблю, и после этой экскурсии у меня сложилось впечатление, что я твердо запомнила, где что находится, но в столь поздний час кажется, будто это какое-то совершенно иное место. Оглядываюсь, ожидая увидеть, как один из моих охранников-Теней прячется за угол, и осознаю, что их здесь нет. Тут вообще никого нет.

Десять лет их присутствие давило на меня, не давало вздохнуть. Я жаждала избавления, ждала, что в один прекрасный день стряхну с плеч эту ношу и смогу просто быть одна. Теперь же мне немного, самую капельку, недостает постоянной компании. По крайней мере, Тени не дали бы мне потеряться.

В конце концов, сделав еще несколько поворотов, я нахожу крутую лестницу, предположительно ведущую на палубу. Шаткие ступеньки громко скрипят,

и я взбираюсь медленно, до дрожи в коленях боясь, что вот-вот кто-то услышит и придет за мной. Приходится напоминать себе, что нет нужды красться и прятаться — я вольна идти куда пожелаю.

Я толкаю дверь, и мне в лицо ударяет морской воздух так, что волосы разлетаются во все стороны. Одной рукой придерживая длинные пряди, чтобы не лезли в глаза, другой я плотнее запахи-ваю на груди плащ. До сих пор я не представляла, насколько застоявшийся в каюте воздух, и теперь дышу полной грудью. Тут, наверху, работают несколько членов команды, минимальный экипаж, необходимый, чтобы судно не сбилось с курса и не затонуло глухой ночью, но глаза у всех матросов осоловелые: люди полностью поглощены своим делом и едва глядят в мою сторону, когда я прохожу мимо. Ночь холодна, особенно вкупе с ледяным морским ветром. Зябко скрестив руки на груди, иду на нос корабля. Наверное, я уже начинаю привыкать к одиночеству, но, похоже, мне никогда не будет достаточно: надо мной бескрайнее небо. Ни стен, ни запретов, лишь воздух, море и звезды. Небо переполнено звездами, их так много, что глазам трудно выделить какую-то одну. Артемизия рассказывала, что навигаторы ведут корабль, ориентируясь по звездам, но у меня в голове не укладывается, как такое возможно. Их же великое множество, того и гляди запутаешься! Вопреки моим надеждам на носу корабля кто-то есть. У фальшборта застыла одинокая фигура: сутулив плечи, человек смотрит на океанские волны. Я сразу же понимаю, что это Блейз: из всех, кого я встречала, он единственный умеет так сутулиться, что от него все равно исходит бешеная энергия. Меня окатывает волна облегчения, я ускоряю шаг.

— Блейз, — говорю я, касаясь его руки. Меня очень беспокоит жар его кожи, как и тот факт, что юноша не спит в такой час, но я отказываюсь задумываться об этом. Только не сейчас. В данную минуту мне просто нужен старый друг.

Блейз поворачивается ко мне, в глазах удивление; потом он улыбается, правда, довольно робко. Не привыкла, чтобы мне так улыбались.

Мы с ним не разговаривали с тех пор, как днем взошли на борт, и, сказать по правде, в глубине души я страшилась этого разговора. Блейз уже наверняка знает, что я незаметно поменяла наши чашки с чаем, подсунув ему ту, в которую он подмешал сонное зелье для меня. Наверняка он знает, почему я так поступила, и сейчас мне совершенно не хочется все это обсуждать.

— Не спится? — спрашивает он, оглядываясь по сторонам, и лишь потом смотрит мне в глаза. Открывает рот, снова закрывает, кашляет. — С непривычки может быть трудно для человека, впервые ночующего на корабле. Качка, шум волн...

— Дело не в этом, — говорю я. Хочется рассказать о приснившемся мне кошмаре, но я и так представляю, что Блейз ответит. Скажет, что это просто сон, это не взаправду, Кресс тут нет, она мне не навредит.

Все так, только я никак не могу в это поверить, а главное, не хочу, чтобы Блейз знал, как глубоко Кресс засела в моем сознании, как гложет совесть за мой поступок. Для Блейза все просто: Крессентия — враг. Друг не поймет моего чувства вины и уж точно не поймет, почему меня снедает тоска. Ему ни за что не понять, как сильно я скучаю по бывшей подруге, даже сейчас.

— Я не рассказывал тебе про Бич Драконов. — Он отводит глаза. — Следовало тебя предупредить.

Наверное, ты пережила малоприятное потрясение, встретив незнакомку с лицом твоей матери.

Я облакачиваюсь на планширь, и какое-то время мы с Блейзом смотрим вниз, на волны, обнимающие борт корабля.

— Ты, вероятно, рассказал бы, не поменяй я наши чашки с чаем, — замечаю я.

Мгновение он ничего не говорит, и тишину нарушает лишь плеск волн.

— Почему ты это сделала? — тихо спрашивает друг, словно не уверен, хочет ли услышать ответ.

Я не уверена, хочу ли отвечать, но во мне еще живет надежда, что он рассмеется и скажет, что я ошиблась.

Набираю в грудь побольше воздуха, стараясь выровнять дыхание.

— Перед тем как мы покинули Астрею, Эрик рассказывал мне про берсерков и упомянул о симптомах, — медленно говорю я.

Блейз замирает, но не глядит на меня и не перебивает, так что я продолжаю:

— Он сказал, что когда рудничное безумие прогрессирует, кожа заболевших становится горячей, они начинают терять контроль над своим даром. Сказал, они не могут спать.

Блейз хрипло переводит дыхание.

— Не все так просто, — тихо говорит он.

Я качаю головой, пытаюсь упорядочить мысли, потом отталкиваюсь от фальшборта и скрещиваю руки на груди.

— Боги наделили тебя даром, — заявляю я. — Благодаря ему ты выжил на рудниках и продержался все эти годы. Не может быть, чтобы ты... — Не могу заставить себя произнести эти слова. «Рудничное безумие». Два слова, по отдельности каждое из них

кажется неопасным, но вместе они обретают злое-
щий смысл.

Мне до боли хочется, чтобы Блейз улыбнулся и сказал, что я ошибаюсь, никакого рудничного безумия у него нет, но он молчит. Стоит, как соляной столб, облокотившись на фальшборт, руки крепко сцеплены в замок.

— Не знаю, Тео, — произносит он наконец. — Не думаю, что я... болен. — Очевидно, он тоже не может произнести слова «рудничное безумие». — Но и благословения я никогда не чувствовал.

Признание срывается с его губ тихим шепотом, и ветер уносит его слова в ночь, чтобы их уже никогда не произносили. Мне приходит в голову, что Блейз, возможно, впервые сказал это вслух. Я касаюсь его плеча, вынуждая посмотреть мне в лицо, потом прижимаю ладонь к его груди в том месте, где осталась отметина напротив сердца.

— Я видела, на что ты способен, Блейз, — говорю я. — Глайди благословила тебя, я это знаю. Возможно, твоя сила отличается от силы других Защитников, она... она другая. Это нечто гораздо большее, иначе и быть не может.

Мгновение Блейз смотрит на меня так, будто хочет спорить, но потом накрывает мою руку своей ладонью и замирает. Я стараюсь не обращать внимания на жар его кожи.

— Почему тебе не спалось? — спрашивает он в конце концов. Я не могу рассказать ему про свой кошмар и лгать тоже не хочу, так что останавливаюсь где-то посередине — прибегаю к полуправде.

— Не могу спать одна, — отвечаю я. Как будто все так просто. Мы оба знаем, что это не так. Я жду, что Блейз даст оценку моим словам, скажет, что это просто смехотворно, что нельзя скучать по присут-

ствию Теней, наблюдавших за каждым моим шагом. Разумеется, друг этого не делает, потому что знает: я говорю о другом.

— Я буду спать с тобой, — предлагает он, а потом соображает, что только что сказал. В темноте трудно определить наверняка, но думаю, уши у него стали ярко-красными. — В смысле... ну, ты поняла, что я имею в виду. — Я могу быть рядом, если это поможет.

Я слегка улыбаюсь и говорю:

— Думаю, это поможет. — Потом, не в силах удержаться, добавляю: — А если ты тоже постарайся уснуть, я буду спать еще лучше.

— Тео, — вздыхает он.

— Знаю, — говорю я. — Все не так просто. Хотелось бы мне, чтобы все было просто.

Пока мы с Блейзом идем в мою каюту, я чувствую, что команда наблюдает за нами. Представляю, как это выглядит со стороны: парочка под покровом ночи пробирается в укромный уголок. К рассвету все уже будут шептаться, что мы с Блейзом любовники. Я предпочла бы, чтобы люди не сплетничали обо мне вовсе, но если благодаря этим пересудам позабудутся слухи о нас с Сёренom, то пусть себе болтают.

Слух о романе с Блейзом гораздо предпочтительнее, команда охотно его поддержит, хотя бы потому что Блейз астреец. Чем больше меня поддерживает команда, тем лучше. Я никак не могу забыть, с каким пренебрежением обращалась ко мне Бич Драконов, когда я поднялась на борт, как она разговаривала со мной, словно с потерявшимся ребенком, а не королевой. Со своей королевой. Боюсь, очень скоро тетюшка станет относиться ко мне еще хуже.

Усилим воли я гоню от себя эту мысль. С каких пор я стала такой вероломной? У меня действительно есть чувства к Блейзу, и он тоже ко мне неравнодушен, но я даже не рассматриваю возможность закрутить с ним роман. Я немедленно начала строить планы, думаю лишь о том, что юноша может быть полезен для моего дальнейшего продвижения в политике. Когда я успела стать таким человеком?

Я рассуждаю, как кайзер. При мысли об этом меня охватывает дрожь.

Блейз это чувствует.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он, когда я открываю дверь своей каюты и пропускаю его внутрь.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на юношу, и выбрасываю голос кайзера из головы. Я не думаю о том, видел ли кто-то, как мы идем сюда, или о том, что скажут люди, или о том, как я смогу обратить все это в свою пользу. Не думаю о том, о чем мы говорили несколько минут назад. Я просто думаю о нас, о том, что мы в комнате одни.

— Спасибо, что остаешься со мной, — говорю я вместо ответа.

Блейз улыбается уголком губ и отводит взгляд.

— Это ты оказываешь мне услугу. Меня запихнули в одну каюту с Цаплей, а он так храпит, что весь корабль сотрясается.

Я смеюсь.

— Лягу на полу, пока ты спишь, — говорит юноша.

— Не ляжешь, — возражаю я и сама удивляюсь своим словам.

Блейз смотрит на меня слегка округлившимися глазами. Кажется, мы будем стоять так вечно, окаменев в неловком молчании, поэтому я решительно шагаю к другу и беру за руку.

— Тео, — говорит он, но я прижимаю палец к его губам, пока он все не испортил, начав выдавать предупреждения, которые я не желаю слышать.

— Просто... — обними меня? — прошу я.

Блейз вздыхает, и я уверена, он сейчас откажется, скажет, что должен держать дистанцию, потому что я больше не его подруга детства, я — его королева, и это все усложняет. Поэтому приходится разыграть козырь, против которого друг не устоит.

— Так я буду чувствовать себя в безопасности, Блейз. Пожалуйста.

Его взгляд становится мягче, и я понимаю, что победила. Не говоря ни слова, я убираю палец от его губ и тяну за руку, увлекая на кровать. Мы ложимся рядом, я прижимаюсь спиной к груди Блейза, он обнимает меня; наши тела идеально подходят друг к другу. Даже здесь, в море, он пахнет специями, огнем в очаге — пахнет домом. Кожа у него обжигающе-горячая, но я стараюсь не думать об этом. Я лишь ощущаю, как бьется его сердце: этот звук пронизывает меня, сливается с ритмом моего собственного сердца, и в конце концов убаюкивает так, что я засыпаю.

СЕМЬЯ

Когда я просыпаюсь, Блейза рядом уже нет, и в каюте без него слишком холодно. На подушке рядом с моей головой лежит записка.

Сегодня утром я приставлен к швабре. Увидимся вечером.

Твой Блейз

«Твой». Это слово липнет ко мне, пока я пытаюсь уложить выющиеся волосы в нечто, отдаленно напоминающее приличную прическу, и расправляю помятую одежду. В другой жизни мое сердце, вероятно, трепетало бы из-за этого слова, но сейчас оно неприятно царапает память. Поразмыслив, я понимаю, в чем дело: именно так подписывал свои письма Сёрен.

Я стараюсь не думать о Сёрене слишком долго. Он жив, здоров, и это все, что я могу для него сделать. Это больше, чем он заслуживает, после того что он натворил в Вектурии — там он настолько запятнал руки кровью, что их вряд ли можно отмыть.

«А как насчет твоих собственных рук?» — шепчет тихий голос у меня в голове. Он похож на голосок

Кресс. Я натягиваю сапоги, которые дала мне Бич Драконов. Они мне велики и громко стучат об пол при ходьбе, но грех жаловаться, особенно учитывая, что в отличие от Блейза у меня на корабле нет никаких обязанностей. Вчера, показывая мне корабль, тетушка обмолвилась, что каждый, кто живет на судне, ежедневно выполняет какую-то работу, дабы отработать свой хлеб. Цаплю отправили помогать на камбуз, а Артемизии придется по несколько часов в день работать с парусами. Даже детям дают несложные задания, например, наливать матросам воду во время еды или бегать по поручениям Бича Драконов. Я спросила тетушку, не могу ли тоже чем-то помочь, но та лишь улыбнулась и покровительственно похлопала меня по руке.

— Ты наша принцесса, просто будь ею — это все, что нам нужно.

«Я — ваша королева», — хотела сказать я, но не смогла произнести это вслух.

Когда я выхожу на палубу, солнце уже высоко и светит так ярко, что слепит глаза. Сколько же я проспала? Наверное, скоро полдень, и на корабле кипит бурная деятельность. Я смотрю по сторонам в надежде выцепить из толпы знакомое лицо, но вижу только море незнакомцев.

— Ваше величество, — говорит один из матросов, отвешивая поклон и торопится дальше, волоча ведро с водой. Я открываю рот, чтобы ответить, но тут какая-то женщина повторяет приветствие и делает реверанс. Через несколько минут я понимаю, что лучше всего просто улыбаться и кивать в ответ. Я шагаю по палубе, улыбаясь и кивая, а сама все высматриваю кого-то из знакомых, вот только когда мой взгляд наконец останавливается на знакомом лице, я тут же об этом жалею.

Под гротом стоит Надин, мать Элпис, а в руках у нее швабра — очевидно, она мыла палубу, но при виде меня застыла столбом, швабра зависла в воздухе, и с нее капает грязная вода. Женщина не отрываясь смотрит мне в глаза, но ее лицо окаменело, как маска. Она так похожа на свою дочь, что в первое мгновение я просто цепенею: те же круглые щеки, такие же темные, глубоко посаженные глаза.

Прошлой ночью, после того, как Бич Драконов показала мне корабль, я говорила с Надин про Элпис, и бедняжка, с трудом сдерживая слезы, сказала то, чего от нее ждали. Поблагодарила меня за спасение своей дочери, за то, что я была ей подругой, за то, что поклялась отомстить кайзеру, но все ее слова казались пустыми. Лучше бы она набросилась на меня, обвиняла в смерти Элпис. Было бы облегчением услышать эти обвинения от других, ведь сама я себя виню.

Надин отводит глаза и вновь принимается мыть палубу, так сильно налегая на швабру, словно хочет протереть в досках дыру.

— Тео, — говорит кто-то у меня за спиной.

От радости, что меня отвлекли, я не сразу понимаю, что меня зовет Артемизия.

Она стоит у фальшборта, причем одета примерно так же, как и я: узкие коричневые брюки и белая хлопковая рубашка — хотя на ней эти вещи сидят лучше. Наверное, это потому, что одежду она выбрала сама, а не надела то единственное, что оказалось под рукой. Повернувшись к морю, она обеими руками опирается на планширь, но смотрит на меня. Волосы спадают ей на спину пышными белыми волнами, зато на кончиках они небесно-голубые. В волосах у девушки заколка с водными камнями, которую я украла у Крессентии, и чернильно-синие

камни поблескивают на солнце. Памятуя о том, что Артемизия стыдится своих волос, я стараюсь на них не таращиться, но это очень трудно сделать. На поясе девушки висят ножны, из которых выглядывает позолоченная рукоять кинжала. На миг мне кажется, что это мой кинжал, но такого просто не может быть: всего несколько минут назад, выходя из каюты, я положил кинжал под подушку.

Я не сразу осознаю, чем занимается Артемизия. Камни в ее заколке не блестят на солнце — вообще-то, они сияют сами по себе, потому что девушка их использует. Внимательнее посмотрев на ее пальцы, я почти вижу, как из их кончиков струятся, подобно морскому туману, потоки энергии.

— Что делаешь? — спрашиваю я, подходя ближе, но двигаюсь настороженно. Мне нравится думать, что я не боюсь Артемизию, хотя было бы большой глупостью не испытывать перед ней страха. Артемизия — весьма грозное создание, даже без своей магии.

Она ехидно улыбается и возводит глаза к небу.

— Мать считает, что нам следует двигаться быстрее на случай, если кейловаксианцы нас преследуют.

— И она попросила тебя помочь?

Тут Артемизия смеется:

— О нет, моя мать никогда не стала бы просить о помощи никого — даже меня. Нет, она мне приказала.

Я облакачиваюсь на планширь.

— Не думала, что кто-то может тебе приказывать.

На это Артемизия ничего не отвечает, лишь пожимает плечами.

Я смотрю на бесконечные синие волны, уходящие куда-то за горизонт. Бросив взгляд за корму судна, я замечаю вдаль остальные корабли флота Бича Драконов — они следуют за «Туманом».

— Что именно ты делаешь? — спрашиваю я после короткой паузы.

— Меняю течения в нашу пользу, — отвечает Артемизия. — Чтобы они двигались нам вслед, а не навстречу.

— Очень полезное применение магии. Ты уверена, что справишься в одиночку?

Я не хотела обидеть Артемизию этим вопросом, но она так и ошестинивается.

— Это не так трудно, как тебе кажется. Нужно лишь подтолкнуть естественное тело воды, чтобы оно делало то, что ему хочется, главное при этом — изменить направление. В буквальном смысле слова повернуть прилив вспять. К тому же я не меняю все Кейлодинское море — только небольшой участок, по которому мы идем.

— Полагаюсь на тебя, — заверяю я ее.

Повисает молчание, и какое-то время я наблюдаю за работой Артемизии, смотрю, как грациозно изгибаются ее вскинутые руки, как с кончиков пальцев струится магия.

А ведь она моя кузина, вспоминаю я вдруг, хотя не думаю, что эта мысль когда-нибудь перестанет казаться мне столь дикой. Мы настолько разные, насколько это вообще возможно, хотя наши матери были сестрами. Точнее говоря, близнецами.

Когда я впервые увидела Артемизию, ее волосы были не бело-голубыми — так отметил ее водный дар, — а каштановыми с красным отливом, как мои. Долгое время мне казалось, что Артемизия сделала свои волосы каштановыми нарочно, чтобы подразнить меня и вывести из себя, но потом предположила, что именно такой цвет был у ее волос до того, как девушку отметил дар. Именно такие волосы были у ее матери, как и у моей матери, и у меня. Навер-

ное, Артемизия изначально знала, что мы с ней двоюродные сестры, однако ни словечком об этом не обмолвилась.

«В наших жилах течет одна и та же кровь, — думаю я, — и что за кровь!»

— Тебе никогда не казалось странным, что мы с тобой потомки бога огня, однако тебя выбрала богиня воды? — спрашиваю я наконец.

Артемизия искоса смотрит на меня.

— Не особо. Я не слишком религиозна, ты же знаешь. Может, мы и ведем свой род от Оуззы, а может, это просто миф, помогавший нашей семье крепче держаться за трон. Как бы то ни было, я не считаю, что магия привязана к крови. Цапля говорит, мол, Сьюта увидела меня в своем храме, выбрала именно меня из всех, кто там был, и благословила своим даром, да только такой ответ мне тоже не слишком-то нравится.

— А какой ответ тебе нравится?

Артемизия молчит, лишь смотрит на бескрайнее море и с грацией танцовщицы делает пассы руками.

— Почему тебя так интересуется мой дар? — наконец спрашивает она.

Настает моя очередь пожимать плечами.

— Никакой особой причины нет, мне просто показалось, что у большинства людей волшебный дар вызывает интерес.

— Вообще-то, нет, — говорит она, хмурится и резко отводит руки влево, потом снова вытягивает перед собой. — Обычно просто говорят, как мне повезло получить дар. Иногда люди говорят это, дотрагиваясь до моих волос — терпеть не могу, когда кто-то так делает. Никто еще не задавал мне подобных вопросов, потому что это означало бы слишком

близко подойти к теме рудников, а об этом люди слышать не хотят. Они почитают за лучшее думать о даре, как о некоем проявлении магии, выходящем за рамки их любопытства.

— Рамки моего любопытства почти безграничны, но не думала, что ты удивишься, обнаружив это, — небрежно роняю я, хотя ее слова неприятно царапают душу.

Если Артемизия и замечает, что мне неприятно, она это игнорирует.

— Ты здорово проспала, — говорит она вместо этого. В ее словах скрыт ядовитый намек, но он ранит не так сильно, как ее обычные колкости. Вчера она тоже вела себя необычно: мямлила, переступала с ноги на ногу, ерзала — кто бы мог подумать, что Артемизия может так себя вести. Куда только делись ее неизменные сарказм и желчность, к которым я успела привыкнуть?

— Я не собиралась залеживаться в кровати, просто встала ночью...

— Блейз сказал, ты плохо себя чувствовала, — перебивает она, но при этом смотрит на меня так самодовольно, что становится ясно: это — эвфемизм, под которым она подразумевает нечто совершенно иное. Очевидно, слухи уже поползли.

У меня жар приливает к щекам.

— Со мной все хорошо, — говорю я, судорожно подыскивая другую тему для разговора. Наконец я киваю на кинжал, который Артемизия носит на поясе.

— Для чего это?

Она опускает руки — поток магии прекращается — потом касается рукоятки таким же небрежным жестом, каким придворные дамы обычно поигрывали своими ожерельями.

— После того как я разобралась с твоими Тенями, не было возможности пустить его в ход, так что я ржавею.

— Так это ты их убила?

Она фыркает:

— А кто же еще по-твоему? Цапля говорит, дескать, его дар воспрещает ему причинять вред, а Блейз не любит пачкать руки без лишней необходимости. Он, конечно, прикончил бы твоих сторожей, если бы я попросила, но... — Она умолкает.

— Тебе нравится убивать, — заканчиваю я за нее.

В глазах Артемизии вспыхивает недобрый огонек, улыбка становится зловещей.

— Приятно, когда не только у нас что-то забирают, — говорит она.

Я жду, что сейчас она отпустит какое-то ядовитое замечание о том, что я не смогла убить Сёрена, но, к моему удивлению, Артемизия говорит нечто совершенно иное.

— Могу и тебя научить, — предлагает она. — В смысле, пользоваться кинжалом.

Я смотрю на скрытый в ножнах клинок и пытаюсь представить, что достаю его — не как в тот раз в туннеле, перед Сёреном, тогда у меня тряслись руки, парализовали сомнения, — а уверенно, как человек, который знает, что делает. Я вспоминаю, как кайзер дышал мне в шею, пока его руки скользили по моим бедрам. Тогда я чувствовала себя беспомощной и больше ни за что не хочу снова испытать это чувство. Я отбрасываю эту мысль. Я не убийца.

— После Ампелио... Не думаю, что мне хватит духу, — говорю я в конце концов, надеясь в глубине души, что это не так.

— Думаю, ты удивишься, узнав, на что способна, — говорит Артемизия.

Прежде чем я успеваю ответить, нас прерывают: раздается звук шагов — тяжелые сапоги грохочут по деревянной палубе. Так уверенно по этому кораблю расхаживает лишь один человек. Артемизия, очевидно, тоже узнает эту поступь, потому что вся подбегает и лишь потом оборачивается.

— Матушка, — говорит она, снова опуская руку на рукоять кинжала.

Меня осеняет: Артемизия нащупывает оружие по привычке, потому что нервничает. Еще вчера я рассмеялась бы, скажи мне кто-то, что она может нервничать.

Собравшись с духом, я тоже поворачиваюсь и говорю:

— Бич Драконов.

Подошедшая к нам женщина высока, кажется, будто она занимает гораздо больше места, чем должна бы при своем росте. На ней такая же одежда, как и на остальных членах команды, но обувь другая. Вместо громоздких ботинок, подходящих для тяжелой работы, она носит сапоги с большим голенищем на высоком толстом каблуке. Поначалу я удивлялась, как можно ходить в такой обуви по палубе корабля, однако я ни разу не видела, чтобы женщина пошатнулась и не удержала равновесие. Зато каблуки прибавляют ей несколько дюймов росту — должно быть, так она кажется команде еще внушительнее.

Когда наши взгляды встречаются, женщина улыбается, но это совсем не та улыбка, с какой обычно смотрела на меня мать. Бич Драконов глядит на меня, как Кресс на стихотворение, с переводом которого у нее возникли трудности.

— Рада видеть, что вы подружились, — говорит она, однако, судя по голосу, никакой радости не

испытывает. Кажется, будто ее что-то сердит, хотя, возможно, она всегда разговаривает таким тоном.

— Разумеется, — отвечаю я, стараясь улыбнуться. — Артемизия оказала мне неоценимую помощь, благодаря ей я смогла выбраться из дворца и убить Тейна. Без нее мы бы не справились.

Артемизия молчит, стоит столбом и смотрит на деревянные доски палубы под ногами своей матери.

— Да, Артемизия весьма одарена. Конечно, она — единственный оставшийся у меня ребенок, так что я почти не могу без нее обойтись.

В этих словах скрыт какой-то намек, потому что Артемизия вздрагивает. У нее был брат, она рассказывала, как они вместе попали на рудники, там он заболел рудничным безумием и был убит одним из охранников, которого впоследствии прикончила сама Артемизия. Поразмыслить об этом более обстоятельно мне не удастся: Бич Драконов переключает внимание на меня.

— Нам нужно обсудить планы на будущее, Тео. Давай пройдем в мою каюту.

Я уже открываю рот, чтобы ответить, но Артемизия меня опережает.

— Ваше величество, — тихо говорит она, по-прежнему не поднимая глаз на мать.

— Хм? — Бич Драконов делает вид, будто не слышала, но судя по тому, как напряглись ее плечи, со слухом у нее все в порядке.

Артемизия все-таки поднимает взгляд на мать.

— Тебе следует обращаться к ней «ваше величество», особенно там, где нас могут услышать другие.

Улыбка Бича Драконов становится натянутой, как тетива лука, которая того и гляди сорвется.

— Конечно, ты права, — говорит она напряженным голосом, поворачивается ко мне и слегка кланяется.

— Ваше величество, ваше присутствие требуется в моей скромной каюте. Так лучше, Артемизия? — спрашивает она.

Артемизия не отвечает, у нее краснеют щеки, и она снова опускает глаза.

— Все в порядке, — говорю я, спеша отвлечь Бича Драконов, пока та не превратила дочь в горстку пепла.

Бич Драконов хмуро глядит на меня, потом снова поворачивается к Артемизии.

— И я велела тебе управлять течениями до полудня. У тебя есть еще час, если, конечно, ты полагаешь, что справишься.

В ее голосе явственно звучит вызов, и Артемизия стискивает зубы.

— Конечно, капитан, — отвечает она, снова поднимает руки и поворачивается лицом к океану.

Не говоря больше ни слова, Бич Драконов отворачивается и взмахом руки предлагает мне следовать за ней. Я еще успеваю послать Артемизии ободряющий взгляд и улыбнуться, но, кажется, она этого не замечает. Впервые за все время нашего знакомства она выглядит потерянной.

СТОЛКНОВЕНИЕ

Как только мы входим в каюту Бича Драконов, я жалею, что не попросила Артемизию пойти с нами. Эгоистичное желание — она явно стремилась скрыться от грозного материнского ока, — но мне все равно хотелось бы, чтобы она была рядом. Внутри ждут двое мужчин, они полностью преданы Бичу Драконов, и мне кажется, будто я только что угодила в западню. В присутствии кайзера и Тейна я чувствовала себя по-другому, словно ягненок в логове льва, как говорила покойная кайзерина, но ощущения похожие. В этой комнате у меня союзников не будет.

«Я королева, — напоминаю я себе, расправляя плечи. — Я сама себе союзница, и этого вполне достаточно».

При виде меня мужчины вскакивают, хотя, вероятно, этот знак почтения адресован не мне, а Бичу Драконов

Эриэл ненамного старше Бича Драконов, совершенно безволосый, зато с окладистой бородой, ведет флот Бича Драконов — «Туман», «Дым», «Прах» и «Призрак», а также еще с полдюжины кораблей поменьше, названий которых я не помню. Вчера вечером он сказал мне, что потерял левую руку в сра-

жении несколько лет назад. С тех пор его отрубленную кисть заменяет деревянная, из полированного дерева, пальцы которой навечно сжаты в кулак. Для большинства солдат увечье означало бы конец службы, но Эриэл — талантливый стратег, и это делает его незаменимым, хоть он и не может больше сражаться. До сих пор маленькая армия Бича Драконов держалась против втроекратно превосходящих ее кейловаксианских батальонов, и во многом это стало возможно благодаря тому, что Эриэл вместе с капитанами остальных кораблей планировал действия эскадры.

Рядом с Эриэлом стоит Андерс, мелкий элкортианский лорд. Двадцать лет назад, еще подростком, он сбежал от легкой жизни в поисках приключений и определенно их нашел. Вчера он сказал мне, что в первые годы самостоятельной вольной жизни едва не погиб, потому что совершенно не умел правильно разговаривать с людьми и ничего не смыслил в деньгах. Оказалось, что деньги вовсе не безграничный ресурс, как думал он когда-то, за них нужно бороться, их можно украсть, из-за них даже можно убить. Так он путешествовал из страны в страну, промышляя воровством, и постепенно сколотил целую шайку разбойников. Когда воровская жизнь ему наскучила, Андерс решил стать пиратом и получил место на корабле Бича Драконов в обмен на свои услуги.

— Можете садиться, — говорит Бич Драконов, прежде чем я успеваю открыть рот.

Возможно, Артемизия была права, поправив свою мать, когда та назвала меня «Тео». Возможно, тетка умышленно меня принижает. В присутствии этих двоих ей не составит труда и дальше обращаться со мной так же. Пусть вчера подручные капитана

вели себя со мной безукоризненно, однако у меня нет ни малейшего сомнения: я не соответствую их представлению о том, какой должна быть мятежная королева Астреи.

Вот только в прошлом меня запугивали и куда более опасные люди, и сейчас мне впервые не хочется съежиться и стать незаметной. Вместо этого я выпрямляюсь в полный рост, пусть даже Бич Драконов намного выше меня, с ее-то каблуками.

— Спасибо, что встретились со мной, — говорю я, по очереди кивая мужчинам, потом поворачиваюсь к Бичу Драконов, как бы предлагая ей оспорить мое заявление. Приторно улыбаюсь. — И благодарю тебя, тетушка, что устроила эту встречу. Пора обсудить, что дальше. Не будет ли один из вас столь любезен, чтобы найти Блейза и Цаплю?

У Бича Драконов раздуваются ноздри — не следи я столь пристально за ее реакцией, не заметила бы. Она стискивает зубы, а потом ее губы раздвигаются в некоем подобии моей приторной улыбки.

— Не думаю, что это необходимо, Тео, — говорит она. — Я собрала здесь наши лучшие умы, сведущие в стратегии и дипломатии. — Она указывает на своих подчиненных. — Блейз и Цапля много сделали для блага нашего общего дела, но они всего лишь мальчишки, и у них нет опыта в подобных делах.

Тетка сверлит меня яростным взглядом, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не вздрогнуть. В конце концов, у нее такие же темные глаза, как у моей матери, и трудно не чувствовать себя ребенком под ее взглядом. Вот только я уже не ребенок и даже на миг не могу позволить себе чувствовать себя маленькой и беззащитной. Слишком многое стоит на кону. Поэтому я выдерживаю ее взгляд и не позволяю себе дрогнуть.

— Они — мои советники, — говорю я тихо, но твердо. — Я им доверяю.

Бич Драконов чуть склоняет голову набок.

— А нам вы не доверяете, ваше величество? — спрашивает она, чуть округляя глаза. — Мы от всего сердца печемся о ваших интересах.

Двое ее подручных что-то согласно бормочут.

— Я в этом не сомневаюсь, — говорю я, ободряюще улыбаясь мужчинам. — Но мы знаем друг друга очень недолго. Боюсь, у вас пока не было возможности узнать, в чем заключаются мои интересы. Уверена, вы скоро с ними познакомитесь, но, согласитесь, мы не можем терять время впустую.

— Мы и не теряем, — говорит Бич Драконов. — Именно поэтому вряд ли разумно звать посторонних, в то время как я уже собрала более чем достаточно людей для...

Я перебиваю ее, и каждое мое слово режет, как кинжал.

— Если бы вместо того, чтобы спорить ради спора, ты сразу послала за Блейзом и Цаплей, когда я в первый раз об этом попросила, они уже были бы на пути сюда. Итак, ты желаешь потратить еще больше времени зря, в то время как кейловаксианцы уже готовят войско, чтобы стереть нас с лица земли?

Одно мучительно долгое мгновение она ничего не говорит, но я чувствую, как от нее исходят волны негодования. Я выдерживаю взгляд, ее ярость схлестывается с моей. Мне кажется, будто кончики пальцев жжет и покалывает, но я не осмеливаюсь отвести глаза, чтобы посмотреть на свои руки. Есть в этом ощущении что-то знакомое — мою кожу так же жгло, когда я проснулась после того кошмара, в котором мне явилась Кресс. Я скрещиваю руки на груди и прижимаю кончики пальцев к рукавам ту-

ники, надеясь, что жжение пройдет, если я не буду обращаться на руки внимания.

Кажется, проходит вечность, прежде чем Бич Драконов поворачивается к Андерсу, хотя видно, что она пересиливает себя.

— Приведи мальчишек, — произносит она напряженным голосом. — И поскорее возвращайся.

Голубые глаза Андерса неуверенно глядят на меня, потом снова на Бича Драконов. Наконец он слегка кланяется своему капитану и, не говоря ни слова, быстро выходит из каюты. Повисает неприятное молчание.

Все во мне поет от триумфа, и я забываю о жжении в пальцах.

— Ты совершенно не похожа на свою мать, — наконец говорит Бич Драконов.

Чувство триумфа мгновенно исчезает. Эти слова для меня все равно что сокрушительный удар в живот, но сами по себе они не столь болезненны, как осознание: она права. Будучи королевой, моя мать никогда не настраивала против себя тех, кто шел против нее, не обращала их слова против них самих, не шла к цели во что бы то ни стало. Она очаровывала, прибегала к помощи посредников, шла на компромисс и уступала там, где могла, ведь она могла отдать так много.

Тут меня накрывает еще одно осознание, от которого по телу пробегает дрожь, и я отчаянно пытаюсь ее сдержать.

«Я вышла из этой ситуации не как моя мать; я решила это дело так, как сделал бы кайзер».

Проходит несколько минут напряженного ожидания, прежде чем появляется Андерс, а следом за ним — Блейз и Цапля. Смущенно озираясь по сто-

ронам, они входят в каюту, и внутри становится совсем тесно.

— Ну наконец-то, — рывкает Бич Драконов.

Блейз и Цапля не сговариваясь встают по обе стороны от меня. Очевидно, они стараются держаться вместе, насколько это возможно. Скорее всего, они сообразили, что изначально их не собирались звать на это собрание; что Бич Драконов пыталась их изолировать. Хотя, возможно, Блейз мечет в нее гневные взгляды по какой-то иной причине. Что же до Цапли, то он вообще ни на кого не смотрит, просто таращится в пространство тяжелым, мрачным взглядом. Он ведет себя так с тех пор, как мы поднялись на борт, и я волнуюсь, что смерть Элпис легла на его плечи куда более тяжким грузом, чем на мои. В конце концов, именно он должен был забрать девочку после того, как она отравила Тейна, и отвести ее в безопасное место, на «Туман».

Я широко улыбаюсь Бичу Драконов.

— Теперь, когда мы все собрались, давайте продолжим. Мы направляемся к развалинам Энглмара, чтобы, выступив оттуда, атаковать Огненный рудник и освободить заключенных рабов.

Эриэл кашляет и смотрит на меня с легкой тревогой.

— Я бы не рекомендовал делать этот шаг, ваше величество, — говорит он низким, хриплым голосом. Не могу определить, что у него за акцент; Эриэл выговаривает слова мелодично, но мягкий выговор звучит, как ни странно, угрожающе. — Короче говоря, если ринуться на кейловаксианцев с таким малым войском, как у нас, мы будем круглыми дураками. Они легко нас раздавят, и никакие стратегии нам не помогут. Нам просто не хватит людей для такого рывка.

— Именно это мы планировали сделать, до того как я приняла вашу помощь, — говорю я, переводя взгляд с Эриэла на Бича Драконов. И вновь чувствую прилив злости.

— Главное для нас, — вмешивается Андерс, — получить больше сил. — Долгие годы воровской и пиратской жизни не изгладили его аристократический выговор.

Блейз насмешливо фыркает:

— Больше сил? И как это мы сами до этого не додумались? И почему об этом не подумал Ампелио? Несомненно, жизнь стала бы намного проще, приди нам эта мысль в голову чуть раньше. Ой, погодите-ка: мы об этом думали. Ни одна страна не осмелится выступить против кейловаксианцев.

— Разумеется, никто не станет рисковать по доброте душевной. Весь мир слишком боится кайзера, поэтому нужно сделать так, чтобы риск стоил свеч, — говорит Бич Драконов, глядя на меня. — Полагаю, своим возможным союзникам мы можем предложить лишь одну вещь, которой Ампелио не стал бы торговать сгоряча.

У меня пересыхает во рту.

— И что же это такое?

— Ты, — заявляет она в лоб. — А точнее, брак с тобой.

— Королевы не выходят замуж! — восклицает Цапля.

Похоже, одна мысль о подобном нарушении традиций его шокирует. Я ему благодарна, потому что сама, кажется, не могу выдавить ни слова.

— Давай не будем делать вид, что мы сейчас в обычных обстоятельствах, дорогуша, — фыркает Бич Драконов. Цапля возвышается над ней самое меньшее на полтора фута, и все равно она умудря-

ется разговаривать с ним, как с маленьким ребенком. — Тео может проглотить свою гордость ради блага страны, я полагаю.

— Дело не в моей гордости, — вмешиваюсь я, отчаянно пытаюсь говорить спокойно и скрыть зарождающуюся в душе панику. — Тем людям на меня наплевать, они лишь хотят получить кусок Астреи и нашу магию.

Бич Драконов пожимает плечами, как будто речь идет о сущих пустяках.

— Если кейловаксианцы еще какое-то время будут хозяйничать на нашей земле, магии вообще не останется. Это жертва, но жертва необходимая.

— Тебе легко говорить, сама-то ты ничем не жертвуешь, — выплевываю я.

— Мы не знаем, действительно ли это необходимо, — добавляет Блейз, прежде чем Бич Драконов успевает ответить. — Есть и другие возможности...

— Это какие же? — спрашивает тетушка, выгибая бровь.

— Мы еще даже не пытались задействовать принца. Если обменять его на один из рудников...

— К сожалению, согласно нашим сведениям, он совсем не такой заложник, на которого мы рассчитывали, — вставляет Эриэл. — Кайзер не хочет вернуть сына, потому что видит в нем угрозу и врага. Мы оказали кайзеру услугу, забрав принца у него из рук. Уже и без того ходят слухи, будто принц пошел с вами добровольно, ваше величество.

«Это не так уж далеко от истины», — думаю я и говорю:

— Значит, мы не сможем использовать его в качестве заложника. — Даже мне самой кажется, что в моем голосе звучит отчаяние. — Изначально мы собирались использовать принца, чтобы поссорить

его отца с кейловаксианцами. Убив его и обвинив одного из охранников кайзера, мы рассчитывали посеять хаос при дворе, но почему бы не достичь той же самой цели, представив все так, будто принц сбежал из дворца?

— Кайзер позаботится о том, чтобы весь двор считал принца предателем, — говорит Блейз.

Он мне не противоречит, наоборот, лишь продолжает мою мысль.

— Но двор видел, как Сёрен выступил против отца на пиру, — говорю я. — Придворные не такие дураки, чтобы верить кайзеру на слово. Если бы нашелся способ добавить кое-какие слухи к уже ходящим пересудам, можно перевернуть все с ног на голову. Заставим их думать, будто это не Сёрен бросил своих соотечественников, а, скажем, кайзер изгнал сына. Придворные слышали, как я обвинила кайзера в убийстве кайзерины; наверняка об этом они сейчас тоже судачат. Будет нетрудно настроить их против кайзера, если нужные голоса нашепчут кое-что в нужные уши.

Блейз медленно кивает, потом поворачивается к Бичу Драконов и спрашивает:

— Не так ли?

— У меня есть парочка шпионов, — признается тетушка. Кажется, она тщательно подбирает слова. — Но они лишь передают мне информацию и не вмешиваются в дела двора. Только так я смогла столь долго пользоваться их услугами, иначе их бы раскрыли и убили.

Я невольно вспоминаю Элпис: она тоже была жива лишь до тех пор, пока я не попросила ее вмешаться. На моих глазах ее обугленное до неузнаваемости тело волоком уносили из тронного зала. Я слышала ее предсмертные крики. Я сглатываю,

ненавидя саму себя, и все же говорю то, что мне нужно.

— Время, когда можно было пребывать в безопасности, прошло. Если мы не воспользуемся всеми выпадающими нам возможностями, вся наша жизнь сведется к выживанию на грани гибели. Я хочу лучшей судьбы для Астреи, и тебе следует хотеть того же.

Бич Драконов стискивает зубы.

— Прекрасно, — говорит она. — Я начну распространять эти твои «слухи», но все равно мы находимся в довольно шатком положении перед сражением за Огненный рудник. Эриэл говорит, что мы находимся в четырех днях пути от Ста'криверо.

До сих пор Эриэл внимательно слушал нашу беседу, перекатываясь с мысков на пятки, точно нетерпеливый ребенок; похоже, он удивлен, услышав свое имя, но тем не менее поспешно кивает.

— В Ста'криверо мы встретим короля Этристо, — продолжает Бич Драконов.

У меня уходит секунда на то, чтобы сообразить, куда она клонит.

— Я не выйду замуж за этого короля Этристо, — произношу я едва ли не по слогам, как будто в первый раз тетка меня не расслышала.

Она лишь смеется:

— О, моя дорогая, нет-нет. Этристо для тебя неподходящая партия, он слишком стар и вдобавок уже женат. Нет, но король был так добр, что примет нас и организует... небольшой прием. Ради встречи с тобой соберутся главы государств со всего света, чтобы предложить свои войска в обмен на твою руку.

— Я не какая-то там драгоценная безделушка, которую можно выставить на аукцион и продать тому, кто предложит самую высокую цену, — цежу

я сквозь зубы, стараясь не сорваться на крик. Мне становится слишком жарко, все тело горит — так было и ночью, когда я проснулась после кошмара. На лбу выступает пот, но я смахиваю его ладонью. И зачем только Бич Драконов поддерживает у себя в каюте такую жару? Кажется, кроме меня, этого никто не замечает. — Я — королева, и сама буду принимать решения.

Бич Драконов поджигает губы и мгновение задумчиво на меня глядит.

— Решение, разумеется, за тобой, — признает она наконец, но улыбается натянуто. Я по глазам вижу: она просчитывает возможные варианты. — Но настоятельно прошу тебя отнестись к этому серьезно. Тем временем мы продолжим идти в Ста'криверо. В самом крайнем случае мы сможем укрыться в хаосе их порта, чтобы взять передышку и придумать другой план.

Я соглашаюсь обдумать ее предложение, хотя сама мысль об этом вызывает у меня тошноту.

ПРИЗНАНИЕ

Когда я выхожу на палубу после встречи с Бичом Драконов, мне в лицо ударяет свежий воздух, и разгоряченная кожа понемногу начинает остывать. Я снова утираю капли пота, выступившие на лбу и над верхней губой, а сама украдкой смотрю на Цаплю и Блейза. Они выглядят прекрасно, кажется, жара, от которой я страдала в каюте Бича Драконов, ничуть им не мешала. Возможно, я заболеваю — это было бы неудивительно после всего случившегося. А может, у меня просто разыгралось воображение, или это реакция на стресс и злость.

— Должен быть план получше замужества, — говорит Блейз, выводя меня из задумчивости.

Я сглатываю.

— Должен, — соглашаюсь я, не глядя ни на него, ни на стоящего слева Цаплю. Смотрю, как по палубе снуют туда-сюда матросы — «Туман» несется вперед на всех парусах, к будущему, которое снова вырвали у меня из рук. Пусть Бич Драконов дала мне иллюзию выбора, но я не так глупа, чтобы поверить, будто все будет так просто.

— Не могу поверить, что она пыталась загнать вас в угол и оставить в одиночестве на этом собрании, — говорит Цапля.

Я фыркаю:

— А я могу. Боги, как я устала от игр. — Я качаю головой. — Десять лет я играла в игры кайзера и сбежала вовсе не для того, чтобы она заставляла меня играть снова.

Я поворачиваюсь к друзьям.

— Я сказала Бичу Драконов, что вы двое — мои советники. Мне показалось, что Артемизии сегодня не стоило присутствовать, раз уж рядом с матерью она так теряется, но ее советами я тоже дорожу. Здесь я доверяю лишь вам троим.

Блейз кивает, но Цапля смотрит неуверенно, вглядывается в мое лицо на миг дольше, чем следовало бы, однако не произносит ни слова.

— Блейз, знаю, тебе нужно возвращаться к работе, но, может быть, ты, Цапля, составишь мне компанию за обедом?

Блейз слегка наклоняет голову, соглашаясь, потом идет на нос корабля, дабы продолжить драить палубу.

Цапля тоже кивает, но неуверенно, поэтому я подхватываю его под локоть и веду в кают-компанию.

— Все в порядке? — спрашиваю.

— Разумеется, — отвечает юноша таким тоном, что сразу становится ясно: все плохо.

Для обеда уже поздно, и в кают-компании почти пусто. Несколько собравшихся здесь людей смотрят, как я получаю свою порцию галет и вяленого мяса. Я привыкла, что люди наблюдают за мной — кейловаксианцы вечно тарасились, — но сейчас во взглядах нет злобы, лишь ожидание, надежда, а это еще

хуже. У меня в животе словно завязывается тугой узел, пока я жду, когда Цапля наполнит свою тарелку.

Мы легко находим свободный стол в углу, подальше от посторонних ушей. Какое-то время я молчу, давая Цапле возможность спокойно поесть, и тот с мрачным видом жует, уставившись в тарелку и не поднимая на меня глаз. Я знаю, Цапля ни за что не стал бы меня игнорировать, так как счел бы такое поведение непочтительным. Тут дело не в неуважении, осознаю я. Цапля меня боится. Неужели думает, будто я виню его в смерти Элпис? Я негромко кашляю. Возможно, если рассказать ему мой секрет, Цапле станет лучше.

— У меня была возможность убить Сёрена, — говорю я. Юноша замирает, не донеся до рта полоску вяленого мяса. — Я приставила нож к его шее, прежде чем он понял, что происходит. Он бы не смог увернуться. Я это знала, и он это знал. Он даже предложил мне убить его, понуждал это сделать. Мне кажется, он хотел, чтобы я его убила, потому что тогда я стала бы такой же, как он. А я не смогла. — Цапля наконец смотрит мне в глаза непроницаемым взглядом. Я продолжаю: — Больше я никому об этом не рассказывала, даже Блейзу. Уверена, они с Артемизией полагают, что у меня просто не было подходящей возможности. Я рада, что могу с кем-то поделиться этой тайной.

Цапля медленно пережевывает мясо и снова смотрит в тарелку. Отламывает кусочек галеты, потом разламывает его пополам.

— Я рассказывал вам, что потерял на руднике дорогого мне человека, — тихо говорит он. — Это был парень, Леонида́с. Мы познакомились в Воздушном руднике, когда нас только туда привезли, и сразу подружились. Только благодаря этой дружбе

выживание казалось относительно сносным. Он был там, когда мою мать убили у меня на глазах. Он был там, когда моя сестра не выполнила дневную норму и ее отправили на глубину. Он был там, когда тело моей сестры принесли обратно. А я был там, когда забрали его брата, его лучшую подругу. Мы цеплялись друг за друга и рыдали, и каким-то непостижимым образом в этом жутком кошмаре к нам пришла любовь. Это не сказка из тех, что родители рассказывают детям, не история со счастливым концом, но это была любовь. Лишь благодаря ей я находил в себе силы подниматься по утрам.

Юноша крошит в пальцах галету, взгляд у него отсутствующий и расфокусированный.

— Симптомы проявлялись постепенно, но мы оба знали, что они означают. Сначала кожа стала такой горячей, что не дотронешься, словно у человека в горячке, потом Леонидас стал спать все меньше и меньше, пока вовсе не потерял такую способность. Мы почти об этом не говорили, потому что не было возможности, но мы старались все скрывать от надсмотрщиков. Какое-то время нам удалось продержаться, но вечно скрывать рудничное безумие невозможно.

Значит, не смерть Элпис так давит на Цаплю. Я наклоняюсь к нему и спрашиваю:

— Они убили его при первом же подозрении?

Надеюсь, так оно и было. По крайней мере, это была бы быстрая смерть, не самая болезненная из всех возможных, убийство из милосердия, хотя я знаю, что кейловаксианцы не способны на милосердие.

Цапля качает головой и сглатывает.

— Его забрали. Сказали, что отведут на казнь, но теперь мы знаем, что это, возможно, неправда.

У меня внутри все переворачивается. Возможно, Леонидаса отправили в бой как берсерка, хотя есть и худшие варианты. Над моими соотечественниками проводили эксперименты — я сама видела трех Защитников моей матери, на которых кейловаксианцы ставили опыты. Тех несчастных держали в подземелье десять лет. У них брали кровь, им ампутировали пальцы, вырезали куски кожи. Возможно, та же участь постигла и Леонидаса, но Цапле я ни за что этого не скажу.

Юноша продолжает:

— Я дрался с надсмотрщиками, когда его уводили, даже сумел вырубить одного. И тогда меня отправили на глубину. — Он содрогается. — Надеюсь, вам никогда не придется побывать в подобном месте, меня оно до сих пор преследует в кошмарах. На стенах была засохшая кровь, и я знал, что какая-то ее часть принадлежала моей сестре Имогене. А еще смрад... Там так разило испражнениями и гнилью, что невозможно было привыкнуть к этой воню. Когда в подземные камеры приводили других узников, их вопли проникали сквозь стены пещеры, но я никогда не кричал. Сжался в комок и ждал смерти.

У меня ничего не осталось, — говорит он, тянется через стол и накрывает мою руку своей огромной ладонью. У него странное выражение лица: ни следа ужаса или грусти. Напротив, его глаза впервые со дня нашего знакомства загораются надеждой. — И тогда боги благословили меня, Озам наградил меня своим даром. Сначала я думал, что с помощью этого дара смогу отомстить, но теперь... Что, если я смогу спасти дорогого мне человека?

— Думаешь, Леонидас еще жив?

— Такое возможно. — Цапля крепче сжимает мою руку. — У меня никогда не было ощущения, что он умер. Уверен, умри он, я бы почувствовал.

Мне хочется сказать, что, возможно, он ошибается, хочется признаться, что порой мне кажется, будто мать еще жива, хотя ее убили у меня на глазах. Ощущение — это не доказательство. Но я не могу убить искру надежды, вспыхнувшую в душе Цапли. С другой стороны, я не могу допустить, чтобы беспочвенная надежда его погубила.

— Большинство людей, страдающих рудничным безумием, умирают уже через неделю, — осторожно замечая я.

— Знаю, — быстро говорит Цапля и глядит на меня исподлобья. — И мы оба знаем, что некоторые живут гораздо дольше.

Я качаю головой. Меня не удивляет, что Цапля заметил симптомы Блейза, как не удивляет и то, что он соотнес их с рудничным безумием, но это по-прежнему секрет, да еще такой, что я не готова ни с кем его обсуждать, даже с Цаплей.

— Я лишь хочу сказать, что это возможно, — говорит юноша.

Он так крепко стискивает мои пальцы, что я их больше не чувствую.

— Это возможно, — мягко соглашаюсь я. — Только не уверена, что мы сможем что-то сделать, Цапля.

Какое-то время юноша молчит, и я понимаю: он пытается подобрать правильные слова.

— Возможно, Сёрен что-то знает про рудничное безумие и берсерков. Может быть, ему известно, куда отправляли заключенных с рудников.

Я качаю головой:

— Принц использовал берсерков, но не думаю, что ему что-то про них известно. Он просто выполнял приказы.

— И все же это возможно, — не сдается Цапля.

Я снова качаю головой:

— Думаю, мне не стоит с ним разговаривать, но если бы ты сам у него спросил...

— Я пробовал. Он не желает со мной общаться.

Мне за шиворот словно вылили стакан холодной воды. Цапля навещал Сёрена?

— Один из охранников сказал, что принц не проронил ни слова с тех пор, как его притащили на борт.

— Его же держат в заложниках, — замечаю я. — Когда с людьми вроде Сёрена так поступают, они обычно становятся неразговорчивыми. Полагаю, со мной он тоже вряд ли станет говорить.

Цапля смотрит на меня так, словно читает мои самые сокровенные мысли.

— Он поговорит с вами, — уверенно заявляет он. — Пожалуйста. Знаю, вполне возможно, это тупик, Лео уже давно пребывает в Посмертии и прямо сейчас называет меня дураком, но если это не так, если есть хоть малейшая вероятность, что он еще жив, то мне нужно знать. Если кто и может меня понять, то это вы.

Я никогда не переставала думать о матери, но сейчас все мои мысли лишь о ней одной, и я не могу не думать о том, что случилось бы, если бы ее не убили у меня на глазах, если бы я не почувствовала, как ее рука, сжимавшая мою ладонь, обмякает, потому что жизнь покинула ее.

Если бы был хоть крохотный шанс, что мама еще жива, на что я пошла бы, чтобы ее отыскать?

Ответ прост: я сделала бы все возможное.

— Мы сходим к нему сегодня ночью, — говорю я Цапле.

Поздно вечером Блейзу снова нужно работать, но он соглашается остаться со мной, пока я не усну.

Хотя я благодарна за компанию, недавний разговор с Цаплей давит мне на плечи тяжким грузом.

Врать не хочется, но я не могу заставить себя сказать Блейзу, что сегодня ночью собираюсь увидеть Сёрена. Мне не хочется знать, что на это скажет друг.

— Если мы прибудем в Ста'криверо, и Бич Драконов снова попытается поднять вопрос о замужестве, мы можем покинуть страну. Ты, я, Цапля и Артемизия, — говорит Блейз. Он стоит ко мне спиной, пока я переодеваюсь в ночную рубашку. — В Ста'криверо полно других кораблей.

Он не упоминает Сёрена, и это лишь укрепляет мою решимость не рассказывать о нашем с Цаплей плане. Для Блейза беглый принц теперь не наша проблема — пусть с ним разбирается Бич Драконов. Друг меня не поймет, он лишь примется гадать, насколько правдивы слухи о моих отношениях с принцем.

— Бич Драконов нужна нам больше, чем ее корабли, — напоминаю я со вздохом, через голову натягивая ночную рубашку. — И она это знает. Можешь повернуться, я выгляжу благопристойно.

Блейз повинует, быстро оглядывает меня с головы до пят, потом снова смотрит мне в глаза и слегка улыбается.

— Ты никогда не выглядишь благопристойно, — говорит он, и я улыбаюсь в ответ.

Это еще один отблеск той более простой и игривой жизни, которую мы могли бы вести. Впрочем, улыбка юноши слишком быстро меркнет, и мы снова возвращаемся в ту жизнь, которая у нас есть.

— Ты же не рассматриваешь ее предложение всерьез, — говорит Блейз.

— Конечно нет! — презрительно фыркаю я. — Но так просто от него не отделаться, ты же знаешь. Все, от кого мы могли бы принять помощь, захотят получить что-то взамен.

Я не осознавала, сколь правдивы эти слова, пока не высказала их вслух, но как только они произнесены, оспорить их уже невозможно.

Забравшись на койку, я укрываюсь одеялом и поворачиваюсь лицом к стене, благо койка стоит к ней вплотную. Я слышу, как Блейз стягивает ботинки, потом матрас прогибается — юноша ложится рядом со мной.

Я по-прежнему чувствую, как ложь натягивается между нами, хотя его тело идеально повторяет изгибы моего, грудь прижимается к моей спине, согнутые колени касаются моих ног, а лоб упирается мне в затылок. Медленно, нерешительно он обнимает меня за талию; кожа у него горячая.

От него пахнет Астреей, специями, огнем в очаге и домом.

— Ты нужна мне, — шепчет он, и в его голосе звучит надежда.

Я провожу кончиками пальцев по его рукам, но слова, которые мне хочется сказать, застревают в горле.

ЦЕПИ

Я притворяюсь спящей, и наконец Блейз уходит на дежурство, но все внутри меня дрожит от тревоги. Сегодня ночью я увижу Сёрена, и, хоть я и пытаюсь убедить себя, что волнуюсь только о том, как бы нас не поймали, это не совсем так. В последний раз, когда мы виделись, я предала его, а он сказал, что любит меня несмотря ни на что. Это неправда. Он просто не может меня любить. И все же что-то подсказывает мне, что встреча предстоит очень непростая.

Я сделала то, что должна была сделать, уговариваю я себя, но, хоть это и правда, чувство вины не исчезает, продолжает настойчиво разъедать душу.

К счастью, долго заниматься самокопанием мне не приходится: раздается стук в дверь, такой тихий, что я чуть его не пропускаю. Выбросив слова Блейза из головы, я скидываю одеяло и поднимаюсь с постели.

— Входи, — говорю я, надевая ботинки.

Дверь широко открывается, потом снова закрывается — не жди я прихода Цапли, подумала бы, что это просто ветер.

— Вы сказали Блейзу, что мы собираемся сделать сегодня ночью? — спрашивает Цапля, возникая из темноты.

Сережка с камнями воздуха, которую я украла у Крессентии, прикреплена к его рубашке на манер значка, прямо напротив сердца. Мгновение крошечные камешки сияют в темноте, потому что их только что использовали, освещая лицо Цапли, и я успеваю заметить, что юноша встревожен, но его глаза горят отчаянной надеждой.

— А ты на моем месте рассказал бы? — отвечаю я. Проверяю, туго ли зашнурован один ботинок, второй, потом надеваю плащ поверх ночной рубашки. — Мы оба знаем, что он попытался бы меня отговорить. Никто не должен увидеть, как я туда иду.

Цапля протягивает руку, я хватаюсь за его ладонь, и наши пальцы начинают исчезать из виду, при этом я ощущаю покалывание, словно рука затекла, а теперь снова обретает подвижность. Это ощущение быстро охватывает всю руку, и та исчезает на глазах, как и рука Цапли. Наши плечи, тела, головы и ноги — все исчезает, и вот уже каюта кажется пустой, а я ощущаю покалывание во всем теле.

— Я не смогу долго поддерживать невидимость для нас обоих, так что нам лучше поспешить, — говорит юноша. Он слегка передвигает пальцы, чтобы поудобнее взять меня за руку, а потом тянет за собой, выводит из каюты и закрывает за нами дверь.

Я стараюсь держаться ближе к Цапле, пока мы торопливо идем по коридору, осторожно минуя немногочисленных членов команды, попадающихся нам по пути.

Пара моряков, очевидно, чувствуют, как мы проходим мимо: они неуверенно озираются, думаю, по спине у них даже пробегает холодок, а на ум приходят мысли о призраках, а потом они уговаривают себя, что это просто ветер.

Я имею весьма смутное представление о том, где держат Сёрена, но Цапля, похоже, знает дорогу — уверенно сворачивает то в один коридор, то в другой, взбирается по шатким винтовым лестницам. Мне остается лишь идти следом и стараться не думать о Сёрене. «Я просто собираюсь задать ему несколько вопросов», — напоминаю я себе. Мы не станем говорить о том, что, по мнению Сёрена, у Блейза рудничное безумие, как и о том, что у меня якобы есть к нему подлинные чувства.

Никаких чувств я к нему не питаю. Возможно, раньше я действительно была равнодушна к принцу, но это было до того, как он повел своих солдат истреблять тысячи вектурианцев. Это было до того, как я увидела его истинное лицо. Вот только, сколько ни думай об этом, я знаю, что это не вся правда. Может, я и не люблю его, но мне не все равно, что с ним, не хочется видеть его в цепях, а главное, не хочется вспоминать, что принц угодил в плен моими стараниями.

Последний коридор заканчивается дверью, перед которой несут стражу двое часовых: оба держат в руках по грубо сделанному копьё и имеют весьма сонный вид. При виде их все мое тело цепенеет, хотя мне следовало бы это предвидеть, ведь Бич Драконов ни за что не оставила бы принца без охраны.

Цапля, очевидно, чувствует мою панику и сжимает мои пальцы, а потом отпускает мою ладонь и тянет меня за руку, чтобы я ухватила за его предплечье. Он идет прямо к охранникам, так что, вероятно, у него есть план. Цапля выходит на свет и становится видимым, так что стражники подпрыгивают от неожиданности.

Я жду, что тоже стану видимой, и уже готовлюсь лепетать какие-то оправдания, однако я по-прежнему

му невидима. Осознав это, я крепче сжимаю предплечье юноши, сердце громко колотится в груди.

— Доброго вам вечера, — говорит Цапля, поочередно кивая охранникам.

— Хочешь позабавиться? — спрашивает один из них.

Не уверена, что это значит, но Цапля кивает.

— Уложусь в десять минут, — говорит он.

Стражники отступают от дверей, и Цапля проходит внутрь, а я крадусь следом в полушаге от него, гадая, что значили эти слова.

«Позабавиться». Не может быть, чтобы это означало то, что я думаю. Не может быть. Бич Драконов никогда бы не позволила... Но стоит мне об этом подумать, как я осознаю: еще как позволила бы. Цапля непременно рассказал бы мне, знай он об этом — в этом я уверена. Однако когда дверь за нами закрывается и мои глаза немного привыкают к полумраку слабо освещенной каюты, мне становится нехорошо. Сёрен полусидит-полулежит, привалившись к дальней стене, единственным источником свежего воздуха служит открытый иллюминатор у него над головой. На запястьях у принца тяжелые, покрытые ржавчиной кандалы, кожа вокруг них покрыта свежей и засохшей кровью. На нем та же одежда, в которой я видела его в последний раз, но теперь она вся изорвана и покрыта пятнами крови. Если бы я не видела его всего два дня назад, то не узнала бы: волосы, прежде цвета спелой пшеницы, теперь алее крови, лицо все в кровоподтеках и открытых порезах. Услышав наши шаги, принц не поднимает голову, но ощутимо вздрагивает и вжимается в стену. На полу возле ног юноши лежит обломок доски, края которого покрыты кровью. У меня желчь подступает к горлу, я отшатываюсь от Цапли, разры-

вая магические узы. Быстро отворачиваюсь, и меня выворачивает наизнанку. Цапля подходит ко мне, я чувствую, как он нерешительно касается моего плеча, но я отпихиваю его руку.

— Ты об этом знал, — шиплю сквозь зубы. Меня трясет от гнева и нового приступа тошноты, но я помню про стражников за дверью и не повышаю голоса. Цапля упорно смотрит мне в глаза, не прячется от моей злости, позволяет мне выплеснуть на него все негодование.

— Да.

Сейчас он совершенно не похож на того Цаплю, которого я знала до сих пор. Он словно разрывается надвое, и из разлома идет кровь. Я сглатываю, подавляя очередной рвотный позыв, прижимаю руку к животу.

— Ты тоже участвовал?

Не уверена, хочу ли я услышать ответ.

— Нет, — говорит он, и я вздыхаю с облегчением. — Хотя трудно было удержаться.

— Ты не рассказал мне...

— Они поступали с вами так же, Тео, — говорит юноша.

«Но не Сёрен», — думаю я, хоть и понимаю, что это слабое оправдание. Мне кристально ясно, как все это происходило: многим на корабле захотелось прийти сюда и выместить злобу и горе на единственном подвернувшемся под руку человеку, которого можно было обвинить во всех бедах астрейцев. Я понимаю их желание отыграться на кейловаксианцах, отлично понимаю, и все же это неправильно.

— Тор... Теодосия? — хриплый, надломленный голос Сёрена едва громче шепота.

Принц пытается поднять голову, но морщится от боли и снова ее опускает. Оттолкнув плечом Цаплю,

я поспешно подхожу к Сёрену и опускаюсь на колени. Было время, когда я так сильно его ненавидела, что хотела убить... Я почти сделала это... но все равно это уже чересчур. Да, у принца руки в крови, он отнял много жизней, принес войну на земли мирных людей. Ничего этого я не забыла, не простила и вряд ли когда-то забуду и прощу. Возможно, он все это заслужил, возможно, это его искупление. Может быть, это и есть справедливость, но не в таком мире я хочу жить. Я осторожно касаюсь щеки юноши, и он вздрагивает.

— Тео, — говорит у меня за спиной Цапля. По его тону невозможно понять, предупреждение ли это или попытка извиниться.

— Ты сейчас же его вылечишь, — дрожащим голосом говорю я, не глядя на Цаплю. — Используй свой дар, исцели его.

— Нет, — отвечает он.

— Это не просьба, — рявкаю я, оборачиваясь. — Это приказ твоей королевы.

Несколько секунд Цапля молчит, а потом повторяет:

— Нет.

Правда, на сей раз уверенности в его голосе побавилось.

— Тогда выбирай, — цежу я сквозь зубы. — Ты хочешь, чтобы я помогла тебе получить ответы, а я не стану ни о чем спрашивать принца, пока ты его не исцелишь.

— Вы же знаете, что он натворил, Тео, — говорит Цапля. — Знаете, что он собой представляет.

— Знаю, но еще я знаю, что мы лучше кейловаксианцев. Если мы станем поступать, как они, то зачем нам вести эту войну?

Цапля опять медлит с ответом.

— Если я его исцелю, его все равно изобьют снова.

— Я этого не допущу, — заявляю я, хоть и не представляю, как мне это удастся.

— Мать Элпис, похоже, находит успокоение, приходя сюда. Вы хотите лишить ее этого?

Слезы жгут мне глаза, и я спешу их вытереть.

— Исцели его, — повторяю я, — иначе не жди от меня помощи.

Цапля тяжело вздыхает, присаживается на корточки рядом с Сёренем и берет его безвольную сломанную руку двумя руками.

Когда целительная сила Цапли начинает вливаться в тело принца, тот открывает глаза и смотрит на меня. В его взгляде столько боли, что мне трудно дышать.

— Я разберусь с этим, Сёрен, обещаю.

Не следовало бы давать обещания, которые я, возможно, не смогу выполнить, но слова срываются с губ прежде, чем я успеваю сдержаться.

— Все не так плохо, — отвечает он и пытается улыбнуться. — Могло быть и хуже.

От прикосновения Цапли рассеченная тяжелыми кандалами кожа на запястьях Сёрена разглаживается, края ран смыкаются; синяки, покрывающие все его тело, желтеют, а потом и вовсе исчезают. Разбитая губа, синяк под глазом — все это заживает у меня на глазах, как будто с момента избиения минуло несколько недель. Когда Цапля заканчивает, Сёрен выглядит почти как раньше, но магия не всесильна: кожа у юноши желтоватая, возле рта усталая складка, глаза запали, под ними фиолетовые круги.

— Тебе что-то нужно, — тихо говорит принц, пытаюсь сесть ровно. Кажется, Цапля вылечил его не до конца — Сёрен морщится от боли. Возможно, у него отбиты ребра.

— Я не осознавала, что все обстоит таким образом, — говорю я. — Понятия не имела.

Сёрен смотрит на меня недоверчиво, потом его взгляд смягчается.

— Это война, — говорит он. — Обычно так все и происходит. Твой друг прав. Мы оба знаем, что я совершил кое-что похуже обычных побоев.

С этим не поспоришь. Я вспоминаю, что принц использовал берсерков в сражении с вектурианцами. Когда стало очевидно, что битва проиграна, он приказал уничтожить запасы еды вектурианцев, перед тем как его войска отступили. Сколько людей сейчас умирает от голода в том краю? Там сейчас зима, и на полях ничего не растёт. Возможно, это действительно справедливость, единственный вид правосудия, доступный людям вроде матери Элпис.

Если смотреть на вещи с этой стороны, ситуацию можно объяснить, но я была на месте принца. Я помню, как кайзер приказал избивать меня всякий раз, когда другие астрейцы доставляли ему неприятности. Не далее как на прошлой неделе я заплатила за смерть кейловаксианцев, погибших во время вектурианского сражения. У меня такое чувство, что принц теперь в той же ситуации, в какой недавно была я, хотя я понимаю, что это не так.

— Что именно тебе нужно? — спрашивает Сёрен. — Ты ведь явилась сюда не для того, чтобы меня жалеть.

«Я тебя не жалею, — хочется воскликнуть мне. — Я была на твоём месте и знаю, что ни один человек не заслуживает такого обращения, даже ты с твоими запачканными в крови руками». Разумеется, я не могу сказать такое, потому что рядом стоит Цапля и внимательно слушает наш разговор. Я сжимаю губы в тонкую линию и выпрямляюсь

так, чтобы между мной и принцем была некоторая дистанция.

— Что тебе известно о берсерках? — спрашиваю я. — Что происходит после того, как их забирают из рудников, и до того, как их отправляют на поле боя?

Налитые кровью глаза Сёрена глядят на меня, потом на Цаплю.

— Надсмотрщики на рудниках изолируют тех, у кого выявлены симптомы рудничного безумия. Порой больные уже в таком состоянии, что их нельзя использовать в сражении, или они слишком слабы — таких казнили на месте. Иногда у больных выявлялись признаки дара, а не безумия. Таких держали отдельно.

— Использовали их для экспериментов, — вставляю я.

Сёрен кивает, отводит взгляд и сглатывает.

— Мне не нравилось об этом думать, — говорит он, но оправдание звучит слабо.

— У Леонидаса не было дара, — тихо произносит Цапля. — Когда надсмотрщики наконец его разоблачили, он бредил — не мог даже стоять самостоятельно. Нам удалось довольно долго это скрывать.

Сёрен ничего не говорит, лишь качает головой.

— Значит, вы его убили, — говорит Цапля, тыльной стороной ладони стирая со щек невидимые в полумраке слезы.

— Лично я не убивал, — отвечает принц, — но стражники наверняка это сделали.

Все происходит так быстро, что я не успеваю отреагировать. Мгновение Цапля стоит неподвижно, оцепенев от потрясения, а в следующую секунду уже бросается на Сёрена, но я стою у него на пути, заслоняя принца собой, хоть и не уверена, что тот заслуживает помощи. Я хватаю Цаплю за плечи, пре-

красно понимая, что при желании он легко может отшвырнуть меня в сторону. В глазах юноши плещутся ненависть и жажда убийства — я и не знала, что он способен на такие чувства.

— Тео, отойдите, — рычит он сквозь зубы.

— Нет, — говорю я, тщательно контролируя голос, чтобы он звучал уверенно. Никакой уверенности я не испытываю. — Так ты никому не поможешь.

— Вы этого не знаете, а мне бы хотелось убедиться, что он больше никого не убьет.

— Ты прав, — признает Сёрен, сглотнув. — Не важно, убил ли я его лично или нет; я стоял там, когда все это происходило — там погибли тысячи, а не только твой друг. Я положу этому конец.

Цапля скалит зубы в некоем подобии злобной улыбки.

— Ты ничему не можешь положить конец, *принкити*. Ты в цепях, на корабле, полном людей, которые тебя ненавидят.

На это Сёрену нечего ответить, поэтому он молчит. Цапля медленно разжимает кулаки.

— После того как твой народ пришел на нашу землю и все разрушил, мне не хотелось иметь ничего общего с остальным миром. Хотелось только вернуться домой, — говорит он, и каждое его слово ранит, как кинжал. — Леонидас был другим. Ему все равно хотелось путешествовать, даже после Вторжения. Он говорил, что мир состоит не только из убийц вроде тебя. Он верил, что в мире живут в основном хорошие люди. Интересно, повторил бы он сейчас свои слова.

Цапля издает жутковатый, безрадостный смешок.

— Наверняка повторил бы. — Он качает головой. — Возможно, он даже простил бы тебя. Он был гораздо лучше меня.

Сёрен молчит, но Цапля и не ждет от него ответа. Повернувшись, он идет к двери.

— Можете пойти со мной, Тео, или можете остаться, но если останетесь, вам придется многое объяснять, когда вас обнаружат.

Взгляд Сёрена снова быстро скользит от меня к Цапле и в конце концов останавливается на полу. У принца такой потерянный вид, что какое-то мгновение я колеблюсь.

Мне лучше, чем кому бы то ни было, известно, как выглядит сдавшийся человек. Быстро оглядев каюту, я вижу сразу несколько способов самоубийства: принц может разбить себе голову о пол, удавиться цепью от кандалов, проткнуть себе запястье, отодрав острую щепку от окровавленного обломка доски. Уверена, Сёрен может изобрести еще с полдюжины способов, если хорошенько подумает. Было бы милосердием дать ему возможность свести счеты с жизнью.

Но мир еще не закончил с принцем, и я тоже.

— Я вернусь, — говорю я. — Обещаю.

Сёрен кивает, но взгляд у него отсутствующий, а на скулах играют желваки.

ВМЕСТЕ

— **Ч**то-что ты сделала? — спрашивает Блейз. Кажется, он забыл, что нужно говорить тише.

Сейчас, когда в моей каюте находятся он, Артемизия и Цапля, комнатка кажется еще меньше прежнего. Теперь здесь вообще не развернуться. Мы с Артемизией сидим рядом на моей койке, Цапля скорчился у стены возле двери, а Блейз сидит на комод. Видно, что он предпочел бы встать и расхаживать из угла в угол, чтобы лучше думалось, но если он встанет, то наступит на ноги Цапле, а расхаживать здесь и подавно негде.

— Я не знала, что с ним делают, хотя полагаю, все вы были в курсе, — говорю я тихо и спокойно, переводя взгляд с Артемизии на Блейза. Цапля на меня не глядит — он вообще на меня не смотрит, с тех пор как мы ушли из карцера, где держат Сёрена, — да и мне не особенно хочется на него смотреть. Блейз опускает глаза, на его лице большими буквами написано чувство вины. А вот Артемизия выдерживает мой взгляд не моргнув глазом.

— Мы понимали, что если ты узнаешь правду, то выкинешь какую-нибудь глупость. Увы и ах, как

и ожидалось, ты хочешь сделать какую-нибудь глупость, — произносит она нараспев.

В отсутствие Бича Драконов девушка вновь обретает свою привычную язвительность, и, хоть слова ее больно колются, я рада вновь видеть ее прежней.

— Кто мы, если позволим ему остаться там? — спрашиваю я у друзей. — Чем мы отличаемся от кейловаксианцев, если станем действовать как они? Я была на его месте, только со мной обращались лучше. По крайней мере, мне предоставляли комнату, меня не держали в цепях, мне выдавали чистую одежду и хорошую еду.

— Ты ничем не заслужила плохого обращения, — возражает Блейз. — Ты не вела за собой армии, ни у кого не отнимала жизнь. Ты была ребенком.

В этом он прав, и мне трудно оспорить его утверждение.

— Сёрен будет нам полезнее, если перейдет на нашу сторону, — говорю я.

— Если он перейдет на нашу сторону, — замечает Артемизия.

— Он думал, что находится на нашей стороне, пока я его не предала, — напоминаю я. — Он уже готов был выступить против собственного отца и отправиться на войну.

— Он думал, что Астрейя объединит свои силы с кейловаксианцами, — поправляет меня Артемизия. — А этого не случится.

— Я и не хочу, чтобы это случилось, — говорю я.

— Вообще-то хотите, — говорит Цапля, впервые за долгое время обращаясь ко мне. Голос его звучит по-прежнему грубо, но большая часть злости из него исчезла, осталась только скорбь, а ее выносить еще больнее. — Вы хотите, чтобы мы объединились с ним.

— Он хочет быть другим, — говорю я. — Я сама это видела, Цапля.

Юноша не отвечает, но его губы сжимаются в упрямую линию.

— Сейчас вся власть в наших руках, — продолжаю я. — Принц может помочь, а нам даже необязательно предлагать ему что-то взамен, будь то перемирие или милосердие. Ему нужна только его душа. Он лишь хочет доказать самому себе, что не является своим отцом. А мы можем использовать это его желание к собственной выгоде.

— Тео... — начинает Блейз со вздохом.

— Ситуация не идеальная, — перебиваю я. — Но прямо сейчас мы направляемся в чужую страну, где право жениться на мне выставят на торги, а приобретет его тот, кто больше заплатит. Идеалом тут и не пахнет.

Никто не отвечает, и я ощущаю прилив сил, потому что победила. «Мы на одной стороне», — напоминаю я себе. Впрочем, я так долго была сама за себя, что нетрудно и забыть о том, что теперь у меня есть соратники.

— Моя мать ни за что его не выпустит, — заявляет Артемизия. — Она будет ежесекундно ставить тебе палки в колеса, а здесь все ее поддерживают. Я не говорю, что ты ошибаешься — но и не говорю, что ты права, — однако ты не можешь позволить себе превратить мою мать в своего врага.

— Друг из Бича Драконов тоже не идеальный, — добавляет Блейз. — Но в данный момент она самый сильный наш союзник. Не стоит бросаться в драку очертя голову.

Я помню, что когда-то думала так же о кайзере: в прошлом мне казалось, что нужно решить, противостоять ему или нет; тогда я очень быстро поняла,

что у меня нет ни единого шанса выиграть сражение, и поэтому даже не пыталась бороться. Я уже не в его власти, я больше не бессильна, но все равно чувствую, что не смогу выиграть. При мысли о том, что избитый, одинокий Сёрен томится в душной камере, мне становится нехорошо. Это из-за меня он оказался там, я отправила его под замок, а теперь не могу вытащить.

— Хорошо, — говорю я. От этих слов во рту становится горько. — Но пока он там сидит, я хочу, чтобы ему не причиняли непоправимого вреда. Цапля... — Я умолкаю. У меня нет права просить его, особенно после того, что он потерял, но я все равно прошу, пусть и не говоря ни слова.

Цапля сглатывает и выдерживает мой взгляд.

— Я буду исцелять его каждый день, — говорит он. — Только самые серьезные раны. Если убирать все до последнего синяки, это будет выглядеть подозрительно.

После того как Блейз и Цапля один за другим выходят из каюты, дабы вернуться к своим ежедневным обязанностям, Артемизия не спешит последовать за ними. Она дергает за торчащую из лоскутного одеяла нитку и смотрит на меня, в ее темных глазах плещется тревога. Кажется, она меня боится, а это странно, ведь обычно она ведет себя совершенно по-другому.

— Ты не позвала меня на собрание, которое устроила моя мать, — говорит она после минутного молчания. У нее такой острый взгляд, что можно порезаться.

— Я подумала, что было бы жестоко просить тебя занять мою сторону, в то время как Бич Драконов хочет видеть тебя на своей, — поясняю я. Однако

это лишь полуправда, и, похоже, Артемизия мгновенно это понимает.

Она щурится и резко встает на ноги.

— Мне не нужна жалость, тем более от тебя, — произносит она низким, угрожающим голосом.

Эти слова причиняют мне боль.

— Я тебя не жалею, — говорю я, хотя сама толком не знаю, правда ли это. Но Артемизия не хочет слышать красивые слова, которые легко слушать. Ей хочется получить суровую, пусть и неприятную правду, и я это понимаю.

— В присутствии твоей матери ты бесполезна. — Говоря так, я смотрю ей в глаза. — Мне нужны люди, способные сказать ей в лицо, что она ошибается, те, кто будут противостоять ей, а не прятаться.

Мгновение Артемизия потрясенно таращится на меня.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — выпаливает она наконец.

— Думаешь, я не хотела, чтобы ты там присутствовала? — спрашиваю я. — Разумеется, я хотела, чтобы ты пришла. Мне нужна была твоя поддержка. Блейз и Цапля по-своему сильны, но Цапля — мечтатель с разбитым сердцем, а Блейз не в силах видеть всю картину, он всегда сосредоточен на мне одной, а не на всей Астрее. Мне нужен был кто-то, кто сказал бы то, что должно, но ни один из них не смог этого сделать. Рядом с матерью ты становишься мямлей, смотришь на нее как жертва, а мне от этого никакого толку.

Артемизия стоит столбом, и по ее застывшему лицу невозможно догадаться, о чем она думает. Я жду, что она станет спорить, жду, что она примет горячо оправдываться. Мне хочется, чтобы она начала с жаром доказывать мою неправоту. Вместо

этого Артемизия выдыхает, и весь ее запал исчезает — так безвольно обвисает парус в штиль.

— Что случилось на собрании? — спрашивает она.

Я рассказываю о планах ее матери выдать меня замуж за одного из заморских правителей, о том, что мы уже плывем в Ста'криверо. Рассказываю, что при дворе тамошнего короля состоится большой прием. Рассказываю, что не согласилась выходить замуж.

— Очень умно с твоей стороны.

— Королевы не выходят замуж, — говорю я.

Артемизия фыркает:

— Ой, да это же наш единственный шанс собрать достаточно большую армию. Но я знаю свою мать и уверена: она задумала что-то еще, только с вами не поделилась. Даже отказавшись вступать в брак, ты обладаешь чем-то, что ей нужно, а значит, у тебя есть возможность в какой-то степени контролировать ситуацию.

Это не то, что мне хочется услышать, но с Артемизией всегда так. Именно поэтому она мне нужна в качестве союзницы.

— Однако у меня недостаточно сил, чтобы освободить Сёрена, — замечаю я.

— Это точно, — говорит она, помолчав. — Но с чего-то же нужно начинать.

Я обдумываю ее слова, а потом говорю:

— Что бы ни произошло между тобой и матерью, не дай ей тобой управлять.

Несколько секунд Артемизия молчит, потом кивает, отводит глаза и прикусывает нижнюю губу.

— Она тебя недооценивает, и ты можешь использовать это против нее, только не глупи и не совершай ту же ошибку. Не нужно ее недооценивать.

Ж Ж Е Н И Е

Кресс стоит по ту сторону решетки, держась за прутья руками так, что костяшки ее тонких пальцев побелели. Теперь она ростом мне по пояс, хотя в глубине души я знаю, что она всегда была немного выше, чуточку старше, капельку умнее. Теперь она совсем другая — круглолицый ребенок с золотистыми волосами, заплетенными в две переброшенные за спину косички. Огромные глаза ее полны тревоги.

— С тобой все в порядке? — спрашивает она, выговаривая кейловаксианские слова медленно, чтобы я могла понять. То, как она проговаривает их, пробуждает какое-то воспоминание в глубине моей памяти, но я не успеваю его ухватить. В животе возникает слабая, знакомая боль, но при виде Кресс она проходит, меня охватывает облегчение.

Крессентия могла бы быть Эвавией, богиней безопасности, думаю я, но и эта мысль кажется чужой. Впрочем, не имеет значения. Я знаю одно: мне нужна помощь, меня топили, а потом появилась Кресс, запыхавшаяся, почти отчаявшаяся.

Кресс просовывает руку между прутьями решетки, тянется ко мне, ее пальцы обхватывают мое запястье. Я отчаянно стараюсь не разрыдаться от облегчения.

Улыбка девочки становится шире, обнажая острые зубы. Удивленная, я отскакиваю назад. На ее шее появляется серое пятно, оно начинает разрастаться, делается все больше, пока вся кожа на шее не становится черной и обугленной. Я пытаюсь сделать еще шаг назад, но упираюсь спиной в холодную, влажную каменную стену.

Кресс снова хватается за прутья решетки, но на сей раз они плавятся под ее пальцами. Она идет ко мне, вытянув перед собой маленькие ручки; ладони у нее ярко-красные, и пламя лижет ее пальцы.

Я падаю на колени, прижимаюсь к стене, безуспешно пытаюсь спрятаться, но бежать некуда. Очевидно, Кресс тоже это понимает, потому что останавливается прямо передо мной и наклоняется к моему уху.

— Наши сердца — сестры, Тора, — шепчет она и тянется своей обгорелой рукой к моей груди. — Давай посмотрим, похожи ли они?

Я просыпаюсь от собственных пронзительных криков и утыкаюсь лицом в подушку, чтобы их заглушить. Я одна, но вторая половина подушки еще теплая: очевидно, Блейз только что ушел. Делаю несколько вдохов и выдохов, чтобы успокоиться, закрываю глаза, но тут же открываю, потому что перед моими закрытыми веками возникает пугающая улыбка Кресс. Пропитавшиеся потом простыни облепили мне ноги, и уходит несколько секунд, чтобы выпутаться из них. Вечером я заплела волосы в косу, но теперь они распущены, и несколько волосков прилипли ко лбу и щекам.

Содрогаясь всем телом, я поднимаюсь на ноги, подхожу к стоящей в углу лохани, наливаю туда немного воды из стоящего рядом кувшина и умываю лицо, брызгаю на шею. Вода ледяная, но она почти

не гасит пылающий у меня под кожей огонь. Промокнув лицо ветхим полотенцем, я поворачиваюсь обратно к кровати и с трудом сдерживаю крик: на белой простыне чернеют два отпечатка ладоней, по размеру как раз подходящие моим рукам.

Я говорю себе, что это просто галлюцинация: после ночного кошмара у меня разыгралось воображение. Однако как бы сильно я ни жмурилась, как бы ни моргала, отпечатки не исчезают.

Когда я дотрагиваюсь до одного из них, обугленная ткань рассыпается у меня под пальцами, превращаясь в пепел.

Я отшатываюсь, мой охваченный паникой разум отказывается принимать это бессмысленное видение на веру. Да и какой в этом смысл? Якобы я... Что я сделала? Сожгла простыни? Я подношу ладони к глазам и обнаруживаю, что они ярко-красные, хотя не болят. Кожу лишь слегка покалывает — это слабый отголосок бывшего жара. А еще я ощущаю магию, так бывало при дворе, если я оказывалась слишком близко к огненным камням.

Я сглатываю, пытаюсь унять возрастающую панику. Мысли перепрыгивают с пятого на десятое, сосредоточиться просто невозможно. Я прижимаю руки к ночной рубашке, как будто от этого все разрешится.

Что со мной происходит? Я думала, что жар, охвативший меня в каюте Бича Драконов, мне просто померещился, но теперь не могу сделать вид, будто у меня разыгралось воображение, ведь доказательство реальности происходящего у меня прямо перед глазами.

Я всегда чувствовала духовное родство с Оуззой, богом огня, меня всегда тянуло к огненным камням. Мне казалось, так происходит потому, что я — его

потомок, но это не может быть правдой. В жилах Артемизии и Бича Драконов тоже течет кровь Оузы, но ни одну из них, кажется, не влечет к огненной магии. Бич Драконов вообще не верит в богов, а Артемизию благословила Сьюта, богиня воды. Значит, дело не только в моей крови, тут что-то еще, что-то опасное.

Я думаю о том, как в последний раз видела Кресс в той темнице — она выжила, выпив дозу яда, достаточную, чтобы убить мужчину, вдвое большего, чем она, хоть и выглядела так, будто смерть коснулась ее своими пальцами. Как ей удалось выжить? Больше того, от ее прикосновения плавился металл. Такое должно быть невозможно, но я видела это своими глазами, дотрагивалась до прутьев решетки собственными руками. Прутья были такими же горячими, какими мои руки всего несколько мгновений назад.

Не знаю, как все это возможно, но не могу заставить себя поверить, что мой бог посчитал кейловаксианку достойной спасения и благословил своим даром, в то время как его народ тысячами погибал в шахтах от рудничного безумия.

Мне приходится заставлять себя дышать.

Я все еще чувствую прикосновение Кресс к моей груди напротив сердца, ощущаю, как ее огненный жар превращает меня в пепел. Не могу сказать наверняка, но готова поклясться, что мои собственные руки снова начинают нагреваться.

Не раздумывая ни секунды, я сдираю с койки простыни и сворачиваю в ком так, чтобы не было видно обугленных отпечатков. Стараясь унять дрожь в руках, выхожу из каюты и иду по коридору. Довольно быстро я натываюсь на одного из дежурных, молодого парня, на вид чуть старше меня. Он моет пол.

— В-ваше величество, — с запинкой приветствует он меня.

— Добрый вечер, — говорю я со смущенной улыбкой. У меня в голове складывается план. — Боюсь, произошла небольшая... неприятность из-за ежемесячного кровотечения...

Мгновение парень смотрит на меня как баран на новые ворота, потом его лицо становится ярко-красным, он отводит взгляд.

— Ох, э-э-э...

— Вы не могли бы попросить кого-то принести мне новые простыни? Это не срочно, но к завтрашнему вечеру было бы очень кстати.

— Ой... Конечно, — бормочет он, нервно поглядывая на свернутые простыни, которые я держу в руках. — Мне... забрать это?

Он глядит на белье с таким ужасом, будто это опасное животное, а не обычные испорченные простыни.

— Нет необходимости, я могу отнести их в прачечную, — заверяю я его, и парень прямо-таки выдыхает от облегчения.

Он кивает и, на мое счастье, больше ни о чем не спрашивает. Однако в прачечную я не иду, вместо этого захожу в пустую кухню, запикиваю простыни в печку и смотрю, как пламя пожирает их, пока не остается только зола. После того как доказательство было уничтожено у меня на глазах, я почти убеждаю себя, что мне все это привиделось, хоть и понимаю, что это не так. Я по-прежнему чувствую тепло и покалывание в ладонях. Это не игра моего воображения, я не сошла с ума. Не знаю, что я такое, не знаю, что мне делать. Ничего не знаю.

Мне невыносима мысль о том, чтобы вернуться в свою пустую каюту и сидеть там одной. Пусть

это очень по-детски, но мне хочется, чтобы меня обняли и сказали, что все будет хорошо, даже если я не могу представить, как говорю с кем-то о случившемся. Сначала я думаю о Блейзе, но он сейчас наверняка дежурит, и мне не хочется его беспокоить. От Артемизии сочувствия не дождешься, к Цапле я тоже не хочу обращаться, после всего что между нами произошло.

Есть еще один вариант, и я без подсказки Артемизии понимаю, что он глупый. Однако я уже выдумываю подходящую ложь, которая объяснила бы мое присутствие в карцере, а ноги сами несут меня туда.

СЁРЕН

Одной ориентироваться во внутренних корабельных переходах трудно, но пару раз свернув не туда, я все же нахожу нужный мне узкий коридор и подхожу к двери, по обеим сторонам которой стоят знакомые мне по вчерашней ночи стражники. Цаплю они пропустили без лишних вопросов, но при виде меня оба прищуриваются, и я понимаю, что попасть внутрь будет не так-то просто.

— Ваше величество, — бормочут охранники.

— Я пришла увидеть пленника, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал холодно и уверенно, хотя, кажется, у меня плохо получается.

— Никаких посетителей пускать не велено, — так уверенно заявляет один из стражников, что я бы непременно поверила ему, если бы своими глазами не увидела истинное положение вещей.

Я сглатываю и выпрямляю спину еще ровнее.

— Я — не посетитель. Я — ваша королева, и приказываю меня пропустить.

Охранники переглядываются.

— Ради вашей же безопасности, ваше величество, вы не должны, — начинает один из них.

Как только он произнес «вы не должны» вместо «вам не следует», я понимаю, что победила.

— Он же прикован к стене, — говорю я и тут же поспешно добавляю: — Как я полагаю.

— Да, но он очень опасный тип, — настаивает стражник.

— К счастью, здесь есть вы, прямо за дверью — вы сможете меня защитить. Это же ваша работа, верно?

Стражники вновь переглядываются, потом с видимой неохотой отступают от двери и открывают ее передо мной. Я проскальзываю внутрь, и мне в нос немедленно ударяет волна застоявшегося воздуха и запах свежей крови. Как и вчера Сёрен сидит, привалившись к стене, его запястья и лодыжки закованы в кандалы. Вчера Цапля его исцелил, но сегодня его кожа снова покрыта порезами и синяками. Однако сегодня он хотя бы поднимает голову, услышав звук шагов. Его лицо покрыто кровью, но, кажется, он пытается улыбнуться.

— Ты вернулась, — говорит он еле слышно.

— Я же обещала, — отвечаю я, пытаюсь собраться с духом, но получается плохо. Едва не спрашиваю, как принц себя чувствует, но это настолько нелепый вопрос, что я не могу заставить себя произнести его вслух. Вместо этого я оглядываю камеру, и мой взгляд поочередно задерживается на окровавленном обломке доски, кандалах, впивающихся в кожу юноши, на стоящем поодаль подносе с едой. Вероятно, это ужин заключенного: несколько кусочков галет и вяленого мяса. Еда нетронута.

— Ты ничего не ел? — спрашиваю я, снова глядя на Сёрена.

Он медленно качает головой, взгляд у него настороженный и встревоженный. Правый глаз юноши

заплыл, окруженный огромным кровоподтеком, на скуле глубокая ссадина.

Я делаю шаг по направлению к нему; теперь я достаточно близко, и если бы принц захотел наброситься на меня, ему было бы достаточно схватить меня за подол ночной рубашки. Я его не боюсь, но ближе подходить не рискую.

— Когда ты в последний раз ел?

Несколько секунд Сёрен молчит, вспоминая.

— На том богами проклятом пиру, когда вернулся из Вектурии, — хрипло отвечает он. — Но тогда я почти не мог есть, после всего случившегося.

«После всего случившегося». Не думаю, что когда-нибудь смогу забыть то непристойное платье, в которое кайзер приказал мне одеться в тот вечер. Не смогу забыть, как он со мной обращался: словно я принадлежу ему и он вправе выставлять меня на всеобщее обозрение в таком виде, в каком пожелает. Его руки на моей коже, обжигающие, точно клеймо. В тот вечер Сёрен выглядел больным, но, полагаю, намного лучше наблюдать за подобным со стороны, нежели самому столкнуться с таким.

— Тебе должны выдавать такую же порцию еды, как и всем остальным, — говорю я. — Бич Драконов обещала, что тебя будут кормить.

Юноша отводит взгляд.

— Еду приносят трижды в день без задержек. Воду мне в глотку вливают насильно, но накормить меня против воли стража не смогла.

Он по-прежнему не смотрит на меня, поэтому я позволяю себе посмотреть на него. Прошло всего несколько дней, а у него так заострились скулы, что он похож на призрак. Что сказала бы его мать, увидь она сейчас сына? Я поскорее отбрасываю эту мысль, пока кайзерина не пристыдила меня из могилы.

— Почему ты не ешь? — спрашиваю я.

Сёрен подтягивает колени к груди и утыкается в них подбородком. Я подхожу еще на шаг ближе.

— Много лет назад отец приказал Тейну научить меня, как себя вести, если бы меня взяли в заложники, — произносит он. Похоже, ему больно говорить, но он продолжает: — Отец говорил, у нас много врагов, и нужно быть готовым ко всему. Первое, чему научил меня Тейн: не есть вражескую еду.

Не сдержавшись, я фыркаю:

— Думаешь, мы ее отравили?

Принц качает головой:

— Дело в контроле. Пока я отказываюсь есть, вы вынуждены играть по моим правилам. Вы не хотите, чтобы я умер, иначе уже прикончили бы меня, следовательно, я вам нужен живым. В ту секунду, как я приму вашу пищу, я стану зависим от вас и потеряю контроль над ситуацией. — Он ненадолго умолкает. — В тот раз я продержался без еды три дня. Теперь гораздо легче: большую часть времени мне так больно, что я забываю о голоде.

Он не пытается вызвать у меня жалость или заставить извиниться, просто констатирует факт. Я делаю еще шаг и поднимаю с пола поднос.

— Мне нужно, чтобы ты ел, Сёрен, — говорю я, но принц не двигается. — Я тебе не враг.

Тут он смеется, но звук получается слабый.

— Друзья, враги — думаю, все это больше не имеет значения. Цепи тяжелы вне зависимости от того, в чьих руках ключ.

— Я многое знаю о цепях, даже если мои собственные по большей части были метафорическими, — напоминаю я.

Сёрену хватает совести выглядеть пристыженным, и он наконец смотрит на меня.

— Все оказалось так, как ты ожидала? Долгожданная свобода?

Такой, казалось бы, простой вопрос достает меня до печенок, мне словно воткнули кинжал между ребер. Я привыкла мечтать о том дне, когда наконец покину дворец, как буду стоять под открытым небом, не ожидая каждую секунду нападения врагов, как смогу свободно дышать, не ощущая на душе тяжкий груз.

— Отвечу, когда узнаю, — говорю я.

В глазах Сёрена вспыхивает какое-то непонятное мне чувство.

— Та женщина, что приказала притащить меня сюда. Я видел ее еще пару раз. Остальные ее уважают. Полагаю, это капитан корабля, знаменитая Бич Драконов?

Я колеблюсь, но потом киваю.

— Моя тетя, — признаюсь я. — Сестра-близнец моей матери.

На лице Сёрена отражается шок — он читается так же легко, как буквы на странице книги.

— Ты действуешь заодно с ней? — спрашивает он.

— В этом и состоял наш план, но... все оказалось сложнее, чем я думала. Я хочу вызволить тебя отсюда, но так просто она тебя не выпустит. И все-таки, когда ты выберешься отсюда, мне нужно, чтобы ты был сильным. Мне нужно, чтобы ты ел.

Я подталкиваю к нему поднос.

Какое-то мгновение Сёрен пристально смотрит мне в глаза, потом выпрямляет ноги и глядит на поднос.

— Начни с начала, — требует он, берет кусок галеты и пытается разломить его пополам. Ему приходится приложить для этого больше сил, чем ушло бы, не будь он так ослаблен, но в итоге он справляется. — И на этот раз Расскажи правду.

Я жду какого-то подвоха, но его нет. Сёрен снова говорит лишь то, что хотел сказать.

Итак, я все ему рассказываю. Рассказываю, как убила Ампелио, человека, от которого всю жизнь ждала спасения. Рассказываю, как решила спасти себя сама. Рассказываю, как появился Блейз и поведал о том, что дела в Астрее обстоят куда хуже, чем я полагала: к тому моменту кайзер перебил уже многие тысячи моих соотечественников. Рассказываю, как я осознала, что спасти себя недостаточно.

Несмотря на то что слова застревают в горле, я рассказываю о придуманном Блейзом плане, который я одобрила: соблазнить принца, чтобы выведать у него информацию, а потом настроить наследника против кайзера. Я заставляю себя признаться, что именно я решила убить Сёрена, чтобы настроить кейловаксианцев друг против друга и начать гражданскую войну.

Я жду, что в этой части рассказа Сёрен вскинется, посмотрит на меня так, словно видит впервые, но, похоже, он и так уже обо всем догадался. Я вижу это по его отсутствующему взгляду, по тому как он поджимает губы.

— Если бы ты это сделала, все могло бы получиться, — признает он.

— Знаю.

Ни один из нас не говорит о том, как мы стояли в туннеле под дворцом, когда я приставила нож к шее принца, а Сёрен был настолько обуреваем чувством вины за отнятые в Вектурии жизни, что предложил мне его убить. Ни один из нас не говорит о том, почему я тогда этого не сделала.

— Что случилось с Эриком? — спрашивает Сёрен.

Эрик. Я не думала о нем с тех пор, как в последний раз его видела.

— Я сказала ему забирать Хоа и бежать из дворца. Думаю, он так и сделал, в противном случае кайзер мог отправить Хоа на смерть, как Элпис. Надеюсь, они сейчас в каком-то хорошем месте, где бы ни находились.

Сёрен медленно кивает, сдвигает брови.

— Он мой брат, — медленно произносит он, и мне приходит в голову, что, вполне возможно, он впервые произнес это вслух.

— Наполовину, — напоминаю я.

— Зато что это за половина, — соглашается принц, его голос сочится жестокой насмешкой. — Расскажи мне о Биче Драконов.

Я рассказываю, что при малейшей возможности тетушка пытается мне противодействовать, пытается выставить меня полезным, но бестолковым ребенком, играет роль любящей тети, которая печется об одном: благополучии Астреи.

— Как думаешь, чего она хочет? — спрашивает Сёрен.

— Не знаю, — признаюсь я. — Полагаю, она хочет помочь Астрее... в конце концов, это ее страна... а еще она хочет получить с этого какую-то выгоду. Блейз как-то обмолвился, что Бич Драконов взимала плату с астрейцев, за то чтобы безопасно вывезти их из страны. Помогала, но с выгодой для себя. Теперь она пытается выдать меня замуж за какого-то правителя. Она утверждает, что так мы получим войска, необходимые для возвращения Астреи, но я уверена: она хочет получить что-то еще, чтобы мною управлять.

Услышав это, Сёрен криво улыбается:

— Она еще не знает, как трудно тобой управлять.

— Думаю, она уже начинает догадываться.

Юноша съедает последний кусок вяленого мяса, и его желудок урчит, требуя добавки.

— Стало быть, мы направляемся в Ста'криверо, — говорит он. — Если мы отправились туда четыре дня назад, то должны прибыть на место через три дня. Мы можем использовать это время, чтобы выработать стратегию. Я мало знаю о других правителях, но могу предположить, кто из них пошлет своих наследников свататься к тебе.

— Я не желаю, чтобы ко мне сватались, — говорю я, помедлив. — Но, чисто гипотетически, в списке есть приличные кандидаты?

Принц отвечает не сразу:

— Зависит от того, что тебе нужно.

— В идеале? Способ вернуть мою страну, не поступаясь независимостью ради интересов чужеземца, который предложит самую большую цену.

Принц качает головой:

— Никто не выступит против моего отца, не будучи уверенным, что получит взамен изрядную выгоду.

— Я боялась, что ты именно это и скажешь, — вздыхаю я, забирая у Сёрена поднос. Смотрю в иллюминатор у него над головой: небо светлеет, начинается рассвет. — Пойду раздобуду себе завтрак, но потом сразу вернусь. Заодно принесу тебе еще еды, а ты сможешь рассказать мне про потенциальных женихов.

Мгновение мне кажется, что Сёрен станет возражать, но он кивает.

Я начинаю подниматься с пола, но принц быстро протягивает руку и хватается меня за запястье. Его окровавленные пальцы охватывают мою руку плотным кольцом и держат так крепко, что у меня перехватывает дыхание, несмотря на мрачную атмосферу карцера, цепи и кровь. Я успела забыть, какое воздействие оказывает на меня его при-

косновение. Мне и хочется, и не хочется отстраниться.

— *Яна кребести*, Теодосия, — говорит он.

Слова застревают у меня в горле. «Я тебе верю». После всего, что я ему сделала... после всего, что мы причинили друг другу... между нами не должно быть никакого доверия. И все же Сёрен в меня верит.

Я смотрю на его пальцы, охватывающие мое запястье, потом — ему в глаза и говорю:

— Тео. Ты можешь звать меня Тео.

Я поспешно выхожу из камеры, а голос Сёрена по-прежнему звенит у меня в ушах, даже после того как я прощаюсь со стражниками и пытаюсь стереть кровь с запястья, пока они не заметили кровавые отпечатки.

Снова и снова я слышу, как принц произносит мое имя, и жалею, что рядом нет Артемизии — она бы прикрикнула на меня. Мне всегда казалось, что мои чувства к Сёрену вовсе не мои, что они принадлежали Торе, сломленной, запутавшейся девушке, которую кайзер создал из осколков, после того как сломал меня. Я думала, что чувства Торы и Тео не пересекаются, думала, что, покинув дворец, оставлю там все чувства Торы.

И все же вот она я, нахожусь в сотнях миль от дворца, а мои чувства к Сёрену так же сложны и запутанны, как и в ночь побега.

УРОК

Я не сразу возвращаюсь к Сёрену. Знаю, он все еще голоден и нуждается в компании человека, который не хочет его избить, но мысль о том, чтобы снова остаться с ним наедине, парализует. Дело не в том, что я не доверяю себе, оставаясь с ним один на один, просто он так на меня смотрит, что выплывают на поверхность все мои слабости, и я снова начинаю чувствовать себя Торой. Находясь рядом с ним, я забываю о том, что я — королева, что от меня зависят десятки тысяч других людей. Лишь огромным усилием воли я удерживаюсь от того, чтобы приказать стражникам отдать мне ключи и выпустить принца, наплевав на все обстоятельства.

Сменив курс, я поднимаюсь на корму, балансируя пустым подносом, и высматриваю, не покажется ли где синяя прядь волос.

Артемизию легко отыскать в толпе, ее яркая макушка резко выделяется среди всевозможных оттенков каштанового и черного, присущих большинству астрейцев. Она стоит на открытом пространстве кормы, в каждой руке у нее по мечу. Они меньше, чем любимые клинки кейловаксианцев, но недостаточно малы, чтобы их можно было назвать кинжа-

лами. Пожалуй, если Артемизия вытянет руку, то каждый клинок окажется длиной от ее локтя до кончика среднего пальца; позолоченные рукоятки мечей блестят на солнце.

Противника Артемизии я не знаю, но он выглядит на пару лет старше девушки, к тому же гораздо выше; его лицо словно состоит из одних углов, таких острых, что можно порезаться. Он не сводит с Артемизии темных глаз, его губы сжаты в твердую линию. Противники медленно движутся по кругу. Артемизия скорее танцует, нежели идет, двигается с грацией кошки. Она даже улыбается мрачному парню, если, конечно, этот оскал можно назвать улыбкой.

Соперники одновременно бросаются друг на друга, их клинки с лязгом скрещиваются.

Сразу же становится ясно, что силы примерно равны, хотя и различны. Парень вдвое крупнее и мощнее Артемизии, но его движения медленные и неуклюжие, зато Артемизия достаточно быстрая и уклоняется почти от всех атак, так что ее противник зря тратит силы, чтобы за ней угнаться.

Девушка рисуется: то крутится волчком, то вдруг всем корпусом откидывается назад, хотя это было вовсе не обязательно. Для нее это скорее представление, нежели драка. Дождавшись, когда парень начнет задыхаться, а его ноги — подгибаться, девушка удваивает усилия. Она обрушивается на противника град ударов и, хотя он все их отражает, начинает его теснить. Не давая ему возможности отдышаться и оглядеться, она продолжает напирать, и парень отступает. Наконец он задевает ногой за слегка выступающую из палубы доску и падает. В следующую секунду Артемизия уже вскакивает ему на грудь и с торжествующей

улыбкой приставляет к горлу проигравшего скрещенные мечи.

Я не единственная наблюдаю за поединком: десятки матросов, бросивших работу, чтобы поглазеть на представление, раздражаются радостными криками.

— Хотел было сказать, что мне недоставало спарринга с тобой, — говорит парень. Кажется, поражение не особо разозлило его, скорее, позабавило. — Но это была бы наполовину ложь. Завтра у меня все тело будет болеть, знаешь ли.

Артемизия цокает языком.

— Ты расслабился в мое отсутствие, — заявляет она, вкладывает мечи в висящую на поясе пару ножен и протягивает парню руку, чтобы помочь подняться.

Однако тот слишком горд и, не обращая внимания на протянутую ладонь, со стоном воздвигается на ноги самостоятельно, подбирает собственные мечи и убирает в ножны.

— Не думал, что ты вернешься в такой прекрасной форме, — говорит он. — У тебя что, было время тренироваться даже на рудниках?

Артемизия пожимает плечами, на ее лицо набегает тень.

— Не было, но я накопила достаточно злости, чтобы компенсировать силу мышц, во всяком случае, отчасти.

Кажется, парень хочет что-то сказать, но потом замечает меня, и у него округляются глаза.

— В-ваше величество, — бормочет он и поспешно отвешивает поклон, так что я не успеваю сказать, чтобы он этого не делал.

Артемизия резко поворачивается ко мне, щеки у нее раскраснелись после боя.

— Это было впечатляюще, — говорю я.

— Было бы гораздо веселее, если бы мой противник хотя бы изредка брал в руки меч за прошедший год, — фыркает девушка, бросая на парня гневный взгляд. Впрочем, ее злость явно напускная.

Парень округляет глаза.

— Я буду больше тренироваться, — обещает он. — И ты пожалеешь об этом, когда я одержу победу.

— Можно подумать, ты хотя бы раз делал это, — фыркает Артемизия. — Тео, это Спирос.

— Приятно познакомиться, — говорю я. — Поверь, ты справился намного лучше, чем вышло бы у меня, окажись я на твоём месте.

— Я предлагала это исправить, — напоминает мне Артемизия, а потом замечает поднос у меня в руках. — Несешь завтрак в свою каюту?

— Не совсем, — отвечаю я. — У тебя найдется минутка?

Девушка кивает, потом снова поворачивается к Спиросу.

— Увидимся за ужином.

— Если я к тому времени еще буду в состоянии передвигать ноги, — отзывается тот.

Мы с Артемизией молчим до тех пор, пока не отходим подальше от лишних ушей. Когда я признаюсь, что навещала Сёрена, она не тратит время на то, чтобы указать мне на совершенную глупость.

— Как только смена стражников закончится, они доложат моей матери о твоём визите, а уж она придумает, как использовать это против тебя.

— Знаю, — отвечаю я. — Но у меня есть идея на этот счет.

Артемизия поднимает темную бровь и надувает губы, всем своим видом показывая, что ждет пояснений.

— С помощью дара ты можешь изменить свою внешность. А мою внешность сможешь поменять?

Какую-то долю секунды Артемизия выглядит удивленной, потом ее губы изгибаются в улыбке.

— Могу. Только взамен я собираюсь вложить тебе в руки меч и научить с ним обращаться. Договорились?

Уже открыв рот, дабы начать протестовать, я вдруг вспоминаю, как Артемизия сражалась несколько минут назад: бесстрашно, ловко — она была готова встретить любого врага лицом к лицу. Я по-прежнему не знаю, есть ли во мне такие качества, но мне бы хотелось это выяснить.

— Договорились.

Артемизия коротко кивает.

— Раз так, говори, чью личину ты хотела бы примерить.

Я чувствую себя очень странно, зная, что сейчас у меня лицо моей матери. Это лицо Бича Драконов, напоминаю я себе, стараясь ступать так же уверенно, как грозная пиратка. Мы с Артемизией идем прямо к карцеру. Артемизия сумела изменить мою внешность и одежду, но ничего не смогла поделать с моими ботинками — надеюсь, стражники не заметят, что их капитан на пару дюймов ниже, чем должна быть.

Заметив нас, охранники вытягиваются по струнке и хором рывкают:

— Капитан!

— Я пришла увидеть пленника, — говорю я отрывисто, копируя резкую манеру Бича Драконов.

— Конечно, — отвечает один из стражников и бросается отпирать замок со всей поспешностью, на которую способен.

— Вы о чем-нибудь хотите доложить? — интересуюсь я, прекрасно зная ответ.

Охранники меня не подводят: перебивая друг друга, принимаются рассказывать о моем приходе, о том, как долго я находилась внутри, о том, что им удалось подслушать. Вообще-то, они ничего толком не слышали — еще бы, ведь я старалась говорить как можно тише. Они услышали только, что я беспокоилась о заключенном и уговаривала его поест.

— Не вздумайте кому-то об этом проболтаться, ясно? — приказываю я, прожигая взглядом сначала одного, потом другого охранника.

Оба истово кивают и отступают от двери, пропуская нас с Артемизией внутрь.

Нужно было захватить бумагу и чернила. Я не ожидала многого от Сёрена — думала, он упомянет несколько названий других стран, похожих на Астрю, правители которых захотят объединиться с нами в борьбе против кайзера, — но принц перечисляет с дюжину имен, а Артемизии тоже есть что добавить. Она выросла на корабле, в команде которого есть люди со всего света, и знает о жизни в разных странах больше Сёрена, побывавшего в этих странах с официальными визитами.

Похоже, в разных странах все устроено по-разному. Нигде нет матриархата, как в Астрее, хотя во многих присутствует патриархальный уклад, как в Кейловаксии, даже если правителей там называют по-другому. Есть короли, императоры и цари, хотя суть от этого не меняется.

— Никогда не понимала, как можно передавать власть по мужской линии, — признаюсь я, после того как Сёрен рассказывает о царевиче Талине из

Этралии, чье право на престол находится под большим вопросом.

— Мир по большей части устроен именно так, — говорит Сёрен.

В отличие от Цапли у Артемизии нет способностей к исцелению, и все же она с помощью водной магии отмывает кровь и грязь с принца, а также затягивает его раны тонкой водной пленкой, чтобы не попала инфекция. Не пройдет и нескольких часов после нашего ухода, как юношу снова изобьют. Мысль об этом ложится на мою совесть тяжким грузом, но Артемизия права: я ничего не могу с этим поделать.

— И все же патриархальная система невероятно уязвима, — не сдаюсь я. — Очень легко усомниться в отцовстве наследника, но практически невозможно опровергнуть право наследования по материнской линии. Никто не может сказать наверняка, кто был моим отцом, но личность моей матери никогда не вызывала вопросов. Никто и никогда не усомнится в моем праве на престол как законной наследницы.

Артемизия издает нечленораздельный горловой звук.

— Конечно, кроме тех случаев, когда рождаются близнецы, — заявляет она.

Когда мы с Сёреном как по команде поворачиваем к ней головы, девушка вздыхает и садится напротив принца, привалившись к стене.

— Есть одна история, связанная с рождением наших матерей, — говорит она, обращаясь ко мне. — Рассказывают, будто перворожденной повязали на ножку ленту. Сомнительное свидетельство, надо сказать, но прежде такого не случалось, так что придворные сделали, что могли. Разумеется, новорожденные — крайне беспокойные существа, вечно

извиваются, сучат ножками, так что лента слетела, и часа не прошло. Поэтому королева, наша бабушка, выбрала одну из дочерей. Позднее она говорила, что действовала, полагаясь на интуицию. Так была решена судьба нашей страны.

Артемизия рассказывает с равнодушным видом, видно, что эту историю она слышала столько раз, что та превратилась в своеобразный миф, однако у меня по спине бегут мурашки. Сёрен перехватывает мой взгляд, и я вижу: он тоже сложил два и два. Едва ли не с облегчением я понимаю, что у Бича Драконов, возможно, есть какая-то цель помимо того, чтобы сеять вокруг хаос и все на свете контролировать, но если она жаждет получить мою корону, ей придется переступить через мой труп и вырвать королевский венец из моих окоченевших пальцев.

— Расскажи еще про биндориан, — обращаюсь я к Сёрену, чтобы сменить тему. Впрочем, полученную от Артемизии информацию я буду всегда держать в уме. — Ты говорил, они... религиозны?

— У них олигархическая республика, — продолжает принц. — Управляется пятью главными жрецами, которых поочередно избирает небольшая группа обычных жрецов — по одному на административную единицу страны. Хотя народ верит, что каждого верховного жреца выбирает сам бог.

— Бог? — переспрашивает Артемизия.

— Они монотеисты, — поясняет принц.

Девушка округляет глаза.

— Так бы и сказал, что у них всего один бог. Ты не при дворе, и незачем тут плести словесные кружева.

Щеки Сёрена розовеют.

— У них только один бог, — поправляется он. — Есть несколько стран, в которых тоже существует

моноте... Где есть всего один бог. В одних религиях он милостив, добр и защищает людей, в других — мстителен, чуть что — готов сойти с небес и наказать за малейшее прегрешение.

— И как это работает? — спрашивает Артемизия. — Если олигар... Каким образом эти пять правителей республики станут просить руки Тео? Что, один из жрецов на ней женится?

Мне видится единственный положительный момент во всем этом обсуждении: у меня есть возможность потренироваться держать лицо, пока в моем присутствии жонглируют словами вроде «брак», «супруг» и прочее. Я еще ни на что не согласилась и не соглашусь, но было бы глупо предстать перед двором Ста'криверо неподготовленной.

— Не думаю, — отвечает принц. — Они все принесли обет безбрачия. Их может заинтересовать только Астрейя и возможность правления.

— Особенно возможность правления. Гипотетическая, — поправляю я его, хотя сама мысль об этом ужасает. — Что-то мне подсказывает, что эти жрецы не станут деликатничать и уважать наши верования.

Сёрен явно колеблется, потом качает головой.

— Несколько лет назад я посещал Биндор, и каждая беседа с одним из жрецов в итоге сводилась к тому, что меня пытались обратить в их веру.

— Мило, — вздыхаю я. — Значит, нам они не подходят.

То же самое я говорила всякий раз, как Сёрен характеризовал предыдущих кандидатов, но даже те, кого я не забраковала, не кажутся мне подходящими. Видно, что мое поведение уже начинает раздражать Сёрена и Артемизию, поэтому я, по крайней мере, должна выслушать все, что они рассказывают. Про-

блема заключается не в отсутствии подходящей для меня пары — я это знаю, и они наверняка это понимают. Проблема в том, что перспектива замужества мне невыносима, не говоря уже о том, что моим потенциальным мужем может стать совершенно незнакомый человек, преследующий исключительно корыстные цели. Если бы существовал другой способ победить — хоть какой-то, — я и слушать не стала бы о замужестве. И все же, как бы ужасно это ни звучало, нельзя отрицать, что нам нужно больше войск и мы не получим их, не заплатив высокую цену.

— Тогда давайте вернемся к королю Этристо, — говорю я, но Артемизия и Сёрен устало переглядываются. Даже для них правитель Ста'криверо остается загадкой. Вообще-то, Сёрен с ним встречался и все равно мало что смог рассказать. Все, что мне известно об этом человеке, можно сосчитать по пальцам одной руки. Точнее, хватит и трех пальцев.

Во-первых, ему то ли за шестьдесят, то ли за семьдесят — по этому вопросу Сёрен и Артемизия расходятся во мнениях.

Во-вторых, у него несколько дочерей, но всего один законный сын, у которого уже есть собственный наследник, так что законная передача власти в Ста'криверо обеспечена минимум на два поколения вперед.

И, в-третьих, с тех пор как около ста лет назад кейловаксианцы начали завоевывать другие страны, в Ста'криверо принимали беженцев из всех этих несчастных стран. Это одно из немногих сильных государств, на которые кейловаксианцы пока не рискуют нападать.

— Есть что-то еще? — не сдаюсь я, но Сёрен и Артемизия качают головами.

— А как насчет самого короля? — спрашиваю я. — Он добр или жесток, мудр или глуп?

Сёрен пожимает плечами, а Артемизия надувает губы.

— Я больше ничего не знаю про самого короля, но точно знаю, что Ста'криверо — богатая страна. Они столетиями не участвовали в войнах. Ценности им ни к чему, а вот красивые вещи они любят.

Намек более чем прозрачен.

— Я не вещь, — заявляю я.

— Знаю, и ты это знаешь. — Артемизия округляет глаза. — Зато они не знают. И вряд ли станут разбираться.

НАПАДЕНИЕ

Резкий, неприятный звон ввинчивается в мое охваченное сном сознание и выдергивает из грез обратно в мир. Мне кажется, что я опустила голову на подушку всего пару минут назад, но небо в иллюминаторе уже начинает светлеть, а значит, я проспала несколько часов. Кое-как протираю глаза спросонья и сажусь, а потом понимаю: что-то не так.

Резкий звук не похож на одиночный удар гонга, возвещающий смену вахтенных, начало приема пищи или сигнал, которым Бич Драконов призывает к вниманию. Колокол звонит трижды, звук повторяется с небольшими перерывами, без остановки.

Это сигнал тревоги.

Я отбрасываю одеяло, вскакиваю на ноги, накидываю плащ поверх ночной рубашки и быстро натягиваю слишком большие для меня ботинки. Сердце оглушительно стучит в грудной клетке, а в голове бьется тысяча мыслей, в унисон заполошно звенящему колоколу.

Люди кайзера нашли меня.

Они привлекут меня обратно, закованную в цепи.

Все кончено.

Я проиграла.

Огромным усилием воли отбросив все эти панические мысли подальше, я иду к двери, преисполненная решимости выяснить, из-за чего весь этот сыр-бор, однако, открыв дверь, обнаруживаю с той стороны Спироса: на поясе пара мечей в ножнах, кулак занесен, чтобы постучать.

— В-ваше величество, — говорит юноша, запинаясь, и отводит глаза. Он смотрит куда угодно, только не на меня, и поспешно опускает руку.

— Что происходит? — спрашиваю я. Мне приходится кричать, перекрывая звон колокола.

— Мы засекли кейловаксианское торговое судно в нескольких милях к востоку, и капитан решила броситься в погоню. Сейчас все способные чем-то помочь на палубе, и мы готовимся к атаке.

Все мое тело разом обмякает от облегчения, приходится даже ухватиться за стену, чтобы не упасть. Это мы нападаем, а не наоборот.

— Капитан говорит, чтобы вы оставались в своей каюте до тех пор, пока опасность не минует.

Приказ моментально сдавливают мне грудь, словно чересчур тугий корсет, хотя я знаю, что так будет лучше. Я ничем не смогу помочь морякам во время атаки, лучшее, что я могу сделать для всех, — это не путаться под ногами.

— А тебя отрядили на роль моей няньки? — интересуюсь я, вместо того чтобы спорить.

Молодой человек хмурится.

— Я — ваш охранник, ваше величество.

— Да, у меня уже были охранники вроде тебя, — говорю я и немедленно об этом жалею. Едва ли Спирос виноват в моих несчастьях. — Такое довольно часто случается, верно?

Он кивает.

— Примерно раз в две недели.

— Ожидаются ли боевые потери? В наших рядах?
Юноша отвечает не сразу.

— Потери обычно случаются, — осторожно отвечает он.

Блейз однажды высказался о методах Бича Драконов: «Ампелио считал, что цена ее помощи слишком высока».

Я открываю дверь шире.

— Ты вполне можешь войти. Похоже, это надолго.

Мрачный, как туча, Спирос кивает и заходит в каюту.

— Как долго обычно длится бой? — спрашиваю я.

— Несколько часов. Теперь капитан весьма искусна в этих делах: мы смогли бы захватить корабль даже с завязанными глазами. Подходим к ним вплотную, так близко, как только можно, потом разворачиваемся борт в борт и палим по ним из пушек. Главное — вовремя развернуться, чтобы не стать для них удобной мишенью, — поясняет Спирос. — Намного труднее попасть по кораблю, если он повернут к тебе носом.

Я киваю и жду продолжения.

— Иногда они сдаются, прежде чем мы успеваем выстрелить. Репутация Бича Драконов всем известна, и ходит слух, что она милостива к сдавшимся, позволяет им уплыть в Эссену, Тиммори или какую-нибудь маленькую страну, где они смогут прожить долгую жизнь, если поклянутся никогда не возвращаться в Астрею. Вот только капитан никогда не милует кейловаксианцев.

— А если они не сдаются?

Спирос пожимает плечами.

— Мы обстреливаем их, пока они не сдадутся, или до тех пор, пока их корабль не потонет. Если

они сдаются, мы их грабим, а потом топим корабль и все живые камни на борту.

Юноша ненадолго умолкает, но я вижу, что ему еще есть что рассказать, и не перебиваю.

— Я всегда думал, что это оскорбление богов — пускать столько камней на морское дно, но, думаю, это лучшее, что можно сделать. Мы же не в силах вернуть их обратно в шахты. По крайней мере, так уже никто не сможет подвергнуть их поруганию.

Секунду я молчу, но потом все же не удерживаюсь:

— Меня больше беспокоят рабы, которые идут на дно вместе с отказавшимися сдаться кораблями.

Спирос не удивлен моим резким ответом, он скорее выглядит уставшим. Для него это не новый аргумент.

— Это высокая цена, которую приходится платить, — произносит он, но голос его звучит отстраненно. Похоже, мысли юноши далеко отсюда. — Иногда кажется, что имеет смысл платить эту цену, иногда — нет.

Когда «Туман» делает первый пушечный выстрел, весь его корпус так содрогается, что незажженная свеча падает с моего стола. Спирос, в отличие от меня, не подскакивает от неожиданности, кажется, он вообще не замечает грохота, хотя у меня звенит в ушах. Юноша прислоняется к двери, словно ждет, что я в любую секунду выскочу наружу.

— Сколько лет ты уже с Бичом Драконов? — спрашиваю я, не поднимаясь с кровати. Кажется, если не кричать, я сама себя не услышу. Выстрелы грохочут снова и снова, хотя, похоже, огонь ведет только наш корабль.

Молодой человек пожимает плечами и, по-прежнему подпирая дверь спиной, садится и упирается

обеими руками в пол, чтобы быть готовым, когда грянет следующий залп.

— С самого Вторжения, — отвечает он. — Честно говоря, я почти не помню, как жил до него, зато знаю, что мой отец присоединился к команде после смерти моей матери. А до того мы жили в Нафье.

Название мне знакомо, это астрейский город, расположенный у подножия горной гряды Грулен.

— Нафья прекрасна, — говорю я. — Я была там лишь однажды с матерью, до Вторжения, но лавандовые поля как раз цвели, и было очень красиво.

Спирос лишь снова пожимает плечами.

— Наверное. Мы вернулись туда несколько лет назад — прятаящиеся в горах беженцы наняли Бича Драконов, и по пути туда мы зашли в Нафью. Там... — Он ненадолго умолкает. — Там ничего не было. Поселение сожгли и сровняли с землей, так же поступили и с лавандовыми полями. Остался только пустырь, словно там никогда не ступала нога человека. Труд десятков поколений был полностью уничтожен.

Мне становится трудно дышать.

— Сожалею, — говорю я. — Я знаю, каково это — потерять дом.

Спирос качает головой.

— «Туман» теперь мой дом.

Снова грохочет выстрел, и корабль содрогается. Я морщусь и крепче хватаюсь за койку.

— Не представляю, каково это — расти на корабле. Всегда под угрозой нападения.

Молодой человек смотрит на меня насмешливо, и я понимаю, что только что сказала.

— Ну, во всяком случае, мое детство несколько отличалось от твоего, — добавляю я. — Нападения,

которым подвергалась я, были... — Я вздрагиваю от очередного выстрела. — Тише.

— Они не отстреливаются, — говорит Спирос. — Огонь ведем только мы. Наверняка мы застали их врасплох, и теперь они пытаются удрать. Легкая добыча.

Мне трудно представить удирающих кейловаксианцев. В моем представлении они — стойкие, несгибаемые воины, которые неизменно опережают противника на два шага, но ведь есть причина, по которой Бичу Драконов столько лет удавалось ускользать от них. Несмотря ни на что, она вызывает уважение.

— Что случится дальше? — спрашиваю я.

Спирос отвечает не сразу, его темные глаза становятся задумчивыми.

— Скоро они выбросят белый флаг, показывая, что сдаются.

— Я знаю, что означает белый флаг, — замечаю я. — Кейловаксианцы используют этот образ в качестве иносказательного символа, хотя я слышала, что на их кораблях нет белых флагов — лучше умереть, чем сдаться, и все такое.

Юноша смеется:

— Красивые слова, но это всего лишь слова. Кейловаксианцам, как и всем людям, присущ инстинкт выживания. Если придется, они будут размахивать нательными рубахами.

Боги свидетели: я много раз видела, как кейловаксианские аристократы топчут друг друга ради спасения собственной репутации и гордости — могу лишь догадываться, как они поведут себя в ситуации, когда на кон поставлены их жизни. И все же думая об этом, я не могу не вспомнить, как стояла в туннеле рядом с Сёренсом, приставив кинжал к его шее. Я помню, как он предлагал мне убить его.

— Полагаю, Сёрена надёжно охраняют, пока он в карцере? — спрашиваю я Спироса.

Молодой человек хмурит брови.

— Там двое стражников, они не дадут ему сбежать.

— Прямо как ты?

Он фыркает:

— Те стражники и вполонину не такие дружелюбные, как я.

— А что будет после того, как кейловаксианцы сдадутся?

Спирос опять прислоняется к двери и скрещивает руки на груди.

— Мы подойдем вплотную к их судну и сцепим борта. Не мне вам объяснять, что кейловаксианцы весьма изобретательны: за фальшбортом лежат притаившиеся люди, рассчитывая застигнуть нас врасплох, когда мы перейдем на их корабль. Думаю, они считают себя очень умными, да только все так делают. Мы посылаем вперед самых сильных бойцов, они быстро подавляют любое сопротивление. Обычно это моя работа.

— Кажется, это весьма опасное задание, — говорю я. — Особенно после того, как Артемизия легко победила тебя в поединке.

Спирос застенчиво улыбается и потирает шею ладонью.

— Поединок и сражение — разные вещи, и Артемизия тоже это знает. В сражении нет места красивым движениям, там никому не важен стиль боя — нужно просто двигаться быстрее и бить сильнее врагов. Поединок больше похож на танец — ты уважаешь своего противника, понимаешь его. Это не только соревнование на выносливость, он сродни шахматной партии. Вот с этим у меня случаются осечки.

— А потом? — не отстаю я.

Молодой человек пожимает плечами.

— Потом на захваченное судно приходит остальная команда. Мы забираем все, что нам нужно: деньги, одежду, ценности. Капитан старается выудить у пленников полезную информацию, но даже с ножом у горла они боятся кайзера больше ее. Пленники редко сообщают что-то полезное, зачастую оказывается, что все их рассказы — вранье.

— Поэтому она их убивает, — заканчиваю я. Едва ли это честно, но в захвате чужих стран порядочности еще меньше.

— Скоро все закончится, недолго осталось, — говорит Спирос.

Я киваю, слушая вполуха. В голове у меня начинает складываться план, медленно, но верно обретая форму. Действовать нужно быстро, и придется пойти против приказов Бича Драконов, но я сомневаюсь всего несколько секунд, а потом одариваю Спироса своей самой очаровательной улыбкой.

— Наверное, тебе тяжело сидеть здесь, Спирос, в то время как все самое главное происходит там, наверху.

Молодой человек хмурится и слегка пожимает плечами.

— Я не жалуюсь, — отвечает он, но по глазам видно: врет.

— По крайней мере, здесь ты в большей безопасности, чем там, — продолжаю я.

Разумеется, никакого умиротворяющего эффекта мои слова не оказывают, напротив, юноша отлепляется от двери и принимается шагать из угла в угол.

— Все скоро закончится, — говорит он наконец. Я делаю вид, будто размышляю.

— Ничего не случится плохого, если последним, что увидят те кейловаксианцы перед смертью, буду я? Какое-то время Спирос молчит.

— Бич Драконов строго-настрого наказала вам оставаться в каюте.

— Разумеется, — подхватываю я. — Моя тетя хочет, чтобы я находилась в безопасности, и я ее понимаю. Но после того как мы возьмем то судно на абордаж, мне совершенно нечего будет опасаться, ты сам так сказал.

Спирос колеблется, но я вижу, что он заглотил наживку: ему и самому отчаянно хочется принять участие в потасовке, и все же пока что его верность приказу пересиливает желание драться. Он слишком верен Бичу Драконов. Я решаю применить другую тактику и произношу доверительным шепотом:

— Артемизия сказала, что, убивая кейловаксианцев, она словно забирает капельку того, что те отняли у нее. — Спирос едва заметно морщится. — Я тоже хотела бы на них отыграться, хотя бы немного. Прошу тебя, Спирос.

— Если я вас выпущу, вы же не станете делать глупости? — медленно выговаривая слова, спрашивает юноша. — Артемизия говорит, вы склонны к безрассудным поступкам.

Не сдержавшись, я смеюсь: Артемизия наверняка сочла бы мой план верхом глупости.

— Не буду, обещаю, — заверяю я юношу. — Только нам придется взять с собой принца Сёрена.

Такого заявления достаточно, чтобы Спирос всполошился.

— Принц — пленник, кейловаксианский заключенный, — напоминает он. — Зачем вести его на допрос других кейловаксианцев?

Я улыбаюсь:

— Потому что те люди уважают Сёрена так же, как вы уважаете Бича Драконов. К тому же он будет на нашей стороне.

— Вы не можете этого гарантировать. — Спирос качает головой. — Он враг. Бич Драконов выбьет из кейловаксианцев информацию обычным способом.

— Хорошую информацию? — спрашиваю я. На это Спиросу возразить нечего. — Ты же сказал, что обычно пленники потчуют вас небылицами. Это происходит потому, что в вашем лице они сталкиваются с врагом. А вот Сёрена они считают союзником. Он ослаб, безоружен, стражники легко с ним справятся, даже если снять с него цепи.

— Я не пойду против приказа моего капитана, — тихо произносит Спирос, но так неуверенно, что мне становится ясно: он очень хочет согласиться.

— Конечно не пойдешь, — заверяю я его. — Ты следуешь приказу своей королевы. Иди, найди Цаплю. Он не любит насилие, так что, скорее всего, сидит в своей каюте. Как только ты его найдешь, приходите к карцеру, встречаемся там.

ПЛЕННИКИ

К тому времени как радостные крики наверху стихают — Спирос поясняет: это означает, что мы захватили корабль, — Цапля, Сёрен и его охранники уже шагают по обе стороны от меня. Времени было мало, и Цапля не успел исцелить все раны принца, но, по крайней мере, внешне Сёрен выглядит здоровым, так что можно подумать, будто он гостит на корабле по доброй воле. Его выдает только легкая хромота, которую он так искусно скрывает, что я не заметила бы, если бы не присмотрелась внимательно. Мой кинжал я ношу на поясе, хотя поверх ночной рубашки он смотрится немного глупо. Пришлось потратить несколько драгоценных минут, уговаривая стражников выпустить принца из карцера без цепей, но в итоге мой королевский авторитет берет верх. Я не смогу разыгрывать эту карту вечно, кайзер меня этому научил. Титул — это прекрасно, но он не гарантирует уважения к моей особе, получить его можно лишь действуя.

— Не хочешь посвятить меня в свои планы? — шепчет Сёрен, пока мы поднимаемся по лестнице. Спирос, Цапля и стражники отстали на пару шагов.

Я колеблюсь всего мгновение.

— Когда Бич Драконов прикажет убить кейловаксианцев, ты не сможешь и слово сказать в их защиту.

Несмотря на царящий в коридоре полумрак, я вижу, что Сёрен бледнеет.

— Тео... — говорит он. — Я понимаю, мы на войне, но не проси меня на это смотреть.

— Ты должен доказать, что ты на нашей стороне, а иначе мне не вызволить тебя из карцера. — Я бросаю быстрый взгляд на стражников, потом снова поворачиваюсь к Сёрену. *Яна кребести.*

На миг наши взгляды встречаются, потом принц опускает глаза и кивает.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, потом распахиваю дверь и выхожу на палубу «Тумана». Удивительно, как это корабль еще не перевернулся, учитывая, сколько народу собралось у левого борта, дабы полюбоваться на захваченное кейловаксианское судно. Со своего места я вижу его мачту и спущенные красные паруса.

Сёрен вытягивает шею, чтобы лучше видеть — с его ростом он, в отличие от меня, может что-то разглядеть, несмотря на толпу. Почти сразу он тихо ругается сквозь зубы.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Корабль. Это «Драконья гордость».

Название мне ни о чем не говорит, но Сёрен явно взбудоражен.

— Я проходил обучение на «Гордости», — поясняет он. — Чтобы лучше разбираться в торговых путях.

— То есть ты наверняка знаешь кого-то из команды, — догадываюсь я.

Принц кивает, но больше ничего не говорит, его лицо словно окаменело.

— Значит, они тоже тебя знают, — замечаю я. — Так тебе будет проще их разговорить.

И труднее смотреть, как они умирают.

Спирос и другие охранники идут впереди, прокладывая нам путь через толпу прямо к мостику — толстой деревянной доске, перекинутой с нашего корабля на захваченный. При виде ее внутри у меня все сжимается, я живо представляю, как поскальзываюсь на ней и лечу вниз. Спирос первым проходит по шаткому мостку, с каждым его шагом доска скрипит, но юноша словно не замечает этого. Разумеется, он уже много раз проделывал этот трюк — как и Сёрен, а значит, только для меня такое в новинку.

— Если это поможет, прими к сведению: на моих глазах еще никто ни разу не упал с перекидного мостика, если не считать случаев, когда человека толкали.

— Ну, спасибо, — сухо благодарю я, делая первый шаг на шаткую доску.

Мне приходилось делать вещи и потруднее, напоминаю я себе, переставляя ноги. Шаг, еще шаг. Я вспоминаю, как сбежала из дворца, как плыла в ледяной воде, борясь с течением, как карабкалась по острым скалам, в кровь сдирая ладони и ступни. Я стараюсь не обращать внимания на то, как дрожит и прогибается под моим весом доска, стараюсь не думать о том, как высоко придется падать, если я сорвусь. Я стараюсь вообще ни о чем не думать, пока ноги не ступают на палубу кейловаксианского корабля. Дрожащей рукой я опираюсь на протянутую ладонь Спироса, и тот помогает мне спуститься.

Однако когда в голове у меня снова проясняется, мне хочется запрыгнуть обратно на шаткую доску, потому что я вдруг оказываюсь лицом к лицу с десятками астрейцев и кейловаксианцев: все они глядят на меня и Сёрена — одни потрясенно, другие встревоженно, третьи с надеждой. Впрочем, никто

из них не произносит ни слова, зато все быстро переводят взгляды с меня на Бича Драконов, ожидая ее решающего слова. В толпе я замечаю Блейза и Артемизию — они оба таращатся на меня, открыв рты. На палубе стоят на коленях кейловаксианцы, матросы Бича Драконов приставили ножи к их бледным шеям. Пересчитывать их нет времени, навскидку я определяю, что здесь человек пятьдесят кейловаксианцев, среди них много раненых; астрейцев ненамного больше. В кои-то веки мы превосходим врагов числом.

— Теодосия.

Резкий голос Бича Драконов возвращает меня к реальности. В ее голосе звучит предупреждение, но я различаю нотки тщательно скрываемого удивления. Это хорошо: значит, как бы ее ни рассердило появление Сёрена, она старается не показывать своего гнева. Показать сейчас свои эмоции равносильно для нее потере лица перед командой и кейловаксианцами, а такого она не может себе позволить. Я прямо-таки вижу, как работает ее разум: да, Сёрен вышел из камеры, но здесь достаточно вооруженных членов экипажа, так что принц по-прежнему бессилен. Вместо того чтобы выступить против меня, тетушке выгоднее поддержать затеянную мной игру. Она понимает: если до этого дойдет, некоторые матросы встанут на сторону королевы, а не капитана: пусть немного, недостаточно для настоящего мятежа, но все равно слишком много, на ее взгляд.

Итак, тетушка принимает условия игры. Она стоит на высоком носу корабля, у нее за спиной замер Эриэл, а на палубе перед ней стоит на коленях старый, широкоплечий кейловаксианец — вероятно, капитан захваченного корабля. Если судить по длине его волос, в последний раз он проиграл сражение

много лет назад. Проиграв сегодня, он, возможно, потеряет нечто большее, чем волосы, и знает это. В то время как большая часть его команды смотрит по сторонам бесстрашно, сам он опустил взгляд, его глаза пусты — похоже, он уже сдался.

Однако все меняется, после того как Сёрен переходит по доске и встает рядом со мной.

— *Мин принц,* — говорит пленный капитан хрипло, резко выговаривая кейловаксианские слова. *Мой принц.*

— Капитан Рутгар, — произносит Сёрен без всякого выражения.

Я искоса смотрю на него: глаза принца безжизненны, как и его голос. Можно подумать, он разговаривает с незнакомцем, но это не так.

Бич Драконов кашляет, пронзает Сёрена острым, как кинжал, взглядом.

— Дорогая, ты должна была оставаться на корабле, — сладким голосом говорит она.

Таким тоном обращаются к ребенку или инвалиду. Я проклиная свое решение не переодеваться. Хорошенькое зрелище я, должно быть, являю собой: серая, мешковатая ночная рубашка, слишком большая для меня, тяжелые ботинки, распушенные, растрепанные волосы. Наверное, сейчас я больше похожа на привидение, чем на королеву. Борясь с желанием прикрыться, я выпрямляю спину, вздергиваю подбородок и стараюсь говорить ровно.

— Спирос заверил меня, что никакой опасности нет, и он был прав, — отвечаю я, тоже переходя на астрейский, поскольку кейловаксианцы его не понимают.

Медленно обвожу я взглядом палубу, рассматриваю несколько десятков коленопреклоненных кейловаксианцев, к глоткам которых приставлены

астрейские клинки. Такое зрелище мне в новинку, и я им наслаждаюсь. Я начинаю прохаживаться по палубе, рассматривая каждого пленника, мимо которого прохожу, а Сёрен и охранники следуют за мной. Один из кейловаксианцев, парнишка лет пятнадцати, глядит на меня полными ужаса глазами. Я смотрю на него, пока он не опускает взгляда.

— Какие новости они привезли нам из Астреи? — спрашиваю я у Бича Драконов.

— Никаких, — сквозь зубы признается тетушка. — Пока что.

— Я подумала, что со своим принцем они будут разговорчивее, — говорю я, указывая на стоящего позади меня Сёрена.

Он тоже не понимает, что я говорю, но различает слово «принц» и хмурится.

— Они все равно расскажут все, что мы хотим знать. — Бич Драконов презрительно отмахивается от моего предложения.

— Неужели? — Я поднимаю бровь. — У меня сложилось впечатление, что обычно все как раз наоборот.

Бич Драконов пронзает стоящего у меня за спиной Спироса гневным взглядом, явно намереваясь его отчитать, но я быстро продолжаю:

— Сёрен — их принц, ему они скажут правду, если он сумеет убедить их пойти против кайзера. Многие из этих моряков его знают — или по крайней мере наслышаны о его легендарных победах на поле брани. Возможно, они будут верны ему, а не его отцу.

Вновь повернувшись к Сёрену, я шепчу по-кейловаксиански:

— Нам нужны новости из Астреи, а эти люди ничего нам не расскажут, и тогда Бич Драконов их убьет.

На миг лицо Сёрена искажается, но тут же вновь превращается в бесстрастную маску.

— Это разумно, — явно преодолевая себя, произносит он. — Вот почему никто так и не смог описать ни ее, ни корабль. Именно поэтому никто не знает, кто она такая.

— К тому же никто не донесет твоему отцу о твоём мятеже, а ведь у тебя до сих пор есть сторонники при дворе, — добавляю я.

В глазах принца мелькает понимание.

— Вытащи из них информацию, и мы сможем сохранить жизнь некоторым из них. Превратим их в наших собственных шпионов.

Сёрен кивает и поворачивается к Бичу Драконов.

— Капитан, — произносит он по-астрейски с чудовищным акцентом. Неплохая попытка, но на этом его знание языка заканчивается, и приходится снова переключиться на кейловаксианский. — Если позволите вам помочь, я могу доказать свою верность.

Видно, что Бич Драконов колеблется, она быстро обводит взглядом собравшуюся на палубе команду.

— Только побыстрее, — наконец говорит она по-кейловаксиански, а потом добавляет на астрейском: — Все равно конец будет таким же, как обычно.

Астрейские матросы смеются, и хотя Сёрен не понимает ее слов, общую мысль он определенно ухватил. Юноша делает глубокий вдох, потом смотрит на своих коленопреклоненных соотечественников. Я не сразу соображаю, что он ищет знакомое лицо. Через несколько секунд принц его находит.

Сёрен присаживается на корточки рядом с зеленоглазым молодым человеком лет двадцати с небольшим, длинные светлые волосы которого доходят до лопаток. Тот отвечает принцу сердитым взглядом. Руки кейловаксианца связаны за спиной размоча-

ленной веревкой. Позади пленника стоит астреец, имени которого я не знаю, и держит нож, приставив его к шее юноши.

— Маттин, — говорит Сёрен тихим, мягким голосом. Очевидно, он хочет успокоить юношу, но тот весьма далек от спокойствия. — Помоги мне помочь тебе, Маттин.

Маттин молчит, буравя взглядом палубу возле ног принца.

— Ты хочешь снова увидеть свою жену? — спрашивает Сёрен более резким тоном. — И твою дочь — сколько ей сейчас, четыре?

Теперь ему удалось завладеть вниманием Маттина, тот наконец смотрит на Сёрена, но ничего не говорит, хотя по глазам видно: сомневается.

Сёрен встает.

— Хорошо, здесь есть и другие, — говорит он и медленно начинает отворачиваться от юноши.

— Подождите, — слабым голосом окликает его Маттин, помедлив несколько секунд. — Я буду говорить. Если вы сохраните мне жизнь, я буду говорить.

На долю секунды взгляд Сёрена устремляется ко мне, и я успеваю заметить в его глазах неуверенность, но потом принц поворачивается обратно к Маттину и кивает.

Остальные кейловаксианцы раздражаются негодующими криками, называют Маттина предателем, а также осыпают куда менее благозвучными эпитетами, о значении половины которых я могу лишь догадываться. Однако не все осуждают юношу, я замечаю, что некоторые молчат, опустив глаза, — наверняка раздумывают, как поступить.

МАТТИН

Выудить из Маттина информацию не так-то просто, вероятно, такого Сёрен не ожидал. Я чувствую, как с каждой минутой растёт разочарование принца. У меня самой уже кончается терпение, а Бич Драконов расхаживает взад-вперед перед пленником, даже не пытаясь скрыть раздражения. Несколько членов кейловаксианской команды, добровольно согласившихся говорить, увели вниз, чтобы потом сравнить полученную от них информацию, но большинство захваченных моряков по-прежнему здесь, стоят на коленях, а астрейцы держат у их шей обнаженные мечи.

— Вернулись ли уже в Астрю те, кого кайзер отправил на поиски? — спрашивает Сёрен, кажется, уже в пятый раз.

И снова Маттин пожимает плечами, насколько позволяют связанные за спиной руки. Хоть он и согласился говорить, но упреки, которыми осыпает его кейловаксианская команда, похоже, заставили его передумать. Астреец, охраняющий Маттина, — я узнала, что его зовут Павлос, — сильнее прижимает клинок к шее пленника, порезав кожу, и тот вздрагивает.

— Говорю же, кайзер мне не сообщает о своих планах касательно этой варварки Принцессы пепла

и похищенного принца, — говорит Маттин безразличным тоном.

Несмотря на то что ответ весьма расплывчатый, кейловаксианцы раздражаются градом оскорблений, не обращая внимания на угрозы и мечи астрейцев.

Я жду, что Бич Драконов недовольно подожмет губы, но она улыбается и смотрит на пленника прищурившись, словно тот — сложное уравнение, над решением которого она бьется. Один из кейловаксианцев продолжает выкрикивать оскорбления, и капитан делает знак матросу, который держит нож у шеи пленника. Астреец одним молниеносным движением перерезает смутьяну горло, и тот, не успев даже ахнуть, бездыханный валится на палубу. Мне приходится прикусить губу, чтобы сдержать вскрик, а вот Сёрен и бровью не ведет, по-прежнему не отрываясь смотрит на Маттина.

Бич Драконов переводит взгляд на принца.

— Пока что толку от тебя немного, принц Сёрен, — произносит она по-кейловаксиански, растягивая слова, чтобы ее слышали все присутствующие.

Сёрен качает головой и уже открывает рот, чтобы ответить, но потом снова закрывает.

— Толк есть, — говорю я, делая шаг вперед. — Пусть этот человек не ответил на вопросы, но мы уже многое от него узнали.

Бич Драконов склоняет голову набок.

— Уж и не знаю, что именно ты услышала...

— «Варварка Принцесса пепла и похищенный принц», — повторяю я. — Вот что рассказали народу. Но ты же не пленник, правда, Сёрен? Ты не в цепях, и волен идти куда хочешь. Ты перешел на нашу сторону добровольно.

Сёрен смотрит мне в глаза, и в его взгляде вспыхивает понимание.

— Меня не похищали, Маттин, — лжет он и опускает руку на плечо пленника. Маттин стряхивает его ладонь.

— Значит, эта тварь задурила тебе голову — прибегла к своей варварской магии и околдовала тебя, — выплевывает он достаточно громко, так что слышат все собравшиеся на палубе. — Иначе принц, которому я служил, никогда бы не предал своих братьев.

Матросы начинают перешептываться, и у меня уходит секунда, чтобы сообразить: Маттин говорил обо мне. Сёрен морщится при слове «тварь», но я не уверена, чего ему больше хочется: возразить или рассмеяться. Ни то ни другое делу не поможет. Что бы я сейчас ни сказала, это не поможет убедить Маттина в искренности Сёрена. Бич Драконов тоже ничего не может поделать; конечно, она может приказать его пытать, но не уверена, что даже это поможет развязать ему язык. Нет, только Сёрен может разговорить этого упряма, поэтому я молчу, позволяя принцу продолжать.

— Тут не замешана магия, — говорит Сёрен. — Одна лишь истина, которую я боялся признать раньше. Думаю, вы все знаете правду: мой отец — трус и тиран.

Маттин долго молчит.

— Кайзер расширил границы наших владений и открыл больше возможностей для торговли, — произносит он наконец.

— Нет, Маттин, — говорит Сёрен, обводя взглядом толпу и повышая голос, чтобы никто не пропустил ни слова. — Мой отец слишком долго сидит на троне, он обленился. Он довольствуется пирами, ему нравится, что его почитают, как бога. Но разве бог отправит своих людей на битву, от которой уклоняется сам? Он уже больше двадцати лет не принимает

участия в сражениях, потому что собственную жизнь ценит больше ваших, однако я считаю, что это неправильно. Ваши жены и дочери согласились бы со мной.

Маттин выпрямляется, вскидывает голову и прожигает Сёрена негодующим взглядом.

— Думаешь, ты был бы лучше? Как нам тебе верить, если ты ставишь астрейскую тварь выше собственного народа?

Прежде чем мое сердце успевает болезненно сжаться от обидной горечи этого слова, кулак Сёрена врежется в скулу Маттина, и тот складывается пополам, из его разбитого рта капает кровь. Сёрен хватается молодого человека за связанные запястья, вздергивает на ноги и поворачивает лицом ко мне.

— Ты извинишься, — говорит он и тянет Маттина за руки, так что они едва не выскакивают из суставов.

Пленник морщится, с ненавистью смотрит мне в глаза и выпаливает:

— Ни за что!

На скулах Сёрена перекатываются желваки, он вздергивает руки связанного еще выше, и тот кричит от боли.

— Ее имя — королева Теодосия, и если ты сию же минуту не извинишься за проявленное непочтение, я отдам тебя ее людям, а потом расскажу твоей жене о том, как глупо ты умер.

Маттин рычит и опускает взгляд.

— Извиняюсь, — цедит он сквозь зубы.

Кажется, у Сёрена чешутся руки выбить из моряка еще пару извинений, более искренних, но вряд ли это разумно.

Я кашляю и холодно говорю:

— Принимаю твои извинения. Надеюсь, со временем ты поймешь, что женщины владеют не только

силой, которая у них между ног, — хотя бы ради твоей собственной дочери.

Маттин вздрагивает, а потом Сёрен снова разворачивает его к себе лицом и говорит:

— Я пытаюсь помочь тебе, Маттин. Когда я находился на борту «Гордости», ты больше чем кто-либо другой высказывал недовольство кайзером. Он повысил налоги, и твоим родителям пришлось вкалывать на ферме день и ночь, чтобы все оплатить. Ты рассказывал, что твой отец загнал себя до смерти, потому что всех его пятерых сыновей призвали в армию кайзера. Когда ты получил весть о рождении дочери, ты сказал мне: «Хорошо, что родилась девочка, а не мальчик, а то и ему бы...» Как ты там говорил? «Пришлось умирать из-за жадности гнусного старика»?

Поначалу Маттин не отвечает, но я вижу, что его одолевают сомнения.

— Вы были бы ничуть не лучше, — бормочет он наконец.

Сёрен бросает взгляд на меня, потом опять смотрит на матроса.

— Я никогда не хотел быть кайзером, и никогда этого не скрывал, даже когда мы вместе ходили на этом судне. Мне лишь хотелось свободно плавать на корабле по морю, и сейчас я желаю того же. Будь моя воля, я никогда не вернулся бы ко двору, и все же я повел за собой людей, которые погибли из-за жадности моего отца — в точности как твои братья, как твой отец. Кайзер не успокоится, пока не превратит весь мир в выжженную пустыню. Или пока кто-то его не остановит.

— Поэтому вы присоединились к ним? — спрашивает Маттин, поочередно косясь на Бича Драконов, Павлоса и меня. — Они же с радостью казнят всех кейловаксианцев.

Тут Сёрен медлит и снова глядит на меня. Я понимаю, что он не может лгать, поэтому делаю это вместо него.

— Мы хотим вернуть Астрею, — заявляю я, — только и всего. Мы собираем силы, чтобы свергнуть кайзера, и взамен на нашу помощь Сёрен обещал вывести всех своих людей из нашего дома.

Я почти уверена, что Бич Драконов — или кто-то из остальных астрейцев — засмеется или возразит мне, но, хвала небесам, все молчат. Сёрен кивает.

— Мы живем в трудные времена, — добавляет он. — Возможно, мы не идеальные партнеры, но вместе мы гораздо сильнее, чем поодиночке.

Маттин смотрит на меня, на принца, вздыхает и расслабляется всем телом.

— Говорю же: я ничего не знаю о планах кайзера. Я слишком далек от двора.

Сёрен мрачнеет, но кивает.

— Ты все же можешь вернуться домой, — говорю я. — И убедиться, что люди услышат не только вранье кайзера. Расскажи людям, что Сёрен жив, здоров и восстал против отца.

— Если я это сделаю, вы меня отпустите? — спрашивает моряк, недоверчиво глядя на Бича Драконов.

— Да, — говорю я, прежде чем тетушка успевает ответить. Говоря так, я понимаю, что даю обещание, которое, скорее всего, не смогу сдержать.

Бич Драконов зло щурится.

— Павлос, отведи его вниз, в камеру, — приказывает она скучающим тоном. — Мы сравним его рассказ с тем, что узнали от остальных, и все взвесим. Поощрим того, кто выдал самую полезную информацию.

Павлос опускает нож и уводит Маттина, придерживая за плечо и подталкивая в спину, а Сёрен под-

ходит ко мне и пристально смотрит в глаза. Я слишком хорошо знаю этот его взгляд, но не успеваю ничего сказать: уже в следующий миг раздается пронзительный крик Павлоса. Сёрен загораживает мне обзор, поэтому я вижу только серебристую вспышку и падающего на палубу Павлоса, а еще через секунду Маттин бросается на Бича Драконов.

Команда разражается испуганными криками, но Бич Драконов быстрее, чем я думала, и успевает увернуться, так что занесенный Маттином кинжал вонзается в мачту, к которой женщина только что прислонялась. Еще миг — и лезвие рассекло бы ей горло.

Прежде чем я успеваю понять, что происходит, Сёрен выхватывает кинжал из ножен, что висит у меня на поясе, и одним стремительным движением отправляет его в полет. Клинок вонзается в шею Маттина, чуть ниже затылка в тот самый миг, когда кейловаксианец повторно замахивается на капитана.

Моряк издает жуткий булькающий звук и падает к ногам Бича Драконов, мертвый.

Несколько мгновений никто не двигается — ни Сёрен, ни я, ни астрейцы, ни стоящие на коленях кейловаксианцы. Слышится только напряженное, хриплое дыхание людей и плеск волн, разбивающихся о борта корабля. Все случилось за считанные секунды, но выходит так, что пока Павлос вел Маттина по палубе, тот, уловив момент, выбил из рук астрейца кинжал, перерезал свои путы и пырнул Павлоса, а потом напал на Бича Драконов, хотя мы с Сёреном тоже были совсем рядом. Сёрен спас моей тетушке жизнь, хотя у него было множество причин этого не делать.

И лишь одна причина, чтобы сделать это.

ЧЕСТЬ

После такого остальным кейловаксианцам нечего надеяться на спасение, с ними быстро расправляются, и теперь палуба «Гордости» залита кровью. Бич Драконов недрогнувшим голосом приказывает нескольким членам команды избавиться от тел — можно подумать, будто она велит вытереть со стола разлитый эль.

Мужчины и женщины беспрекословно выполняют распоряжения капитана, остальная команда, повинуясь приказу, расходится. На палубу поднимается Андерс, скользит равнодушным взглядом по лежащим там и тут трупам. Однако при виде Павлоса он хмурится и начинает протискиваться к нам сквозь толпу уходящих моряков. Подойдя, он, озабоченно хмурясь, встает рядом с Бичом Драконов — на мой взгляд, ближе, чем допускают приличия. Очевидно, тетушке тоже некомфортно от такой близости, потому что она делает шаг в сторону.

— Что произошло? С тобой все в порядке? — спрашивает Андерс.

Бич Драконов лишь нетерпеливо отмахивается.

— Я в порядке, — отвечает она, потом глядит на Сёрена с недобрым прищуром. — Один из пленников напал на меня, но *принкити* его остановил.

Видно, что ей стоит огромного труда признать собственную слабость и тот факт, что Сёрен ей помог.

Хотя Сёрен не понимает их диалога, суть его он явно ухватывает. Принц кивает Бичу Драконов, но благоразумно помалкивает.

— Он тебя спас, — медленно произносит Андерс, явно не веря своим ушам.

Услышав это, Бич Драконов ощетинивается, смотрит на Сёрена, и, похоже, ее любопытство берет верх над злостью.

— Почему? — спрашивает она по-кейловаксиански.

Принц пожимает плечами:

— Я не врал, говоря, что перешел на вашу сторону.

Бич Драконов хмурится, и я вижу: она по-прежнему не верит юноше.

— Мы можем его использовать, — снова говорю я по-астрейски. — Его вина велика, и она же его подстегивает. Принц может быть намного полезнее нам в качестве союзника, чем заключенного.

У Бича Драконов раздуваются ноздри.

— Он — один из них и никогда не будет нам союзником, — цедит она сквозь зубы, потом поворачивается к Андерсу. — Мне нужно как можно скорее поговорить с семьей Павлоса. Тебе удалось узнать что-то от пленников, которых отвели в трюм?

Какое-то мгновение мне кажется, что сейчас Андерс проигнорирует вопрос своего капитана и продолжит расспрашивать о неудавшемся покушении, но в конце концов мужчина кивает.

— Каждый из них наговорил достаточно, но в конечном счете их рассказы не вяжутся друг с другом — все как обычно.

— А достоверные сведения есть? — спрашивает Бич Драконов.

Андерс бросает взгляд на меня, на Сёрена, потом снова глядит на Бич Драконов.

— Не уверен, что разумно обсуждать это в такой разношерстной компании, капитан, — осторожно говорит он.

— *Принкити* желает быть полезным, — произносит тетушка по-астрейски. — Возможно, стоит дать ему возможность проверить, какая часть информации верна, а какая — нет. В конце концов, они с Тео знают кейловаксианцев лучше, чем кто-то еще.

— «Принкити» — это же про меня? — шепчет мне Сёрен по-кейловаксиански. — Отвратительное прозвище.

— Боюсь, оно уже к тебе прилипло, — шепчу я в ответ.

— Тихо! — цыкает на нас Бич Драконов. — Так что удалось узнать, Андерс?

Моряк все еще колеблется, поглядывает на Сёрена неуверенно.

— По стране гуляет слухок, будто королева убила Тейна и сбежала, похитив заодно принца. Кайзер предлагает миллион золотых монет за ее голову, и пять миллионов, если королеву приведут к нему живой.

От этого уточнения у меня мороз пробегает по коже, и я клянусь себе, что скорее убью себя, чем позволю кому-то привезти меня к кайзеру живой.

— Мы слышали примерно то же самое. А за *принкити* какая-то награда положена?

Сёрен встревоженно фыркает.

— За *принкити* обещано десять миллионов, — говорит Андерс. — При условии, что его доставят живым и невредимым. Если окажется, что на нем есть хотя бы одна царапина, награда отменяется.

— На самом деле кайзер не хочет вернуть сына, но народ любит своего принца, поэтому приходится

притворяться, дабы убедить всех в своей доброй воле; между тем можно обставить все так, что охотники за головами побоятся братья за это дело — слишком опасно, — замечаю я. Бич Драконов и Андерс поворачиваются ко мне — кажется, их удивляет, что я вообще открыла рот. Я продолжаю: — Все знают, что Сёрен воин. Раз его похитили, значит, он не сдался без боя. Наверняка его ранили, когда он отбивался от похитителей, так что теперь за него не получить награду. Усилия всех охотников за головами сосредоточатся на мне, а именно этого кайзер и добивается.

Брови Бича Драконов ползут вверх, и все же она кивает, потом снова поворачивается к Андерсу.

— Где, согласно слухам, беглецов станут искать в первую очередь?

— Поговаривали, будто королева отправилась в лагерь беженцев, расположенный в Тиммори, — отвечает моряк.

— Хорошо, — кивает Бич Драконов. — Это в трех днях пути к северу от Ста'криверо, а меня заверили, что, как только мы прибудем в город, король Этристо защитит Тео даже ценой собственной жизни.

— Слова легко бросать на ветер, — замечаю я. — Ты ему веришь?

Тетушка пожимает плечами.

— Я верю, что король хочет получить мои деньги, — говорит она. — И верю, что его доля с выкупа за невесту принесет ему намного больше, чем пять миллионов.

С такой логикой трудно спорить, хотя внутри меня все холодеет от слов «выкуп за невесту». При кейловаксианском дворе тоже была такая традиция: девушек продавали в обмен на груды золота, дабы показать, что невеста того стоит. Мне и раньше не нравился этот обычай, хотя тогда речь шла о деви-

цах, которых я почти не знала и которых терпеть не могла. Теперь же продают меня, причем выгоду от этой сделки я принесу не Астрее, а королю Этристо, а также, по-видимому, Бичу Драконов. Я чувствую себя не человеком, а вещью — именно так я всегда чувствовала себя рядом с кайзером.

— А что с пленниками? — спрашиваю я у Андерса, пытаюсь отделаться от неприятного ощущения и сосредоточиться на настоящем. — Они изъявили желание стать нашими шпионами?

— Они изъявляют желание избежать казни, — резко отвечает Андерс.

Бич Драконов качает головой.

— Нет, — говорит она. — С самого начала это был смехотворный план, и случай с Павлосом лишь это подтвердил. Кейловаксианцам нельзя верить. Андерс, отдай приказ.

Приказ убить пленников. Я бросаю взгляд на Сёрена: принц не понимает ни слова, в противном случае немедленно запротестовал бы.

— Уговор был не такой, — говорю я, в упор глядя на тетушку. — Они заключили сделку в обмен на свои жизни.

— Соблюдать следует договоры, заключенные с людьми чести, — возражает Бич Драконов. — А все мы знаем, что кейловаксианцы бесчестны.

— Придется мне очень быстро выучить астрейский, — бормочет Сёрен себе под нос.

Я не обращаю на него внимания.

— А у тебя есть честь? — спрашиваю я у тетушки.

Та обнажает зубы — можно было бы счесть этот оскал улыбкой, но, разумеется, улыбкой тут и не пахнет.

— Нет, — отвечает она. — Именно поэтому я до сих пор жива. Те люди не стоят того, чтобы из-за

них рисковать, поэтому они умрут. Именно поэтому *принкити* вернется обратно в камеру, даже если ты считаешь его полезным.

Я бросаю взгляд на Сёрена. Не для того я вытащила его сюда, чтобы он посмотрел, как убивают его людей, а потом снова вернулся в карцер и сидел там, закованный в цепи. На память приходят слова Артемизии:

«Даже отказавшись вступать в брак, ты обладаешь чем-то, что нужно моей матери, а значит, у тебя есть возможность в какой-то степени контролировать ситуацию».

Мне тошно от всего этого, и все же я говорю то, что должна.

— Сёрен не вернется в камеру, — говорю я Бичу Драконов, отбросив сомнения, и бестрепетно выдерживаю ее изумленный взгляд. — Я мало знаю о мире за пределами Астреи, и мне понадобится совет Сёрена, чтобы выбрать наиболее подходящего мужа, когда мы прибудем в Ста'криверо.

Бич Драконов потрясенно взирает на меня.

— Но, Тео, для этого у тебя есть я и Андерс. Нет необходимости полагаться на принца-предателя.

— Я доверяю Сёрену, — настаиваю я. — Если ты хочешь, чтобы я участвовала в твоем плане, мне нужно, чтобы принца выпустили из камеры и чтобы с ним обращались как с моим советником.

Тетушка поджимает губы — очевидно, обдумывает мои слова.

— Хорошо, — говорит она наконец низким, угрожающим голосом. — Полагаю, сегодня он доказал, что в какой-то мере верен нам, хотя лично я всегда считала верность мужчин явлением крайне непостоянным. Теперь ты отвечаешь за принца, Тео,

и как только он вздумает нас предать, то заплатит за это своей жизнью. Это ясно?

— Как только он вздумает нас предать, я лично его убью, — говорю я.

Выражение лица Бича Драконов становится кислым, но она кивает.

— Удалось ли получить еще какую-то информацию? — спрашиваю я у Андерса.

Тот прочищает горло с таким видом, будто предпочел бы наступить на ржавый гвоздь, чем вклиниться в нашу беседу.

— Есть лишь одна новость, истинность которой нам удалось проверить, — признает он. — Это касается кайзера.

От одного только упоминания о кайзере все мое тело немеет, хотя я изо всех сил стараюсь сохранять спокойное и безразличное выражение лица. «Меня отделяет от этого негодяя целый океан, — напоминаю я себе. — Он не сможет ко мне прикоснуться, даже за пять миллионов золотых монет».

Это еще одно из немногих знакомых Сёрену астрейских слов, и принц тоже замирает, настороженно посматривая то на меня, то на Андерса.

— После вашего побега кайзер женился — свадьбу организовали второпях, так что даже поползли всякие сплетни.

На миг я теряю способность дышать, а когда вновь ее обретаю, спрашиваю:

— На ком?

— На дочке Тейна, — отвечает Андерс. — Кайзер взял в жены леди Крессентию.

ДОВЕРИЕ

Сёрен молчит, пока мы идем по коридору, ведущему к моей каюте. В голове у меня полная сумятица, мысли путаются, я ни на чем не могу сосредоточиться.

— Он сказал «Крессентия», — в конце концов говорит Сёрен, когда мы уже подходим к моей каюте. — Ты так побледнела. Неужели она?..

— Она жива, — отвечаю я. На лице принца отражается облегчение. Я не говорю, что смерть была бы для моей бывшей подруги лучшей участью.

— Я рад, — продолжает принц. — Когда я вернулся ко двору, отец распланировал за меня мою дальнейшую жизнь, и в этих планах присутствовала Крессентия. Сначала я возненавидел ее за это, но ее вины в том не было. Тебе ведь не безразлична ее судьба, правда?

Я вспоминаю, как в темнице Кресс стояла по ту сторону решетки — лицо словно застыло, глаза безумные, обугленная кожа, белые волосы. Тогда от ее прикосновения расплавились железные прутья. Моя бывшая подруга, сердечная сестра. Теперь она мне никто.

«Однажды, когда я стану кайзериной, я сожгу дотла всю твою страну вместе со всеми живущими

в ней людишками», — сказала она мне злобным, звенящим от боли голосом. И вот, она кайзерина, и теперь ничто не помешает ей выполнить то страшное обещание.

— Я ее не знаю, — говорю я Сёрену. — А она не знает меня.

Я открываю дверь своей каюты и обнаруживаю, что внутри меня ждут Блейз, Цапля и Артемизия. Увидев меня, Блейз вскакивает с моей койки, на которой сидел, согнувшись в три погибели.

— С тобой все в порядке? — восклицает он по-астрейски. — Мы были в трюме, помогали допрашивать пленников, но слышали, будто один из кейловаксианцев напал на...

— С нами все хорошо, — заверяю я друга, переходя на кейловаксианский, чтобы Сёрен понимал, о чем идет речь. — Кейловаксианец убил Павлоса и пытался зарезать Бича Драконов, но Сёрен ему помешал.

Три пары глаз обращаются к стоящему у меня за спиной принцу. Друзья молчат, но я прямо-таки слышу десятки невысказанных вопросов.

— Он спас жизнь Бичу Драконов и доказал свою верность нам, — говорю я.

Артемизию так просто не проведешь. Она щурится, разом становясь до дрожи похожей на свою грозную матушку.

— И? — вопрошает она.

Я отвожу взгляд.

— И я заметила, что дипломатический опыт Сёрена делает его незаменимым советником по части выбора супруга, коль скоро в Ста'криверо меня встретит целая толпа потенциальных женихов.

Собственные слова режут слух.

Блейз становится мрачнее грозовой тучи.

— Ты — королева, и не можешь выйти замуж не пойми за кого.

— Это все равно случилось бы, — вздыхаю я, присаживаясь на край кровати. — Бич Драконов продолжала бы гнуть свою линию и не отстала бы, пока не загнала бы меня в угол. Тогда все выглядело бы так, словно она может мной управлять. — Я натягиваю одеяло на дрожащие плечи. — А так я хотя бы согласилась на собственных условиях.

Сердитый Блейз издает нечленораздельный горловой звук, но ничего не говорит. Я смотрю на Сёрена — тот по-прежнему мнетя в дверях. Цапля исцелил только синяки и порезы принца, чтобы тот выглядел как наш гость, а не пленник, но сейчас становится ясно, что Сёрену все еще больно: он старается не наступать на правую ногу и морщится, если приходится двигать руками.

— Тот пленник не пытался добраться до тебя? — спрашивает Артемизия, отвлекая меня от Сёрена.

Не удержавшись, я фыркаю:

— Спасибо за беспокойство, Артемизия. Нет, не пытался.

Она возводит глаза к потолку.

— Я просто хотела сказать, что это удивительно, учитывая, что кейловаксианцы, которых я допрашивала, сообщили, что за твою голову обещана награда.

— Я понятия не имею, о чем думал тот бедняга. Полагаю, он догадался, что живым его не отпустят, поэтому решил попытаться убить Бича Драконов — так он хотя бы погиб, как герой. Думаю, мысль о награде даже не приходила ему в голову, — говорю я, хотя что-то в собственных словах не дает мне покоя.

— Маттин всегда мечтал о подвигах, только ему не хватало мозгов, чтобы просчитывать последствия своих действий, — говорит принц, качая головой.

Довольно правдоподобное объяснение, но Сёрен не умеет врать — я же вижу, как подрагивают его ноздри. Верный признак лжи.

— Итак, за наши головы назначена награда, — говорю я, отворачиваясь от Сёрена. — Еще кейловаксианцы ищут нас в Тиммори, а кайзер женился на Крессентии. Это все новости?

— Что он сделал? — переспрашивает Сёрен, его лицо искажается от отвращения.

— Они поженились спустя два дня после нашего отплытия из Астреи, а еще через день Крессентию короновали, — кивает Блейз. — Все пленники, которых мы допрашивали, это подтвердили.

— Но... Он же сватал ее за меня, — бормочет принц. Кажется, его сейчас стошнит.

— Твоя карта бита, — поясняю я. Меня и саму мутит, и все же я пытаюсь рассуждать логически. — Народ и так уже любил Тейна едва ли не больше самого кайзера, а погибнув, прославленный военачальник стал еще популярнее, превратился в народного героя. Тень этой славы пала и на его дочь — при дворе станут симпатизировать Кресс, и часть этого доброго отношения достанется кайзеру, а уж тот не преминет воспользоваться этим.

— Не говоря уже о том, что она очень красива, — добавляет Сёрен. — Десятки аристократов пытались добиться ее руки. Мой отец любит получать то, чего хочется всем остальным.

«Крессентия больше не красива», — хочется возразить мне. Во всяком случае, не для кайзера. Хотя, возможно, он находит ее силу пугающей. Возможно, ужас для него — в некотором роде красота, которую кайзер захотел подчинить себе. Ничего этого я не произношу вслух, даже мысли об этом вызывают тошноту.

— А ей-то это зачем? — спрашивает принц с нескрываемым ужасом в голосе.

«Из-за меня», — думаю я и снова не высказываю эту мысль вслух.

— Кресс растили как будущую кайзерину, — говорю я. — Уверена, она предпочла бы выйти за тебя, но возможность брака с тобой исчезла. Она сделала то, что должна была, ради того, чтобы получить желаемое.

— Ты не можешь ее жалеть, — заявляет Артемизия, и непонятно: то ли она не может поверить своим ушам, то ли отдает мне приказ.

— Она была моей подругой. — Я впервые призналась в этом друзьям, хотя они, вероятно, и так уже догадались. — А поскольку я сама была на волосок от того, чтобы выйти за кайзера, я не могу ее не жалеть.

— На волосок от чего ты была? — спрашивает Блейз, так выпучив глаза, что они того и гляди выпадут из глазниц.

Я морщусь. Совсем забыла, что не поделилась этой информацией со своими Тенями.

— Если бы ты об этом узнал, то стал бы настаивать на моем немедленном побеге из дворца, — замечаю я ровным тоном. — Я не рассказала вам, и мы все равно покинули страну прежде, чем это произошло.

Это правда, и все-таки я не могу не думать о том злосчастном последнем пире, о руке кайзера на моем бедре, о его зловонном дыхании. Подавив дрожь, я смотрю на Сёрена. Очевидно, он тоже не забыл ту ночь. Задержись мы хоть на день... нет, я не стану об этом думать. Кайзер больше никогда ко мне не прикоснется.

«Но он прикасается к Кресс», — напоминаю я себе. Она теперь его жена и, хоть я и уверена, что

она вышла замуж добровольно, не думаю, что ее радует жизнь в браке.

Я отбрасываю эту мысль и сосредотачиваюсь на настоящем, на том, что нужно сделать немедленно.

— Сёрен, тебе надо поспать, — говорю я принцу, потом поворачиваюсь к Цапле. Ужасно не хочется снова его просить, но приходится. — Ты не мог бы окончательно исцелить Сёрена? Пожалуйста!

Цапля хмурится и уже открывает рот, чтобы ответить, но Сёрен его опережает.

— Со мной все хорошо, — заверяет он меня и, очевидно, сам понимает, как неубедительно звучат его слова. — Со мной все будет в порядке, — поправляется он. — Ничего смертельного, время и уход все поправят.

Цапля медленно выдыхает и качает головой.

— Я могу тебя вылечить.

— Я больше ничего от тебя не приму, — заявляет принц. — Пара треснувших ребер, растянутая лодыжка — бывало и хуже. Все нормальные люди прекрасно лечат подобные травмы без всякой магии.

Мгновение Цапля ничего не говорит, словно не понимая, что за игру затеял принц, потом пожимает плечами.

— Тебе понадобится помощь с перевязкой, — бурчит он. — Не говоря уже о чистой одежде. Мои вещи будут тебе велики, а вещи Блейза — малы, так что придется обходиться тем, что есть.

Сёрен кивает.

— Спасибо.

Артемизия смотрит на кейловаксианца так, словно ее мучает какая-то внутренняя борьба.

— Я знаю, где моя мать хранит запасную одежду. Могу стащить пару комплектов к завтрашнему утру и пару сапог.

— Спасибо, — повторяет Сёрен.

Блейз не смотрит на принца, даже когда заговаривает с ним.

— Можешь занять мою койку, все равно я провожу ночи здесь, с Тео.

Мне хочется стукнуть Блейза за то, каким тоном он это произносит: он будто заявляет свои права на меня. Так собака мочится на свое любимое дерево. Я уже открываю рот, чтобы сказать это, но Сёрен меня опережает.

— Разумно ли это? — обеспокоенно спрашивает он. Он быстро обегает взглядом ребят и хмурится. — Я лишь хочу сказать... после всего, о чем мы говорили, — заканчивает он, обращаясь ко мне.

Я прикусываю губу и смотрю на Блейза — судя по лицу, тот медленно складывает в уме два и два — потом на Артемизию и Цаплю. Я помню, как мы разговаривали с Сёреном, когда попали на «Туман»: принц утверждал, что Блейз — берсерк, а я заявила, что это невозможно, хотя сама себе не верила. Цапля сам обо всем догадался, и я удивилась бы, если бы Артемизия не сделала такой же вывод, однако это не то, в чем все мы готовы признаться.

— Ты ошибаешься. Блейз не опасен, — говорю я, глядя при этом на Блейза. Я почти жду, что Сёрен станет протестовать, но он молчит. Артемизия не спрашивает, о чем мы говорим, и, бросив на нее быстрый взгляд, я понимаю: тема нашего разговора для нее далеко не тайна.

— У всех был длинный день, — произношу я после короткой, но очень неуютной паузы. — Цапля, пожалуйста, дай Сёрену что-то, чтобы он мог поспать сегодня ночью. Блейз, покажи ему дорогу в свою каюту. Артемизия, попробуй улестить кого-

то из дежурных на камбузе, возможно, получится раздобыть дополнительную порцию галет и фляжку воды. Мы обсудим все еще раз, только уже завтра утром.

Едва я заканчиваю переодеваться в ночную рубашку и протирать лицо влажным полотенцем, как возвращается Блейз — туча тучей. Предполагается, что он выглядит бесстрастным, но я слишком хорошо его знаю и вижу, что в уголках его губ притаился гнев. Нетрудно угадать, что именно так его разозлило.

— Я ничего ему не говорила, — заверяю я друга, не дожидаясь, когда он начнет меня обвинять. — Принц видел много берсерков, и ему известны симптомы лучше, чем всем нам, вместе взятым.

Губы Блейза сжимаются еще плотнее, но он кивает.

— А Цапля и Артемизия тоже знают?

Я пожимаю плечами:

— Цапля упомянул об этом. Артемизия ничего мне не говорила, но явно поняла, на что намекал Сёрен, коль скоро она совершенно не выглядела удивленной.

— Короче говоря, все уже знают. — Блейз издаст безрадостный смешок. Стены и пол каюты вдруг начинают пульсировать, словно стенки огромного сердца. Наверное, так сейчас бьется сердце Блейза. Сначала я думаю, что мне это только кажется, но потом прикладываю ладонь к стене и чувствую, как пульсация учащается, и ритм моего собственного сердцебиения также ускоряется. У меня внутри все переворачивается: это проявление дара Блейза. Он ведь Защитник земли. Земля связана с деревом, из которого сделан корабль, дар юноши влияет на де-

рево, хотя и не должен. Блейз ничего не замечает, он не отрываясь смотрит на меня.

Теперь дрожь слегка утихает, но я помню, что однажды Блейз уже вызвал землетрясение. Интересно, для него так же легко разнести корабль на куски?

Я сглатываю, пытаюсь унять растущую в душе панику, и говорю мягким, спокойным голосом:

— Блейз. — Я пристально смотрю ему в глаза. — Ребята понимают, что все не так-то просто. Они тебя не боятся.

Озвучивая эти слова, я понимаю, что лукавлю. Пусть я знаю Блейза лучше, чем кто бы то ни было, но в данную минуту я сама его боюсь. Не самого Блейза, а того, на что он способен, того, что он может натворить, пусть и невольно. Я заставляю себя дышать ровно, говорить тихо. Я не хочу его бояться, и все же внутри меня стягивается тугой клубок страха.

«Он бы никогда мне не навредил», — напоминаю я себе, но страх не так-то просто контролировать с помощью логики.

Блейз обхватывает себя за плечи, закрывает глаза и несколько раз медленно вдыхает и выдыхает. Стены перестают пульсировать, и все же я никак не могу расслабиться. В памяти снова звучат слова Сёрена: Блейз опасен. «Неправда», — возражаю я сама себе. Даже если порой Блейз теряет самообладание, до сих пор он всегда успевал остановиться до того, как становилось слишком поздно. Блейз сам сказал: дар для него не благословение, но и на безумие не похож.

Юноша прикусывает губу и несколько секунд стоит неподвижно, успокаиваясь.

— Если Бич Драконов узнает, — говорит он наконец так тихо, что я с трудом разбираю слова, — то не позволит мне остаться на корабле. Если не убьет на месте, то просто выгонит.

— Я не позволю ей сделать ни того, ни другого, — заверяю я его.

Блейз качает головой.

— Ты только что использовала свой единственный рычаг давления на нее, чтобы освободить *принкити*, — замечает он. — К утру весь корабль будет говорить, что ты в него влюблена.

Я отворачиваюсь от него и смотрю на кровать, хотя понимаю: друг прав. Согласившись встретиться с женихами, я разыграла единственную карту, которую могла использовать против Бича Драконов, и теперь я полностью в ее власти. Откинув одеяло, я ложусь, укрываюсь и только потом позволяю себе посмотреть на Блейза, постаравшись выглядеть спокойной.

— Я не могу запретить людям сплетничать.

Лучше бы Блейз оставил эту тему, но я слишком хорошо его знаю, поэтому совершенно не удивляюсь, когда он спрашивает:

— Так ты в него влюблена?

— Нет, — быстро отвечаю я. — Но мне не нравится, что ты обращаешься со мной, как с игрушкой, на которой можно вырезать свое имя, чтобы никто другой ее не забрал.

— Я не...

— Да-да, — перебиваю я. — Ты сказал ему, что мы проводим ночи вместе.

— Так и есть.

— Ты сказал это двусмысленно, и сам это знаешь.

Сначала Блейз не отвечает, просто молча стоит и смотрит на меня сердито и с обидой.

— Ты согласилась выйти замуж абы за кого, чтобы спасти этого *принкити*. Кейловаксианца.

У меня внутри все переворачивается, и я произношу безмятежным тоном:

— Я согласилась выйти замуж абы за кого ради Астреи, потому что это лучшая возможность для нас сравняться с кейловаксианцами по силе, прежде чем мы встретимся с ними на поле боя. И если из этой сделки можно извлечь дополнительные выгоды, не вижу причин от них отказываться.

Блейз качает головой.

— Ты только что поставила свои желания выше чаяний своего народа, и твои люди это запомнят.

Эти слова ранят меня, как кинжал.

— Это было правильно. — Я перехожу почти на шепот. — Не только для Сёрена, но и для Астреи. Это был единственный выход.

Одно бесконечно долгое мгновение друг смотрит на меня пронзительным взглядом, его глаза поблещивают в полумраке.

— Повторяйте себе эти слова почаще, ваше величество.

Не говоря больше ни слова, он поворачивается и выходит за дверь, оставив меня одну.

— Это ты развязал Маттина, — говорю я Сёрену на следующее утро, когда мы завтракаем в каюте, которую принц делит с Цаплей. Все остальные разошлись по своим дежурствам, но у нас с Сёреном никаких дел нет, поэтому я пытаюсь учить принца астрейскому, пока есть время. Завтра мы прибываем в Ста'криверо.

Принц поднимает глаза от листа пергамента, на котором я записала несколько астрейских слов и их кейловаксианскую транскрипцию.

— Не понимаю, о чем ты, — говорит юноша, но у него опять подрагивают ноздри, он отводит взгляд, потом снова смотрит на пергамент.

— Очень умно, — продолжаю я. — А главное — это сработало, ведь ты свободен, в каком-то смы-

сле. Во всяком случае, цепи с тебя сняли. Вот только Павлос мертв, как и все пленники, из которых мы хотели сделать шпионов.

Сначала принц не отвечает, хотя бледнеет при упоминании убитых кейловаксианцев. Он качает головой.

— Если бы я развязал Маттина, это был бы просчитанный риск, — говорит он наконец, не поднимая глаз от записей. — В таком случае я выбрал бы самого худшего мечника в команде «Гордости», глупого, но храброго. Я знал бы, что, развязав его, дал ему понять, что я на его стороне, а заслонив тебя, показал бы, что я тебя защищаю. Я мог бы предположить, что этот человек отберет оружие у Павлоса и нападет на него, но, поскольку Маттин никудышный боец, я бы надеялся, что астреец отделается легким ранением. Я должен был бы убедиться, что смогу завладеть твоим кинжалом и остановить Маттина прежде, чем он убьет Бича Драконов.

Он рассуждает вроде бы гипотетически, но я знаю, что на самом деле он рассказывает мне, что случилось.

— Ты убил моряка из команды Бича Драконов, чтобы доказать ей, что тебе можно верить, — медленно произношу я. — Ты хоть понимаешь, насколько это изощренный план? Почему меня должны заботить твои предположения и надежды? Ты ошибся, и человек умер, как пешка в твоей игре.

Принц ничего не отвечает, просто смотрит в пол, его щеки краснеют от стыда.

— Пожертвовать кем-то другим, чтобы изменить собственную судьбу к лучшему... Так вполне мог бы поступить твой отец, — замечаю я.

— Знаю, — признает Сёрен, и видно, что каждое слово дается ему нелегко. — Когда я стоял там, на

палубе, проигрывая все это в уме, я слышал именно его голос.

Признание повисает между нами, и ни один из нас не знает, что сказать.

— Временами я тоже его слышу, — говорю я спустя, кажется, вечность. — Каждый раз, когда я выступаю против Бича Драконов или пользуюсь словом «королева», как оружием, чтобы получить то, что хочу. Я слышала его, когда убеждала Спиросу выпустить тебя из камеры.

Сёрен издает безрадостный смешок.

— Разница в том, что мой отец, не задумываясь, оставил бы меня умереть в той камере.

Я качаю головой.

— Нет, если бы выпустив тебя, он получил тактическое преимущество, даже если бы при этом пострадали люди, ожидавшие от него помощи, — возражаю я. — Выпустить тебя было правильно, но я поступила так не поэтому, и это меня пугает.

Сёрен явно не решается ответить.

— Про моего отца можно сказать много ужасного... И многое мы уже сказали. При мысли о том, что я становлюсь похожим на него, мне хочется содрать с себя кожу. И все же нельзя отрицать его победы на поле боя. Он чудовище, но, возможно, лишь поняв его, мы сумеем выиграть.

Его слова успокаивают меня сильнее, чем должны бы. Мне по-прежнему претит мысль о том, чтобы действовать как кайзер, и вряд ли я изменю мнение, вне зависимости от того, чем Сёрен пытается оправдать необходимость ужасных поступков. И все же приятно осознавать, что есть человек, который знает все твои темные стороны, и все равно принимает тебя такой, какая ты есть.

ЭТРИСТО

«Туман» подходит так близко к берегу Ста'криверо, как только можно без риска сесть на мель. Во время нашего визита большая часть команды останется на борту, но Бич Драконов и я должны жить во дворце в качестве гостей короля Этристо. Не стану отрицать, я с нетерпением жду возможности выспаться в нормальной кровати, стоящей на твердом, ровном, неподвижном полу — больше никакой качки, никакого сырого морского воздуха, и не нужно бояться, что налетит шторм.

Сёрену, Блейзу, Артемизии и Цапле позволено присоединиться к нам с Бичом Драконов в качестве моих советников, так же как ее собственным помощникам. Хотя здесь она уже не Бич Драконов, а принцесса Каллистрада, моя любимая тетушка, вышедшая из тени после моего побега и помогавшая мне до сих пор. Этой историей Бич Драконов попотчевала короля Этристо в их переписке, дабы не раскрывать свое пиратское имя. Нам всем нужно твердо запомнить: называть ее исключительно «тетя» или «принцесса», но никак не «капитан».

Таково ее указание, и все же я с удовольствием думаю о том, что получила капельку власти над ней.

Всего одним словом я могу раскрыть ее личность и навсегда перечеркнуть судьбу.

С величайшими предосторожностями я вместе со своими советниками забираюсь в небольшую шлюпку, то и дело поглядывая на Бича Драконов: она вместе с Андерсом и Эриэлом сидит во второй шлюпке.

— При первых признаках опасности мы немедленно тебя вытащим, — говорит Блейз.

Цапля и Сёрен садятся на весла и гребут к берегу. Блейз тоже хотел грести, но Цапля и Сёрен явно сильнее его, так что Блейз нехотя соглашается уступить им весла.

— Мы на войне, — говорю я ему. — Опасность неминуемо наступит, и я готова встретить ее лицом к лицу.

— Бежим только в самом крайнем случае, — добавляет Артемизия. — Конечно, можно и дальше вести себя так, словно Тео сделана из стекла — и, разумеется, при дворе этого Этристо придется делать вид, будто так и есть — но она не такая. К тому же нам нужен Этристо, хоть и не хочется это признавать. Нам нужна его помощь гораздо больше, чем мы нужны ему, и тебе следует знать, что ему об этом прекрасно известно. — Она поворачивается ко мне. — Ты милая, покорная и тупая.

Я отшатываюсь:

— Извини?

Артемизия усмехается:

— Тебе придется сыграть еще одну роль. Ты же отличная актриса.

Меня подмывает взглянуть на Сёрена: он работает веслом, и говорить ему не с руки, но он определенно слышит наш разговор.

— Пусть думают, что ты глупая, — продолжает Артемизия. — Король, его двор, твои женихи. Если

они будут считать тебя идиоткой, то станут недооценивать. Дай им такую возможность.

Я проглатываю ком в горле и киваю. Необходимость снова притворяться тем, кем я не являюсь, вызывает отвращение, но Артемизия права.

* * *

Ста'криверо — страна песка. Пока мы подходим к берегу, я вглядываюсь в горизонт, но смотреть особо не на что. Куда ни глянь — всюду песчаные дюны, похожие на огромные волны; ни деревца, ни зелени. На первый взгляд кажется, что в этом краю невозможно выжить.

Когда шлюпка причаливает, я вижу вдалеке какое-то движение. К нам приближается вереница белых экипажей, но из-за ярких солнечных лучей кареты кажутся бесформенными и расплывчатыми.

Первое, на что я обращаю внимание, после того как Блейз помогает мне выйти из лодки, — жара. В шлюпке тоже было довольно жарко, но море забирало часть тепла и остужало воздух. На берегу нет спасения от зноя. Солнце светит так ярко, что мне приходится щуриться и закрывать глаза ладонью, чтобы видеть происходящее вокруг.

Экипажи останавливаются на изрядном расстоянии от берега и располагаются полукругом. Теперь, когда они подъехали ближе, я вижу, что повозки лишены крыш, вместо них над головами седоков натянуты тряпичные тенты. В каждой карете сидит несколько мужчин и женщин, с ног до головы одетых в белое.

— Король и его свита, — подсказывает Сёрен, подходя ближе ко мне.

— У белого цвета есть какое-то символическое

значение в этой стране? — спрашиваю я, тыльной стороной ладони утирая со лба пот.

— Нет, — отвечает Артемизия, вставая по другую сторону от меня. — Белая ткань отражает солнечные лучи, чтобы придворные не сварились заживо. Вернувшись во дворец, они переоденутся в наряды поярче.

Да, у светлой одежды есть свои плюсы. Мое темно-фиолетовое платье сшито из воздушного шелка и лишено рукавов, однако под раскаленным солнцем я буквально истекаю потом. Даже после того как Цапля зашил все прорехи, а Артемизия с помощью водного дара отчистила пятна, платье по-прежнему напоминает мне о том дне, когда я надевала его в последний раз — тогда меня бросили в темницу. Артемизия и Цапля неплохо над ним потрудились: оно выглядит так же, как в тот день, когда Кресс мне его подарила, и почему-то это кажется мне несправедливым, учитывая, как сильно я сама изменилась с тех пор.

— Они к нам не подходят, — замечаю я, рассматривая глядящих на меня ста'криверийцев.

— Ждут, что мы подойдем к ним первыми, — поясняет Бич Драконов, направляясь к нам. Следом за ней от их шлюпки идут Андерс и Эриэл. Кажется, тетушке очень некомфортно в черном шелковом платье, еще бы, у него такой высокий ворот, что кажется, будто он ее душит. — Этристо хочет, чтобы мы не забывали, кто здесь главный.

Судя по тону, она не в восторге от этой идеи, но делать нечего. Артемизия отступает в сторону, а ее мать подходит ко мне, приобнимает за плечи и тянет за собой.

— Говорить буду я, — объявляет она мне, даже не потрудившись скрыть, что это не просьба, а при-

каз. — Улыбайся, кивай, отвечай коротко и любезно. Ты же справишься, правда?

Я подавляю желание вырвать руку из ее хватки, но на нас все смотрят. Пару минут назад Артемизия советовала мне делать то же самое, но разница между словами дочери и матери огромная. Артемизия предложила мне прикинуться дурочкой, а Бич Драконов относится ко мне как к дурочке.

— Конечно, тетушка, — отвечаю я с приторной улыбкой. В конце концов, кто сказал, что я не могу разыгрывать идиотку и перед Бичом Драконов? Если она тоже будет меня недооценивать, мне это только на руку.

Когда мы подходим ближе, я наконец могу получше разглядеть ста'криверийцев. Хотя их одежды похожи, сами люди разительно отличаются друг от друга. В отличие от бледных, светловолосых кейловаксианцев и смуглых, кареглазых, темноволосых астрейцев, среди жителей Ста'криверо есть люди с угольно-черной кожей, а есть бледнокожие. А их волосы! Большинство придворных носят шляпы, дабы защититься от обжигающих солнечных лучей, но из-под головных уборов выглядывают шевелюры всевозможных цветов: черные, огненно-рыжие, светлые, точно песок у меня под ногами, — каких только оттенков тут нет!

Когда мы подходим ближе, я замечаю, что в гривы и хвосты запряженных в экипажи коней вплетены драгоценные камни, ярко блестящие на солнце. Сначала меня обжигает мысль: это живые камни, благодаря которым животные могут двигаться быстрее, но нет. Они совершенно другого цвета, ничего похожего на камни воздуха. Это просто демонстрация богатства.

Я вспоминаю, как Артемизия сказала про ста'криверийцев: «Ценности им ни к чему, а вот красивые вещи они любят».

Когда мы проходим полпути между берегом и экипажами, Бич Драконов резко останавливается, и я следую ее примеру. Судя по шуршанию песка позади, наши спутники тоже остановились.

— Мы же не можем слишком быстро согласиться на их условия, верно? — мурлычет тетушка мне на ухо. — Вторую половину пути они пройдут сами.

Я киваю, хоть и не уверена, что все будет именно так. Несколько долгих секунд ста'криверийцы сидят в своих экипажах и рассматривают нас так, будто мы — пара диких животных, привезенных специально им на потеху. Некоторые даже достали позолоченные подзорные трубы, чтобы лучше видеть. Под их любопытными взглядами и палящими солнечными лучам я начинаю потеть еще сильнее, и отчаянно жалею об этом. Пот оставляет на шелке отвратительные разводы, и едва ли в таком виде я произведу благоприятное впечатление на короля Этристо.

Я уже открываю рот, чтобы предложить Бичу Драконов пожертвовать остатками гордости и пройти оставшуюся часть пути самим, как вдруг внимание ста'криверийцев привлекает что-то, происходящее с их стороны.

— Наконец-то, — едва слышно бормочет Бич Драконов.

К нам направляются четверо светлокожих мужчин, они несут огромный, затянутый тканью паланкин, закрепленный на металлических шестах. Носильщики идут быстро, хотя их ноги вязнут в песке, и, глядя на их слаженные движения, я предполагаю, что они проделывают этот фокус регулярно.

Остальные ста'криверийцы поспешают следом.

Когда процессия оказывается футах в десяти от нас, четверо носильщиков синхронно останавлива-

ются и одним слаженным движением опускают свою ношу. Зрелище впечатляющее: все четыре угла паланкина касаются песка одновременно.

Мучительно долгое мгновение ничего не происходит. Бич Драконов и собравшиеся за паланкином ста'криверийцы выжидательно смотрят на него, поэтому я делаю то же самое. Наконец белый полог приподнимается, и показывается морщинистая, медно-красная рука. Затем взорам собравшихся является трость, на первый взгляд вырезанная из лазурита. Раздается болезненное ворчание, и из-за полога появляется сгорбленный человек, одетый в такие же одежды, что и свита. Единственным отличием служит венчающая его лысую, покрытую старческими пятнами голову корона — причудливое переплетение золотых веточек, усыпанных таким количеством разноцветных драгоценных камней, что я затрудняюсь перечислить их названия.

У человека довольно заурядная внешность, не будь короны, я бы ни за что не подумала, что передо мной правитель страны. Задрапированный в белое, опирающийся на блестящую трость старик напоминает мне жреца, одного из тех, что служили в шахтах до Вторжения. Сёрен и Артемизия оба ошибались: королю по меньшей мере лет восемьдесят, а может, и девяносто, и, судя по его тяжелому дыханию и шаткой, неуверенной походке, вряд ли он переживет путешествие длиннее, чем разделяющий нас десяток шагов. Похоже, четверо ста'криверийцев, которые принесли сюда паланкин, считают так же: они следуют за королем по пятам, словно тот в любой момент может рассыпаться. Вероятно, это не просто носильщики, а личная охрана монарха.

Кряхтя, король взмахом руки приказывает своим слугам остановиться, а сам проходит еще пару ша-

гов, пока не оказывается перед нами. Старец такой сгорбленный, что едва достаёт мне до плеча, а Бич Драконов на своих каблуках и вовсе возвышается над ним, как башня.

— Ваше величество, — говорит Бич Драконов по-астрейски и склоняет голову. — Какое счастье лицезреть вас лично. Вы прекрасно выглядите.

Король опять крихтит, хотя мне кажется, что так он пытается скрыть недоверчивый смешок. Он едва достаивает Бича Драконов взглядом.

— Не имел чести встречать вашу сестру, хотя мне сказали, вы с ней были близнецами.

Бич Драконов медлит всего мгновение, но этого достаточно, чтобы стало ясно: тема ей неприятна.

— Да, ваше величество. Я принцесса Каллистрада. В своих письмах Бич Драконов сообщил вам, что я долго скрывалась, но, узнав, что есть такая необходимость, поспешила на помощь к моей племяннице, королеве Теодосии Айрен Оузза.

Она указывает на меня. Странно слышать мой полный титул из ее уст. Она словно накидывает мне на плечи плащ, но не верит, что я когда-нибудь вырасту настолько, чтобы он стал мне по размеру.

— Как жаль, что Бич Драконов сам не смог прийти на берег, — говорит король Этристо Бичу Драконов. — С удовольствием встретился бы с этим неуловимым пиратом.

— Но тогда он перестал бы быть неуловимым, ваше величество, — с улыбкой отвечает Бич Драконов.

Король Этристо недовольно кашляет, потом наконец поворачивается ко мне. Его слезящиеся глаза осматривают меня с ног до головы. Я заставляю себя стоять прямо и держаться с достоинством.

— Королева Теодосия, — произносит старик после секундного молчания. Его хриплый голос так

тих, что еле-еле слышен. Он слегка кланяется, хотя видно, что это дается ему с трудом.

— Король Этристо, — отвечаю я, делая реверанс. Я решаю тоже говорить на астрейском, раз король его понимает. — Я так благодарна за ваше гостеприимство и участие к моей ситуации.

— Вы прошли через тяжкие испытания, как я слышал, — подхватывает Этристо. Он говорит по-астрейски довольно прилично, хотя в его устах слова звучат тяжеловесно, не как у коренных астрейцев. — Мы счастливы посодействовать вам в борьбе против этих кейловаксианских зверей, хотя, вижу, вы привезли к нам одного из них. Как необычно.

Король глядит поверх моего плеча, туда, где стоят Сёрен, Цапля, Блейз и Артемизия. Этристо рассматривает принца примерно так же, как меня: словно пытается решить, какую выгоду можно от него получить. Остальных моих спутников он вовсе не удостоивает взглядом — полагаю, считает их бесполезными за отсутствием достойной родословной.

— Лучший союзник тот, который понимает твоего врага, вы так не считаете? — говорю я, глядя на короля со слащавой улыбкой, которую не нацепляла на лицо с тех пор, как покинула Астрею. — Кто же поймет кайзера лучше его родного сына?

— М-м-м... — хмыкает король Этристо, снова скользя взглядом по Сёрену и поджимая губы.

— Принц доказал свою верность, — вмешивается Бич Драконов. Взгляд короля Этристо снова обращается к ней. — А если он вдруг надумает нас предать, то быстро поплатится за это. Верно, Теодосия?

Милый тон, которым это сказано, меня не обманывает: она смотрит на меня со снисходительной улыбкой, а на короля Этристо глядит так, словно говорит: «Дети есть дети, что с них взять?» Очень

хочется возразить, но я вовремя прикусываю язык. Пусть правитель Ста'криверо считает меня глупым ребенком, и тетушка пускай думает так же.

— Конечно, тетя, — отвечаю я.

Король Этристо кричит, снова смотрит на Сёрену и переходит на кейловаксианский.

— В прошлый раз, когда я видел вас, принц Сёрен, вы подчинялись другому сюзерену. Разумеется, вы не первый человек, поддавшийся чарам хорошенького личика.

Я беспокоюсь, что Сёрен скажет что-то, о чем мы все пожалеем, но король Этристо не дает принцу возможности ответить и продолжает:

— А личико и впрямь прелестное, моя дорогая. — Сцапав мою руку костлявыми пальцами, он подносит ее к сухим губам. — Как жаль, что такая очаровательная девушка одна в этом мире, но ведь для этого мы все и собрались, не так ли? — Окончание вопроса он произносит, обернувшись к своим придворным, и те нестройным хором бормочут нечто одобрительное. — Другие наши почетные гости придут завтра, а пока вы все погостите в моем дворце.

Не говоря больше ни слова, он роняет мою руку, отворачивается от нас, ковыляет к паланкину и забирается внутрь. Едва белая занавесь опускается, скрывая старика из виду, четверо охранников поднимают паланкин, а нас провожают к пустому экипажу, запряженному парой лошадей с богато убранными гривами и хвостами. Как только мы рассаживаемся на сиденьях, кучер щелкает вожжами, карета трогается с места, и мы начинаем путешествие через пески.

СТА'КРИВЕРО

Стена, окружающая столицу Ста'криверо, так высока, что я не могу определить, где заканчивается она и начинается небо. Мы ехали около часа, и все это время вокруг не было ничего, кроме песка. Пустыня простирается на многие мили вокруг, барханы набегают один на другой, подобно морю. Всего дважды я замечала вдали нечто, похожее на крохотные деревни, каждая из которых вмещает, вероятно, человек пятьдесят, не больше.

— Из десяти ста'криверийцев восемь живут в столице, — говорил накануне Сёрен во время нашего урока. — Вне городских стен условия тяжелейшие: летом палящий зной, еду и воду почти невозможно раздобыть, да и зимы у них не лучше.

— Так почему же оставшиеся двое остаются снаружи? — спросила я.

Артемизия пожала плечами и сказала:

— Не хотят покидать свои дома.

Теперь же, глядя на неприступные стены, я гадаю, не скрывается ли что-то еще за ее словами. Город выглядит не слишком гостеприимным, и я знаю, что стены обычно строят с единственной целью: не пускать людей внутрь.

Хотя к нам это не относится. Экипаж останавливается перед тяжелыми, украшенными орнаментом воротами, а потом створки очень медленно, со скрипом открываются — их приводит в движение сложный механизм, состоящий из веревок и шкивов. Когда ворота наконец распахиваются, я так и ахаю.

До сих пор я считала столицу Астреи самым прекрасным местом на земле, во всяком случае, так говорили мои детские воспоминания, но даже мне приходится признать, что столица Ста'криверо ничем не уступает моему родному городу.

За время поездки мои глаза успели привыкнуть к яркому солнечному свету, но величие этого города буквально ослепляет. Куда бы я ни посмотрела, повсюду сверкает полированное золото и богатое убранство — вокруг столько роскоши, что она кажется почти безвкусной.

Над городом, точно золотистые стебли меч-травы, возвышаются десятки тонких башен, таких изящных, что я боюсь, как бы они не сломались пополам от легкого дуновения ветра. Все они разных цветов, и с вершины каждой вяло свисает флаг, ибо ветра совсем нет. Ближе к земле выстроились ряды домов и торговых лавочек с плоскими крышами и большими окнами, и каждая расписная стена являет собой отдельное произведение искусства. На одной изображены две застывшие в танце фигуры, облаченные в легкие одежды, на другой нарисовано усыпанное звездами ночное небо, причем звезды мерцают как настоящие. Некоторые дома украшены более простыми, но все равно очень яркими рисунками.

Даже дороги будто сошли с картинки: каждый камень мостовой блестит, словно драгоценность, и ни на одном нет ни трещин, ни сколов, ни пятнышка,

хотя по городским улицам движется множество повозок и толпы людей.

— У них есть магия, — говорю я, не находя иного объяснения таким чудесам. — А мне-то казалось, ею владеют только астрейцы.

Бич Драконов смеется, и в ее смехе звенит неприкрытая издевка.

— Никакой магии, — заявляет она, качая головой.

— Но улицы такие чистые, — возражаю я, — и воздух здесь свежее, да и те башни никак не могут стоять самостоятельно и не падать.

— Ты права, такой магии, как в Астрее, нет больше нигде, если не считать того, что кайзер торгует живыми камнями, — говорит Андерс. — Однако ста'криверийцы пытаются восполнить отсутствие магии, используя преимущества науки и... — Он делает паузу, подыскивая подходящее астрейское слово. — Технологий. — Не уверена, из какого языка он взял это определение, но точно не из астрейского. Андерс продолжает: — Улицы остаются чистыми, потому что брусчатка покрыта специальным веществом, отталкивающим грязь. Воздух тут свежее, потому что столица построена над подземным источником. Башни возведены на основе точно выверенных расчетов целой команды математиков.

— Наука и технологии, — медленно повторяю я, пробуя новое слово на вкус. Наука — это, по крайней мере, что-то понятное, свод знаний об органических материалах, химии и медицине, растениях и животных, хотя, сдается мне, тут была задействована наука, в корне отличная от той, с которой знакома я. Что же до «технологий», я понятия не имею, что это такое, а признаться в этом неловко. Предполагается, что мне известно значение этого

слова. Одно дело разыгрывать из себя дурочку, но быть ею — совсем другое. Я с тоской осознаю, как мало, в сущности, знаю о мире за пределами Астреи. Пусть Артемизия и Сёрен просветили меня насчет женихов, но к такому они меня не подготовили.

* * *

Не представляю, как дворец может выделиться на фоне уже увиденной мною роскоши, но он выделяется. Над ним возвышается не одна, а по меньшей мере несколько десятков веретенообразных башен, различающихся по высоте и цвету, каждая увенчана конической крышей и имеет собственный флаг. Самая высокая башня стоит в центре, она выкрашена в ярко-красный цвет, над ней белый флаг с оранжевым солнцем.

Я без подсказок догадываюсь, что каждый флаг символизирует какую-то живущую в ней знатную семью, а в самой большой башне, очевидно, обитает семья короля.

— Это просто удивительно, — шепчу я Блейзу. Воспоминания о нашей недавней ссоре меня тяготят, но ни я, ни он пока не возвращались к тому неприятному разговору. Думаю, никому из нас не хочется о нем вспоминать, и все же никак не могу забыть о том, как вибрировали стены каюты, когда Блейз вышел из себя. В тот момент казалось, будто корабль того и гляди разлетится на куски.

— Тут все очень... остроконечное, — говорит юноша, пожимая плечами. — Дома лучше.

«Дом». Как там я сказала Блейзу перед нашим побегом? «Это просто стены, крыши и полы». И, возможно, так оно и есть, но сейчас, после слов друга я против воли чувствую тоску по родному

дворцу — не такому, каким он был, когда я видела его в последний раз, с сожженным садом, потрескавшимися грязными оконными стеклами и кайзером, сидящим на троне моей матери, — а по такому, каким он был до Вторжения. Дворец Ста'криверо, возможно, великолепен, но Блейз прав: мне милее родной дворец, с его круглыми комнатами, куполами, золотыми росписями, мозаиками и витражами. Столица Ста'криверо прекрасна, но она не идет ни в какое сравнение с оставшимся в моих воспоминаниях домом.

После того как мы выходим из экипажа, четверка стражников, одетых в отутюженные небесно-голубые мундиры с золотыми эполетами, сопровождает нас ко дворцу. Главный вход встречает нас широкой винтовой лестницей, ступени которой выложены разноцветной керамической плиткой, а перила позолочены. Поглядев вверх, я не вижу конца лестницы, лишь бесконечную вереницу ступеней.

— Вы, должно быть, наши астрейские гости, — звенит откуда-то сверху женский голос, порождая эхо в огромном пространстве. Наконец я замечаю спускающуюся по лестнице женщину: она одета в свободное хлопковое платье персикового цвета, собранное на талии широкой желтой лентой. Незнакомка лет на пять старше меня, у нее бронзовая кожа, темно-каштановые волосы пышными волнами ниспадают на плечи. У нее доброе лицо, однако я научилась не судить по внешности.

Женщина улыбается, обнажая два ряда белоснежных зубов.

— Меня зовут Нэзрин. Король Этристо попросил меня показать ваши покои, чтобы вы могли отдохнуть там до ужина. Мы понимаем, что с непривычки в нашем дворце можно заблудиться.

Нэзрин издает мелодичный и, на мой взгляд, от-репетированный смешок, так что я задаюсь вопросом, как часто она проводит подобные экскурсии.

Бич Драконов кашляет.

— Я принцесса Каллистрада, — говорит она, хотя, произнося слово «принцесса», едва заметно морщится. — Это Андерс и Эриэл. — Она поочередно указывает на своих помощников, и те кивают. — Артемизия, Блейз, Цапля, принц Сёрен... И наконец моя племянница, королева Теодосия.

Нэзрин кивает каждому, на кого указывает Бич Драконов, но когда очередь доходит до меня, склоняется в грациозном реверансе, да еще как-то по-особому взмахивает руками.

— Ваше величество, — произносит она. — Если вы и ваши спутники сообразовали последовать за мной, мы направимся вверх.

И снова я смотрю на уходящие ввысь ступени. У меня болят ноги от одной только мысли о неизбежном подъеме. Перспектива ночевать на корабле и терпеть качку уже не кажется мне такой ужасающей, как утром.

— Как высоко нам подниматься? — спрашиваю я, надеясь, что вопрос не сочтут грубостью. Меньше всего я сейчас хочу оскорбить гостеприимных хозяев.

Нэзрин смеется и качает головой.

— Не беспокойтесь, ваше величество, у нас есть подъемник — мы же не дикари.

Она поворачивается и взмахом руки предлагает нам следовать за ней.

Похоже, я единственная не знаю, что такое подъемник, но не хочу выдавать свое невежество вопросами. С замиранием сердца я следую за Нэзрин, и вскоре она останавливается перед подножием

винтовой лестницы, в центре которой стоит большая железная клетка. Пол клетки застелен мягким красным ковром, а еще внутри стоит, вытянувшись в струнку, голый по пояс человек, кожа которого так же темна, как прутья клетки. Он широкоплеч, а таких огромных ладоней, как у него, я еще никогда не видела — наверное, он запросто может обхватить меня за талию одной рукой.

Нэзрин входит в клетку и жестом предлагает нам последовать ее примеру, но я медлю, разум подсказывает мне, что это очень опасно. Это ловушка. Король Этристо думает, будто я так глупа, что сама войду в клетку, в которой он потом доставит меня кайзеру, дабы получить пять миллионов золотых монет. Знаю, я должна изображать дурочку, но не до такой же степени.

Сёрен наклоняется ко мне и шепчет:

— Подъемник — самый простой способ попасть наверх. Этот человек будет крутить вон тот ворот, и мы постепенно будем подниматься.

Я искоса смотрю на него, безуспешно пытаюсь согнать с лица недоверчивое выражение.

— Мы упадем и разобьемся насмерть.

Принц пожимает плечами.

— Ста'криверийцы десятилетиями используют эти приспособления, даже продают в другие страны чертежи. Мы применяли эти машины в астрейских рудниках. До сих пор не сообщалось ни об одном погибшем. Говорят, упасть можно скорее с лестницы, чем из подъемника.

У меня внутри все переворачивается, и все же я вхожу в клетку следом за остальными. Когда дверь за мной со щелчком закрывается, я словно камнею. Приходится заставлять себя глубоко дышать, но я знаю, что не смогу вдохнуть полной грудью,

пока не выберусь из этой западни. Пассажиры стоят вплотную друг к другу, чтобы не мешать рабочему, так что я едва могу двинуть рукой.

— На двадцать пятый этаж, пожалуйста, Аргос, — говорит Нэзрин. Она совершенно спокойна, похоже, пользуется подъемником каждый день.

Рабочий по имени Аргос кивает и, взявшись за ручку ворота, начинает его поворачивать. От усилий у него на руках и шее вздуваются жилы.

— Сейчас слегка тряхнет, — шепчет мне на ухо Сёрен.

В следующий миг клетка содрогается. Предупреждение принца запоздало, я подпрыгиваю от неожиданности и хватаюсь за первое, что попало под руки — это оказывается рука Сёрена и плечо Артемизии. Девушка стряхивает мою ладонь, и я жду, что Сёрен поступит так же, но он лишь поудобнее перехватывает мою руку, переплетая пальцы с моими. В клетке очень тесно, поэтому никто не видит, что делает принц, и все же я чувствую необходимость отстраниться. И не могу заставить себя это сделать. Вначале мы поднимаемся медленно, но постепенно набираем скорость — да, так определенно быстрее, чем вышло бы, вздумай мы шагать на своих двоих. Разноцветные ступени лестницы проплывают мимо, превращаясь в пестрый калейдоскоп, и хотя все не так страшно, как мне представлялось, я никак не могу расслабиться. Я чувствую, что втягиваю голову в плечи, и так сжимаю руку Сёрена, словно пытаюсь ее сломать.

Надо отдать ему должное, он не отстраняется, и я невольно вспоминаю, что в последний раз находилась так близко к нему в темном подземелье под астрейским дворцом — тогда мы бежали по коридорам, взявшись за руки, а за нами по пятам гнались

кейловаксианские стражники с собаками. Мне не хочется об этом думать, но, пожалуй, лучше вспоминать об этом, чем представлять, как мы вместе с клеткой падаем с огромной высоты и разбиваемся вдребезги.

— В последний раз я был здесь, — тихо говорит Сёрен, хотя, полагаю, все остальные прекрасно его слышат, — когда мой отец отправил меня с дипломатической миссией, дабы попробовать склонить ста'криверийцев на нашу сторону. Тогда я впервые оказался в подъемнике и едва не упал в обморок, а это совершенно не вязалось с образом силы, которую хотел продемонстрировать мой отец. Разумеется, ста'криверийцы не нуждались в союзниках, как я довольно быстро выяснил. Однако они хотели убедиться, что я и мой отец понимаем, насколько они сильны и какой большой ошибкой было бы считать их врагами.

— Это правда, — говорит Нэзрин, бросая на нас взгляд через плечо. — Кейловаксианцы никогда не посмели бы вторгнуться в Ста'криверо. Именно поэтому для вас это самое безопасное место, ваше величество.

— Я так благодарна, — лепечу я, улыбаясь своей самой милой улыбкой, словно Нэзрин не просто проявляет обыкновенную вежливость, а преподнесла мне бесценный дар. — Ваша доброта по отношению ко мне никогда не будет забыта.

И все же, когда подъемник, в очередной раз вздрогнув, наконец останавливается, я невольно думаю о том, чего будет стоить мне доброта ста'криверийцев.

ДВОРЕЦ

Нэзрин ведет нас по длинному коридору, проходит мимо нескольких дверей и наконец останавливается перед последней. Она поворачивает хрустальную ручку в золотой оправе и открывает дверь.

— Покои королевы, — сообщает она, глядит на меня и склоняет голову. — Мы надеемся, что вам понравится.

Я вхожу, и комната поглощает меня. Это огромное помещение с высоким арочным сводом, на котором нарисованы облака и пухлые младенцы с крыльями; дальняя стена комнаты теряется где-то вдали, в центре стоит самая большая кровать из всех, что я когда-либо видела — на ней свободно может разместиться семья из шести человек. Кровать застелена покрывалом цвета огненного коралла, поверх которого лежат ряды богато расшитых подушек. В открытые окна, растянувшиеся вдоль трех стен, веет легкий ветерок, и ярко-красный шелковый полог над кроватью слегка колышется. В окна льется свет полуденного солнца, так что небесно-голубой пол сверкает под моими ногами.

В углу стоит украшенный мозаикой стол, вокруг которого разместились обитые бархатом кресла,

в центре столешницы искрится стеклянный кувшин с водой, и расставлены четыре чашки. В другой части комнаты у стены возвышается полированный гардероб, его дверцы и ручки инкрустированы пластинами слоновой кости. Еще тут есть письменный стол и стул, тазик с водой, стоящий на низеньком столике, и корзина с губками и кусками мыла, отлитого в форме птиц — фигурки невероятно похожи на живых птах, и я почти жду, что они вот-вот расправят крылья и вылетят в окна. Рядом с тазом размещается большой туалетный столик из красного дерева, над зеркалом тоже сидят птицы, на сей раз, вырезанные из дерева.

Даже кайзер счел бы роскошь этого помещения чрезмерной. Я чувствую себя бродячей кошкой, которая вдруг оказалась в центре бальной залы. Конечно, королевский дворец Астреи был велик и богато украшен, но он не идет ни в какое сравнение со здешними красотами. Я стараюсь не показать, что мне здесь не по себе.

— Сюда принесут койки для моих советников? — спрашиваю я у Нэзрин.

Женщина морщит лоб и качает головой.

— Вы меня не так поняли: это ваши покои. Ваших людей разместят неподалеку — в соседних комнатах. Дворец Ста'криверо достаточно велик, так что мы можем предоставить достойную вас обстановку, ваше величество.

Слова неприятно царапают слух. В этом странном дворце, в этой странной стране мне меньше всего хочется находиться одной в таком огромном зале — я чувствую, что могу потеряться, и меня уже никто не найдет.

— Снаружи нет охраны, — говорит Блейз. Судя по голосу, он встревожен так же, как я. — Король

Этристо гарантировал королеве безопасность, но без стражников...

— Преступления любого рода в Ста'криверо недопустимы, — перебивает его Нэзрин и улыбается — воплощенное терпение. — Вот уже много лет даже мелкие кражи караются смертной казнью. В результате нам удалось полностью искоренить преступность. Могу вас заверить, в мире нет места безопаснее, чем этот дворец.

— Не думаю, что кайзеру есть какое-то дело до ваших законов и жизней наемных убийц, которых он наверняка пошлет за головой нашей королевы, — не сдается Блейз. Улыбка Нэзрин меркнет всего на мгновение.

— Конечно, я могу передать ваши опасения королю Этристо, — говорит она.

— Нет необходимости докучать королю из-за беспочвенных страхов какого-то мальчишки, — заверяет ее Бич Драконов, пронзая Блейза убийственным взглядом. — Если бы по душу Тео явились убийцы, им пришлось бы сначала пройти мимо стражников у городских ворот, а также мимо рабочего, дежурящего в подъемнике. Насколько я понимаю, нас охраняют не хуже, чем самого короля.

Нэзрин согласно кивает.

— Король желает, чтобы королеву Теодосию надежно охраняли. Здесь, с нами, она в очень надежных руках.

Блейз явно собирается спорить, но я останавливаю его, прикоснувшись к его плечу. Возможно, это лишь игра моего воображения, но мне кажется, что кожа юноши горячее обычного.

Улыбка сбегает с губ Нэзрин, и я немедленно осознаю свою ошибку. Женщина смотрит на мою руку, касающуюся предплечья Блейза. Я прямо-та-

ки вижу, как в голове Нэзрин возникают вполне определенные мысли. Я поспешно убираю руку, но сделанного не воротишь. На «Тумане» я не видела ничего плохого в том, чтобы прикасаться к Блейзу, Цапле — да к кому угодно, однако мы больше не на «Тумане». Здесь за всеми моими поступками станут пристально наблюдать, и мне следует об этом помнить. Это тяжело, я будто снова вернулась в астрейский дворец, где за мной ежеминутно следили.

— Эта комната вполне подойдет, — говорю я Нэзрин. — Пожалуйста, передайте королю Этристо мою благодарность.

Блейз только что не дымится от злости, но молчит.

Нэзрин кивает, ее улыбка снова на месте, только кажется немного натянутой.

— Мы оставим вас, дабы вы могли освежиться, а я покажу остальным их комнаты.

Все направляются к дверям, и Блейз, уходя, бросает на меня встревоженный взгляд. Я ободряюще ему улыбаюсь, но, похоже, настроения ему это не поднимает.

Я смотрю, как Нэзрин ведет моих спутников обратно по узкому коридору к другим гостевым комнатам, потом закрываю дверь и вздыхаю с облегчением. По крайней мере в этих стенах нет глазков, через которые можно за мной подглядывать. Заметное улучшение.

Я обхожу комнату, разглядываю богатое убранство, скольжу кончиками пальцев по полированному шкафу и мягкому шелковому пологу над кроватью. Чувствую себя как мраморный шар, перекатывающийся в слишком большом пространстве, но не могу отрицать потрясающую воображение красоту этой спальни.

Артемизия говорила, что ста'криверийцы любят красивые вещи, так что мне не следовало бы удив-

ляться, и все же я поражена. При кейловаксианском дворе тоже старались позолотить и разукрасить все доступные поверхности, но здесь красота другого рода — более эфемерная, за которой не стоит никакой силы или цели. Это украшательство ради украшения, шелковый цветок, безжизненный, не имеющий запаха.

Не успев осознать, что делаю, я, как была, прямо в платье и туфлях, прыгаю на грудь подушек и зарываюсь в них лицом.

После недели сна на узкой койке с тонким матрасом эта кровать кажется настоящим облаком. Подниматься не хочется — так бы и лежала на ней всю жизнь. Наверняка есть способ спасти Астрею, не сходя с этого места?

Не успеваю я толком расслабиться, как раздаётся резкий стук в дверь. Я подскакиваю и поправляю платье, чтобы выглядеть более-менее пристойно. Не могу заставить себя встать с кровати, поэтому сажусь на краешек, скрестив лодыжки и сложив руки на животе — именно так обычно сидела кайзерина Анке.

— Войдите, — говорю я, пытаюсь не обращать внимания на боль, охватившую меня при мысли о кайзерине.

Я жду, что войдет какая-нибудь женщина, чтобы помочь мне одеться, но вместо этого в открывшуюся дверь заходит небольшая армия. Тут, наверное, больше десяти человек, но они так быстро перемещаются, что не получается их пересчитать. Две женщины направляются напрямик к гардеробу, еще три встают у туалетного столика и принимаются выгружать из принесенных корзин всевозможные баночки, пудреницы и кисточки. Остальные снуют туда-сюда, еще две подскакивают ко мне, запускают пальцы в мои волосы, измеряют мою талию, грудь, руки мерной

лентой, поворачивают мою голову, чтобы на лицо падал свет, и критически меня рассматривают, не говоря ни слова.

— Королева Теодосия, — наконец говорит одна из женщин, склоняясь передо мной в низком реверансе. Ее серебристые волосы стянуты в тугий пучок на затылке, отчего морщинки на лбу, вокруг глаз и рта становятся еще заметнее. Женщина окидывает меня пронзительным взглядом темно-карих глаз, и чем дольше она на меня глядит, тем сильнее у нее раздуваются ноздри.

— Меня зовут Мэриал, и я буду главой вашей прислуги, пока вы у нас гостите.

— Приятно с вами познакомиться, Мэриал, — говорю я.

Женщина сурово поджимает губы, щурится и не достаивает меня ответом.

— Сегодня вечером вы ужинаете с королем и его семьей. Сначала ванная, потом мы попробуем что-то сделать с вашими волосами. Я так понимаю, вы не привезли с собой подходящей одежды?

Я ни на миг не перестаю мило улыбаться.

— Мне пришлось покинуть Астрею второпях, чтобы избежать казни. К сожалению, у меня не было времени взять с собой одежду, так что я привезла только то, что на мне. Вот это платье.

Улыбка Мэриал становится такой натянутой, что ее едва ли можно назвать улыбкой.

— Да, ну что же, мы предусмотрели такую возможность. — Она указывает на гардероб: женщины, только что снимавшие с меня мерки, теперь извлекают из его недр разнообразные платья и набрасываются на них с иголками и булавками; пальцы горничных движутся так проворно, что я не могу за ними уследить. — К тому времени, как вы закончите

принимать ванну, мы сможем предложить вам несколько нарядов на выбор. Идемте. — Она щелкает пальцами, и по обе стороны от меня возникают две женщины, помогают снять платье, а третья горничная поворачивает кран над ванной. Спустя секунду слышится бульканье, и из изогнутой трубы в ванну начинает течь вода.

Мне трудно не глазеть на такое чудо, особенно когда над водой начинает подниматься пар. Откуда берется вода? В Астрее уходила куча времени, чтобы нагреть воду, поэтому к тому времени, как ванну наполняли, вода успевала остыть. Кейловаксианцы пользовались огненными камнями, чтобы не давать воде остыть, но кайзер никогда не доверял мне настолько, чтобы подпустить к живым камням. Впрочем, я все равно не стала бы их использовать. На память приходят выжженные на простыне следы ладоней, и я спешу отделаться от этой мысли. Удивительно, как легко мне удастся убедить себя, что ничего такого вообще не происходило. Воспоминания о том случае дремлют в дальнем углу сознания, словно память о странном сне, который никогда не станет реальностью. Не может быть, чтобы такое действительно произошло со мной. И все же я знаю, что видела своими глазами и чего касалась своими собственными руками.

Хочется спросить, какую магию используют ста'криверийцы, чтобы заставить воду появляться из ниоткуда, но на память приходят слова Андерса про науку и технологии. Что-то мне подсказывает, что если начать задавать Мэриал вопросы, она еще сильнее подожмет губы и станет глядеть на меня еще нетерпеливее, поэтому я проглатываю свое любопытство и делаю себе мысленную пометку позже спросить кого-то другого.

Женщины стаскивают с меня всю одежду, и какая-то дальняя часть сознания говорит мне, что следовало бы чувствовать себя неудобно, стоя нагишом перед толпой незнакомых женщин, но, кажется, моя скромность скончалась много лет назад.

Когда я наконец погружаюсь в ванну, горячая вода обнимает меня, как мягкое одеяло; хочется нырнуть поглубже и сидеть так вечно, наслаждаясь теплом. Впрочем, это чувство быстро проходит. Как только мои волосы намокают, на них набрасываются сразу три женщины и принимаются распутывать колтуны, образовавшиеся за неделю пребывания на «Тумане». К тому времени, когда они заканчивают, я чувствую себя так, словно с меня содрали скальп, но зато мои волосы наконец расчесанные и гладкие. Однако горничные еще со мной не закончили. Они переходят к моему телу и принимаются скрести каждый дюйм моей кожи губками и мылом, так что скоро вода становится темной. Мне помогают выбраться из ванны, вытирают полотенцами и натирают ароматными маслами, так что в конце концов я становлюсь блестящей, точно жемчужина, и благоухаю жасмином и грейпфрутом.

Мэриал зорко наблюдает за работой горничных, скрестив руки на груди, на лбу у нее собралось еще больше морщин, чем прежде. Она поджимает губы и окидывает меня критическим взглядом. Несмотря на то что гордости у меня давно не осталось, мне все равно отчаянно хочется подтянуть повыше полотенце, которым меня обернули.

— Так лучше, — изрекает она. — Но работы еще много. Идемте.

Глядя в спину Мэриал, я иду к гардеробу, ускоряя шаг, чтобы не отстать.

— Кто еще присоединится ко мне за ужином? —

спрашиваю я, стараясь говорить повелительно, хотя Мэриал пугает меня до дрожи.

— Я уже вам сказала, — медленно произносит она и тяжело вздыхает, не достаивая меня взглядом. Все ее внимание сосредоточено на шве, который прокладывает горничная на сапфирового цвета платье; лиф наряда украшен замысловатой вышивкой. — Король и его семья.

— А мои советники?

Женщина пренебрежительно фыркает, помогает мне надеть платье и поправить на плечах тонкие бретели. Верхняя половина спины открыта, так что шрамы отлично видны, они выются по коже, как красные и белые змеи. Никто не глазеет открыто, но я все равно чувствую на себе любопытные взгляды, брошенные украдкой, а это еще хуже.

— Их присутствие на подобном мероприятии не требуется, — отвечает Мэриал, чеканя слова. — Но на ужин приглашен кейловаксианский принц, — добавляет она, помолчав.

Мне было бы спокойнее, если бы Блейз, Артемизия и Цапля тоже были там, но, по крайней мере, рядом будет Сёрен.

— А моя тетя? — спрашиваю я, хотя сама не знаю, какой ответ понравился бы мне больше.

— Она ясно дала понять, что ее присутствие необходимо везде, где есть вы, — отвечает Мэриал, даже не потрудившись скрыть презрение. Она туго затягивает шнуровку на спинке платья, так что я почти не могу дышать, а уж говорить и подавно.

ЦЕЛОМУДРИЕ

Королевская столовая украшена еще богаче, чем моя комната. Три из четырех стен расписаны фресками, на которых изображены пышные облака и пухлые младенцы с крыльями, вкушающие виноград и пьющие вино из золотых бокалов. От четвертой стены осталось только несколько колонн, пространство между ними закрыто прозрачными занавесями, сквозь которые видно опускающееся за горизонт солнце. Под потолком висит люстра, но сделана она не из хрусталя, а из синего и зеленого морского стекла, так что комната заполнена холодным светом. Вокруг длинного дубового стола, покрытого затейливой резьбой, стоят семь одинаковых стульев.

Шесть мест уже заняты. Во главе стола сидит, сгорбившись, король Этристо, его богато украшенная корона сдвинута на лоб; когда я вхожу, все, кроме короля, встают. Место справа от Этристо занимает человек лет сорока, должно быть, это его сын, Аварик; слева — красивая женщина, на вид она старше меня всего на пару-тройку лет, у нее светлые, как у кейловаксианцев, волосы, но лицо круглое и доброе. А еще она на сносях, живот просто огромный. Справа от Аварика стоит женщина с кожей цвета

меда и волосами черными, как ночь, заплетенными в сложные косы. Рядом с блондинкой стоит Бич Драконов; Сёрен стоит между темноволосой женщиной и пустым стулом у другого конца стола — полагаю, это место для меня. Я с удовлетворением отмечаю, что Бич Драконов и Сёрен тоже одеты в неудобные, но богато украшенные одежды — кажется, это любимый стиль в Ста'криверо. Они даже умудрились нарядить Бич Драконов в платье из черного атласа, на котором нет ни одного ремешка. Я иду к пустому стулу, хотя мне ужасно трудно передвигаться в туфлях на высоченном каблуке, которые выдала мне Мэриал. Возможно, было бы легче, если бы я так не боялась наступить на подол тяжелого, расшитого драгоценными камнями платья, но ничего не поделаешь, приходится осторожно перемещаться крохотными шажками. Проходит, наверное, вечность, прежде чем я наконец дохожу до стола и опускаюсь на стул между Сёреном и Бичом Драконов.

— Надеюсь, я не заставила вас ждать, — говорю я, усаживаясь. Говорить так же трудно, как и ходить, но если дышать неглубоко, то кое-как разговаривать можно.

Как только я опускаюсь на стул, остальные снова занимают свои места.

— Вовсе нет, моя дорогая, — отвечает король Этристо по-астрейски. — Для нас честь дожидаться появления такой красоты.

Для ста'криверийцев я просто милая вещь в блестящем платье, вложение, которое должно с лихвой окупиться, если верить теории Артемизии касательно выкупа за невесту, то есть за меня. Они считают меня инструментом и собираются использовать в своих целях, подруга была права, говоря, что не стоит их в этом разубеждать. До поры до времени.

Итак, я нацепляю на лицо улыбку. На самом деле мне совсем не весело, но не думаю, что кто-то станет присматриваться внимательнее. Улыбка красивая, и этого достаточно.

— Я так благодарна за ваше гостеприимство, король Этристо, — говорю я. — Никогда не думала, что незнакомые люди проявят по отношению ко мне такую доброту.

— Это вчера мы были незнакомы, моя дорогая, — отвечает король и поднимает золотой кубок с вином. Я торопливо салютую ему своим кубком, хотя мы сидим слишком далеко друг от друга и не можем соприкоснуться бокалами. — Сегодня мы друзья. — Он делает глоток и отставляет кубок, я следую его примеру, поскольку, откажись я пить, это сочли бы оскорблением. Вино темнее, чем то, что мы пили в Астрее, в нем сильнее привкус пряностей, чем фруктов. Когда я проглатываю вино, оно обжигает горло.

Король Этристо кашляет, потом продолжает:

— Все ста'криверийцы говорят по-астрейски, разумеется, и еще на паре-другой языков, хотя я предлагаю общаться на астрейском, раз уж большинство из нас им владеет.

Я бросаю взгляд на Сёрена: тот не понял ни слова из того, что было сказано. Юноша сидит с безразличным видом и смотрит прямо перед собой.

— Позвольте представить вам моего сына, — продолжает Этристо, указывая на мужчину справа от себя и женщину со сложной прической из кос. — Аварик и его супруга Амиза. И моя жена Лилия.

Я отчаянно пытаюсь скрыть изумление. Мне казалось, что беременная женщина — одна из дочерей короля, хотя они и не похожи. Королю Этристо под девяносто, а Лилия почти моя ровесница. Наверное,

она его вторая жена, а может, и третья, или даже четвертая. Не может быть, чтобы отцом ребенка, которого она носит, был король.

— Счастлива с вами познакомиться, — говорю я, по очереди улыбаясь всем троим. — А у вас ведь есть и другие дети, да?

Король пренебрежительно взмахивает рукой.

— Все мои дочери покинули отчий дом, еще когда были моложе вас. — Они прекрасно живут сами по себе, обеспечивают надежные союзы и торговые контракты с другими странами по всему миру. Время от времени мы переписываемся, но навещать друг друга нам... затруднительно.

Я киваю и сочувственно вздыхаю, хотя у меня нет ни малейшей жалости к этому человеку, продавшему родных дочерей в дальние страны ради того, чтобы облегчить собственную жизнь. Я долго жила в качестве ручной зверюшки при чужом дворе и, хотя понимаю, что мое положение отличалось от судьбы королевских дочек, не могу им не сопереживать. Слишком свежи в памяти воспоминания о том, каково это: изо дня в день видеть незнакомые лица, не иметь возможности с кем-то поговорить, скучать по семье.

— Ну, не будем разводить лишние церемонии, — заявляет король Этристо, хлопая в ладоши. — Я умираю с голоду.

Повинуясь этому знаку, слуги вереницей входят в зал через боковые двери, каждый несет огромное золотое блюдо. От яств исходят незнакомые мне, но невероятно притягательные ароматы. Пахнет специями, но к этим запахам примешивается какая-то сладость и что-то еще, чему я не могу подобрать названия. Когда один из слуг ставит передо мной полную тарелку, мой рот разом наполняется слюной:

на блюде красиво разложены нарезанные овощи, сезонный рис цвета ночного неба и кусок какого-то жареного мяса.

— Маленькими кусочками, — шепчет мне Сёрен. — К ста'криверийской кухне не сразу при-выкаешь.

Я благодарю его улыбкой, но спустя несколько недель на галетах и вяленом мясе удержаться трудно. Хочется как можно скорее слопать все, что видят глаза, но я заставляю себя есть медленно, наслаждаясь каждым кусочком. Очевидно, я все-таки ем слишком быстро, потому что Аварик пристально за мной наблюдает, в его глазах читается любопытство.

— В Астрее вас морили голодом? — спрашивает он меня.

Я поскорее проглатываю откушенный кусок рыбы.

— Нет, никогда. Во дворце я ела все то же, что и кейловаксианские придворные, хотя большинство моих советников провели годы на рудниках, трудясь день и ночь и довольствуясь скудными пайками. И, как я слышала, в последние несколько месяцев заключенных в шахтах стали кормить еще хуже.

— Конечно, — говорит Аварик, безуспешно пытаясь изобразить сочувствие. — Но... что ж... Ваша тетя многое рассказала нам о том, как вы пострадали от рук кайзера.

Я вытираю губы салфеткой, стараясь не смотреть на Бича Драконов злобным взглядом.

— Это были весьма трудные десять лет, — отвечаю я, надеясь, что принц оставит эту тему.

Увы, мои усилия напрасны.

— Вас били? — спрашивает он. — Наверное, это было ужасно. Как часто это происходило?

— Да, — говорю я, чувствуя, как в груди закипает злость. Мои шрамы сейчас на виду, и для

тонких ценителей красоты, каковыми являются ста'криверийцы, это, наверное, ужасное, варварское зрелище. Жаль, что у платья нет рукавов, мне хотелось бы спрятать шрамы, скрыть историю, которую можно прочитать по этим отметинам. Мои руки начинают нагреваться, и я борюсь с желанием почесать ладони. Такое чувство, будто под кожей у меня горит огонь и яростно пытается вырваться наружу. «Это не по-настоящему», — говорю я себе, безуспешно стараясь убедить себя в этом. Нужно дышать размеренно, я представляю, что в жилах у меня лед.

Этим людям на меня наплевать. Мое прошлое интересует их лишь в качестве страшной истории, из тех, что сочиняют, дабы попугать, шокировать и развлечь читателя. Я до боли вцепляюсь в сиденье стула, и это немного отвлекает меня от жжения в ладонях. Придав лицу скорбное выражение, я склоняю голову и гляжу на принца из-под опущенных ресниц.

— Извините, — говорю я, подпустив в голос слезу. — Мне до сих пор тяжело об этом говорить. Но это случалось довольно часто, и боюсь, мне всю жизнь придется носить на себе оставшиеся шрамы, и на теле, и на душе. — Я горестно вздыхаю. — Я выжила, и во многом это заслуга моих советников и тети. — Я посылаю Бичу Драконов печальную улыбку, которая ее, похоже, совершенно не трогает. Тетушка видит меня насквозь, а вот ста'криверийцы — нет.

— Это так чудовищно, — произносит Лилия, перебирая нитку жемчуга, охватывающую ее бледную шею. По-астрейски она говорит не так бегло, как муж и пасынок, и слегка коверкает согласные. — Не могу себе представить, как ужасно это было. — На миг она умолкает, потом спрашивает, понижая голос: — Что они использовали? Кнут? Палку?

Я стискиваю зубы и несколько секунд выдерживаю ее взгляд, прежде чем ответить:

— Все, что было под рукой. Хотя, полагаю, больше всего кайзеру нравился кнут.

Блондинка отводит глаза и снова принимается за еду; больше она не говорит ни слова, и я испытываю легкое чувство удовлетворения.

— И, конечно, — продолжает Аварик, — еще ваша тетя рассказала, что этот монстр заставил вас совершить... как там звали этого человека, который умер?

— Ампелио, — быстро отвечает Бич Драконов ровным тоном. — Защитник Ампелио.

Я еще крепче вцепляюсь в стул, так что даже боюсь, как бы не сломать пальцы. Приходится ослабить хватку. Я не могу говорить про Ампелио, не могу открыть перед этими людьми эту часть своего сердца, и не важно, что они мне дадут. То, что тогда случилось, касается только меня и его; я даже Блейзу не рассказывала никаких подробностей. Не могу выставить тот свой поступок на потеху этим людям.

Что-то теплое касается тыльной стороны моей левой руки, и, опустив взгляд, я вижу, что бледные, мозолистые пальцы Сёрена накрыли мою руку, хотя взгляд принца устремлен в тарелку. Он не понял большую часть разговора, но услышал имя Ампелио и, вероятно, догадался об остальном. В конце концов, он был там; возможно, в тот момент он не понял, какое тяжелое решение я тогда приняла, возможно, он и сейчас не знает, что Ампелио был моим отцом, и все же он своими глазами видел, как мучительно это было для меня.

— Кайзер ясно дал понять, что я либо убью его, либо умру сама, — медленно произношу я, стараясь

говорить спокойно. — Это была суровая необходимость, хотя не думаю, что смогу когда-нибудь себя простить.

На несколько секунд над столом повисает молчание, но весьма многообещающее, нехорошее — наверняка сейчас речь пойдет о чем-то еще худшем. Я возвращаюсь к еде, надеясь, что ошибаюсь и к этой теме больше не вернутся.

— Кайзер просто какой-то демон во плоти, — говорит наконец король Этристо. — За то, что он с вами сделал, его, несомненно, ждут страшные мучения в загробном мире. — Он делает многозначительную паузу, так что ясно: он еще не закончил. Он смотрит на меня так, словно измеряет каждый дюйм моего тела. — Вы все еще... — Он умолкает, словно подыскивая подходящее слово. Очевидно, в астрейском языке он его не находит и переходит на кейловаксианский. — Девственница?

Кусок застревает у меня в горле, я изо всех сил пытаюсь его проглотить, хотя абсолютно уверена, что он того и гляди выпрыгнет обратно, вместе со всем содержимым желудка. Сёрен замирает: он понял это слово и наверняка догадался, о чем идет речь.

— Хотите знать, не изнасиловал ли меня кайзер? — медленно произношу я по-астрейски, глядя в глаза королю Этристо. Аварик, Амиза и Лилия разом вздрагивают и утыкаются взглядами в тарелки, но король и бровью не ведет.

— Да, — отвечает он, помолчав. — Полагаю, мне хотелось бы это знать, хотя помимо всего прочего ходят слухи о вашей связи с принцем Сёренем, и эта тема мне тоже любопытна.

При звуке этого имени у Сёрена делается еще более озадаченный вид. Я еще секунду выдерживаю взгляд короля Этристо, потом смотрю на Сёрена.

— Король Этристо интересуется, изнасиловал ли меня твой отец, или это ты лишил меня невинности, — поясняю я по-кейловаксиански, не трудясь понизить голос.

Сёрен краснеет, но, думаю, больше от гнева, чем от смущения.

— Нет, — говорит он по-астрейски с чудовищным акцентом и смотрит на короля Этристо. Кажется, это одно из немногих слов, которые принц успел выучить.

Король Этристо вскидывает вверх руки, словно прося пощады.

— Приношу свои извинения, если мой вопрос вас оскорбил, — говорит он, но его слова мало похожи на извинение. — Но вы же понимаете, я должен был спросить, дабы мы без помех могли подыскивать вам мужа. Большинство высокородных мужчин ни за что не возьмут в жены девицу с запятнанной репутацией.

Я хмурюсь, силясь отыскать в его словах хоть какую-то логику.

— Моя репутация считалась бы запятнанной, даже если бы имело место изнасилование?

Король Этристо натянуто улыбается и пожимает плечами.

— Ничего не поделаешь, — говорит он. — Мужчины женятся на невинных девицах и никогда не женятся на любовницах, особенно чужих. Вас это не должно удивлять, у кейловаксианцев, как я понял, такие же обычаи.

— Да, — признаю я. — Но вы же не расценили мои слова как похвалу их поведению?

Тут лицо короля Этристо краснеет.

— Нет необходимости обижаться, моя дорогая, — говорит он. — Если ваши слова истинны, вам нечего

бояться. В конце концов, мои собственные жены — две покойные и ныне здравствующая — тоже перед свадьбой прошли осмотр, подтвердивший их девственность. И моих дочерей осматривали, прежде чем они вышли замуж. Амизу тоже проверяли, верно?

— Это традиция, — говорит Амиза, не поднимая глаз от тарелки.

— Осмотр очень простая процедура, ее легко выдержать, — заверяет меня король Этристо, пренебрежительно помахивая рукой.

Я насмешливо улыбаюсь:

— Вы тоже через нее проходили, ваше величество? В этом есть смысл. Если высокородные мужчины женятся только на целомудренных женщинах, то и женщины должны выходить замуж исключительно за целомудренных мужчин.

— Теодосия, — шипит Бич Драконов и делает страшные глаза.

Меня так и подмывает уличить тетку в лицемерии: в конце концов, сама-то она едва ли может считаться девственницей, раз родила двоих детей. Вместо этого я прикусываю язык и невинно улыбаюсь королю.

— Простите, ваше величество, — лепечу я, хлопая глазами. — Просто это довольно странный обычай для такого цивилизованного мира. Вы неспроста не смогли вспомнить, как будет по-астрейски «девственница». У нас нет такого понятия.

Несколько мгновений все молчат.

— Ну, здесь не Астрея, — тяжело роняет король Этристо. — Женихи начнут прибывать завтра, поэтому мы все надеемся, что к тому времени вы пройдете проверку.

Не знаю, как проходит эта проверка, но мне нет нужды в этом знании. Даже если ста'криверийцы хотят лично убедиться в моей нетронутости, мне самой

не нужно ничего доказывать. Плевать на все. Знаю, мне полагается быть милой, уступчивой и скромной, чтобы не лишиться поддержки ста'криверийцев, но эту черту я не перейду даже ради Астреи.

— Пусть эти мужчины тоже пройдут через подобную проверку перед встречей со мной, а иначе я не стану следовать этому вашему обычаю, — говорю я. — Брак со мной принесет этим мужчинам несметные богатства, когда мы вернем Астрею. Если они предпочтут отказаться от этих богатств в угоду традиции — хорошо, хотя я уверена, многие из них выберут деньги.

ИГРА

Бич Драконов держит себя в руках и не произносит ни слова до конца ужина, который, надо сказать, заканчивается в довольно напряженной атмосфере, и разговоры почти не ведутся. Она молчит, пока подъемник доставляет нас на этаж. Тетушка держит язык за зубами, но смотрит прямо перед собой напряженным взглядом. И только когда мы остаемся в коридоре вдвоем — я, она и Сёрен, — Бич Драконов хватается за руку и резко разворачивает к себе, ее пальцы больно впиваются в нежную кожу моего предплечья.

— Завтра ты извинишься перед королем Этристо и согласишься на любые проверки, которые он сочтет необходимыми.

Сёрен вклинивается между нами.

— Если не уберете руку, — говорит он по-кейловаксиански, — я сделаю это за вас. Нам обоим будет неприятно, но, поверьте, вам будет больнее.

Мгновение Бич Драконов прожигает принца злобным взглядом, вероятно, прикидывает, позволит ли ему его честь ударить женщину или нет. Очевидно, решив не рисковать, она убирает руку.

— Ты извинишься за свою выходку, — повторяет она, глядя мне в глаза.

— Конечно, тетя, — наконец отвечаю я, намеренно делая голос тоньше и мягче. — Уверена, король Этристо поймет, в какое смятение чувств я пришла от одной мысли о том, что меня снова выставят на всеобщее обозрение после всех тех унижений, что я пережила от рук кайзера. И, уверена, он согласится, что стоит подождать, пока я не приду в себя. Если супруг, которого я выберу, будет настаивать на осмотре, я пройду его перед свадьбой.

Бич Драконов смотрит на меня со злым прищуром.

— Ты играешь в опасную игру, — изрекает она.

Подавить смехок удастся с трудом.

— Я играла в игры и похуже.

Блейз, Цапля и Артемизия уже собрались в моей комнате. Полагаю, этого следовало ожидать, разумеется, им захочется узнать, как прошел ужин. Конечно, я им расскажу, хотя эта перспектива меня ужасает.

Но для начала нужно избавиться от этого орудия пытки, именуемого платьем.

— Артемизия, помоги, пожалуйста, — прошу я, доставая из шкафа ночную рубашку, после чего прячусь за расписную ширму. — Возможно, понадобится твой кинжал.

Артемизия вытаскивает меня из платья, хотя делает это не слишком ловко, так что по полу градом рассыпаются бусины.

Я через голову надеваю ночную рубашку и с наслаждением делаю несколько глубоких вдохов и выдохов. Хотя я проходила в платье всего пару часов, я успела забыть, каково это — дышать полной грудью. Возможно, именно поэтому Амиза и Лилия были так молчаливы за ужином: наверное, им тоже было трудно дышать и разговаривать.

— Ладно, — говорю я, выходя из-за ширмы. Должно быть, я выгляжу нелепо в свободной ночной рубашке и при полном макияже, но сейчас есть более срочные дела. Остальные уже собрались за столом, и я занимаю свободное кресло рядом с Блейзом. — Будем говорить по-кейловаксиански, чтобы Сёрен понимал, о чем речь. Все согласны?

Друзья ворчат, но не спорят. Не могу их винить: говоря по-кейловаксиански, они наверняка чувствуют себя так, словно я снова при дворе кайзера.

— Нужно учить тебя астрейскому, так мы сэкономим много времени, мягко говоря, — обращаюсь я к Сёрену.

Принц кивает.

— Я и сам чувствую себя болваном, но с каждым днем запоминаю все больше слов. Кажется. Правда, медленно.

— Что произошло сегодня вечером? — спрашивает Блейз по-кейловаксиански. — Мы хотели пойти с тобой, но нам не позволили.

— Ста'криверийцы ценят общение в своем узком кругу, — говорит Сёрен. — Я удивился, что они меня пригласили, хотя, думаю, их позабавило мое присутствие, учитывая, что я не понимал ни слова.

Я рассказываю о членах королевской семьи и об их нездоровом любопытстве. Упоминаю, что они не удивились, узнав, как кайзер со мной обходился, наоборот, жаждали кровавых подробностей.

— Я для них словно бы и не человек, а редкая диковинка, с происхождением которой связана страшная история, — жалуясь я.

— Обитатели ста'криверийской столицы живут в довольстве и безопасности, — замечает Сёрен. — Особенно королевская семья. Полагаю, они так живо интересовались твоим несчастьем потому, что

не могут до конца поверить в возможность подобных ужасов. Ты для них словно героиня спектакля.

Я хмурюсь, но ответить не успеваю.

— Что за спор возник под конец? — неуверенно спрашивает принц. — Я понял только отдельные слова, но... словом, мне кажется, что это важно.

Мне не хочется отвечать, тем более что придется объяснять Блейзу, Цапле и Артемизии, что такое «девственность», но Сёрен прав. Это важно. Этот спор еще не закончен, и я не могу снова скрывать что-то от друзей.

Поэтому я разъясняю суть конфликта, стараясь излагать как можно проще, хотя к щекам все равно приливает жар. Приходится прилагать огромные усилия, чтобы не содрогаться, рассказывая о предложенном королем осмотре. Этристо не вдавался в подробности, но нетрудно догадаться, как проходит эта проверка.

— Это распространенная практика, — говорит слегка позеленевший Сёрен, когда я заканчиваю. — Впрочем, ты правильно сделала, что отказалась.

Артемизия кивает, однако между бровями девушки возникает морщинка.

— Все будет выглядеть еще двусмысленней, когда ты в конце концов согласишься.

Я гляжу на нее, открыв рот.

— Не собираюсь я на это соглашаться. Мне казалось, уж ты-то должна меня понять... — Я умолкаю. Артемизия рассказала мне о том, что в шахтах ее фактически изнасиловали, правда, Цапля тоже присутствовал при том разговоре. Вряд ли она захочет вспоминать о том разговоре сейчас, в большой компании. — Ты же тоже девушка, — говорю я вместо этого. — Может, предложишь им осмотреть тебя в качестве эксперимента?

— Нет, — отвечает Артемизия, пожимая плечами. — Но я, вообще-то, не хочу выходить замуж.

— И я тоже не хочу! — восклицаю я, громче, чем собиралась.

В ответ на мою вспышку Артемизия лишь слегка поднимает бровь.

— Хорошо. Мне не нужно выходить замуж ради того, чтобы получить армию другой страны и с ее помощью вернуть себе престол. Так лучше? — спрашивает она.

Я возвожу глаза к потолку, но отвечать на вопрос выше моих сил.

— С каждым днем проблем будет все больше, — тихо замечает Цапля. Он выговаривает кейловаксианские слова неуверенно, похоже, он больше слушал, как другие разговаривают на этом языке, а сам почти не говорил.

— Знаю. — Я устало тру виски. — Король Этристо сказал, женихи приедут завтра, так что трудностей у нас только прибавится, в этом можно не сомневаться.

Повисает тяжелое молчание. Завтра женихи станут торговаться, кто больше предложит за меня и мою страну, меня выставят на всеобщее обозрение, точно один из военных трофеев Тейна. Разговор, имевший место за ужином, повторится десятикратно: каждый король и император станет выпытывать подробности моих страданий, каждый будет рассматривать меня как свинью, которую собираются забить перед праздником.

— Скоро, — вздыхает Артемизия и встает с места. — Но не сегодня.

Она нога за ногу идет к небольшому шкафчику, на который я до сих пор не обращала внимания, открывает дверцы, и я вижу три полки, заставленные

винными бутылками. Артемизия достает первую попавшуюся, возвращается к нам и с помощью кинжала вытаскивает из горлышка пробку.

— Мы выбрались из Астреи, — говорит она, разливая вино по стоящим на столе чайным чашкам. — Мы в безопасности, в красивом дворце Ста'криверо, и благодаря нам сопротивление живет. Это повод для празднования, вы так не считаете?

Непривычно видеть Артемизию так оптимистично настроенной, но я улыбаюсь, когда она протягивает мне чашку. Потом девушка раздает наполненные вином чашки всем остальным, даже Сёрену (принц выглядит удивленным).

— За Астрею, — провозглашает Артемизия, поднимая бутылку. — За то, какой она была. За то, какой станет снова. И за все, чем нам придется ради этого пожертвовать.

Слова Артемизии глубоко меня ранят. Хочется сказать, что я уже многим пожертвовала ради Астреи, что я больше не могу, но это неправда, и мы обе это знаем. Если до этого дойдет, я ничем не поступлюсь ради спасения родной страны.

Ни своей волей.

Ни своим телом.

Ни собственной жизнью.

«До этого не дойдет», — говорю я себе, но в глубине души прекрасно знаю, что до такого может дойти. В другом, лучшем мире от меня больше ничего не просили бы, но мы живем не в идеальном мире.

Мы соприкасаемся чашками, а Артемизия — бутылкой, и пьем.

— Мы не будем говорить о том, какой это нелепый дворец? — спрашивает Цапля, тем самым удивив меня. Он почти все время молчал, с тех пор как

мы выпустили Сёрен из камеры, но сейчас, кажется, решил перестать дуться. — Тут все утопает в золоте, драгоценных камнях и ярких цветах. Стоимости платья, в котором вы ходили на ужин, хватит, наверное, чтобы прокормить одну астрейскую семью в течение целого года, Тео.

Не сдержавшись, я смеюсь, поудобнее устраиваюсь в кресле и делаю еще глоток вина. Это вино такое же густое и пряное, как то, что пили за ужином, я не привыкла пить такое, но в груди уже разливается приятное тело.

— Тебе, счастливчик, хотя бы не пришлось в нем ходить. Я не могла нормально вздохнуть, к тому же оно весит, как бушель кирпичей. Да еще это хитроумное устройство! Как там оно называется? Подъюбник?

— Подъемник, — фыркает от смеха Сёрен. — Люди, которые приводят его в движение... Это их работа. Для нее мало кто годится, требуется огромная сила, так что этим работникам прилично платят.

— А они вообще носят рубашки? — спрашивает его Цапля. — Я не жалуюсь, но это очень... странная форма.

— Вероятно, в рубашке неудобно работать, — предполагает Сёрен.

— Очень удобное оправдание, — фыркает Артемизия. — Я тут слышала, что местные аристократки частенько заводят интрижки с этими рабочими. Здесь это обычное дело. Так сказать, приятное дополнение к тяжелому труду.

— По крайней мере, до тех пор, пока мужья не узнают правду, — со смехом добавляет Сёрен. — Когда я был тут с визитом пару лет назад, один обманутый супруг как раз уличил жену в измене и потребовал казнить работника, а король ему отказал: дескать,

аристократов много, а силачей, способных двигать подъемник, еще попробуй найди.

— Погоди, через пару лет по этим башням будет бегать орава полутолых ребятишек, отказывающихся носить рубашки, — говорю я, усмехаясь.

Все хохочут, представив эту картину, и никак не могут остановиться. Как только мы немного успокаиваемся, кто-то встречается взглядом с соседом, и снова гремят взрывы смеха.

Как здорово сидеть вот так и веселиться, хоть ненадолго забыть обо всем, что осталось за пределами этой комнаты — и даже кое о чем, находящемся в комнате. Цапля и Сёрен не разговаривают друг с другом, но я больше не боюсь, что Цапля снова набросится на принца с кулаками, и, полагаю, с учетом всех обстоятельств, пока что это лучшее, на что я могу рассчитывать.

Когда мы заканчиваем с первой бутылкой, я хочу объявить вечер оконченным и отправить всех по комнатам, но не могу этого сделать. Не хочу оставаться одна. Не хочу прекращать смеяться. Как только я перестану, на меня неотвратимо надвинется завтрашний день и все, что он с собой несет, а мне не хочется об этом думать.

Я выбираюсь из кресла, приношу еще одну бутылку, на этот раз с более легким вином, и передаю Артемизии, чтобы та вытащила пробку.

Мы пьем за работников,двигающих подъемники.

Пьем за богов.

Пьем за тех, кого потеряли.

Пьем за нас.

Поднимаем бокалы за прошлое.

За будущее.

К тому времени как в окна начинают проникать первые робкие лучи восходящего солнца, я уже по-

чти без сознания. Валяюсь на кровати, раскинув руки и ноги, справа от меня лежит Артемизия, слева — Цапля, оба оглушительно храпят. Блейз вытянулся в изножье кровати и вяло пинает длинные ноги Цапли, чтобы тот подвинулся. Он не спит, просто смотрит в потолок отсутствующим взглядом, но с тех пор как я напоила его чаем со снотворным, я еще ни разу не видела его таким расслабленным. Сёрен спит на кушетке, положив на лицо диванную подушку, чтобы защититься от света и звука.

Перед тем как мое сознание окончательно погружается во тьму, я еще успеваю подумать, станет ли когда-нибудь Сёрен по-настоящему одним из нас.

ЖЕНИХИ

Все мое тело онемело, а голова, наоборот, пульсирует; яркий солнечный свет, отражающийся от дворцовых ступеней, больно бьет по глазам. Во рту сухо, как в пустыне, и хотя армия служанок под руководством Мэриал вымыла, причесала и накрасила меня, я чувствую, что события минувшей ночи отчетливо написаны у меня на лице. Сознание затянуто туманом, но, в каком-то смысле, это даже к лучшему: я слишком обессилена, чтобы волноваться о предстоящей встрече.

И вот по белокаменным улицам тянется длинная вереница экипажей с балдахинами: прибывают женихи.

— Беспокоиться не о чем, моя дорогая, — говорит сидящий рядом со мной король Этристо, очевидно, неверно истолковав выражение моего лица. — Их, конечно, много, но сегодня они просто представятся. Вся церемония займет час, от силы два.

Час или два. Я подавляю стон. Не представляю, как смогу выдержать тут даже несколько минут, хотя поставленные для меня и королевской семьи кресла очень мягкие, и на них падает тень пальм. Солнце печет немилосердно, голова у меня раскалывается,

платье впивается в ребра — кажется, я того и гляди грохнусь в обморок.

Впрочем, я улыбаюсь королю Этристо, надеясь, что улыбка выглядит естественно. После моей вчерашней вспышки король обращается ко мне с холодком, хотя внешне он сама любезность. Мои извинения он принимает с натянутой улыбкой.

— Чудесно, — говорю я. — С нетерпением жду встречи с ними. Я так благодарна, что вы все это для меня организовали.

Пожалуй, тут я слегка перегнула палку, но король Этристо с безмятежным видом похлопывает меня по руке. Кожа у него дряблая и морщинистая.

— Помогать вам — удовольствие для меня, моя дорогая, особенно после всего, что выпало на вашу долю.

Я откидываюсь на спинку кресла и украдкой бросаю взгляд на Сёрена: принц стоит позади, чуть в стороне от моего кресла. Остальных оттеснили еще дальше, в толпу, даже Бича Драконов, к ее огромному недовольству. Зато Сёрена выставили на всеобщее обозрение, хоть и неясно, в качестве союзника или как военный трофей. Судя по тому, что король Этристо по-прежнему говорит по-астрейски и не утруждается переводить свои слова, он, скорее всего, относится к принцу исключительно как к красивой мебели.

Я перевожу слова короля, и Сёрен кивает; сегодня он бледнее обычного, а под глазами темные круги. Утром у меня под глазами тоже были синяки, а потом горничные замаскировали их пудрой.

— Ночью мне казалось, что я свободно владею астрейским, — говорит принц. — А сегодня не могу вспомнить ни слова.

Я смеюсь, и от этого головная боль усиливается.

— Не знаю, на каком языке ты вчера говорил, но уж точно не на астрейском, — отвечаю я. — Ты все толковал что-то про *аминети*, но кроме этого я не слышала от тебя ни одного астрейского слова.

Щеки юноши розовеют.

— Полагаю, это одно из немногих слов, которые я запомнил, — признает он.

У меня самой жар приливает к щекам, на память приходит ночь, когда я научила принца слову «аминети» — «поцелуй» — и наглядно демонстрировала значение этого слова.

— Ну, теперь ты протрезвел, — замечаю я. — Сможешь рассказывать мне про женихов, когда они прибудут? — Я понижаю голос и бросаю косой взгляд на короля Этристо — тот о чем-то увлеченно беседует с сыном. — Сдается мне, что во время официального знакомства будут сказаны исключительно хорошие слова, и с моей, и с их стороны.

Принц кивает, хотя между бровями у него образуются морщинки.

Я снова поворачиваюсь к королю Этристо, тем самым отвлекая его от разговора с сыном и вынуждая вновь сосредоточить все внимание на мне.

— После приема мне хотелось бы посетить лагерь беженцев, — говорю я.

Король Этристо глядит на меня так, словно я только что изъявила желание прыгнуть в кипящую лаву.

— Зачем, скажите на милость, вам это понадобилось?

Мне приходится приложить усилие, чтобы продолжать улыбаться.

— Вы были так добры, годами принимая моих соотечественников, а также беженцев из других завоеванных кейловаксианцами стран. Я бы с радостью повидала жителей Астреи, и, думаю, им стало

бы легче, если бы они увидели меня и узнали, что я стараюсь вернуть наш общий дом.

И снова король Этристо похлопывает меня по руке и улыбается так, словно я милый, бестолковый щенок.

— Вы сама доброта, моя дорогая, но лагерь беженцев не место для такой девушки, как вы.

Я уже открываю рот, чтобы возразить, и поспешно закрываю. После минувшей ночи нужно внимательно следить за каждым своим шагом, даже если меня так и подмывает выдернуть руку из его сморщенной ладони.

Что значит «для такой девушки, как я»? И почему он продолжает считать меня несмышленной девочкой, когда сам же сватает меня людям, которые, если верить Сёрену, гораздо, гораздо старше меня? Кейловаксианцы считают, что совершеннолетие наступает по достижении пятнадцати лет, так что они хотя бы последовательны. В Ста'криверо меня считают ребенком, и в то же время полагают созревшей для брака, и я не знаю, что с этим делать.

Вереница экипажей подползает все ближе, и вот уже первый останавливается перед дворцом. Я ловлю себя на том, что совершенно не по-королевски сгорбилась, и выпрямляюсь в кресле. Кажется, церемония наконец начинается.

Двое мужчин поспешно отделяются от королевской свиты и устремляются к гостям. Один разворачивает скатанную в рулон красную ковравую дорожку, так что она ведет от королевского помоста к первому экипажу. Второй, отвешивая замысловатые поклоны, открывает дверцы экипажа.

Несколько мучительно долгих секунд ничего не происходит, затем из экипажа появляется огромная

фигура: человек пренебрегает подножкой и попросту шагает из повозки на землю. Он высокий, даже выше Сёрена, и широкоплечий, с темно-коричневой кожей и коротко стриженными темными волосами, которые уже начинают редеть, хотя ему явно не больше двадцати пяти. У него грубое, скуластое лицо, а уголки рта, кажется, вечно опущены. Под толстыми бровями сверкают темно-карие глаза.

Человек проходит по ковровой дорожке и поднимается на помост, одна его рука то и дело тянется к бедру — очевидно, он привык ощущать под пальцами рукоять меча. Наверное, сегодня ему рекомендовали оставить клинок, ведь согласно ста'криверийским законам к королю нельзя подходить с оружием. Сёрен шепчет едва ли не с благоговением:

— Это эрцгерцог Этмонд из Гаптании. Брат тамошнего короля, но всем известно, что король бесплоден. Этмонд первый наследник. Один из лучших военных стратегов на моей памяти. Ему случалось выигрывать сражения, в которых его превосходили числом в десять раз.

Судя по голосу, Сёрен уже почти влюбился в этого вояку, однако мне что-то не нравится в эрцгерцогe. Он не смотрит в глаза никому, даже когда склоняется передо мной. Судя по деревянным движениям, кланяться он не привык.

— Эрцгерцог Этмонд, позвольте вам представить жемчужину Астрей, королеву Теодосию, — говорит король Этристо.

Эрцгерцог бросает взгляд на Сёрена, щурится и смотрит на меня.

— Королева Теодосия, — произносит он и тянется к моей руке, которую я, разумеется, подаю. Он снова кланяется мне и целует костяшки моих пальцев, его густые усы царапают мне кожу. — Ваша

красота поистине легендарна. Для меня честь познакомиться с вами.

Он говорит так равнодушно, словно произносит заученный текст, и по-прежнему не смотрит мне в глаза.

— Для меня тоже честь познакомиться с вами, эрцгерцог Этмонд, — говорю я. — Мне так приятно, что ради меня вы проделали столь долгий путь.

Эрцгерцог сдвигает кустистые брови.

— Гаптания всего в дне пути отсюда, ваше величество, — отвечает он. — Мне не пришлось ехать далеко. — Тут он, кажется, и сам соображает, что фраза получилась с подтекстом, выпрямляется и прочищает горло. — Я имел в виду, что желание увидеть вас способно сократить любое путешествие. Даже если бы мне пришлось проделать более долгий путь, я счел бы это за счастье.

Эрцгерцога провожают во дворец, за ним, точно утят, спешат его собственные придворные.

— Не думаю, что ему есть до меня дело, — шепчу я Сёрену.

Принц смеется:

— Не принимай на свой счет. Эрцгерцог мыслит не так, как мы с тобой. Он великолепно разбирается в схемах, цифрах и диаграммах — он ас в шахматах, но с людьми ему трудно общаться.

Я усмехаюсь:

— Похоже, тебе стоит жениться на нем самому. Мне кажется, ты без памяти влюблен.

Сёрен пожимает плечами.

— У него блестящий ум, но если рассуждать исходя из личных соображений... Не думаю, что из него получится хороший муж ни для тебя, ни для кого бы то ни было еще, включая меня.

Я вздыхаю.

— Ну, мы же не рассматриваем мой возможный брак, исходя из личных соображений, верно?

— Подожди, — говорит Сёрен, кивая на следующий подъезжающий экипаж. — Уверен, худшее еще впереди.

Прием идет своим чередом, и я чувствую, что взгляд становится осоловелым; большинство претендентов похожи один на другого, и я не могу представить, что выйду замуж за кого-то из них.

Королю Венделу из Грании, например, пятьдесят, у него уже есть три жены и, по словам Сёрена, самый большой гарем в мире. У этого коротышки редкие седеющие волосы и кожа цвета скисшего молока. Когда он кланяется и прижимается влажными губами к моей руке, мне немедленно хочется принять ванну, чтобы отмыться от его липкого взгляда. Увы, я могу лишь украдкой вытереть тыльную сторону ладони о платье.

— У Грании большая армия, — сообщает Сёрен с некоторой долей сожаления в голосе.

Сколько же явилось князей! Из очередного экипажа вылезают сразу десять человек, все они пререкаются, едва ли не толкаются локтями, и приветствуют меня коротко. Их имена мгновенно стираются из моей памяти. Все они круглолицые, и каждому не помешало бы побриться. Когда они наконец направляются к замку, ста'криверийские придворные огибают их по широкой дуге.

— В Эстене много кланов, — поясняет Сёрен, когда шумные толстячки удаляются. — Каждый из этих князьков пытается подчинить себе всю страну. Они веками воюют. Не сомневаюсь, каждый из них уверен, что, женившись на тебе, станет верховным королем.

— Вряд ли им захочется отвоевывать Астрēju, раз

они поглощены междоусобицами, — шепчу я в ответ. Еще один неподходящий вариант. Пожалуй, на фоне этих князей эрцгерцог выглядит весьма привлекательно.

Следующим подходит царевич Талин из Этралии в сопровождении своего отца, царя Реймера, или, как подсказывает Сёрен, Реймера Красивого. Наверное, когда-то он и впрямь был неотразим, даже теперь, в сорок с хвостиком он еще весьма хорош собой. А вот сын уродился явно не в отца. По словам Сёрена, ходит слух, что царевич незаконнорожденный. Действительно, почва для слухов есть: царь темно-волос и широкоплеч, у него квадратный подбородок и высокие скулы, а царевич Талин тощий, невысокий, светловолосый, и лицо у него круглое. Он держится на шаг позади отца, пока тот рассыпается в комплиментах и целует мне руку.

— Он же еще дитя, — говорю я Сёрену, когда царь с наследником уходят. — Сколько ему лет, десять?

— Одиннадцать, полагаю, — отвечает Сёрен, сдерживая смех. — Не волнуйся, не думаю, что они потребуют консумации брака, пока не пройдет несколько лет.

Я подавляю рвотный позыв и твердо говорю:

— Нет.

Следующим подходит принц Тиранниус из Бракки. У него темная, задубевшая кожа и седые волосы, на вид он староват для принца, ему лет пятьдесят или около того. По словам Сёрена, в том-то и проблема.

— Его король-отец не желает отказываться от трона. Старику уже за девяносто, он не встает с постели, но за корону держится крепко. Ходит слух, что принц Тиранниус планирует свергнуть батюшку, и, думаю, очень рассчитывает использовать тебя в этом деле.

Я насмешливо фыркаю, глядя, как принц Тираниус обменивается любезностями с королем Этросто.

— Как это грубо: использовать меня для решения собственных проблем, в то время как сама я собираюсь сделать то же самое.

Когда подъезжает следующий экипаж и открываются дверцы, я чуть не ахаю от изумления. На ковровую дорожку ступает женщина, и, насмотревшись на толпу незнакомых мужчин, я в первый момент испытываю облегчение, а потом до меня доходит: она тоже претендует на мою руку. Мне никогда не нравились женщины в этом смысле, хотя нельзя не признать, что эта дама красива: стройная, крепко сбитая, с золотистой кожей и каштановыми волосами, заплетенными в косы и уложенными в причудливую прическу. Даже Сёрен, кажется, очарован.

— Императрица Джозетта из Дораза, — шепчет он мне, пока женщина шествует по ковровой дорожке. — Не думал, что она тоже придет.

У меня на языке вертится множество вопросов, но императрица уже рядом, целует мне руку, представляется и произносит уже привычные похвалы в мой адрес. Неужели король Этросто разослал всем приглашенным один и тот же текст приветствия? Наконец императрица отходит от меня и обменивается любезностями с королем Этросто.

— Императрица — это что-то вроде королевы? — шепчу я Сёрену.

— В Доразе не матриархат, но и не патриархат. Родители Джозетты не были правителями — последний император выбрал ее, когда она была еще маленькой, и удочерил. Он вырастил ее будущей

правительницей, и она, в свою очередь, выберет себе преемника.

Я поджимаю губы.

— Вообще-то это довольно деликатное дело, не находишь? — говорю я. — Выбрать себе наследника, вместо того чтобы передать власть кому-то из собственных детей. Чего она хочет от меня?

Сёрен пожимает плечами.

— В Доразе необязательно вступать в брак с человеком противоположного пола.

— Как и в Астрее.

— В данном конкретном случае я не уверен, как все будет. Скорее всего, вопрос вынесут на обсуждение; возможно, ты сможешь с ней договориться, и вы просто будете править совместно.

— Это было бы лучше всего, — бормочу я.

Принц снова пожимает плечами.

— Уверен, ей все равно захочется отщипнуть кусок Астреи. Все претенденты славят твою легендарную красоту, но приехали не только из-за нее.

Следующий на очереди Биндор и один из его высших жрецов, уже упомянутых Сёреном ранее. Жрец моложе, чем я ожидала, он почти подросток, нескладный, с бронзовой кожей и блестящей на солнце бритой головой. Юноша глядит на меня с опаской и явно нервничает.

— Его святейшество верховный жрец Батистус вырос в монастыре, — шепчет мне Сёрен. — А женщинам строго запрещен вход в столицу Биндора. Так что, вероятно, ты первая женщина, с которой он столкнется в своей жизни.

Я с трудом сдерживаю смехок, глядя, как жрец неуверенно приближается ко мне. В отличие от остальных он не целует мне руку, лишь кланяется.

— Пусть бог улыбнется тебе, королева Теодосия, — произносит он дрожащим голосом.

— И тебе, — отвечаю я и, кажется, угадываю с ответом. Жрец быстро кивает и поворачивается к королю Этристо.

— Снова нет, — шепчу я Сёрену. — И давай постараемся поскорее отправить его домой: что-то мне подсказывает, что воздух Ста'криверо будет губителен для бедняги.

Наконец я замечаю, что следующий экипаж последний, и едва не обмякаю от облегчения.

По ковровой дорожке идет человек в фиолетовом костюме с иголки, такого же цвета, что и его экипаж. Лет тридцати, с молочно-бледной кожей, темноволосый; его замысловатая прическа так сильно напояжена, что взбитые пряди выглядят твердыми, как проволока. Сначала я не понимаю, что меня смущает в его облике кроме прически, а потом догадываюсь: он держится как человек, которого учили выглядеть могущественным, но он не был знатным с рождения. Во время наших уроков на корабле Сёрен и Артемизия рассказывали, что в некоторых странах правителей выбирают сами граждане, и очевидно, передо мной именно такой правитель.

— Канцлер Марцен из Орианы, — шепчет мне Сёрен, подтверждая мою догадку. Канцлеров избирают голосованием, так что теоретически им может стать кто угодно. — А это, должно быть, его сестра, *салла* Колтания.

Колтания идет рядом с братом, на ней обтягивающее платье того же цвета, что и его костюм. Она младше канцлера, но старше меня, наверное, ей лет двадцать. Дама глядит строго и серьезно, ее полные подкрашенные губы сжаты в суровую линию.

Я открываю рот, чтобы спросить Сёрена, что такое «салла», но не успеваю: канцлер смотрит на меня. У него такая заразительная улыбка, что невозможно не улыбнуться в ответ. Он еще не успел ничего сказать, но я уже вижу: в нем есть что-то невероятно притягательное. Полагаю, это очень ценное качество для человека, который хочет убедить других избрать его правителем.

— Наши соседи с запада, моя дорогая, — поясняет король Этристо. — Вообще-то, они когда-то жили под властью Ста'криверо, но несколько столетий назад заявили, что желают стать самостоятельными. — Он поворачивается к канцлеру. — Судя по тому, что я слышал, Марцен, многие ваши соотечественники так утомились, выбирая нового правителя, что уже жалеют о нашем некогда едином государстве.

Король говорит шутливым тоном, однако нельзя не услышать в его словах ядовитые нотки. Улыбка канцлера становится слегка натянутой, но не исчезает.

— Вряд ли мои соотечественники захотели бы отделиться от Ста'криверо, если бы ваш дед не поднял в четыре раза налоги и не обложил дополнительной пошлиной все ввозимые и вывозимые из страны товары, — говорит он.

Несколько секунд два правителя прожигают друг друга взглядами, и я почти жду, что король Этристо сейчас вскочит с места — несмотря на дряхлость — и бросится на канцлера, однако король смеется: раздается жутковатый, свистящий звук. Канцлер тоже хохочет, и я издаю мелодичный смешок, хоть и не понимаю, что здесь смешного.

— А у этого парня отличное чувство юмора, — сообщает мне король. — И бездна шарма, потому-то половина его страны за него и проголосовала.

И снова нельзя не заметить в его словах острую шпильку, но канцлер снова улыбается, так, будто на него устремила взгляды вся страна.

— Устраивайтесь в моем дворце, как дома, Марцен, — говорит король Этристо и тянется пожать канцлеру руку. — Я велю кому-нибудь объяснить вам, как работает ванная. Знаю, в Ориане они в диковинку.

— А я просто жду не дождусь возможности попробовать какие-нибудь ста'криверийские вина, о которых так много говорят, — подхватывает Марцен в тон королю. — Правда ли, что ими можно даже ковры чистить? Как это удобно: один продукт и столько возможностей для его использования!

И снова правители смеются и пожимают друг другу руки, хотя я вижу, что от усилий у обоих белеют костяшки пальцев.

Когда Марцен уходит во дворец, я наклоняюсь к Сёрену.

— Я случайно не проспала, как они мерились своими...

— Видите, моя дорогая, — перебивает меня король, и я поспешно поворачиваюсь к нему. — Я подыскал вам несколько прекрасных партий. Что думаете?

Я тщательно подбираю слова, прежде чем ответить.

— Несомненно, все кандидаты великолепны. — Я улыбаюсь. — И я так рада, что все они покинули свои дома ради встречи со мной.

— У вас будет возможность лучше познакомиться с некоторыми из них за ужином, — сообщает король.

Не дожидаясь ответа, он делает знак слугам, те быстро поднимают его из кресла и усаживают в ро-

скошный паланкин, похожий на тот, в котором король сидел, когда мы впервые встретились в пустыне. Паланкин направляется ко дворцу, следом вереницей тянутся ста'криверийские придворные. Мы с Сёреном тоже встаем.

— Что думаешь? — спрашивает он.

Наверное, у меня все написано на лице, потому что принц фыркает, подавляя смехок. Он пристально смотрит на меня.

— Как бы мне ни хотелось вернуться в свою комнату и завалиться спать, чтобы избавиться от этой жуткой головной боли, вижу, у тебя другие планы.

— Я надеялась посетить лагерь беженцев, — признаюсь я. — Но король Этристо отказал. Сказал, это не место для девицы вроде меня.

— Что-то мне подсказывает, что тебя это не остановит, — вздыхает принц.

Я улыбаюсь:

— Передай остальным: отправляемся через час.

ВЫЛАЗКА

Мэриал совершенно не выглядит удивленной, когда я говорю, что неважно себя чувствую и хотела бы отдохнуть; это наводит меня на мысль, что я, очевидно, выгляжу ужасно, а женихи безбожно вралы, говоря, что я нынче утром дивно хороша.

После того как Мэриал и несколько горничных помогают мне выбраться из удушающего платья и распустить уложенные в сложную прическу волосы, на меня надевают тонкую ночную рубашку и оставляют лежать в постели. Когда двери за горничными закрываются, я некоторое время выжидаю, дабы удостовериться, что никто не вернется, потом отбрасываю атласное покрывало и встаю с постели. Как ни удобна кровать, ничего не поделаешь: если я полежу еще минуту, то непременно засну, а этого допустить нельзя.

Гардероб так набит одеждой, что вешалки почти нельзя сдвинуть; все платья богато украшены, все тяжелые, потому что состоят из нескольких слоев материи, на каждом столько крючков и лент, что сама я ни за что не смогу надеть ни одно из них. Спустя несколько минут поисков я наконец нахожу наряд, который с некоторой натяжкой можно назвать про-

стым — разве что по ста'криверийским меркам. Бутылочно-зеленый шелк, рукава-фонарики, не такой тугой корсаж, как у тех платьев, которые надевали на меня раньше. Длинная, свободная юбка у пояса и по подолу расшита драгоценными камешками. Даже со всеми этими украшениями наряд намного легче и проще, чем остальные вещи в гардеробе. Он вполне подойдет.

Приходится повозиться с расположенными на спинке крючками-застежками, и в какой-то момент я почти готова позвать на помощь своих Теней, но потом вспоминаю, что это другой дворец и тут нет глазков в стенах.

Едва я застегиваю последний крючок, как раздается негромкий стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, входит Артемизия. Она снова надела тунику и штаны, которые носила на «Тумане», ее голубые волосы собраны в неаккуратный пучок на макушке. Девушка оглядывает меня с ног до головы, и ее темные брови лезут на лоб.

— Мы идем в лагерь беженцев, а не на бал, — медленно произносит она.

У меня жар приливает к щекам.

— Если ты можешь найти какую-то одежду попроще — с радостью переоденусь, — говорю я, указывая на гардероб.

— Хм-м, — изрекает Артемизия. Трудно сказать, насмехается она надо мной или просто веселится. — Такое чувство, что король не хочет, чтобы ты потихоньку выскользнула из дворца и отправилась в лагерь. Ты не захватила свою одежду с «Тумана»?

— Не сообразила, — признаюсь я. — Хотя даже то фиолетовое платье, в котором я была на берегу, подошло бы лучше, но, думаю, его отправили в стирку. А может, и в печьку.

Я вспоминаю, как презрительно помощница Мэриал глядела на испачканное платье, унося его из комнаты.

— В будущем постараюсь раздобыть для тебя что-то более подходящее, но на этот раз...

Она умолкает, потому что дверь снова открывается, и в комнату проскальзывают Блейз, Сёрен и Цапля, одетые в простую одежду, которую носили на «Тумане», и в длинные плащи.

— О, прекрасно! — восклицает Артемизия, не дав молодым людям и рта раскрыть. Она подскакивает к Цапле и стаскивает с него плащ. Юноша удивленно смотрит на нее, но не спорит.

— Я же в нем утону, — говорю я, когда Артемизия протягивает мне плащ. Цапле он доходил до коленей, но юноша по меньшей мере на полтора фута выше меня и в два раза шире в плечах.

— Ну, значит, плащ надежно скроет это чудное платье, — парирует девушка.

Я запахируюсь в плащ и смеюсь: полы волочатся по полу.

— Придется тебе шагать осторожно, — замечает Артемизия со злорадной усмешкой. — Хотя это еще полбеды, а вот как ты будешь ходить в этих туфлях на огромном каблуке...

Тут она права. Я приподнимаю край плаща и делаю несколько неуверенных шагов. Полагаю, все не так уж плохо, во всяком случае, идти можно.

— Итак, каков наш план? — интересуюсь я.

Оказывается, согласно плану, мы должны выйти из дворца и забрать лошадей из конюшни, расположенной рядом с главными воротами. При всей кажущейся простоте этой затеи, меня пугает перспектива выйти из дворца среди бела дня и пройти по ули-

цам — я буду чувствовать себя голой, несмотря на то что приходится потеть в огромном плаще Цапли.

— Это не Астрей, а ты не пленница, — говорит Блейз, видя мое замешательство.

— Король Этристо не желает, чтобы я посещала лагерь, — напоминаю я ему.

— А он не узнает, — отвечает Блейз, подбрасывая на ладони бархатный мешочек с монетами. Именно с его помощью он подкупил работника в подъемнике, и тот опустил нас на первый этаж. — Деньги решают большинство проблем, как оказалось.

— Полагаю, ты не расскажешь, откуда взял столько денег, едва мы сюда приехали?

Блейз пожимает плечами и лучезарно улыбается, совсем как много лет назад, до Вторжения. Здесь он стал раскованнее и счастливее, с момента нашей встречи я впервые вижу его таким. Конечно, нельзя его винить за это — легко чувствовать себя счастливым, если над твоей шеей не занесен топор. Пусть Ста'криверо не идеальное государство — кому как не мне это знать, — но лучше оно, чем двор кайзера.

Блейз, очевидно, думает о том же самом. Он глядит на окружающий нас город, и на лице у него появляется необычное выражение: восторг пополам со страхом.

— Красотища, правда? — говорит он, понижая голос. — Все эти яркие цвета, живопись, счастливые люди... Заманчиво.

Я киваю и тоже посматриваю по сторонам.

— И все же ты был прав. Это не дом.

Блейз отвечает не сразу.

— Ты — мой дом, — наконец говорит он еле слышно. — А в каком месте мы окажемся, не так уж важно.

Губы сами собой раздвигаются в улыбке, мне хочется взять его за руку, но остальные могут увидеть, и я сдерживаюсь. Дело не только в Сёрене — за три дня своего пребывания вне камеры он не сказал ни слова на романтическую тему — но и в остальных. Мы команда. Мы должны держаться вместе, если хотим вернуть Астрею. Если мы с Блейзом образуем свою команду, это может плохо сказаться на остальных.

И все же я слегка касаюсь кончиками пальцев тыльной стороны его ладони, и от тепла его кожи по моей руке пробегает дрожь.

Блейз был прав: достаточно пары монет, чтобы конюх привел для нас четырех лошадей. Все высокие, грозные и грациозные, все разного цвета от бледно-рыжего до черного, как ночное небо. И вновь меня поражает роскошь Ста'криверо: в гривы и хвосты скакунов вплетены драгоценные камни, можно подумать, лошади в любой момент готовы отправиться на праздник.

В другой жизни я училась бы ездить верхом — возможно, даже стала бы первоклассной наездницей, как моя мать, — но в этой жизни я не представляю, откуда начать. Помню, Ампелио катал меня на коне по дворцовому саду, но это не одно и то же.

Блейз, Артемизия и Сёрен садятся на своих скакунов, а Цапля подсаживает меня в седло своей лошади. Я испытала облегчение, когда он предложил мне ехать вместе, по крайней мере, с ним я не буду испытывать неловкость, не зная, куда деть руки, и переживать, что мы слишком близко друг к другу. К тому же с ним я буду чувствовать себя в большей безопасности, чем на одной лошади с Артемизией: уверена, девушка использовала бы такую возможность, чтобы

пустить лошадь галопом и покрасоваться. Цапля запрыгивает в седло передо мной, и я обнимаю его за талию, стараясь не смотреть вниз, на землю. Пока я стояла на земле, лошади казались мне огромными, но, забравшись в седло, я оказываюсь просто на немыслимой высоте и каждую секунду жду, что упаду и разобьюсь насмерть. Так, не нужно об этом думать. Я смотрю в спину Цапле и представляю, будто стою на твердой земле.

Однако, как только мы трогаемся в путь, притворяться становится невозможно. С каждым шагом лошади я подскакиваю и все крепче цепляюсь за Цаплю, не сомневаясь, что уж теперь-то точно свалюсь. Мы скачем через окружающую город пустыню, и горячий сухой воздух треплет мои волосы, а песчинки впиваются в кожу. Я кое-как прикрываю лицо краем плаща, умудрившись при этом не упасть. Не представляю, как справляются остальные, потому что они не могут закрыть лица, не выпуская из рук поводья.

Время идет, а я все не падаю. Не думаю, что смогу когда-нибудь привыкнуть к тряске и ветру, но в какой-то момент ловлю себя на том, что скачка меня успокаивает своей предсказуемостью. Едва я успеваю настроиться на долгое путешествие, как Цапля останавливает лошадь.

Юноша спрыгивает на землю, потом протягивает руки, чтобы помочь мне спешиться.

— *Принкити* говорит, отсюда до лагеря проще добраться, если мы пойдем пешком.

Я хватаюсь за его руки, и он снимает меня с седла. Прищурившись, я различаю вдали еще одну стену, только она совершенно не похожа на преграду, окружающую столицу. Та стена высокая, позолоченная и величественная, она манит, сулит всякие блага,

скрытые за ней. Стена лагеря почти так же высока, но наводит ужас: она сложена из неровных серых камней, и, похоже, ее никогда не чистят. Здесь нет огромных, красиво украшенных ворот, лишь маленькая деревянная калитка, через которую легко можно заглянуть.

Мне приходит в голову, что стены столицы призваны держать снаружи незваных гостей, а эта стена построена для того, чтобы находящиеся внутри люди не смогли выйти.

ЛАГЕРЬ

Два стражника, дежурящие у единственной калитки, пропускают нас внутрь без вопросов; сначала это кажется мне странным, но потом я догадываюсь, что они носят на поясах мечи в ножнах не для того, чтобы бороться с теми, кто желает войти в лагерь.

— Посетители здесь бывают довольно часто, — говорит Цапля, отвечая на мой невысказанный вопрос. — Вчера ночью я невидимым прогулялся по дворцу и слышал, как какие-то придворные об этом говорили. Беженцы — это дешевая рабочая сила, так что люди нанимают их для тяжелой и грязной работы: строительство, шитье дешевой одежды, чистка конюшен. Им платят гроши, потому что за беженцев никому заступиться.

Мороз пробегает по коже, сердце болезненно сжимается.

А стоит нам пройти в калитку, меня вообще начинает подташнивать. После изысканного блеска столицы с ее яркими цветами и тонкими шпильями жалкое состояние лагеря больно бьет по глазам. Узкие, грязные улочки, повсюду навалены груды мусора, каждая величиной с целую комнату; крытые соломой крыши того и гляди провалятся, а деревянные

двери покрыты плесенью, многие сорваны с петель. Пахнет нечистотами и гниением. Хочется снова закрыть нос краем плаща Цапли, но я сдерживаюсь, чтобы не оскорблять живущих здесь людей.

А люди! Мужчины, женщины и горстка детей заполняют улицы, выглядывают из-за растрескавшихся дверей; все здесь одеты в грязные лохмотья, едва-едва прикрывающие давно немытые тела. Мимо пробегают пара абсолютно голых ребятишек лет пяти, с ног до головы вымазанных грязью. У всех людей волосы либо очень коротко острижены, либо вовсе обриты, даже у женщин. «Дешевая рабочая сила» — так сказал Цапля. Оно и видно. Почти у всех этих несчастных мозолистые пальцы, потемневшая под палящим солнцем кожа туго обтягивает мышцы и кости.

Люди так смотрят на нас, что в конце концов я не выдерживаю и могу глядеть только под ноги. Нас провожают голодными, встревоженными, испуганными взглядами, словно бедняги не могут понять, зачем мы здесь: чтобы накормить их или оплевать.

— Нужно было захватить еды, — говорю я больше себе, чем остальным.

Ребята не отвечают, и я понимаю: они потрясены не меньше меня. Конечно, я не ожидала увидеть здесь дворцовую роскошь, но и к такому оказалась не готова. Стоит мне об этом подумать, как я в полной мере осознаю собственную наивность. Беженцев держат здесь не просто так вот уже десять лет или даже дольше. Их не просто так не впускают в столицу и прилегающие к ней деревушки. Их считают недостойными такой чести.

Я выпускаю руку Цапли и нерешительно иду вперед, высматривая астрейцев, хотя определить национальность этих людей довольно сложно, потому что

здесь все покрыты толстым слоем грязи. Я прочищаю горло, надеясь, что голос не задрожит.

— Мы хотим поговорить с тем, кто здесь главный, — говорю я по-астрейски, стараясь копировать интонации своей матери. Мама умела говорить так, что ее слова, казалось, разносятся на целую милю, хотя она даже не повышала голос.

В ответ раздаются перешептывания и тихий ропот, и среди незнакомых говоров я различаю несколько слов, произнесенных на астрейском. Наконец вперед выходит человек; ему, наверное, под пятьдесят, волосы обриты, щеки запали. Он, как и все здесь, очень грязен, но, похоже, у него такой же цвет кожи, как у меня, только слегка темнее.

— Ты хорошо говоришь по-астрейски, — произносит он на моем родном языке. Его выговор похож на выговор Цапли. — Что вам от нас нужно?

Он обращается ко мне, но его тяжелый взгляд то и дело скользит мне за спину. Другие беженцы не так деликатны: они не таясь глядят куда-то поверх моего плеча, и у каждого в глазах читается неприкрытая ненависть. С замиранием сердца я поворачиваюсь посмотреть, что привлекло их внимание.

И сразу же осознаю свою ошибку: не следовало брать с собой Сёрена. Как эти люди поверят мне, если я вожу дружбу с их врагом? Однако сделанного не воротишь.

Я снова поворачиваюсь к мужчине и расправляю плечи.

— Меня зовут Теодосия Айрен Оузза, я — королева Астреи. Я хочу... — Я умолкаю в нерешительности. Чего именно я хочу? Мне казалось, я хотела осмотреть лагерь, побеседовать с другими астрейцами, не поработенными кайзером. Хотела поговорить с теми, кому посчастливилось сбежать, вот

только вряд ли к этим несчастным применимо слово «счастье».

— Мне нужна помощь, — наконец говорю я, и на последнем слове мой голос дрожит.

Несколько бесконечно долгих секунд человек смотрит на меня, потом запрокидывает голову и смеется; зубов у него осталось меньше половины. Хриплый смех быстро сменяется тяжелым кашлем.

— «Королева Астреи», — повторяет он, качая головой. — Да ты больше похожа на ребенка.

Я пытаюсь придумать достойный ответ и не могу. Он прав, в конце концов. В Астрее шестнадцатилетний подросток считался ребенком, да я и сама чувствую себя маленькой и глупой. В другой жизни я была бы ребенком, но я перестала им быть в ту секунду, когда Тейн перерезал горло моей матери.

Объяснять этого я не собираюсь и простожимаю плечами.

— Пусть так, но моя мать мертва, поэтому осталась только я. Кто ты такой?

Мужчина отвечает не сразу, он долго смотрит на меня странным, изучающим взглядом.

— Я помню тебя, Теодосия Айрен Оуцца, — говорит он наконец. — Когда твоя мать приезжала в нашу деревню четырнадцать лет назад, ты сидела у нее на коленях, сосала палец и, если кто-то говорил тебе перестать, глядела на него упрямым, непреклонным взглядом.

— Я больше не сосу палец, — говорю я, — но, думаю, по-прежнему осталась упрямой и непреклонной.

Тут он снова смеется, но на этот раз не надо мной.

— Должно быть, ты и впрямь королева, раз забралась так далеко, — замечает он. — Долгое время люди рассказывали, что кайзер держал тебя при себе,

как живую игрушку. Я бы спросил, как тебе удалось сбежать, да боюсь, это очень долгая история.

— Возможно, в свое время я тебе ее расскажу, — обещаю я. — Но сейчас скажу лишь, что перед побегом убила злодея Тейна и сумела взять в заложники наследного принца. — Я указываю на стоящего у меня за спиной Сёрена.

Нехорошо присваивать себе чужие заслуги, ведь Тейна отравила Элпис, а я лишь приказала ей это сделать. Сёрен не подозревал, что стал моим заложником, пока мы не выбрались из дворца, а даже когда выбрались, не я обезоружила его и связала. Я бы ни за что не справилась без Блейза, Артемизии и Цапли. Однако этот человек не хочет слышать правду, она ему не нужна. Ему нужно видеть во мне удивительную, сильную правительницу, поэтому я буду именно такой.

Человек кивает на Сёрена.

— И ты называешь его заложником?

Я слегка дергаю плечом.

— Кайзер — злодей, думаю, никто здесь в этом не сомневается, включая его сына. Оказалось, принц полезнее нам в качестве союзника, а не заключенного.

Мужчина издает глухой горловой звук, смысл которого я не могу определить, но по глазам видно: человек встревожен.

— Мне кажется, несправедливо, что ты меня знаешь, а я тебя нет, — говорю я ему.

Он смотрит на меня еще несколько секунд, потом плюет на землю между нами — недостаточно близко ко мне, чтобы это можно было посчитать оскорблением, однако отсутствие почтения налицо. Для него я не королева, а просто девчонка с длинным именем.

— Сандрин, — говорит он в конце концов. — Из Астрей. Из Неварина, если быть точным.

Цапля кашляет.

— Я вырос в пяти милях от Неварина, — говорит он. — В Вестре.

По лицу Сандрина расплзается щербатая улыбка.

— Знавал я одну девчонку из Вестры, — бормочет он. — Думаю, я мог бы жениться на ней, если бы не пришли кейловаксианцы.

— Думаю, я мог бы много чего сделать, если бы не пришли кейловаксианцы, — в тон ему отвечает Цапля.

Сандрин кивает, многие люди в толпе следуют его примеру.

— Ты кто? — спрашивает он.

— Цапля, — отвечает молодой человек, потом указывает на Блейза и Артемизию и называет их имена. — Мы несколько лет работали на рудниках, — говорит он. В толпе раздаются охи и ахи. — Нас спас оттуда один человек по имени Ампелио. Он научил нас пользоваться нашим даром и сказал, что, если с ним что-то случится, мы должны найти королеву, спасти ее и следовать за ней.

— Мы сделали так, как наказал нам Ампелио, — встречается Артемизия необычным для нее тоненьким голоском. Не думала, что когда-нибудь услышу от нее это имя. — И она привела нас сюда.

— Вы — Защитники, — говорит Сандрин, в его глазах мелькает понимание.

Я почти жду, что Блейз откажется, но тот кивает.

— Мы Защитники, — соглашается он. — А это наша королева.

Сандрин поочередно глядит на нас. Проходит, наверное, вечность, но наконец он кивает и говорит устало:

— Тогда идемте, познакомлю вас с остальными.

СТАРЕЙШИНЫ

Сандрин ведет нас по кривым грязным улочкам, и я краем глаза замечаю выглядывающие из-за дверей и из окон испуганные лица; наконец мы приходим к дому, притулившемуся в конце одного из переулков. Хибара похожа на остальные здешние постройки: крытая соломой крыша покосилась и местами провалилась, кривые стены сложены из разномастных камней, вероятно, оставшихся от каких-то другихстроек. Деревянная дверь мала для дверного проема, и между ней и стеной остаются огромные щели. Строго говоря, ее вообще сложно назвать дверью.

Она открывается, и на пороге появляется женщина в изодранном платье — его так часто чинили и ставили заплаты, что уже сложно понять, как оно выглядело, будучи новым. У незнакомки красновато-коричневая кожа, волосы заплетены примерно в дюжину косичек, между которыми проглядывает кожа. Трудно определить ее возраст, пожалуй, я дала бы ей лет пятьдесят. Ее лицо будто вылеплено из острых углов, узкие глаза смотрят недоверчиво — она определенно многое повидала в этой жизни и уже ни от кого не ждет ничего хорошего.

— Талла, — говорит Сандрин, подходит к женщине и начинает что-то быстро рассказывать тихим голосом. Я почти ничего не понимаю, но различаю слова, похожие на астрейские. *Посетитель. Помощь. Королева. Ребенок.* Остальные слова лишь отдаленно напоминают астрейские, хотя одно из них звучит как «предатель», но трудно сказать наверняка. В целом, смысл его речи мне неясен.

— Тут пять языков, — шепчет Сёрен мне на ухо. — Я услышал астрейский, горакийский и коутанский. А еще, кажется, тиаванский и лаэранский.

— Шесть, — поправляет его Артемизия с легкой ноткой самодовольства в голосе. — Ты пропустил йоксийский. Думаю, еще я слышала манадолский, но он так похож на коутанский, что трудно их различать, особенно в такой мешанине.

— Все эти страны завоевала Кейловаксия, — замечаю я. — Значит, здесь живут беженцы из всех этих стран.

Я не могу не думать о том, что Кресс очень понравились бы эти слова. Она всегда увлекалась иностранными языками, могла выучить новое наречие за несколько месяцев. Ей доставило бы истинное удовольствие исследовать и анализировать новый язык, сравнить его с другим, похожим.

Я стараюсь выбросить Кресс из головы и сосредоточиться на Сандрине и этой женщине... кажется, ее имя Талла? Было ли это ее имя, или просто слово на незнакомом мне языке? Наш провожатый вполголоса беседует с женщиной, оба то и дело поглядывают на нас.

— Я понимаю только астрейский, — признаюсь я. — Кто-нибудь знает, о чем они говорят?

Артемизия хмыкает:

— Я не очень хорошо говорю на других языках,

нахваталась знаний по верхам, но, полагаю, они спорят о том, стоит ли нам доверять или лучше отнять у нас еду и ценности, буде таковые найдутся, а потом отправить восвояси.

— Очень обнадеживающе, — бормочу я сквозь зубы. — Мы захватили с собой еды?

— Только обед, — отвечает Цапля. — Но я могу потерпеть пару часов без перекуса.

У меня урчит в животе, но я киваю.

— Я тоже.

Остальные соглашаются, хотя все мы знаем, что наших припасов, рассчитанных на пятерых человек, не хватит, чтобы накормить тысячи здешних обитателей.

Я делаю шаг к Сандрину и женщине.

— У нас есть немного еды, но, пожалуйста, примите, — говорю я по-астрейски. Они умолкают и смотрят на меня. — Что же до ценностей, у нас есть немного монет и мое платье, но, надеюсь, вы не станете его у меня забирать, потому что мне будет сложно объяснить его отсутствие королю Этристо. Если он узнает, что я была здесь, то больше не позволит прийти. Мне хотелось бы вернуться и принести больше еды.

Несколько секунд длится неуютная пауза, они оба смотрят на меня, потом женщина выпускает сердитый вздох и снова что-то говорит Сандрину. И вновь смысл фразы от меня ускользает, но я слышу астрейское слово «ребенок». Я уже открываю рот, но возразить не успеваю: женщина входит в дом, знаком предложив нам следовать за ней.

* * *

Дом женщины состоит из единственной комнаты, в четыре раза меньше моих покоев во дворце. В углу есть маленькая печь, на полу четыре потертых

матраса — вот и вся обстановка. Зато в комнатухе находится еще шесть человек, трое мужчин и три женщины, у всех волосы либо острижены, либо заплетены в косички, все одеты в лохмотья и босы, хотя пол в комнате едва ли чище, чем на улице.

Женщина, которая нас привела, указывает на меня.

— Королева Теодосия из Астреи явилась, чтобы спасти всех нас, — сообщает она на приличном астрейском, но с сильным акцентом.

Раздаются сдавленные смешки, но я стараюсь не огорчаться. Если эти бедолаги принимают меня за наивного, амбициозного ребенка, это не их вина, верно? Возможно, они недалеко от истины.

— Король Этросто пригласил меня погостить во дворце, — поясняю я. — Он рассчитывает найти мне мужа, обладающего сильной армией, дабы с ее помощью мы разбили кейловаксианцев и вернули наш дом.

Снова смешки, но громче всех хохочет Сандрин.

— Королевы не выходят замуж, — заявляет он. — Ты так долго прожила среди варваров, что забыла об этом?

Жар приливает к моим щекам.

— Некоторые традиции трудно соблюдать во время войны, — говорю я, тщательно подбирая слова.

Как бы ни были правдивы мои слова, Сандрин все равно презрительно фыркает.

— А может, в трудные времена как раз важно соблюдать традиции.

Меня охватывает досада. Решение выйти замуж далось мне, мягко говоря, нелегко.

— Если у вас где-то спрятана армия, я с радостью ее приму, но сомневаюсь, что она у вас есть. Если у вас имеются другие предложения, сделайте одолжение, поделитесь, я с удовольствием их выслушаю.

На этот раз все молчат, даже Сандрин капельку присмирел. К сожалению, никто так и не высказывает ни одной идеи.

— Недавно я услышала об этом лагере для беженцев, и, кажется, решила, что найду здесь счастливых астрейцев, которым повезло освободиться от тирании кайзера.

— Тирания есть везде, ваше величество, — тихо говорит Сандрин. — Кейловаксианцы не одни такие.

— Мудрая мысль.

Сандрин пожимает плечами.

— Когда-то я много занимался умными мыслями, — признается он, и в его голосе звучит тоска. — Люди преодолевали сотни миль, чтобы послушать мои лекции по философии.

— Вы Сандрин Мудрый! — восклицает вдруг Цапля. — Моя мать как-то раз слушала вашу речь. Она говорила, боги одарили вас необычайно острым умом.

Сандрин хмыкает.

— Многие так считали. Теперь я — Сандрин, старейшина Астреи. — Он указывает на стоящих за ним людей. — Это мои товарищи-старейшины, по одному от каждой страны. Мы поддерживаем порядок, как можем, и изо всех сил стараемся облегчить жизнь людей.

— Наверное, это очень нелегкая работа, — замечаю я.

— Это точно, — говорит другой человек, бледнокожий, с коротко стриженными волосами цвета меди.

Я оглядываюсь на друзей: у всех на лицах смещение, так же как и в моей душе. Я потрясена, земля словно уходит у меня из-под ног, меня мучает чув-

ство вины. «Все это случилось с этими людьми не из-за меня, — напоминаю я себе, — а из-за кайзера». И все же мне следовало предугадать, что так будет, следовало что-то сделать. Блейз смотрит мне в глаза и кивает, его взгляд красноречивее тысячи слов.

Я снова поворачиваюсь к старейшинам и спрашиваю:

— Чем мы можем помочь?

Нужды лагеря довольно просты: людям требуется еда, они отчаянно в ней нуждаются, и наш обед на пятерых — это просто капля в море. Ста'криверийцы доставляют еду раз в неделю — объедки из столицы, но чаще всего эта пища успевает испортиться до того, как ее довозят до лагеря. Мы можем вернуться снова и привезти еще продуктов, взять что-то с дворцовых кухонь — было бы свежее, — но и этого будет катастрофически недостаточно. Этого не хватит, чтобы у людей на костяхросло мясо, а животы перестали урчать от постоянного голода. И все же с чего-то нужно начинать, пока мы не придумали лучшего решения.

Требуется чистая одежда, мыло и свежая вода — все это тоже доставляется в мизерных количествах, хотя неподалеку есть озеро. Блейз, Цапля и Сёрен верхом несколько раз ездят к берегу и обратно, так что в итоге удастся наполнить половину найденных старейшинами кувшинов и ведер, чтобы беженцы смогли продержаться хотя бы несколько дней.

Пока юноши ездят за водой, мы с Артемизией кроем соломой одну из крыш — для меня это занятие в новинку, а вот у Артемизии, похоже, есть опыт в этом деле. Ловко, как кошка, она взбирается на угол дома и велит мне подать ей несколько вязанок соломы, лежащих на земле. Артемизия не отказывает

себе в удовольствии покомандовать мной, но я давно перестала принимать ее замашки на свой счет, и вскоре мы уже дружески болтаем. Жители близлежащих лачуг наблюдают за нами из-за углов — они прячутся, с тех пор как мы пришли.

Дети, как это обычно бывает, оказываются самыми храбрыми. Маленькие, похожие на привидения, они тем не менее на удивление азартны. Сбившись в стайку, они подходят ближе шажок за шажком, подталкивая друг друга локтями, словно мы с Артемизией опасны. Самые маленькие выглядят самыми бесстрашными; они перемазаны в грязи с ног до головы, босоноги и таращатся на нас огромными глазенками вполлица.

Артемизия увлеченно укладывает солому на крыше и не замечает малышей, но я их вижу.

— Привет, — говорю я самому маленькому мальчику. Крохе от силы года четыре, у него тонкие руки и ноги, зато живот раздут. А еще у него золотистая кожа и темные волосы — прямо как у Эрика, и я поневоле задумываюсь, может, он тоже из Гораки, или, по крайней мере, его родители.

Мальчик не отвечает, просто глядит на меня очень серьезно, опущенные ручонки сжаты в кулаки. Я опускаю на землю вязанку соломы, которую держу в руках, и ощупываю плащ Цапли, надеясь найти в карманах хоть что-то — кусок галеты, конфету, монетку, — но ничего нет, лишь кусок веревки и скатавшаяся в шарики пыль. Разочарованно вздохнув, я вытаскиваю руки из карманов, и слышу, как что-то звякает. Ну конечно же, под плащом на мне надето платье, расшитое драгоценными камнями.

Приподняв плащ, я тянусь к украшенному бриллиантами подолу. Каждый камень размером с ноготь

моего мизинца. Я отрываю один камень от ткани и протягиваю мальчику.

Тот смотрит на блестящий предмет так, словно это оружие, и мое сердце обливается кровью. Для такого юного создания он уже слишком много знает о жестокости. Впрочем, мальчик быстро понимает, что камешек ему не навредит, и берет подарок, касаясь моих пальцев грязной, заскорузлой ладошкой. Бриллиант блесит в солнечном свете, отбрасывая на землю солнечные зайчики. Прежде чем я успеваю его остановить, малыш засовывает камешек в рот.

— Нет! — восклицаю я.

Мальчик и сам уже понимает, что подарок не съедобен, и выплевывает его на ладонь, закапав свою холщовую тунику слюнями. Он смотрит на меня снизу вверх и широко улыбается, показывая желтые зубы и дырки между ними, потом со всех ног бежит обратно к какой-то женщине, вероятно, матери; та подхватывает малыша на руки и прижимает к груди. Я улыбаюсь ей, а спустя секунду она улыбается в ответ и кивает.

После этого робость окончательно покидает остальных детей, они шумной толпой окружают меня, глядят с надеждой, протягивают грязные руки и что-то лопочут на непонятных мне языках.

— Эй-эй, не так быстро, — говорю я не в силах удержаться от смеха. Кое-как отодвинув от себя детей на расстояние вытянутой руки, я отрываю от подола платья еще несколько бриллиантов и вручаю каждому ребенку по камешку.

— Тебе придется объясняться, когда твои служанки найдут это платье, — замечает Артемизия с усмешкой, поглядывая на меня со своего насеста на крыше. Улыбка на ее лице смотрится до жути непривычно и неуместно. Когда взгляд девушки падает

на детей, ее веселье испаряется. — Ста'криверийцы считают беженцев проклятыми, — произносит она с отвращением в голосе. — Как будто их несчастье заразно.

— Это самая большая глупость из всех, что я когда-либо слышала, — отвечаю я.

— Так и есть, — соглашается Артемизия. — Только люди готовы верить во что угодно, если так им легче поверить в собственную значимость. Передай мне еще немного соломы, и, когда мы закончим, ты сможешь вернуться к толпе твоих почитателей.

Я протягиваю ей еще одну вязанку, потом снова поворачиваюсь к детям. Больше мне нечего им дать, но, похоже, их это не печалит. Они дергают меня за полы плаща, всячески стараются привлечь внимание. Я смеюсь, поворачиваясь то к одному ребенку, то к другому. Я почти не понимаю, что они говорят, но это не важно: они просто хотят быть услышанными, и я рада их выслушать.

— Жаль, что вы слишком юны и не можете взять в руки оружие, — говорит Артемизия, спрыгивает с крыши и легко приземляется рядом со мной. — Еще несколько лет, и они положат начало бесстрашной и преданной тебе армии.

Я понимаю, что девушка хочет сказать что-то хорошее, но ее слова все равно разят, как кинжал. Мысль о том, что эти дети растут для того, чтобы участвовать в сражениях, обагрять свои руки кровью других людей, и на своей шкуре узнают боль от ран, станут рисковать жизнью... Не хочу, чтобы их постигла такая судьба, ни на службе мне, ни кому-то еще.

МЭРИАЛ

На обратном пути никто ничего не говорит, но это очень неприятное молчание. Думаю, мы все слишком устали и проголодались, чтобы вести беседы, но дело не только в этом; мои мысли постоянно возвращаются к лагерю, и, уверена, с остальными происходит то же самое. Даже бледный Сёрен выглядит осунувшимся и задумчивым, хотя в глубине души мне хочется отвесить ему оплеуху. С чего он ужасается тому, как ста'криверийцы обращаются с беженцами, если именно по вине кейловаксианцев все эти люди были вынуждены искать пристанище на чужбине?

Знаю, это не вина Сёрена, но порой трудно провести грань между виной его народа и личными прегрешениями.

Вернувшись в город, мы оставляем лошадей в конюшне и по возможности незаметно пробираемся по запруженным народом улицам. Солнце уже клонится к горизонту — мы оставались в лагере дольше, чем собирались, — и я молюсь всем богам, которые, предположительно, провели нас через Кейлодинское море, чтобы наше отсутствие осталось незамеченным.

А что делать, если нас раскрыли?

Меня так и подмывает сказать королю Этристо, где именно я была и что с его стороны подлость так обращаться с людьми, прибывшими в его страну в поисках безопасного убежища. Хочется сообщить, что я считаю его чудовищем и что, если он немедленно не отправит беженцам еду и свежую воду, я уеду, и черт с ней, со свадьбой. Однако едва подумав об этом, я понимаю, что так поступать нельзя. Как ни отвратителен мне король Этристо, без его помощи я не спасу Астрею, а без Астреи не смогу дать всем этим несчастным новый дом.

Но как только я снова сяду на астрейский трон, этот король сразу же узнает, что я о нем думаю.

Лишь когда мы входим в подъемник, чтобы ехать на наш этаж, Цапля нарушает молчание.

— За следующие несколько дней я могу стащить еду, использовав свой дар, — шепчет он, с опаской косясь на рабочего, однако тот, похоже, не прислушивается к нашему разговору. — Если брать частями, можно собрать больше, чем за один раз. Потом мы вернемся в лагерь, ну или я один вернусь. Вам необязательно...

— Я поеду, — говорю я. — Если кто-то захочет остаться, я никого не принуждаю, но после того, что мы сегодня увидели, я не могу представить, что вы так поступите.

Никто не произносит ни слова, и я принимаю их молчание за согласие.

Проскользнув в свою комнату, я поначалу с облегчением думаю, что мое отсутствие осталось незамеченным. Комната выглядит в точности такой же, как до моего ухода: покрывало на кровати взбито, моя ночная рубашка валяется на полу, дверца гарде-

роба приоткрыта. Вот только в кресле перед камином сидит Мэриал, да еще так тихо, что я не сразу ее замечаю.

— Вы глупая девчонка, — заявляет она. Судя по выражению лица, женщина в бешенстве.

Я невольно делаю шаг назад, к двери, но бежать мне некуда. Придется объясняться.

— Мне стало лучше, — говорю я. — Подумала, небольшая прогулка пойдет мне на пользу.

Женщина окидывает меня недоверчивым взглядом и поднимает идеально ровную бровь.

— Прогулка? — сухо переспрашивает она. — Полагаю, именно поэтому от вас разит, как от выгребной ямы, и вы покрыты грязью с ног до головы?

Быстро придумать правдоподобный ответ не получается.

— Мы так хорошо вас приняли, подарили вам столько прекрасных вещей, и в благодарность вы решили отплатить королю ложью? — спрашивает она низким, угрожающим голосом.

У меня внутри словно распрямляется сжатая пружина, и, прежде чем я успеваю остановиться, с языка срываются резкие слова.

— Мне плевать на ваши прекрасные вещи. Я благодарна за доброту, которую король выказал, приняв меня во дворец, но я здесь ради своего народа — того, что страдает в цепях в Астрее, и того, что мучается в этом ужасном месте, которое вы имеете наглость называть лагерем для беженцев. Предполагалось, что они найдут здесь безопасное укрытие, но то, что я видела сегодня, вряд ли соответствует этому определению.

Мэриал так и вскидывается, и я понимаю, что сболтнула лишнее.

— Вы ездили в лагерь? — тихим, дрожащим голосом спрашивает она. До сих пор она казалась мне очень грозной, а сейчас, кажется, сама испугана.

Хочется отказаться от своих слов, но уже слишком поздно. Я мысленно даю себе подзатыльник за чрезмерную болтливость.

— Я просила короля отвезти меня туда, — говорю я, решив, что, раз сказанного не воротить, нужно, по крайней мере, объяснить свой поступок. — Он отказал. Сказал, что лагерь — не место для такой девушки, как я. Он был прав — там не должен находиться никто.

Мэриал качает головой.

— Они прокляты, — бормочет она. — Мы пожалели их, но мы не могли рисковать собственными жизнями, принимая в городе чужестранцев. А теперь вы притащили сюда их грязь и неудачу.

Она произносит это так, словно повторяет давно заученный текст.

— Значит, вы просто глупы, раз верите в подобную чушь, — парирую я. — Можете наябедничать королю, если хотите, но, сдается мне, это откровение принесет больше неприятностей вам, чем мне. В конце концов, меня поручили вашим заботам. Уверена, другую камеристку найти проще, чем вынужденную покинуть свой дом королеву, которую можно выдать замуж к собственной выгоде.

Моими устами словно говорит кто-то другой, и когда Мэриал отшатывается, будто я ее ударила, меня охватывает чувство вины. Я напоминаю себе, что говорила о беженцах эта женщина всего минуту назад; не найди я способ ее остановить, она придумала бы, как помешать мне снова посещать лагерь. И вновь я слышу у себя в голове голос кайзера, дик-

тующий мне, как лучше поступить. Хочется извиниться, но я не могу себя заставить.

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга, и по лицу Мэриал нельзя угадать, о чем она думает. Когда тишина становится невыносимой, она наконец говорит:

— Вам нужно принять ванну. Не стоит звать девочек, они не должны видеть вас такой. Я справлюсь сама.

ОЧАРОВАНИЕ

Стоя в подъемнике рядом с Бичом Драконов, я неосторожно зеваю. Ничего не могу с собой поделывать: после вчерашней ночи и нескольких часов работы под палящим солнцем, удивительно, что я еще стою на ногах. Однако Бич Драконов ничего об этом не знает и, увидев мой зевок, недовольно щурится.

— Сегодняшний ужин важен. — Она произносит каждое слово медленно, как будто разговаривает с маленьким ребенком. Сегодня ее вновь нарядили в черное платье, на сей раз облегающее, расшитое черными жемчужинами. Оно идеально контрастирует с моим платьем из воздушного белого шифона. В Астрее белый — цвет скорби, но Мэриал довольно резко заявляет мне, что в Ста'криверо белый цвет символизирует невинность. Довольно прямолинейный намек, впрочем, ста'криверийцы, похоже, не отличаются деликатностью.

— Я знаю, что он важен, — отвечаю я. — Но, надеюсь, ты не станешь меня торопить. Впереди еще не один ужин, женихов много, и понадобится время, чтобы узнать их получше.

— Первые три — самый лучший наш выбор. Я хмрюсь.

— Что ты имеешь в виду?

Бич Драконов пожимает плечами.

— Во все страны мира разослали приглашения, дабы их кандидаты могли посвататься к тебе, если не считать Элкорта — он слишком близко связан с Кейловаксией. Этристо взымает определенную сумму с каждого претендента, поэтому он не был особо заинтересован в том, чтобы вносить в список страны, достаточно сильные, чтобы выступить против кейловаксианцев. Многие страны слишком слабы, и нам от них никакой пользы, хотя, полагаю, их присутствие делает тебя еще более желанной. — Она ненадолго умолкает, давая мне возможность переварить полученную информацию, хотя ее заявление меня почти не удивляет.

— Гаптания, Ориана и Этралия, пожалуй, самые сильные государства в мире после Ста'криверо, — продолжает она. — У каждой из этих трех держав есть армия, способная вернуть Астрею. У остальных, может быть, найдется необходимая сила, но, что более вероятно, их вмешательство лишь отсрочит наше неизбежное поражение.

— Если Ста'криверо самое сильное государство в мире, почему бы им не помочь нам напрямую?

Бич Драконов улыбается мне так, будто я ручная зверушка, которая только что выполнила забавный трюк.

— Потому что, оказав нам помощь напрямую, они ничего не получают. Им не нужна магия Астреи, ты сама видела, что они прекрасно обходятся без нее. Они жаждут денег, причем предпочли бы получить их легко и быстро, без сопряженного с войной кровопролития.

Я проглатываю охватившее меня разочарование. Кажется, никто не понимает, что прямо сейчас ас-

трейцы умирают в рудниках. Все вокруг пекутся лишь о деньгах, драгоценных камнях и собственной безопасности. Если бы все перестали быть такими эгоистами, сообща мы раздавили бы кей-ловаксианцев, как заползшего в сапог муравья, с минимальными усилиями и ничем не рискуя. Но на этом денег не заработать, поэтому никто и не рвется в бой.

* * *

Я ожидаю, что ужин состоится в том же зале, что и прошлым вечером, но вместо этого нас ведут в просторный открытый павильон, в котором нет общего обеденного стола — только мягкие диваны и маленькие столики, уставленные золотыми подносами со всевозможными закусками, которые едят руками. Слуги подливают гостям в бокалы темно-красное вино.

Мы прибываем последними. Король Этристо уже сидит в кресле с высокой спинкой, тщедушные плечи ссутулены — кажется, это его обычная поза, — рядом стоит слуга и держит бокал с вином. В комнате три жениха, каждый беседует с кем-то из собственных придворных. Я узнаю сестру канцлера Марцена, *саллу* Колтанию, чуть поодаль сидит отец царевича Талина, царь Реймер.

Когда меня замечают, все встают — кроме короля Этристо, хотя я не принимаю это в качестве знака неуважения. Думаю, он так стар, что просто не в силах стоять самостоятельно, даже если бы захотел.

— Я ведь говорил, что ее стоит подождать? — со смешком обращается король к женихам, хватает бокал, делает глоток, потом не глядя пихает бокал в руки слуге.

— Надеюсь, я не заставила вас ждать слишком долго, — говорю я и замечаю, что Сёрена тут нет. На все остальные официальные встречи его приглашали, но вполне понятно, почему не позвали на эту. Король Этристо уже упомянул, что обо мне с Сёреном ходят слухи; меньше всего он хочет, чтобы присутствие принца омрачило сегодняшний вечер, особенно в свете моего отказа пройти проверку. Белое платье вдруг кажется мне откровенно жирным, беззастенчивым намеком.

— Вовсе нет, вовсе нет. Я просто подумал, что всем вам не помешает узнать друг друга поближе в непринужденной обстановке. Сегодня никакого официального ужина, просто непринужденные беседы. Как вам такая идея?

«По-моему, непринужденной обстановкой тут и не пахнет».

— По-моему, это чудесная идея, ваше величество, — говорю я, улыбаясь как можно очаровательнее. — Благодарю вас.

Король благосклонно кивает, после чего снова тянется к бокалу.

Я оглядываю павильон, чувствуя на себе пристальные взгляды женихов и их придворных. Канцлер Марцен и его сестра сидят ближе всех, поэтому сначала я направляюсь к ним, а Бич Драконов тенью следует за мной.

— Здравствуйте, канцлер, — говорю я, протягивая руку для приветствия. Канцлер Марцен встает и, склонившись, целует тыльную сторону моей ладони, потом отступает в сторону и указывает на свою сестру. Сегодня ее блестящие смоляные волосы собраны в причудливый пучок на макушке, губы накрашены ярко-красной помадой, а глаза густо подведены черным. Она выглядит так, словно

в любой момент или улыбнется вам, или вцепится в горло.

— Королева Теодосия, позвольте представить вам мою сестру, Колтанию, — говорит канцлер на великолепном, хоть и несколько высокопарном, астрейском.

Алые губы Колтании складываются в некое подобие равнодушной улыбки.

— Очень приятно, — произносит она. — Много о вас слышала.

По-астрейски она говорит хуже брата, но я без труда ее понимаю.

— Значит, в этом вы меня превзошли, — непринужденно отвечаю я. — Но я тоже очень рада с вами познакомиться. Это моя тетя, принцесса Каллистрада. — Я указываю на Бича Драконов. Пусть это мелко, но мне приятно видеть, как тетка вздрагивает, услышав свой официальный титул.

Мы с Бичом Драконов садимся, а канцлер наливает нам по бокалу вина.

— Как вы находите Ста'криверо? — спрашивает он, протягивая мне бокал.

При мысли о том, чтобы снова пить вино, мой желудок протестующе содрогается, но я заставляю себя сделать маленький глоток.

— Здесь прекрасно, — отвечаю я, не особо задумываясь над тем, что говорю. Мои слова не так уж важны — ничего не значащий ответ на ничего не значащий вопрос.

— Здесь все очень яркое, — говорит Колтания, хотя в ее устах это звучит как обвинение.

Канцлер Марцен хмурится.

— В Ста'криверо все чересчур избыточно и... — Он обрывает фразу и что-то говорит сестре, предположительно, по-ориански.

— Безвкусно, — заканчивает она за брата, сверкнув белозубой улыбкой.

— Безвкусно, — повторяет канцлер Марцен с тихим смешком. — Очень подходящее слово.

— Простите, что прерываю, — раздается низкий голос. Подняв глаза, я вижу царя Реймера и царевича Талина: мальчик так съежился, словно надеется исчезнуть. — Ваше величество, позвольте ненадолго похитить ваше внимание?

Я смотрю на канцлера и его сестру: оба явно недовольны и хотят возразить, однако кивают.

— Мы вскоре побеседуем снова, ваше величество, — говорит канцлер с улыбкой, которую иначе как масленой не назовешь.

— Жду с нетерпением, — отвечаю я, после чего протягиваю царю Реймеру руку для поцелуя и позволяю ему помочь мне подняться. Царь ведет меня в противоположную часть павильона, Бич Драконов идет следом.

* * *

Весь вечер трое претендентов на мою руку борются за мое внимание, чуть ли не вырывая меня друг у друга, а я из последних сил пытаюсь поддерживать светскую беседу, дабы каждый нашел меня очаровательной, и это оказывается проще, чем я ожидала.

Быстро становится ясно, что канцлер Марцен считает союз между нашими двумя государствами делом решенным — все то время, что я разговариваю с ним и его сестрой, оба ведут себя так, будто я уже приняла предложение канцлера, и меня это безумно злит. Большую часть жизни я не могла распоряжаться своей судьбой. Я чувствую, что и здесь от меня ничего не зависит, и от этого сердце ноет

от боли, дышать трудно. Полагаю, канцлер считает свою бесцеремонность очаровательной, особенно в сочетании с его масляной улыбкой и обаянием, но он мне так неприятен, что в какой-то момент Бич Драконов щиплет меня за руку.

— Улыбайся! — шепчет она, наклоняясь, якобы для того, чтобы поправить мои волосы. — У тебя такой вид, словно ты лягушку проглотила.

Впрочем, каким бы отталкивающим ни был Марцен, их с сестрой компанию я предпочитаю обществу царя Реймера с его сыном Талином. Мне кажется, мы с царевичем легко нашли бы общий язык, если бы царь хоть ненадолго нас покинул, но надеяться на это не приходится. Царь верховодит в любом разговоре, поощрительно улыбается то мне, то сыну, самоуверенно ухмыляется и многозначительно играет красиво очерченными бровями. Я начинаю жалеть царевича Талина: наверное, он привык к присутствию отца, но, кажется, бедняга обречен увядать в тени родителя, как молодой побег под сенью могучего дуба.

И если отца он побаивается, то передо мной буквально трепещет. Во время разговора он постоянно шарит взглядом по павильону, как будто ищет возможность сбежать, а уж в глаза мне и подавно не смотрит.

Если бы мы были одни, я успокоила бы его, сказала бы, что тоже не имею ни малейшего желания выходить за него замуж, но если король Этристо об этом услышит, боюсь, его терпение лопнет.

Полагаю, эрцгерцог Этмонд самый приятный из всей этой компании, хотя, надо сказать, заслуга эрцгерцога скорее в том, что он проигрывает своим конкурентам в умении поддерживать беседу. Большую часть отведенного нам времени мы проводим

в неловком молчании, за что я, признаться, благодарна — после тяжелого дня приятно хоть пару минут посидеть в тишине. Однако под конец эрцгерцогу удастся меня удивить: он спрашивает, как мне удалось сбежать из Астреи, и, кажется, ему это по-настоящему интересно.

Я рассказываю ему о побеге, и удивляюсь, поняв, что это случилось всего пару недель назад, хотя ощущение такое, словно прошли годы. Я не упоминаю Сёрена, потому что слишком хорошо знаю, какие слухи ходят о наших отношениях, зато все остальное рассказываю.

Эрцгерцог Этмонд глядит на меня почтительно округлившимися глазами, так что я, пользуясь возможностью, отгибаю край белой шелковой перчатки и показываю шрамы, оставшиеся на ладонях после подъема по скалам. Цапля пытался их убрать, но полностью вылечить не смог. Мне они кажутся уродливыми, но эрцгерцог Этмонд смотрит на них так, словно они очаровательны. Конечно, эти небольшие отметины гораздо лучше рубцов, перепавших мою спину, но, полагаю, для эрцгерцога они означают одно и то же: я прошла через ад, но выжила и могу поведать о пережитом.

К сожалению, толком побеседовать с эрцгерцогом мне не удастся. Царь и канцлер явно сообразили, что легко переиграют соперника, коль скоро мы на светском ужине, а не на поле боя, и стоит нам с эрцгерцогом начать говорить, как уже через несколько минут появляется один из двух его конкурентов и просит меня о разговоре наедине. Когда это происходит в третий раз, я почти готова отказать, но Бич Драконов так выразительно смотрит на меня, что приходится оставить эту затею.

«Очаруй их», — сказала она мне в подъемнике, но

на первый взгляд это нетрудно. Женихи в восторге от меня при минимуме усилий с моей стороны. Я нравлюсь им, потому что, глядя на меня, они видят магию и деньги, так что я для них неотразима. Пожалуй, только эрцгерцог глядит на меня так, будто действительно видит, хотя никакого романтического отношения я не чувствую. Наверное, точно так же он смотрел бы на хорошего солдата: с уважением.

Да ведь он тут единственный, кто смотрит на меня такими глазами, осознаю я вдруг, и это открытие меня потрясает. Все остальные обращаются со мной, точно с хрупкой куклой: с ней играют от случая к случаю, ее хранят на высокой полке и берегут ввиду ее высокой цены, но не относятся к ней, как к равной.

ГОРАКИ

Под конец вечера руки и ноги наливаются тяжестью, а глаза сами собой закрываются, хотя я едва отхлебнула вина. Я чувствую себя клубком шерсти, которым играют несколько кошек: чем дольше они перебрасывают клубок друг другу, тем больше он разматывается. Если в начале вечера я еще могла излучать очарование, то сейчас сил на это уже не осталось, и это не остается незамеченным.

— Возьми себя в руки, — шипит Бич Драконов мне на ухо, увлекая меня к царю Реймеру и царевичу Талину.

— Если царь опять начнет рассказывать про своих резвых скакунов, равных которым нет в целом свете, я точно усну, — предупреждаю я тетку.

— Не уснешь, — чеканит она в ответ. — Ты будешь улыбаться и скажешь, что его кони, несомненно, удивительны, а потом постарайся разговорить его сынка. Нужно ли напоминать, что на кону будущее Астреи?

Ей удастся меня пристыдить. Больше всего мне сейчас хочется вырваться из ее цепких рук и со всех ног выбежать из павильона, однако я понимаю: Бич Драконов права. Не знаю, можно ли считать ее на-

стоящей союзницей, но она и не враг мне. Мы на одной стороне, на стороне Астреи.

— Хорошо, — говорю я, улыбаясь еще шире, хотя у меня уже сводит мышцы лица.

Однако прежде чем мы успеваем дойти до царя и царевича, раздается оглушительный лягз, и все присутствующие подпрыгивают от неожиданности. Я стою далеко от входа в павильон, обзор мне загораживают кадки с раскидистыми пальмами, и я не вижу, что там происходит. Возможно, это явился еще один претендент на мою руку, хотя при мысли о том, что придется очаровывать еще кого-то, у меня с губ срывается тихий стон. К счастью, кроме Бича Драконов этого никто не замечает, и тетка спешит приструнить меня, наградив строгим взглядом.

Король Этристо, задремавший было в своем кресле, подскакивает и, сонно, подозрительно щурясь, глядит в сторону входа.

— Что там такое? — требовательно спрашивает он, вытягивая шею, дабы лучше видеть. — Это частный ужин! Кто там еще?

— Приношу свои извинения, — раздается веселый голос. Он кажется смутно знакомым, но я не могу сообразить, где его слышала. Я хмурюсь, делаю шаг вперед, увлекая за собой Бича Драконов, но все равно не вижу вошедшего. Между листьями пальм мелькает полоска фиолетовой с золотом парчи, светлый вихор, но лица я разглядеть не могу. — Знаю, мы поздно, но мне сказали, что здесь проходит небольшая вечеринка для женихов.

Все-таки это еще один претендент на мою руку, вот только уверена, что знаю этот голос. Веселая бравада, призванная отвлечь зрителей, бездна очарования, под которой скрывается неуверенность. Я точно знаю этот голос.

Выпустив руку Бича Драконов, я делаю еще шаг к выходу, огибаю кадки с пальмами и наконец вижу нарушителя спокойствия.

— Эрик, — говорю я едва слышно. Мгновение я могу только таращиться на юношу и хлопать глазами, жду, что он растает в воздухе, словно мираж. Наверняка это просто иллюзия, порожденная моим изнуренным, затуманенным сознанием, потому что Эрик никак не может быть здесь, в качестве одного из претендентов на мою руку. Однако молодой человек не исчезает, стоит, гордо выпрямившись, у входа; он так странно одет, что я с трудом его узнаю. Прежде я видела его только в кейловаксианской одежде — обтягивающие штаны, рубахи, тесные бархатные куртки, — но теперь на нем длинная, до пят, парчовая туника с широкими, свисающими до пола рукавами. Туника расшита причудливо сплетающимся узором из животных и деревьев, да так искусно, что изображения кажутся нарисованными. Талию юноши охватывает широкий пояс, длинные волосы, прежде неизменно торчавшие во все стороны, зачесаны назад, стянуты в пучок у основания шеи и перевязаны лентой.

Но когда он смотрит мне в глаза и улыбается, то внезапно становится похожим на того Эрика, которого я помню.

Молодой человек отвешивает низкий поклон и говорит:

— Королева Теодосия.

Эрик не впервые называет меня полным именем: он уже произнес его в саду, после того как я велела ему забирать его мать, Хоа, и уезжать из столицы.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я, подходя ближе. Хочется его обнять, но не следует, учитывая присутствие короля и женихов.

— Мне казалось, это очевидно, — отвечает он. — Я здесь, чтобы бороться за право жениться на вас.

Он произносит это небрежным тоном, но в его глазах мелькает сомнение, легкая тень беспокойства, почти неуловимая под маской самоуверенности. Если приглядеться внимательнее, становится ясно, что юноша произносит заранее заготовленный для него текст.

— Сэр, — рычит король Этристо из своего кресла. — Кто вы такой?

— Ой, где же мои манеры? — «спохватывается» Эрик, поворачиваясь к королю, снова кланяется и извлекает из кармана своего роскошного одеяния конверт. — Я только что прибыл из Гораки.

Король Этристо хмурится, но берет из рук юноши конверт.

— Гораки лежит в руинах, — говорит он, вскрывает конверт и пробегает глазами лист пергамента. — Мы послали туда приглашение из чистой формальности, но всем известно, что там нет правящей семьи, с тех пор как кейловаксианцы расправились с последним императором и его детьми.

— Все так думали, — отвечает Эрик, ленивым жестом подхватывая бокал с вином с подноса, который держит один из слуг. Неужели, кроме меня, никто не видит, как дрожит бокал в его руке? Темно-красная жидкость подернулась рябью, словно поверхность пруда, когда под ней проплывает стайка рыб. — Только представьте, каково было всеобщее изумление, когда домой вернулась младшая дочь последнего императора, томившаяся в плену кайзера два десятка лет. И представьте себе изумление ее сына, когда она передала ему право на престол.

Он делает паузу, но все молчат.

— Я ее сын, — добавляет Эрик. — Уточняю, на случай если кто-то еще не догадался.

— Примите мои поздравления, — сухо цедит король Этристо. — Однако факт остается фактом: Горакс теперь просто опустевший край, без денег и войск. Вы попусту тратите наше время.

Эрик пожимает плечами и оглядывает помещение скучающим взглядом.

— Запрошенную вами сумму мы внесли, ваше величество, — замечает он, вновь глядя на короля Этристо. — Я передал ее вашему сыну, после того как он задал мне те же вопросы, что и вы сейчас. Он лично пересчитал монеты, после чего позволил мне войти во дворец. У меня есть такое же право быть здесь, как и у всех остальных претендентов.

Король Этристо поднимает кустистую седую бровь.

— И сколько же осталось в ваших сундуках после подобных трат, император?

Эрик дергает уголок рта.

— Достаточно, — отвечает он, не вдаваясь в подробности, потом поворачивается ко мне и протягивает руку. — Не уделите ли мне немного вашего драгоценного времени, королева Теодосия?

Мне приходится прилагать огромные усилия, чтобы не выказать свою радость, когда я опираюсь на его ладонь, но, очевидно, Бич Драконов видит меня насквозь. Тетушка тенью следует за нами в укромный уголок павильона. Остальные кандидаты провожают нас мрачными взглядами, но всем им далеко до короля Этристо: еще немного — и старик начнет дымиться от злости.

— Рада видеть вас снова, Эрик, — говорю я, бросив косой взгляд на идущую за нами тетку — та даже не старается скрыть неудовольствие. Я снова смотрю

на юношу. — Или теперь следует называть вас «император»?

— Можете называть меня Эриком, если позволите называть вас Теодосией, — отвечает тот с мрачной улыбкой. — Вся эта суета с титулами утомляет, правда?

— Только когда друзья начинают перечислять весь список титулов. Можешь называть меня Тео.

— Увы, если сократить имя «Эрик» еще больше, оно будет звучать глупо, — говорит он и выпускает трагический вздох.

Мы подходим к стоящим в углу диванам, и я, выпустив руку Эрика, опускаюсь на подушки.

— Если мы покончили с обязательными в таких случаях расшаркиваниями, может, объяснишь, что ты здесь делаешь на самом деле?

Напускная бравада Эрика на миг исчезает, он садится напротив меня, опирается ладонями о колени и подается вперед, с тревогой поглядывая на Бича Драконов — та усаживается рядом со мной.

— Ей можно верить? — спрашивает юноша.

Вопрос с подвохом, но вряд ли Эрик скажет что-то такое, что не следует слышать Бичу Драконов. К тому же если он будет думать, что я полностью ей доверяю, будет проще скрыть от нее другие секреты.

Я киваю.

— Как поживает Сёрен? — спрашивает Эрик, понижая голос. — Сдается мне, он не привык к роли пленника.

Он говорит ровным тоном, но в нем слышится неподдельное беспокойство. Они все-таки братья, к тому же друзья.

— Вообще-то, он стал необычным пленником, — отвечаю я, откидываясь на подушки.

— «Стал»? — переспрашивает Эрик, слегка округляя глаза. Маска безразличия еще немного сползает с его лица.

— Он больше не пленник, — уточняю я. На лице Эрика отражается облегчение. — Здесь у него своя комната, никаких цепей. Я бы не рекомендовала ему пытаться сбежать, но думаю, он и сам не хочет этого делать.

Если известие о такой покладистости Сёрена и удивляет Эрика, он никак этого не показывает.

— Сёрен изменился после Вектурии, — говорит он. — Многие из нас изменились, но Сёрен больше всех, я полагаю. Большинство кейловаксианцев раньше не считали астрейцев за людей — они смотрели на них исключительно, как на оружие. Когда Сёрен отдал приказ... — Увидев, что я вздрагиваю, он умолкает. Ничего не могу с собой поделать. Не хочу знать, что случилось потом. Не хочу слышать, каким ужасным способом убивали моих людей. Не хочу слушать, как плохо было Сёрену после того, как он отдал приказ убить сотни моих соотечественников и тысячи ни в чем не повинных вектурианцев, всего лишь защищавших свой дом.

— Что ты чувствовал, Эрик, наблюдая, как астрейских мужчин и женщин заставляют убивать себя, чтобы защитить вас? — спрашиваю я. Кажется, еще секунда, и я вспыхну, как трут, к которому поднесли искру.

Молодой человек отвечает не сразу.

— Я рад, что мы наконец можем побеседовать начистоту, Тео, — говорит он наконец тихим голосом. — Нелегко говорить искренне после стольких лет жизни среди кейловаксианцев, но я попытаюсь. — Он переводит дух. — На момент вектурианской операции я, наверное, был глух к страданиям

других. Мне было девять, когда мы покинули Горакки, когда я наблюдал, как мой дом сгорает дотла, но и раньше я видел, как кейловаксианцы обращаются с моими соотечественниками — так же, как сейчас с астрейскими рабами. Кайзер бил мою мать у меня на глазах, а когда она попыталась восстать против него, заставил смотреть, как ей зашивали рот. Оправдание не из лучших, но я рассказываю только правду. Прости за случившееся, мне действительно очень жаль. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы такого больше не повторилось.

Я молчу, не в силах произнести ни слова, но Бич Драконов молчать не собирается.

— И какой силой ты обладаешь? — спрашивает она. — Король Этристо прав, у Горакки больше ничего нет, кроме имени: ни дорогих шелков, ни товаров, насколько я слышала. И большой армии у вас тоже нет. Считается, что после кейловаксианского Вторжения в живых осталось около двух тысяч гораккийцев. Это так?

Эрик, к чести своей, выдерживает взгляд Бича Драконов, не поморщившись.

— Я сам не считал, — отвечает он, — но по нашим оценкам, так и есть.

— Что же тогда ты можешь нам предложить? — нажимает Бич Драконов.

Однако ответа у Эрика нет.

— Мы сильнее вместе, — говорит он, глядя мне в глаза. — Если наши страны объединятся против кейловаксианцев, мы будем сильнее, чем поодиночке.

— Да, — отвечаю я с грустной улыбкой. — Но недостаточно сильны.

ФИРЕН

Вернувшись в свою комнату, я звоню в колокольчик, и через несколько секунд является Мэриал. Помогая мне переодеться в ночную рубашку, она бросает на меня предупреждающий взгляд, точно боится, что я опять примусь нарушать правила. Я невинно улыбаюсь в ответ, но не думаю, что мне удастся ее одурачить. Проходит, по моим ощущениям, вечность, прежде чем Мэриал слегка приседает в реверансе и наконец уходит. Я выжидаю несколько минут, потом выглядываю в коридор и обнаруживаю, что там меня ждет Эрик. Он стоит напротив двери, прислонившись к стене и скрестив руки на груди; на нем тот же богатый наряд, что и за ужином, но теперь юноша выглядит немного растрепанным. Пучок он распустил, и волосы свободно спадают по плечам.

— Как хорошо, что ты вышла, Тео, — говорит он с насмешливой улыбкой, — дабы предложить своему поклоннику зайти в комнату и поговорить.

— Поговорим за пределами моей комнаты, —правляю я его. — Подумала, ты захочешь навестить Сёрена.

Дурацкая ухмылка сбегает с лица юноши.

— Спасибо, — говорит он, но в его голосе слышится испуганная нотка.

— Что такое? — спрашиваю я, пока мы идем по коридору к комнате Сёрена.

— Такое чувство, будто прошла целая жизнь с тех пор, как я видел его в последний раз, хотя на самом деле мы разговаривали всего пару недель назад. Возможно, с тех пор я и сам стал совершенно другим человеком, — признается он.

— На мой взгляд, ты остался прежним, — заверяю я его. — Кроме того, Сёрен тоже изменился.

— Из-за этого я беспокоюсь еще больше, — вздыхает Эрик. — Я знал Сёрена с рождения, и мне не нравится, что теперь мы друг другу чужие.

Я вспоминаю, как несколько месяцев назад Блейз появился из ниоткуда во время пира — в тот день я увидела его впервые за десять лет. Тогда он тоже показался мне совсем чужим, несмотря на то что в детстве мы были неразлейвода.

— Это легко исправить, — заверяю я его, беря за руку. — Главное — сделать первый шаг.

У покоев Сёрена стоит охранник; при виде меня он даже не пытается скрыть неодобрение.

— Император здесь, чтобы увидеть принца Сёрена, — сообщаю я солдату, мило улыбаясь. — Понимаете, они росли вместе.

Стражник что-то недоверчиво ворчит, но отступает в сторону, давая нам пройти. Я стучу.

— Войдите, — доносится из-за двери приглушенный голос Сёрена.

Я толкаю деревянную створку и вхожу первой.

Принц валяется на кровати, в руках у него книга в кожаном переплете; при виде меня он откладывает ее и садится, недоуменно хмурясь.

— Тео? Что ты здесь?.. — Он умолкает: следом за мной в комнату входит Эрик, и недоумение на лице принца сменяется потрясением. Он встает. — Эрик?! — произносит он так неуверенно, словно не верит своим глазам.

Эрик робко улыбается и неуверенным жестом потирает шею.

— Привет, Сёрен.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает Сёрен, делая шаг навстречу брату. Потом, не дожидаясь ответа, хватает Эрика в охапку и крепко обнимает — мне кажется, я слышу треск костей. Наконец он отстраняется на расстояние вытянутой руки и вглядывается в лицо Эрика. — И что это на тебе?

Эрик смеется.

— Это долгая история, — говорит он, но, разумеется, начинает рассказывать.

Когда я уже направляюсь к дверям, намереваясь уйти, Эрик идет за мной.

— Моя мать хотела перемолвиться с тобой словом, — говорит он.

— Хоа здесь? — изумляюсь я. — Что же ты раньше не сказал?

Молодой человек пожимает плечами, вид у него становится неуверенный.

— Подумал, король Этристо захочет увидеть сбежавшую наложницу кайзера. Мне не хотелось привлекать к ней внимание без лишней необходимости.

Не могу не вспомнить, как король Этристо обращался со мной за ужином, в день, когда мы только прибыли сюда.

— Некоторые люди наслаждаются несчастьями других, — соглашаюсь я.

— Большинство людей таковы, как оказалось. Похоже, это общая черта всего рода людского. — Эрик ненадолго умолкает. — Мы убрали стежки, так что теперь она снова может говорить, но ей так долго приходилось молчать, что порой ее трудно понять. И она все еще немного... — Эрик горестно качает головой.

— Десять лет под пятой кайзера были кошмаром, который трудно описать словами, — говорю я. — Не представляю, как она выдержала двадцать.

* * *

Открыв дверь в свою комнату, я обнаруживаю, что Хоа ждет меня там. Она присела на краешек кресла перед пустым мозаичным камином, который, по моему мнению, нужен здесь исключительно для красоты; женщина сидит, выпрямившись, руки чинно сложены на коленях. Как и Эрик, она одета в длинное, украшенное богатой вышивкой платье, только ее наряд бледно-персиковый, а пояс сделан из красного шелка. Благодаря широким рукавам худоба ее рук скрадывается, видны только бледные, костлявые пальцы. В распущенных иссиня-черных волосах женщины поблескивают седые пряди; я привыкла видеть ее со строгим пучком. Нитки, стягивающие ее рот, исчезли, но дырочки остались — три на верхней губе и три на нижней. Не думаю, что они когда-нибудь окончательно зарастут.

Очевидно, Хоа услышала, как я вхожу, но она не поднимает глаз, глядит в пустой камин, словно ждет, что там в любую секунду вспыхнет пламя.

— Хоа, — осторожно окликаю я. Хотя я знаю, что она пришла ради меня, Хоа кажется мне призраком, и я почти жду, что она исчезнет, если ее спугнуть.

Хоа не исчезает, напротив, поворачивается и смотрит на меня. Ей еще нет сорока, но она выглядит намного старше, как будто из нее высосали с дюжину жизней. Кайзера тоже выглядела так незадолго до смерти. Полагаю, кайзер оказывает такое воздействие на всех своих женщин, иссушает их.

Улыбка Хоа меня поражает: я впервые вижу, чтобы она улыбалась. Вряд ли она могла улыбаться с зашитым ртом, а даже если бы и могла, у нее для этого совершенно не было причин. Очень жаль, потому что ее улыбка сияет, словно ясное небо во время шторма.

— Моя *Фирен*, — бормочет она, поднимаясь с места.

Странное слово, но я его почти не слышу. Все мое тело онемело, я не могу пошевелиться, даже когда Хоа подходит ко мне и сжимает мое лицо в ладонях, целует в обе щеки.

Мне приходит в голову, что я не надеялась увидеть ее вновь. Для меня она стала призраком, умерла, я ее уже похоронила. Вот только она жива — она здесь, передо мной, а я не представляю, что ей сказать.

— Ненавижу этот язык, — произносит она покейловаксиански. — Когда я на нем говорю, то ощущаю во рту вкус пепла от погребального костра, но это единственный язык, на котором мы можем общаться, верно?

— Тебе не следовало сюда приезжать, — говорю я. — Тебе следовало уехать далеко-далеко, куда-то, где кайзер тебя не найдет.

Хоа поднимает тонкую бровь.

— Раз здесь безопасно для тебя, то и для меня тоже.

— А что, если для меня тут небезопасно? — спрашиваю я. — Кайзер обещал приличную награду

тому, кто привезет меня к нему, живую или мертвую. Король Этристо обещал мне безопасность, но я не так глупа, чтобы безоговорочно ему верить. Ты можешь поехать куда угодно, туда, где кайзер не станет искать.

Несколько секунд Хоа молчит.

— Страх порождает чудовищ, — отвечает она наконец. — Я его не боюсь: у него нет надо мной такой власти, больше нет, моя *Фирен*.

Я хмурюсь. Уже второй раз она произносит это загадочное слово. Эрик сказал, что порой Хоа трудно понять, возможно, я плохо ее расслышала.

— «Фирен», — повторяю я.

Хоа смеется низким, грудным смехом, который кажется еще притягательнее из-за легкой хрипотцы.

— Я всегда тебя так называла в глубине души, — поясняет она. — Я забыла, что ты никогда меня не слышала. Я так много с тобой разговаривала все эти годы, только ты никогда не слышала.

Хоа тянет меня к дивану, садится, и я присаживаюсь рядом.

— В Гораки есть легенда об огненной птице, — говорит она. — Зовут эту птицу Фирен, и она никогда не умирает. Она состоит из раскаленных угольков; сначала угольки тлеют, и птица пылает красным, потом вспыхивает ярким пламенем. Фирен горит много лет, пока наконец не превращается в темный сгусток дыма. В таком состоянии она остается долго, порой столетиями, но рано или поздно дым снова становится алыми угольками, и жизнь птицы начинается сначала.

— Это настоящая птица? — спрашиваю я.

Хоа смеется:

— Трудно сказать. Эту историю мы рассказываем детям, чтобы отвлечь их от проказ. «Поищи птицу

Фирен, пока взрослые говорят о взрослых вещах — если заметишь ее, она исполнит твоё желание!» Эту птицу поминают, если случается плохая погода или неурожай. Мы говорим: «Птица Фирен превратилась в дым, но скоро она снова станет пламенем, и тогда Гораки ждут удача и счастье». Порой люди утверждают, будто видели ее, но, думаю, большинство считают ее просто мифическим существом.

Она умолкает и задумчиво смотрит на меня.

— И все же ты напоминала мне об этой легенде. Дочь Королевы пламени, с яркими глазами, в пепельной короне. Все звали тебя «леди Тора», но я всегда называла тебя «леди Дым». Я знала, что скоро твои тлеющие угли вспыхнут снова, ты снова ярко запылаешь и сбежишь от него.

Ком у меня в горле становится больше, слезы жгут глаза.

— Иногда я почти ненавидела тебя, — признаюсь я. — Мне хотелось, чтобы ты что-то сделала, помогла мне, спасла меня. Думаю, я не осознавала, что ты такая же пленница, как и я. Пока Эрик мне не рассказал, я не подозревала, что кайзер... — Я умолкаю, не в силах продолжать.

Впрочем, Хоа меня понимает.

— Что я делила с ним постель, — говорит она, качая головой. — Нет, это не так. Это звучит так, будто у меня был выбор, хотя, полагаю, ты, как никто, меня понимаешь.

— Он ко мне не прикасался, — заверяю я ее. — Не в таком смысле.

Хоа медленно выдыхает:

— И за это я всегда буду благодарна судьбе. Я с ужасом ждала, что однажды та же участь постигнет и тебя. Мне хочется думать, что я помешала бы этому, нашла бы какой-то способ вытащить тебя оттуда,

но не уверена, что смогла бы это сделать. Для нас с тобой не было спасения, пока ты сама не взялась за дело.

Она накрывает мою руку ладонью и пожимает. Пальцы у нее тонкие, кожа да кости, совсем как у кайзерины, но теплые. Хоа жива, и я тоже жива, и порой кажется, что кайзерина была права: выживания достаточно.

— Я горжусь тобой, моя *Фирен*. Ты можешь просто быть храброй, иногда глупой, но этого достаточно, чтобы одержать победу.

ПИКНИК

В Ста'криверо у слова «пикник» несколько иное значение, нежели в Астрее. Отправиться на пикник в Астрее значило расстелить одеяло на траве, в тени деревьев, прихватив с собой корзинку с закусками и графин с фруктовым соком; это означало, что можно целый день валяться под солнышком.

В Ста'криверо пикник — как и все здесь — превращен в тщательно разработанный и продуманный ритуал. Он проходит на открытом воздухе, и это его единственное отличие от обычного приема. На песчаном бархане, напротив городских стен, стоит массивный, позолоченный стол, вокруг него — обитые бархатом кресла. Над столом натянут широкий тент, защищающий от палящего солнца, а по сторонам застыли двое слуг с опахалами, дабы охлаждать воздух до приемлемой температуры. Тарелки и вся утварь золотые, инкрустированные драгоценными камнями. Обед состоит из пяти блюд, не считая огромной индейки — слишком много для четырех едоков, из которых трое — дамы, затянутые в такие тугие корсеты, что трудно даже дышать, а уж есть и подавно.

Канцлер Марцен организовал это мероприятие, дабы побыть со мной наедине, и я могу только догадываться, сколько он заплатил королю Этристо, чтобы заполучить меня на целый день. Если бы не присутствие двух «дуэний» — Бича Драконов и *саллы* Колтании, я чувствовала бы себя куртизанкой, общество которой можно купить за деньги (с почасовой оплатой).

— Вы сегодня просто неотразимы, королева Теодосия, вам очень идет этот цвет, — обращается ко мне канцлер, подливая лимонной воды, хотя я успела сделать всего пару глотков.

Я смотрю на подол своего платья из бледно-голубого шифона, которое сегодня выбрала для меня Мэриал. Бледно-голубой никогда мне не шел. Кресс часто говорила, что, судя по тому, как мы одеваемся, я сделана из огня, а она — из льда, потому что я носила теплые оттенки, а она — холодные.

— Благодарю вас, — отвечаю я.

Бич Драконов толкает меня локтем, сильнее, чем нужно, и многозначительно кивает на канцлера — тот глядит на меня выжидательно.

— О, — произношу я, сообразив, что полагалось ответить комплиментом на комплимент. — Вы тоже сегодня неотразимы, канцлер Марцен.

Но, разумеется, уже слишком поздно, и мне самой мой ответ кажется неискренним. Впрочем, не думаю, что это важно: канцлер вполне очарован самим собой. Едва ли ему нужны мои похвалы.

Он кашляет, поглядывает на мою тетю, на свою сестру, потом снова поворачивается ко мне и понижает голос.

— С нетерпением жду возможности узнать вас получше, — мурлычет он.

Это сказано таким масляным тоном и так многозначительно, что мне хочется немедленно помыться.

— И мне тоже, — откликаюсь я. — Разве не для этого устраиваются наши встречи, канцлер? Чтобы мы могли лучше узнать друг друга.

— Разумеется, — вклинивается Колтания и ослепительно улыбается ярко-красными губами, обнажая белые зубы. Она лениво проводит ногтем по краю стоящей перед ней золотой тарелки. — Знаете, когда мы с Марценом были детьми, у нас не было подобных вещей.

— Колтания, — одергивает сестру канцлер.

Она лишь смеется и шутливо подталкивает брата локтем.

— Ой, да брось, наш народ потому и выбрал тебя, что ты к нему близок. — Она снова поворачивается ко мне. — Мы росли на ферме, если то место вообще можно так назвать. Полагаю, там были животные, хотя большинство были слишком стары и больны, так что толку от них было мало.

— Мне жаль, — говорю я, не зная, что еще на это ответить.

Колтания пожимает плечами:

— Другой жизни мы не знали. Это было нормально. Моя мать умерла, рожая третьего ублюдка, и, как выяснилось, это было лучшее, что могло с нами случиться.

— Колтания, — снова говорит канцлер, на этот раз резко.

Сестра его игнорирует.

— Брат рассказывает об этом в своих пронзительных речах несколько по-иному, но такова правда. После смерти маменьки Марцен и я — нам, наверное, было девять и десять в то время — покинули ту лачугу и отправились в город попытать удачи.

Марцен всегда был так обаятелен, что сам не знал, как использовать этот дар. Благодаря хорошо подвешенному языку он сумел устроиться подмастерьем, обойдя более способных мальчишек. Сначала был кузнец, так? Ты возвращался домой весь в поту и в саже.

Канцлер кивает, хотя взгляд у него становится задумчивым.

— Потом серебряных дел мастер, — продолжает Колтания.

— У него ты тоже продержался недолго, — добавляет она со смешком, — зато завел друзей. Он всегда очень легко заводил друзей. — А я — нет. Люди, как правило, меня не любят.

— Ты их отталкиваешь, — заявляет Марцен довольно нелюбезно. — Говоришь, что думаешь, а люди от этого нервничают.

Колтания пожимает плечами:

— Что ж, мне не нравится большинство людей, потому что они говорят совсем не то, что думают. Но мы сейчас не об этом.

— А о чем? — спрашивает Бич Драконов скупящим тоном.

Колтания вновь улыбается, но в этот раз улыбка получается неприятная и какая-то хищная. Она не удостоивает Бича Драконов взглядом, все ее внимание сосредоточено на мне.

— Остальные правители получили все, что имеют, от родителей, — говорит она. — Короны, права наследования — ничего этого они не заработали. Никто из них не страдал, как мы, поэтому никто из них не понимает вас так, как понимаем мы.

Я выдерживаю ее пристальный взгляд не моргнув глазом, хотя мне очень хочется содрогнуться. Глаза Колтании горят голодным огнем, словно она могла

проглотить меня, если бы знала, что после этого больше никогда не будет голодать. Мне следовало испугаться, но я не боюсь. Мне знаком этот взгляд — уверена, я и сама порой смотрю на людей точно так же.

— Мы словно сестры, не находите? — спрашивает она.

Учитывая, что мы с Колтанией за всю жизнь проговорили около пяти минут, слово «сестры» кажется явно неуместным, но, нужно отдать ей должное, она выбрала отличную тактику. Она не может знать, что от этого слова у меня мурашки по коже, что оно напоминает мне девушку, которая тоже называла меня сестрой.

Я заставляю себя не думать о Крессентии — только не здесь и не сейчас. Нельзя скучать по ней, нельзя испытывать чувство вины. Уверена, сама Кресс по мне не скучает.

— Что означает ваш титул, *салла* Колтания? — спрашиваю я, чтобы сменить тему. — Слышала, как другие так вас называют, но боюсь, не знаю значения этого именованья.

Колтания улыбается:

— Это просто вежливое обращение, вроде «леди» или «госпожа».

— Ну, смысл несколько шире, — со смешком замечает Бич Драконов. — В Ориане это почетное звание, означающее, что *салла* Колтания — знаток в своей области.

— О, — изумленно тяну я. — Не знала об этом, *салла* Колтания.

Сестра канцлера качает головой, у нее розовеют щеки.

— Это простая формальность.

— И в какой же области вы специализируетесь? — интересуюсь я.

— В науке, — отвечает канцлер Марцен. — Сестра занималась с лучшими мировыми светилами, изучала биологию, химию и такие сложные предметы, названия которых я даже выговорить не могу. — Его горестная улыбка так же очаровательна и отретпетирована, как и все прочие.

— Должна признать, я плохо разбираюсь в науке, — вздыхаю я, подаваясь вперед.

— Все это так скучно, — смеется канцлер Марцен. — Она всех своих поклонников доводит до зевоты разговорами о химических опытах. У нее настоящий талант.

— Что делать, — отвечает Колтания и на этот раз улыбается теплее. — Женщинам в этом мире не обойтись без собственного оружия, будь то наш ум, кулаки, хитрости или слезы.

Моя собственная улыбка становится более искренней, я поднимаю бокал с вином и провозглашаю:

— Не могу не согласиться.

* * *

Позже я говорю Сёрену:

— Он мне не нравится.

Мы гуляем по разбитому на дворцовой крыше саду: по словам принца это самый знаменитый сад в мире. Неудивительно: здесь множество цветов, названий многих из них я не знаю. Никогда бы не подумала, что в природе бывают цветы таких необычных расцветок. Вымощенные золотом дорожки вьются по настоящему лабиринту из кустарников и клумб, солнечные лучи искрятся в зеленых ветвях деревьев. Над садом протянулась сложная система труб, из которых непрестанно брызжет вода, чтобы

поддерживать комфортную для растений влажность. Кроме нас в саду никого не видно.

— Канцлер? — спрашивает Сёрен, хмурясь. — Он не кажется таким уж ужасным. Да, он амбициозен, но это не недостаток.

— Нет, если только это качество не ставится во главу угла, — замечаю я, остановившись, чтобы рассмотреть белые цветы в форме звезд. Цветы очень красивы, но совершенно не пахнут. Я выпрямляюсь и снова беру Сёрена под руку. — Есть в этих брате и сестре нечто, что меня беспокоит. Они команда: канцлер обходительный и обаятельный, но если его чар недостаточно, вперед, точно бойцовская собака, бросается его сестрица. Думаю, они не могут друг без друга.

— Считаешь, между ними есть что-то предосудительное?

Я не сразу понимаю, на что намекает принц, а поняв, морщусь.

— Боги мои, нет, конечно, я не это имела в виду. Просто они действуют, словно одно целое, они как две половинки одного человека.

Некоторое время принц молчит, потом осторожно произносит:

— После того как канцлер Марцен выиграл выборы, ходили слухи, правда, не могу ручаться, что до меня они дошли в изначальной версии и не обросли дополнительными, выдуманнами подробностями.

— Что за слухи?

Сёрен пожимает плечами:

— Подкупы, угрозы, наемные убийцы. Говорят, Марцен алчен и шел к должности канцлера по головам, не гнушаясь ничем, а за ним тянется кровавый след. Большая часть этих сплетен, на мой взгляд, недостоверна — в конце концов, у канцлера и его

сестры много врагов в Ориане. Многие богатые старые семьи до сих пор злятся при мысли о том, что какой-то молодой выскочка забрался на самый верх. Обычно, в таких слухах есть лишь крупница истины.

— Думаю, мы с тобой знаем об этом лучше всех, учитывая, что про нас болтают люди, — замечаю я со смешком.

Мгновение Сёрен смотрит на меня так, будто хочет что-то сказать, но потом качает головой, словно отбрасывая какую-то мысль.

— Ты уже решила, кого выберешь? — спрашивает он.

Я испускаю страдальческий стон, и принц быстро переформулирует вопрос:

— Есть ли кто-то, кого ты считаешь не таким ужасным, как все остальные?

— Я знаю Эрика и верю ему больше, чем всем остальным, к тому же он предложил заключить союз, не вступая в брак, но союз с ним ничего нам не даст. После кейловаксианского Вторжения у Горакки совсем не осталось сил. Они даже себя не могут защитить, не то что объявить войну другой стране.

Я знаю, что рассудила верно, и все же сердце болезненно замирает, когда Сёрен мне не возражает.

— Из всех кандидатов, способных помочь мне вернуть Астрею, больше других мне импонирует эрцгерцог, — говорю я, хотя от этих слов мне тошно. — У Гаптании достаточно большая армия, и эрцгерцог относится ко мне с большим уважением, чем остальные. Думаю, со временем мы могли бы стать друзьями.

Не могу заставить себя думать о том, что на практике будет означать объединение наших стран, о том, что придется отдать эрцгерцогу Этмонду определенную власть над моей страной.

Несколько секунд Сёрен молчит, обдумывая мои слова, и хмурится. «Вот как он выглядит во время сражения, — думаю я, — когда окидывает взглядом поле боя и прикидывает свои перспективы». Когда принц поворачивает голову и пристально смотрит на меня, у меня замирает сердце. На миг кажется, будто мы снова в Астрее, еще до того, как предали друг друга, и нас не разделяет бездонная пропасть.

«Вот как он выглядел в Вектурии, прежде чем отдал приказ использовать моих соотечественников, как оружие». Сделав над собой усилие, я отвожу взгляд.

— Есть ли другие варианты, не подразумевающие замужества? — спрашиваю я, хотя знаю: если бы они были, Сёрен уже сказал бы об этом. И все же я надеюсь на чудо.

Какое-то время Сёрен молчит, срывает листок со свисающей почти до земли ветки деревца, под которым мы проходим.

— Гипотетически, — говорит он, — если бы ты приняла воинов, которых даст тебе Эрик, плюс, возможно, процентов шестьдесят команды Бича Драконов, если удастся убедить их последовать за тобой... И если повезет... Нет, этого недостаточно. Так ты не наберешь даже половины, даже четверти нужного тебе войска.

Я растираю виски и на секунду крепко зажмуриваюсь, как будто это поможет скрыться от суровой реальности.

— Тогда, полагаю, остается эрцгерцог, если не появится вариант получше.

Принц смотрит на меня так, будто в душе у него идет напряженная борьба.

— Как насчет... меня? — спрашивает он.

Я смеюсь:

— Сёрен, будь серьезнее.

Юноша резко останавливается, тянется ко мне и сжимает мою ладонь шершавыми пальцами, так что у меня не остается иного выбора, кроме как посмотреть на него.

— Я серьезен. В этом же состоял твой изначальный план, пока мы были в Астрее, разве нет? Расколоть кейловаксианскую знать, чтобы часть ее последовала за мной, а часть осталась верной моему отцу.

— План был несколько сложнее, — отвечаю я. — И предполагалось, что мы убьем тебя, чтобы начать гражданскую войну, если ты вдруг забыл.

Сёрен морщится:

— От этой части плана я согласен отказаться.

Я качаю головой:

— Половина кейловаксианцев считает тебя предателем, а другая половина — слабаком, позволившим девчонке захватить себя в плен. Помнишь, что говорил Маттин на корабле? Он считал, будто я тебя околдовала. Уверена, не он один так думает.

Несколько секунд принц молчит, его лицо вновь становится сосредоточенным.

— Есть люди, вместе с которыми я несколько лет сражался, возможно, они будут верны мне, а не моему отцу. Если я напишу одно письмо, вы ничего не потеряете.

— Потеряем, если это послание перехватят враги и узнают из него, где мы и что здесь делаем, — замечаю я. — Сёрен, за мою голову назначена награда, и если кайзер выяснит, что я здесь, боюсь, даже Этристо не сможет меня защитить, особенно если пронюхает, что мы собрались ограбить его, лишив причитающейся ему части выкупа за невесту.

— Можно использовать другие пути, — не сдается принц. — Отправить несколько гонцов, чтобы запутать следы.

— И что нам это даст? Несколько дюжин воинов? Все равно этого мало.

Какое-то время Сёрен молчит, все так же пристально глядя мне в глаза.

— Я просто не хочу, чтобы тебе пришлось идти на это, — говорит он наконец. — Не хочу, чтобы ты выходила замуж, ни за кого из них.

— А мне казалось, тебе нравится эрцгерцог, — замечаю я легкомысленным тоном. — Ты же восхищался им.

— Он блестящий воин, — соглашается Сёрен, потом понижает голос. — Но это не значит, что он тебя достоин.

У меня перехватывает дыхание от волнения и злости. Злость побеждает, потому что злиться проще, чем копаться в себе.

— Я не приз, которого кто-то достоин, — резко отвечаю я. — Даже если король Этристо относится ко мне подобным образом, от тебя я такого не ожидала.

— Я не это имел в виду, — вздыхает Сёрен. — Просто... трудно наблюдать, как они грызутся из-за тебя, хоть и понимаю, что борются они за возможность откусить кусок от далекой страны, за живые камни, за деньги. До сих пор я молчал, Тео, и впредь не буду поднимать эту тему, обещаю, но ты должна знать, что все это сводит меня с ума.

Я не знаю, что сказать. Мне казалось, что мы оставили все в прошлом, похоронили все, что было между нами, и теперь можем об этом не вспоминать. Мне неприятно напоминание о том, что совсем недавно я была влюблена в принца, но даже сейчас из-за него мое сердце бьется быстрее, а мысли путаются.

Заметив, что я не отвечаю, Сёрен шагает ко мне, крепче сжимает мои пальцы. От него по-прежнему

пахнет свежими стружками, и я невольно подаюсь ему навстречу, хотя знаю, что делать этого не следует. Его губы так близко, что я чувствую исходящий от него запах кофе; если я чуть-чуть запрокину голову, наши губы встретятся. Мне ужасно хочется его поцеловать, но я отталкиваю его свободной рукой.

— Это была игра, Сёрен, — тихо говорю я, не в силах смотреть ему в глаза. — Все это, с самого начала. Я видела тебя, знала, чего тебе хочется, и стала тем, что тебе хотелось. Но все это время это была ненастоящая я. Та девушка — просто дым, отраженный в зеркале.

Сёрен морщится, а потом снова натягивает на лицо собственную маску, делает шаг назад и выпускает мою руку. Мне вдруг становится холодно, несмотря на жаркий климат Ста'криверо.

— Как я уже сказал, — сдавленно произносит он, — больше я не стану возвращаться к этой теме.

Он уходит, а я остаюсь одна в саду. Моя злость тут же исчезает, но я не могу описать словами свои чувства. Я словно поднималась по лестнице, но вместо очередной ступеньки под ногой оказалась пустота. Весь мой мир рушится. Я сказала ему только правду. Наверное, я еще никогда не была так откровенна.

ТРЕНИРОВКА

Меч, мелькающий у меня перед носом, тупой, и все же бьет он довольно больно, если ударяет по телу. Я втягиваю голову в плечи, вскидываю руку, чтобы защититься, и клинок плашмя ударяет меня по плечу с противным глухим звуком. Теперь наверняка останется синяк.

— Ой! — говорю я Артемизии, отпихивая меч ладонью.

После обеда она пришла ко мне в покои, и мы наконец приступили к занятиям, о которых договорились на «Тумане». Тренироваться в моей комнате сложно, здесь повсюду громоздкая мебель, и все же мы сумели освободить достаточно пространства, чтобы можно было свободно двигаться. Я не питала иллюзий относительно своих навыков владения мечом, и все же ждала, что Артемизия не будет ко мне так сурова на первом же уроке.

Пустые надежды. Поначалу Артемизия даже отказывалась использовать тренировочные мечи, и я рада, что настояла: сражайся мы настоящим, острым оружием, она уже убила бы меня. И вот я сижу на полу возле камина, а Артемизия стоит надо мной, приставив меч к моему горлу; она дер-

жит его так естественно, словно это продолжение ее руки.

— Теперь твоя рука отрублена, — заявляет она скучающим тоном. — Правда, левая, так что теоретически у тебя еще есть шанс.

Шанс. Будь у меня даже четыре руки, никаких шансов у меня не было бы.

— Сдаюсь, — говорю я. — Может, начнем с азов? Как мне встать? Как лучше держать рукоять меча?

Артемизия пренебрежительно поднимает бровь.

— Полагаю, придется, — изрекает она, и каждое ее слово сочтется презрением. — Вставай.

Легко сказать. Она уже отбила мне обе ноги и левую руку, и, когда я пытаюсь подняться, все мышцы ноют. Зато Артемизия принесла мне одежду с «Тумана»; не думаю, что смогла бы даже поднять меч, будучи затянута в одно из шикарных ста'криверийских платьев. В брюках и тунике двигаться намного легче, правда, едва ли это мне помогает, дерусь я из рук вон плохо.

— Ноги на ширине плеч, — командует Артемизия, пиная меня по внутренним сторонам голеней, пока мои ноги не оказываются на нужной ширине. — Одну немного выстави вперед, чтобы держать равновесие.

Я повинуюсь, хотя чувствую себя глупо. Артемизия критически оглядывает меня, потом сильно толкает в грудь свободной рукой. Я шатаюсь, но удерживаюсь на ногах. Артемизия кивает.

— Неплохо, — небрежно роняет она. — А теперь подними меч.

Я делаю, как она велит, а Артемизия поправляет мои пальцы на рукояти меча. И снова я чувствую себя неловко, но теперь стою увереннее. Меч больше моего кинжала и намного тяжелее, но Артемизия го-

ворит, что оружие самое что ни на есть подходящее для новичка вроде меня.

— Когда защищаешься, тебе нужно прикрывать свое тело мечом. Предположим, атакующий наносит удар сверху. — Она направляет мою руку с мечом так, чтобы та была поднята над головой, а меч располагался параллельно земле. — Потом целятся в твою левую ногу, — продолжает она, передвигая меч так, что он описывает полукруг и останавливается у моей левой ноги. — Если ударят вот так, сбоку, меч твоего противника поразит туловище.

— А ты не могла объяснить все это раньше, до того, как наставила мне синяков?

Артемизия усмехается:

— Я подумала, они помогут тебе лучше затвердить урок. Попробуем еще раз?

— Полагаю, придется, — вздыхаю я. — Ты не научишь меня атаковать?

— Конечно научу, — обещает Артемизия, пожимая плечами. — Как только ты худо-бедно будешь в состоянии обороняться. Все в свое время.

На этот раз мне удастся отразить пару ударов, прежде чем меч Артемизии сильно ударяет меня в локоть, так что вся рука вспыхивает болью. Я роняю меч, падаю на пол и бормочу, баюкая локоть:

— У меня такое чувство, будто тебе нравится меня лупить.

Артемизия не отрицает очевидного, хотя ее глаза весело блестят, когда она подбирает мой меч и протягивает мне рукоятью вперед.

— Моя мать тоже не особо со мной нянчилась, когда учила сражаться, так что, по большому счету, я училась на собственных ошибках.

— Ну, похоже, ее метод сработал, принимая во внимание твои блестящие навыки. Я мало встречала бойцов лучше тебя.

Наверное, мне впервые удалось увидеть совершенно искреннюю улыбку Артемизии — не насмешливую, не злорадную, а именно искреннюю. Это едва заметная, почти застенчивая улыбка, хотя я никогда бы не назвала Артемизию робкой.

— Моя мать никогда толком не знала, что ей со мной делать, — признается она. — Мне казалось, что, если я стану достаточно хорошей, сильной и решительной, она будет мной гордиться, хотя, полагаю, смерть моего брата перечеркнула такую возможность.

Брат Артемизии умер на рудниках. Надзиратель, убивший его, стал первым человеком, которого убила Артемизия, но явно не последним.

— Мне жаль, — говорю я.

Артемизия снова пожимает плечами, но ее движения становятся скованными и резкими.

— Все равно с тех пор я перестала искать одобрения матери, так что мы с ней зашли в тупик. — Она хмуро глядит на меня. — Болтая языком, ты не станешь драться лучше, знаешь ли. Продолжаем.

Я предпочла бы еще немного с ней поговорить, но все же поднимаю меч и становлюсь в стойку, хотя рука дрожит под весом меча.

На этот раз Артемизия, похоже, вкладывает в удар всю силу, и, хоть мне удастся его отбить, я по инерции делаю шаг назад. Она не дает мне возможности выпрямиться, бросается за мной и снова бьет, на сей раз целясь в мое правое бедро. Я снова блокирую удар, но спотыкаюсь о край ковра и падаю, больно приземлившись на пятую точку.

— Это помогает? — спрашиваю я, кое-как поднимаясь на ноги. — Бить кого-то, вместо того чтобы поговорить?

Артемизия бросает на меня злобный взгляд.

— Попробуй сама, если хочешь. Если бы ты дралась вполсилы так же бойко, как мелешь языком, мы бы уже добились определенных успехов.

Я чувствую, как жар приливает к щекам.

— Предполагается, что королевы говорят лучше, чем сражаются. В один прекрасный день в Астрее установится мир, и тогда ей понадобится лидер.

— И лучше, если это будешь ты, а не я, — фыркает Артемизия. — Давай еще раз.

Из груди у меня вырывается стон.

— Мне нужно передохнуть и выпить воды. Десять минут.

Артемизия надувает губы.

— Пять, — безжалостно изрекает она, откладывает меч в сторону и садится на диван у стены.

Я иду к столику, наливаю нам воды и, передав Артемизии ее чашку, опускаюсь рядом.

— С Сёреном возникли трудности. — Слова вырываются у меня сами по себе, хотя мне не хотелось их произносить. Однако признание принца давит мне на плечи тяжким грузом, а больше мне поделить не с кем. Блейз и Цапля отпадают сразу, мысль о том, чтобы посекретничать с Бичом Драконов, и вовсе смехотворна. Я снова отпиваю воды и продолжаю: — Мне казалось, отношения между нами наладились, но вчера он заявил, что не хочет, чтобы я выходила замуж, потому что у него остались чувства ко мне.

Артемизия делает большой глоток, сердито глядя на меня поверх чашки.

— И? — спрашивает она, проглотив воду, после чего утирает рот рукавом. — Ждешь, что я поинтересуюсь, как ты себя чувствуешь после такого? Мне глубоко наплевать на твои переживания, Тео.

— Я просто с тобой поделилась, — отвечаю я, стараясь не показывать, как ранят меня ее слова. — Так обычно поступают друзья.

Артемизия насмешливо фыркает.

— Мы не настолько близкие друзья, — говорит она, потом пронзает меня таким пристальным взглядом, словно читает мои мысли. — Я не она, знаешь ли. Я не твоя кейловаксианская подружка.

Ей прекрасно известно имя Кресс, и все же она намеренно не произносит его вслух. Я почти рада этому, потому что вряд ли смогла бы сохранить нейтральное выражение лица, услышав имя бывшей подруги. Мне даже сейчас трудно оставаться спокойной.

— Я и не говорила, что ты — это она, — отвечаю я. — Я просто имела в виду...

— Мой интерес к Сёрену измеряется лишь степенью пользы, которую он может мне принести, — продолжает Артемизия. — Если ты хочешь поговорить о союзниках, которые могут быть у него в других странах, или о секретной информации касательно кейловаксианской военной стратегии, которой он может обладать, я с удовольствием тебя выслушаю. Но если ты собираешься распускать сопли на тему его мускулов, глаз и прочей чепухи, которая делает его красивым в твоих глазах, я советовала бы тебе поискать другого собеседника. А еще лучше, держи свои переживания при себе. Ведя такие разговоры, ты выглядишь как слабая шестнадцатилетняя девчонка, а не как лидер своей страны, которым хочешь быть.

Ее слова больно ранят. Я ставлю чашку с водой на столик, подбираю свой меч и говорю:

— Продолжим.

Артемизия усмехается, встает и тоже берет меч.

Я по-прежнему ей проигрываю, но на сей раз мне удается пару раз атаковать, хоть и неловко, но Артемизия быстро пресекает мои попытки и сильно бьет меня по плечу.

— Так намного лучше, — заявляет она, довольно кивая. — Нужно посильнее тебя разозлить.

Я фыркаю:

— Не уверена, что это возможно.

Раздается громкий стук в дверь, и я замираю, парализованная паникой. Артемизия только хохочет.

— Расслабься, — небрежно роняет она. — Мы же не в Астрее, к тому же не делаем ничего плохого.

Я слабо улыбаюсь:

— И все же сомневаюсь, что король Этристо сочтет бой на мечах подходящим занятием для молодой дамы.

Артемизия качает головой.

— Боги, как я рада, что не должна находиться рядом с ним так часто, как ты. Думаю, я бы его убила.

Она произносит это небрежным тоном, и все же я невольно задумываюсь, говорит ли она всерьез или шутит.

— Ему же за восемьдесят, — фыркаю я, направляясь к двери. — Это была бы неравная схватка.

Открыв дверь, я вижу на пороге служанку: на ней белая с оранжевым форма — это королевские цвета. Предполагаю, что форма стоит больше, чем эта бедняжка зарабатывает за год. Девушка смотрит на мой наряд, и глаза у нее округляются.

— Королева Теодосия? — спрашивает она неуверенно.

— Да, это я, — отвечаю я с ободряющей улыбкой, но девушка лишь еще больше пугается.

Она опускает глаза и дрожащими руками протягивает мне письмо.

— От его величества короля Этросто.

— Спасибо, — благодарю я, принимая конверт.

Прежде чем я успеваю спросить, не велел ли король еще что-то передать, девушка поворачивается и едва ли не бегом устремляется прочь.

— Бедная, испуганная малышка, — фыркает у меня за спиной Артемизия. Не обращая на нее внимания, я ногтем вскрываю конверт и пробегаю письмо глазами. Оно довольно короткое.

— Ну? — не отстает Артемизия.

— «Дорогая королева Теодосья», — читаю я вслух. — Он неправильно написал мое имя.

Артемизия пожимает плечами:

— Вероятно, король писал не сам, а диктовал слуге.

Я понимаю, что это мелочь, из-за которой не стоит переживать, но мое имя отняли у меня на долгие годы, и теперь, вернув его назад, мне неприятно видеть, что его коверкают. Я читаю дальше:

— «Прибыл еще один кандидат в надежде встретиться с вами. Сегодня за ужином вы познакомитесь с королем Капилом с Вектурианских островов.

— Правитель Вектурии? — спрашивает Артемизия, нахмурившись. — Но ему же лет сто, если не больше. Может, приехал один из его сыновей?

— Здесь сказано, что это сам король. — Я морщусь.

Некоторое время Артемизия молчит, потом изрекает:

— Ну, полагаю, этот соискатель ничем не хуже того малыша царевича, правда? Вряд ли старикан

сможет конsumировать брак, так что, возможно, тебе с ним повезет.

Артемизия произносит это с совершенно серьезным лицом, но я вижу, что она едва сдерживает смех.

Я хватаю с дивана подушку и швыряю в нее, но Артемизия, разумеется, легко отбивает этот «снаряд» и смеется уже в открытую.

— Все равно этот брак для меня бесполезен, — замечая я. — У Вектурии недостаточно сил, чтобы справиться с кейловаксианцами, особенно после сражения, случившегося несколько недель назад. Сейчас они сами находятся на грани голода, так что им не до армий.

— Уверена, король и сам это понимает, — говорит Артемизия. — Так зачем же он притащился в такую даль, да еще заплатил обязательный взнос, если у него нет шансов?

— Не знаю, — отвечаю я. — Но, полагаю, скоро выясню.

УБИЙСТВО

Мэриал пришлось немало потрудиться, гримируя синяки, оставшиеся у меня на теле после тренировки с Артемизией, и теперь они скрыты под таким толстым слоем кремов и пудры, что моя кожа выглядит неестественно, как у размалеванной куклы. А еще она страшно чешется.

— Хватит ежиться! — рывкает на меня Бич Драконов, пока мы идем по коридору к обеденному залу. — И, ради всех богов, постарайся держать себя в руках рядом с императором.

Жар приливает к моим щекам.

— Эрик мой друг.

— Беспольное знакомство, — парирует тетушка. — Лучше бы ты не тратила на него время и завела новых друзей.

подавив желание резко возразить, я решаю сменить тему и спрашиваю:

— Что тебе известно о правителе Вектурии?

Бич Драконов хмурится:

— Слабоумный старый дурак. Ты не захочешь выходить за него замуж.

— Я вообще ни за кого не хочу выходить, — напоминаю я. — Но ради Астреи сделаю все, что могу.

Бич Драконов искоса глядит на меня и удивленно улыбается уголком рта.

— Хорошая девочка, — говорит она и открывает дверь зала.

Она не видит, какое действие оказывают на меня эти два слова. Ей невдомек, что так называл меня кайзер, когда я делала что-то, что он одобрял. Знаю, это не одно и то же, но ощущения такие же.

Усилим воли я заставляю себя отрешиться от этого чувства и следом за Бичом Драконов вхожу в освещенный свечами зал — он очень похож на столовую, в которой принимал нас король в первый день нашего визита. Повсюду расставленные группами диваны и кресла, бесчисленные диванные подушки, под затянутым тканью потолком висят бумажные светильники.

Как обычно, большая часть мест занята претендентами на мою руку, только теперь их стало больше. Сегодня присутствует императрица Джозетта — сидит в уголке, рядом с юной девушкой, у которой на голове целое произведение искусства, состоящее из множества кос. Явились и рыжеволосые князья из Эsstены: похоже, они пререкаются из-за того, кто допьет оставшееся в одной из бутылок вино, и делают это с такой яростью, что, боюсь, как бы не дошло до потасовки. Эрик и Хоа сидят рядом в противоположной части зала, оба одеты в традиционные горакийские наряды. Недалеко от них примостился в кресле странный пожилой человек, совершенно лысый, с орлиным носом; на нем свободный коричневый хитон, похожий на те, что носили в Астрее, только более простой, без украшений. Полагаю, это и есть король Капил. Артемизия не ошиблась, он действительно глубокий старик, но годы не согнули его так сильно, как короля Этристо. Хотя он лет

на десять старше правителя Ста'криверо, в его движениях присутствует живость, которой не обладает король Этристо.

Завидев меня, все кандидаты встают, даже король Капил, хотя видно, как тяжело он опирается на трость. Лишь дремлющий король Этристо не встает с кресла. Я молюсь всем богам, чтобы старик не проснулся до самого конца ужина. Если он еще раз обратится ко мне «моя дорогая», я просто рявкну на него.

— Прошу, садитесь, — говорю я, поочередно улыбаясь всем претендентам. — Те из вас, кто был здесь вчера вечером, знают, что это неофициальная встреча — просто возможность узнать друг друга получше и убедиться, что наши интересы совпадают. — Я указываю на Бича Драконов. — Мы с моей тетей уделим время всем, хоть вас и много, а я одна, поэтому прошу вас запастись терпением. К счастью, король Этристо по доброте своей предложил нам чудесный ужин — блюда выглядят весьма аппетитно — и сколько угодно вина.

При звуке своего имени король Этристо ерзает в кресле, но не просыпается. Раздаются приглушенные смешки, а Эрик салютует мне бокалом.

— Сюда, сюда! — зовет он.

— Не поприветствовать ли нам в первую очередь короля Капила? — спрашиваю я у Бича Драконов. — Только с ним я еще не встречалась.

— Нет-нет, — отмахивается тетка. — Начнем с более важных кандидатов. Идем, поздороваемся с императрицей.

Я безропотно иду вслед за ней. Вообще-то я предпочла бы познакомиться с королем Капилом и узнать, зачем он проделал такой долгий путь, но и с императрицей Джозеттой мне тоже любопытно по-

общаться. Когда мы подходим, императрица улыбается и встает, а в следующую секунду девочка рядом с ней тоже вскакивает с места. И императрица, и ее спутница одеты в одинаковые сине-зеленые платья, закрывающие одно плечо и оставляющие другое обнаженным. Похожий фасон был популярен в Астрее, но наши платья свободные и легкие, а эти наряды плотно облегают тело и покрыты таким толстым слоем вышивки, что напоминают доспехи. Волнистые каштановые волосы императрицы распущены и перевиты нитками драгоценных камней.

— Королева Теодосия, — приветствует она меня и делает реверанс. Девочка делает то же самое. — Позвольте вам представить мою дочь и наследницу Фабьенн.

Я улыбаюсь девочке, та отвечает мне ослепительной улыбкой.

— Очень рада познакомиться, — говорю я, потом представляю свою тетю.

— Мне очень хотелось побеседовать с такой же, как и я, женщиной-правительницей, — обращаюсь я к императрице Джозетте, после того как мы садимся.

— Да уж, здесь чересчур много мужчин, не правда ли? — отвечает та со смехом. — Думаю, из нас с вами получилась бы отличная пара. Позвольте заверить, что я уважаю вас гораздо больше, чем все присутствующие в этом зале.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — киваю я. — Хотя у меня есть к вам вопросы.

Императрица улыбается:

— Желаете знать, будет ли наше партнерство носить романтический характер?

Я киваю, бросая неуверенный взгляд на Фабьенн, но та совершенно не выглядит смущенной.

— Ну, лично меня привлекают и мужчины и женщины, — продолжает императрица.

— О, — тяну я. — А меня... нет.

— Жаль, — отвечает она. — Но я никогда не испытывала трудностей в поисках любви, и была бы более чем счастлива предложить вам чисто платонический союз.

Я улыбаюсь и киваю. Пусть она не жаждет затащить меня в постель, сомневаюсь, что она проявит такую же покладистость, если я попрошу сохранить за мной право единолично управлять Астреей.

Бич Драконов встает и заявляет, что нам нужно уделить внимание остальным соискателям, я соглашаюсь и вежливо прощаюсь с Джозеттой и Фабьенн.

Бич Драконов удивляет меня. Вместо того чтобы направиться к эрцгерцогу Этмонду, эсстенским князьям или царю Реймеру, она идет к королю Капилу. Судя по выражению лица старик удивлен не меньше меня. Он делает движение, намереваясь подняться, но я его останавливаю.

— В этом нет необходимости, король Капил, — говорю я, усаживаясь рядом с ним. — Я не очень люблю церемонии и прекрасно обойдусь без очередного поклона.

В глазах короля мелькает облегчение, он целует мне руку.

— Счастлив познакомиться с вами, королева Теодосия. Я так много слышал о вас, что кажется, будто знаю вас всю жизнь.

Опять это неприятное ощущение. Он так много обо мне слышал, а я о нем не знаю ничего, кроме имени. И все же в отличие от остальных кандидатов он не смотрит на меня с жалостью.

— Вы храбрая молодая женщина, — говорит король, изрядно меня удивив. — И я понимаю, что должен вас поблагодарить.

Я не сразу осознаю, за что он меня благодарит: за то мое письмо, отправленное перед нападением кайзера на Вектурию.

— Жаль, что я не смогла сделать больше, — отвечаю я. — Слышала о пожаре на ваших продуктовых складах. Как поживает ваш народ?

Король мрачнеет, но качает головой.

— Вектурия сталкивалась с вещами похуже голода; мы выживем.

Возможно, Вектурия переживет трудные времена, но выживут не все вектурианцы. Это Сёрен отдал тот приказ. Я могла бы многое ему простить, но некоторые грехи не имею права отпускать.

— Жаль, что я ничего не могу для вас сделать, — говорю я.

— Будет вам, — отмахивается король, откидываясь на спинку кресла. — Меня больше волнует, что я могу сделать для вас.

Я сглатываю, разговор принимает неприятный оборот. Король Капил годится мне в дедушки, к тому же союз с Вектурией не поможет вернуть Астрею.

— Я не могу выйти за вас замуж, — говорю я так мягко, как только могу.

Старик тихо смеется и похлопывает меня по руке морщинистой, покрытой пятнами ладонью.

— Знаю, ваше величество, — отвечает он. — Не все мы, старики, стремимся жениться на юных невестах, пытаюсь вернуть давно утраченную юность. Молодость моя давно прошла — золотое было времечко, — и я не собираюсь красть вашу.

— В таком случае чего же вы хотите? — вклинивается Бич Драконов.

Старик не удостоивает тетку взглядом, все его внимание сосредоточено на мне.

— Мне нужно было встретиться с вами, — говорит он. — Нужно было посмотреть вам в глаза и сказать, как мне жаль, что Вектурия не помогла Астрее, когда на нее напали кейловаксианцы. Я потрачу остаток своей жизни, стараясь исправить эту ошибку. Я благодарен, что вы оказались храбрее и добрее, чем был когда-то я.

— Я поступила так потому, что сочла такую стратегию верной, — отвечаю я. Мне становится неудобно под его взглядом: король смотрит на меня, как на спасительницу, каковой я не являюсь.

— В таком случае вы оказались не только храброй и доброй, но еще и мудрой, — улыбается король Капил. — У меня нет намерения жениться на вас, королева Теодосия, но если потребуется, Вектурия станет вашим союзником. Можете рассчитывать на нашу армию, какой бы маленькой она ни была.

Мне нет нужды консультироваться с Сёреном, я и так знаю, что армия вектурианцев и впрямь невелика. Пожалуй, им хватит сил, чтобы отбить нападение части кейловаксианских сил, если те снова нападут на Вектурию, но для контратаки они слишком слабы. И все же этот жест доброй воли важен для меня настолько, что не передать словами.

Вскоре король Капил отбывает: его страна может позволить себе оплатить лишь один день его пребывания в Ста'криверо. Мне жаль, что ему пришлось потратить большие деньги ради такой короткой встречи, но король и слышать ничего не хочет. Он обещает, что мы будем переписываться, и целует мне руку на прощанье.

Я смотрю ему вслед и с удивлением обнаруживаю, что мне грустно. Когда король Капил уходит, я направляюсь к эрцгерцогу Этмонду, и Бич Драконов не пытается направить меня к кому-то другому. Уверена, она одобрила бы союз с Гаптанией: это богатая страна с сильной армией. Полагаю, тот факт, что общество эрцгерцога мне приятно, следует рассматривать в качестве приятного дополнения.

— Я надеялся, что мне выпадет шанс поговорить с вами сегодня вечером, ваше величество, — тихо говорит эрцгерцог Этмонд. — Боюсь, все эти мытарства... стали для меня нелегким испытанием, и, подозреваю, что и для вас тоже.

Я слабо улыбаюсь и признаюсь:

— Все это действительно выматывает.

Эрцгерцог улыбается чуточку шире.

— Сюда меня отправил брат, — признается он. — Думаю, он счел всю эту затею удачной шуткой. Я не... Я не очень хорошо умею разговаривать с людьми, знаете ли. Особенно с женщинами... — Он умолкает и качает головой. — Уверен, брат считает, что я вернусь домой пристыженным и отвергнутым.

Он не пытается давить на жалость, просто констатирует очевидное. Прежде чем я успеваю сказать что-то ободряющее, эрцгерцог Этмонд продолжает:

— Но... Если не ошибаюсь, вы не ищете романтических отношений?

Сидящая рядом со мной Бич Драконов замирает; не обращая на нее внимания, я наклоняюсь к эрцгерцогу и говорю:

— Да, вы совершенно правы. Замужество для меня — единственная возможность вернуть Астрею, поэтому я сделаю все, что могу, для своей страны.

Впервые за время нашего знакомства эрцгерцог Этмонд пристально смотрит мне в глаза, потом кивает.

— Полагаю, мы можем помочь друг другу, — произносит он, понижая голос. — Вам нужна армия, чтобы победить кейловаксианцев. У меня есть армия.

— Армия есть у вашего брата, — вклинивается Бич Драконов.

Эрцгерцог качает головой:

— Мой брат носит корону, но армия слушает меня. Брату известно это не хуже, чем всем остальным, и его вполне устраивает такое положение вещей. В конце концов, мы редко задействуем нашу армию, мы уже много лет не воюем. Я могу дать вам войска.

— Сколько? — спрашиваю я.

— Достаточно.

Я стараюсь оставаться спокойной, но в груди все равно зарождается глупая надежда.

— И что же вы хотите взамен? — спрашиваю я. — Полную власть над Астреей?

Он качает головой:

— Нет-нет, ничего такого. Меня и так ужасает перспектива унаследовать Гаптанию, если мой брат не сумеет обзавестись наследником. Нет. Несколько лет назад злодей Тейн приезжал в Гаптанию с визитом, и мой брат подарил ему мои любимые шахматы. Им несколько сотен лет, они вырезаны из оникса и слоновой кости.

Я помню эти шахматы: видела их, навещая Крессентию, они всегда стояли на полке, в качестве сувенира, в них никогда не играли.

— Мой брат отдал их в пику мне, — продолжает эрцгерцог. — Но я всегда переживал из-за этой потери. Я так понимаю, Тейн теперь мертв.

— Вы хотите вернуть свои шахматы? — медленно произносит Бич Драконов, и каждое ее слово сочится недоверием.

— Это фамильная ценность, — отвечает эрцгерцог. — Они для меня дороже всего. — Он выпрямляется, и в уголках его губ появляется застенчивая улыбка. — К тому же Гаптания уже давно не воевала. Нам не помешает размяться.

Мы с Бичом Драконов обмениваемся скептическими взглядами, потом я киваю.

— Думаю, мы можем согласиться на такое сотрудничество, — говорю я эрцгерцогу.

Он широко улыбается и делает знак служанке, та подает бутылку вина. Это та самая перепуганная девушка, что доставила письмо от короля. Сейчас она выглядит еще неувереннее, ее руки дрожат, пока она наливает в два бокала темно-красное вино. Бич Драконов взмахом руки отказывается от вина — ее бокал еще наполовину полон. Когда эрцгерцог Этмонд передает мне бокал, я заставляю себя улыбнуться, хотя понимаю, что больше не смогу сделать ни глоточка. Я не ела весь вечер, потому что платье слишком тесное, к тому же выпитое ранее вино уже кружит мне голову.

— За новых друзей, — говорит эрцгерцог Этмонд, салютуя мне бокалом.

Я касаюсь его бокала, но в отличие от эрцгерцога лишь делаю вид, что пью. Так хочется вскочить и кричать от радости, что я едва сдерживаюсь. Хочется выплеснуть вино в лицо королю Этристо и высказать все, что я о нем думаю. Хочется танцевать, пока я не собою ноги в кровь. Впервые за долгое время теплая в моей душе призрачная надежда крепнет.

Я открываю рот, намереваясь поблагодарить эрцгерцога, но не успеваю произнести ни слова: на его лице появляется выражение крайнего изумления. Он хватается за горло, в округлившись глазах мелькает

паника. Эрцгерцог вскакивает, сбивая столик, и оба наших бокала летят на пол. А потом он падает.

Все вокруг вскакивают с мест, но на меня находит оцепенение. Бич Драконов хватает и больно стискивает мое запястье, тянет меня за собой.

— Отойдите! — гремит чей-то голос, перекрывая испуганные перешептывания. К лежащему на полу эрцгерцогу бросается Колтания: для человека, затянутого в тяжелое платье, она движется на удивление стремительно. Молодая женщина падает на колени рядом с эрцгерцогом, переворачивает его на спину и ощупывает грудь. — Он не дышит, я попробую сделать это за него.

Наклонившись, она прижимается губами к губам эрцгерцога — это похоже на поцелуй, но романтикой тут и не пахнет. Щеки Колтании раздуваются: она вдвухает воздух в рот эрцгерцога.

Я вырываюсь из хватки Бича Драконов, делаю шаг к упавшему: его кожа становится фиолетовой, и мою душу сковывает ужас. Я чувствую себя так, словно попала в страшный кошмар наяву, не понимаю, что происходит прямо передо мной.

— Тео. — Сквозь окутавший мое сознание туман пробивается чей-то голос. Ко мне шагает Эрик, загородив собой эрцгерцога. Юноша хватает меня за плечи и слегка встряхивает, но я почти этого не ощущаю. Я вообще почти ничего не чувствую.

— Тео, тебе нужно уйти. Это яд, и, возможно, отравили не только бокал эрцгерцога. То вино... ты его пила?

Я вновь обретаю способность говорить.

— Нет. — Собственный голос кажется чужим. — Я не сделала ни глотка.

Эрик кивает с видимым облегчением.

— Нужно увести тебя отсюда, пока что здесь небезопасно.

Я наконец смотрю на него и осознаю, кто передо мной и что говорит. Это яд, и, возможно, предназначался он вовсе не эрцгерцогу. За голову эрцгерцога не назначали награду в миллион золотых монет. Не его кайзер приказал вернуть живым или мертвым. Эрик сглатывает, смотрит на меня округлившимися глазами. Мы оба знаем, что кайзер всегда получает желаемое, раньше или позже, и никакие приказы короля Этристо его не остановят.

Не дожидаясь ответа, Эрик выводит меня из зала в коридор, а позади раздаются испуганные крики.

ПОД ЗАЩИТОЙ

Пока мы идем в мои покои, я почти не вижу, что происходит вокруг, даже не помню, как мы ехали в подъемнике. Я слышу только оглушительный стук собственного сердца. К тому времени как мы подходим к моей комнате, я успеваю немного прийти в себя, в голове немного проясняется.

— Он мертв, да? — спрашиваю я Эрика. Мой голос звучит словно откуда-то издалека.

Юноша останавливается перед дверью и неуверенно смотрит на меня.

— Возможно, сестре канцлера удалось его спасти, — говорит он, но, похоже, сам в это не верит. Мы оба видели, как лицо эрцгерцога стало фиолетовым, а Колтания сказала, что он не дышит. Когда после бала я увидела упавшую из окна кайзерину, то еще несколько минут надеялась, что она смогла выжить, пока не увидела ее лицо. Больше я не могу позволить себе питать ложные надежды.

Лишь теперь я замечаю, как сильно потрясен сам Эрик. Очевидно, он жалеет меня и не говорит правды, он же наверняка не раз видел смерть на поле боя. Однако сегодня все по-другому: предполагалось, что во дворце безопасно. Если кайзер может

достать меня даже здесь, значит, я нигде не могу быть в безопасности, пока он жив.

Впрочем, возможно, кайзер тут ни при чем. В зале находилось множество придворных, и у каждого из них были свои соображения и враги. Яд необязательно предназначался мне, и все же при мысли об этом перед глазами встает лицо кайзера, я ощущаю его горячее, пахнущее вином дыхание. Пять миллионов золотых монет обещал он в награду тому, кто доставит меня к нему живой, но и за мертвую Принцессу пепла обещан миллион. Один миллион — это целое состояние.

— Мне стоит остаться ненадолго, пока мы не убедимся, что угроза миновала, — говорит Эрик. Мне вдруг приходит в голову неприятная мысль: известно ли ему о награде за мою голову?

Несколько секунд я размышляю, можно ли доверять Эрику, потом укоряю себя за такие недостойные мысли. Если бы Эрик был верен кайзеру, то не повел бы меня в мою комнату. Он воспользовался бы всеобщим замешательством и хаосом и увез бы меня из Ста'криверо. Тогда он получил бы пять миллионов золотых монет.

Я обессиленно опускаюсь на диван, и плотная ткань платья хрустит подо мной.

— Мне он нравился, — говорю я Эрику. — По крайней мере, нравился больше, чем остальные. Он был... неловким, но добрым. Не смотрел на меня, как на жареный кусок мяса, который подали ему на обед. И он только что... он только что предложил мне армию. Никаких подводных камней, никакой магии, замужества — ему просто хотелось вернуть шахматы, которые забрал Тейн.

Лишь произнеся эти слова, я осознаю, что использовала прошедшее время.

Эрик качает головой и отводит глаза.

— С мощью гаптанской армии мы могли бы стереть кейловаксианцев с лица земли за месяц.

Месяц. Сердце болезненно сжимается в груди. Всего через месяц я могла бы вернуться в Астрею и сесть на трон своей матери. Всего через месяц моя страна была бы свободна, а я заставила бы кайзера заплатить за все, что он с нами сделал.

Еще немного, и все мои мечты исполнились бы, и вот, надежда развеялась, как дым, утекла, как вода сквозь пальцы.

Я зажмуриваюсь, но слезы все равно текут по щекам, их не спрятать, даже если закрыть лицо руками. Меня сотрясают рыдания.

«Ты плачешь о собственной потере, а ведь человек умер, — упрекаю я себя. — Ты такая же эгоистка, как кайзер». При мысли об этом я начинаю плакать еще сильнее.

Эрик явно растерян — вероятно, ему нечасто приходилось видеть плачущих женщин, — но потом он протягивает руку и неловко похлопывает меня по спине. Я благодарна ему за попытку утешить.

За дверью грохочут шаги, раздаются испуганные крики. Кажется, весь дворец погружается в хаос.

— У тебя есть оружие? — тихо спрашивает Эрик, не сводя глаз с двери.

Я киваю, иду к кровати и, достав из-под матраса спрятанный там кинжал, показываю его Эрику. Тот оценивающе разглядывает оружие.

— Очень милый, — изрекает он наконец. — Умешь им пользоваться?

Я вспоминаю об уроке, который преподала мне Артемизия, но мне вдруг кажется, что никакого толку от него не будет. Тренировочный меч был больше кинжала, к тому же он не был заточен. Мне кажется,

что за одно занятие я совершенно ничему не научилась, а Эрик спрашивает, сумею ли я защитить себя, если на нас нападут. Тут речь не об учебном поединке тупым оружием, а о жизни и смерти.

— Лучше будет, если его возьмешь ты, — говорю я, протягивая юноше кинжал, потом снова сажусь на диван.

Эрик взвешивает оружие на ладони, поглаживает украшенную филигранью рукоять.

— Он такой изящный... Боюсь, я могу его сломать, если придется им воспользоваться.

Я улыбаюсь дрожащими губами и говорю:

— Он крепче, чем кажется на первый взгляд.

За дверью снова слышны шаги, но на этот раз ясно, что люди не прошли мимо по коридору, а остановились возле моей комнаты. Эрик стоит между мной и дверью, держа наготове клинок, однако, когда деревянная створка распахивается, отходит в сторону.

В комнату вбегает Сёрен, следом за ним — Блейз, Цапля и Артемизия. Увидев меня, они все разом вздыхают с облегчением.

— Мы слышали, что за ужином кого-то отравили, — говорит Блейз, тяжело дыша. — Мы подумали...

Он не заканчивает фразу, но это и не требуется.

— Умер эрцгерцог Этмонд, — отвечаю я, после чего подробно рассказываю о случившемся.

Сёрен сглатывает, смотрит мне в глаза.

— Это бессмысленно, — тихо произносит он. — У Гаптании почти нет врагов, а даже если бы и были, убийство эрцгерцога Этмонда ничего бы им не дало. Если бы кто-то захотел его смерти, было бы намного проще прикончить его в Гаптании, например, в одной из воинских частей, где он проводит

большую часть времени. В Ста'криверо уровень безопасности выше.

— Никто не сказал, что его убили, — говорит Цапля, скрещивая руки на груди. — Не стоит делать поспешных выводов. Возможно, он умер от естественных причин.

— Или же яд предназначался Тео, — добавляет Артемизия. — Это же за ее голову обещана награда.

Эрик хмурится, поочередно смотрит на ребят, потом на меня и спрашивает:

— Кто эти люди?

— Ах да, — спохватываюсь я, сообразив, что Эрик никогда не встречался с Цаплей, Артемизией и Блейзом, в то время как они неоднократно видели его издалека. Я быстро представляю всех друзей и объясняю, зачем Эрик приехал в Ста'криверо.

— Я еще никогда не сталкивался с ядом, — говорит Эрик Цапле, когда я заканчиваю свой рассказ. — Но я видел все собственными глазами и, должен заметить, в этой смерти не было ничего естественного.

У Цапли округляются глаза, но он с серьезным видом кивает.

— И мне трудно поверить, что яд предназначался для Этмонда, — замечает Сёрен, глядя мне в глаза. — Артемизия права. Из всех присутствовавших в том зале ты — наиболее вероятная цель.

— Все присутствовавшие в той комнате важны каждый для своей страны, — говорю я дрожащим голосом.

— Важны, да, — соглашается Артемизия. — Но кроме тебя никому серьезно не угрожали, не говоря уже о том, чтобы назначить награду за их головы.

— Пусть мы не знаем, кто подложил яд, зато точно знаем, кто отдал приказ, — тихо говорит Блейз.

Несмотря на то что за ужином я почти ничего не ела, желудок крутит, мысли — одна другой страшнее — путаются. Я думала, что здесь мне ничего не угрожает, думала, здесь кайзер до меня не доберется, считала, что он больше никогда ко мне не прикоснется. Глупая надежда, и теперь из-за моей глупости умер человек. Умер из-за меня.

Уже далеко за полночь, как вдруг раздается резкий стук в дверь. Мы все были слишком взбудоражены, чтобы разговаривать, но Артемизия настояла на том, что время следует использовать с толком. В итоге она снова заставляет меня тренироваться. Ситуация тем забавнее, что все остальные увлеченно критикуют мою манеру стоять, двигаться и держать меч, и все же поединок позволяет мне отвлечься и немного успокоиться.

Услышав стук, все вскакивают и хватаются за оружие, а Артемизия откладывает в сторону тренировочный меч и берет настоящий.

— Отойди в угол комнаты, — командует мне Блейз, и я поспешно отступаю за кровать. Сердце отчаянно колотится в груди, хотя здравый смысл подсказывает: убийца не стал бы стучаться.

Действительно, когда Цапля открывает дверь, на пороге стоит один из королевских стражников. Солдат и сам выглядит взъерошенным, окидывает комнату таким взглядом, словно в любую секунду ожидает нападения.

— Королева Теодосия, — говорит он, глядя на меня. Если его и удивляет, что я прячусь в углу, он никак этого не показывает. — Угроза миновала. Если вы сообразоволяете проследовать в тронный зал и присоединиться к королю Этристо, то лично сможете увидеть преступницу.

ДОПРОС

Стражник ведет меня в тронный зал; Сёрен, Эрик и мои Тени следуют за нами по пятам. Очевидно, избыточная роскошь Ста'криверо мне приелась, потому что я почти не обращаю внимания на расписанные фресками стены, мраморные полы и огромные люстры. Вижу только стоящий в центре зала трон, такой большой и громоздкий, что не сразу замечаю на нем сгорбленную фигуру короля Этристо — старик почти утопает в пышных бархатных подушках.

Я иду по проходу между рядами кресел, ощущая на себе пристальные взгляды женихов. Очевидно, мы пришли последними, потому что все места заняты, осталось только несколько свободных кресел в первом ряду и одно место в ряду, где разместились делегация из Гораки, его занимает Эрик. Чего ждут все эти люди? Скорби? Страху? Хотя я испытываю и то и другое, мной владеет оцепенение. Все смотрят друг на друга с тревогой и подозрением, словно отравитель эрцгерцога сидит где-то здесь. Я пытаюсь оторваться от этой ужасающей мысли.

Стражник подводит нас к местам в первом ряду, и мы занимаем их; Сёрен садится справа от меня, Артемизия — слева.

— Вот и вы, моя дорогая, — скрипит король Этристо со своей неизменной снисходительной улыбкой. Он слегка выпрямляется на троне. — Счастлив вам сообщить, что мы схватили человека, виновного в убийстве эрцгерцога.

Убийство. Значит, эрцгерцог Этмонд все-таки мертв. Последняя, робкая надежда на благополучный исход, которую я лелеяла до сих пор, разлетается в клочья. Я не настолько хорошо его знала, чтобы оплакивать, но после всего, что у меня отняли, смерть этого человека все равно причиняет мне острую боль. Я скорблю о возможности вернуть Астрейо: только что во мне жила надежда на скорую победу, и вот ее уже у меня отняли.

— Кто же виновник? — спрашиваю я.

Король Этристо дважды хлопает в ладоши. Из двери, расположенной за тронем, выходит еще один стражник, ведя закованную в кандалы девушку. Приглядевшись, я ее узнаю: это та самая испуганная служанка, которая днем доставила мне письмо от короля, а вечером наливала нам с эрцгерцогом вино. Теперь она и вовсе глядит по сторонам с ужасом, вглядывается в лица собравшихся, ища поддержки, и не находит.

Я кашляю и снова смотрю на короля Этристо.

— Разумеется, я доверяю вашему суду, ваше величество, но зачем этой девушке убивать эрцгерцога?

Король мрачно улыбается.

— А это, моя дорогая, нам и предстоит выяснить. — Он поворачивается в ту сторону, где сидят канцлер Марцен и его сестра. — *Салла* Колтания, я так понимаю, вы привезли из Орианы сыворотку правды?

Колтания встает со своего места — они с братом сидят в следующем ряду за нами. Она бледна, брови сведены в суровую линию.

— Да, ваше величество, — отвечает она дрогнувшим голосом. — Во время путешествий мы всегда держим ее под рукой, дабы в случае необходимости выяснить, не замышляют ли чужеземцы зла против нас. Разумеется, мы и представить не могли, что случится нечто подобное.

— Никто из нас не мог такого предположить, моя дорогая, — вздыхает король, потом жестом подзывает Колтанию ближе. — Полагаюсь на вас, коль скоро вы профессионал.

Колтания подходит к девушке, на ходу доставая из рукава какой-то флакон, и девушка немедленно начинает биться в руках удерживающего ее стражника. У нее нет ни одного шанса сбежать. Мне невольно вспоминается Элпис, слишком уж похожая сцена открывается моим глазам. Элпис не заслуживала такой страшной судьбы, а эта девушка заслуживает. Почему она так ожесточенно отбивается, если ей нечего скрывать?

Колтания силой вливает зелье в рот обвиняемой, и та сразу же перестает отбиваться, ее тело обмякает, она виснет на руках держащего ее стражника и поводит вокруг бессмысленным взглядом.

— Сыворотка подействует через минуту, — говорит Колтания королю Этристо.

Даже если проходит всего минута, мне время ожидания кажется вечностью. Наконец Колтания снова заговаривает и на сей раз обращается к девушке:

— Пожалуйста, назови свое имя.

Девушка сглатывает, у нее вид только что разбуженного человека.

— Рания, — тихо произносит она.

Колтания разглядывает зрачки девушки, измеряет ее пульс, потом кивает королю Этристо и говорит:

— Вы можете приступать.

Король Этристо подается вперед, взгляд его прикован к обвиняемой.

— Ты отравила еду эрцгерцога Этмонда? — спрашивает он.

— Нет, — отвечает служанка сонным, глухим голосом. Кажется, будто она говорит из-за стеклянной стены. — Я отравила вино.

По рядам собравшихся ползут шепотки, даже мои Тени тихонько переговариваются. В конце концов, я пила вино — все его пили.

— Чем отравила? — спрашивает король Этристо.

Девушка обводит комнату полубезумным взглядом, потом снова глядит на короля. Похоже, ей трудно сосредоточиться.

— Ядом, — отвечает она с сомнением в голосе. — Не знаю, каким именно. Тем, который мне дали.

— Кто дал тебе яд? — спрашивает король.

Девушка сглатывает. Под воздействием сыворотки правды она дрожит и шатается из стороны в сторону, но стражник поддерживает ее, не давая упасть.

— Кайзер, — отвечает она. — Яд прислал кайзер вместе с оплатой.

Снова шепотки, но на сей раз я их почти не слышу. Чего-то подобного я и ожидала, и все же, услышав признание, чувствую себя так, будто из зала выкачали весь воздух. Я почти не слышу следующие слова девушки.

— Он не остановится, — бормочет она. Язык у нее начинает заплетаться. — Он не остановится, пока не убьет ее.

Убийца вскидывает закованную в кандалы руку и указывает на меня.

Земля уходит у меня из-под ног, я едва не падаю с кресла, но Артемизия удерживает меня за руку.

Девушка уже раскачивается всем корпусом, и стражник с трудом удерживает ее на месте. Голова ее мотается из стороны в сторону.

Король Этристо смотрит на Колтанию.

— Это нормально? — спрашивает он.

Колтания озадаченно хмурится, подходит к убийце и, схватив за подбородок, вынуждает открыть рот. Она тут же бормочет себе под нос несколько коротких резких фраз, и, хотя я не могу их перевести, нет сомнений, что это ругательства.

— У нее черный язык. Сплюнь! — приказывает она девушке.

Та непонимающе хлопает глазами, потом делает, что велено. Растекшийся по полу плевок черен, как смола, но кроме слюны на полу есть что-то еще. Колтания присаживается на корточки, касается черной слюны, трет пальцы друг о друга, потом подносит их к глазам.

— Осколки стекла, — констатирует она, вытирая руку о подол платья, и смотрит на короля Этристо. — Очевидно, негодяйка прятала во рту ампулу с ядом, когда ее пришли арестовывать. Наверное, ей прислали эту ампулу на случай, если ее станут допрашивать.

«Так почему она раскусила ампулу только теперь? Почему не приняла яд, как только за ней явились стражники?»

Додумать эту мысль я не успеваю: пронзительный, истеричный вопль короля Этристо возвращает меня к реальности:

— Чего же вы ждете? Спасите ее!

Колтания смотрит на девушку и печально качает головой.

— Не могу. Участь ее была решена в тот момент, когда она раскусила ампулу. Яд черной шпанки

смертелен, от него нет противоядия. Эта несчастная умрет через пару минут, и сделать ничего нельзя.

На губах девушки выступает черная пена, она повисает на руках стражника, ее бьет крупная дрожь. Мне хочется спросить у нее, зачем она это сделала: только ради денег или же ею двигала еще и ненависть? Я силюсь понять, что за новую игру затеял кайзер, раз дотянулся до меня даже через океан. Но жизнь уже меркнет в глазах убийцы, а я не могу смотреть, как умирает человек.

Я возношу молчаливую молитву богам и поднимаюсь с места; в следующую секунду мои советники тоже встают. Я уже иду к выходу, как вдруг меня останавливает голос короля.

— Минутку, моя дорогая, — говорит Этристо, и на сей раз в его голосе напрочь отсутствует привычная патока, на ее место пришли страх и почти животная паника. Человек, который так говорит, может быть опасен. Я заставляю себя повернуться к королю и спрашиваю:

— Да, ваше величество?

Король Этристо не отвечает, наклоняется к стоящим у трона стражникам и что-то шепчет, так что я не могу разобрать слов, указывает на меня, потом встает. Пока он ковыляет к выходу, стражники направляются к нам. Я слишком поздно замечаю, что они достают из ножен мечи.

— Принц Сёрен, по приказу короля Этристо вы арестованы за убийство эрцгерцога Этмонда.

Я не раздумываю ни секунды: не обращая внимания на наблюдающих за этой сценой женихов, делаю шаг вперед, заслоня собой ошеломленного Сёрена.

— Принц Сёрен не имеет отношения к отравлению эрцгерцога Этмонда, — чеканю я так, чтобы меня слышал весь зал. — Если бы Сёрен хотел меня

убить, то уже сделал бы это, потому что возможностей у него было предостаточно. И он не стал бы трусливо травить ядом. Не сомневаюсь, пожелай он меня убить, непременно довел бы дело до конца.

Едва ли этого аргумента достаточно, такое оправдание даже мне самой кажется неубедительным.

— Я пойду сам, — тихо говорит Сёрен, касаясь моего плеча. — Я не сделал ничего плохого и уверен, король Этристо это поймет.

Он делает шаг к стражникам, подняв руки, так чтобы их было видно. Не успев толком подумать о том, что делаю, я хватаю его за руку и заставляю повернуться ко мне. И лишь потом вспоминаю, что мы не одни, что за нами наблюдает с десяток женихов, и каждый может счесть такое прикосновение неприемлемым и сделать собственные выводы. Я быстро отдергиваю руку.

— Мы тебя вытащим, — тихо говорю я принцу. — Один раз я уже это сделала и сделаю снова.

Сёрен горестно улыбается, но, по крайней мере, делает вид, что верит мне. Стражники защелкивают на запястьях юноши инкрустированные драгоценными камнями кандалы и уводят его.

АРЕСТ

— Принц Сёрен — один из моих советников, — сквозь зубы говорю я королю Этристо. — Когда вы обещали мне защиту, у меня сложилось впечатление, что эта защита распространяется на всех моих спутников.

Сидящий за массивным мраморным столом король Этристо почти не удостоивает меня взглядом. Он устало вздыхает и возводит глаза к потолку. Едва ли это уважительно, но что взять со старика: он не видит во мне равного ему человека, всего лишь тело женского пола, которому полагается говорить лишь тогда, когда это необходимо. Он принял меня лишь сейчас, после завтрака, то есть Сёрен томится в темнице уже восемь часов.

— Как я уже неоднократно вам объяснял, моя дорогая, я не могу гарантировать безопасность тех, кто нарушает законы Ста'криверо. Разве у вас в Астрее убийство не считается преступлением?

По моей коже прокатывается волна жара, ладони начинают нагреваться. Я сжимаю кулаки, но это не помогает унять жжение в кончиках пальцев. Кровь, бегущая по моим венам, закипает все сильнее с каждым разом, когда король произносит «моя доро-

гая». Я заставляю себя дышать глубоко. С тех пор как мы покинули корабль, со мной не случилось инцидентов вроде прожженных простыней, лишь время от времени я чувствую жар в ладонях и руках, мне почти удалось убедить себя, что все это мне только показалось. Но сейчас самовнушение не помогает. Я чувствую внутри себя огонь. Если он вырвется наружу... нет, нельзя этого допустить.

— Разумеется, считается, — отвечаю я, стараясь говорить спокойным, ровным тоном. Смотрю на стоящих у меня за спиной Цаплю, Блейза и Артемизию, затем вновь поворачиваюсь к королю. — Но такое серьезное обвинение требует доказательств, а вы пока их не предоставили, ибо происхождение принца — не доказательство. Если в Ста'криверо бросают людей в тюрьму без причины, удивительно, что ваши узилища еще не переполнены.

Король Этристо складывает руки домиком, облокачивается на лежащий перед ним лист пергамента — очевидно, он лишь делает вид, что читает документ, лишь бы от меня отвязаться.

— Как мы уже говорили, мои фармацевты под руководством *саллы* Колтании готовят новую порцию сыворотки правды. Как я понял, процесс может занять некоторое время. Если это очистит его имя, я освобожу принца и принесу ему свои самые искренние извинения, но я никак не могу пренебрегать вашей безопасностью, моя дорогая. Особенно принимая во внимание тот факт, что принц Сёрен проводил довольно много времени в вашей спальне.

От этого намека я краснею; хорошо, что это слышат только мои Тени, хотя, не сомневаюсь, слухи уже распространяются, и определенно их подогрело мое собственное поведение в тронном зале. В конце концов, я заслонила Сёрена собой от стражников.

— Две ночи, — уточняю я, потом указываю на своих Теней. — Однако помимо принца в моих покоех были еще и мои советники. Желай он моей смерти, легко мог бы осуществить задуманное, убив меня во сне.

Уголки губ короля ползут вниз, он хмурится и наконец глядит на меня.

— Ну, когда сыворотка *саллы* Колтании очистит принца от всех обвинений, его отпустят. Нужно лишь подождать пару дней, — изрекает он так, будто пытается увещевать непослушного ребенка. Мне хочется завопить, но вместо этого я заставляю себя улыбнуться.

— Хорошо, — четко произношу я. — Однако коль скоро принц Сёрен является моим доверенным советником в вопросах международных дел, я не смогу со спокойной совестью встречаться с претендентами на мою руку, ибо я лишена его мудрого совета. Вы ведь понимаете, правда? Я должна защищать свои интересы.

У короля Этристо делается такой вид, будто ему хочется меня ударить, но спустя секунду он вновь натягивает на лицо маску вежливости.

— Если вы настаиваете, моя дорогая. Хотя, боюсь, вашу недоверчивость могут счесть оскорблением.

Люди, требовавшие доказательств моей девственности, оскорбятся из-за того, что я им не доверяю. Я бы рассмеялась подобной иронии, не будь так зла.

— Разумеется, у меня и в мыслях не было никого оскорбить, — заверяю я короля. — И еще мне хотелось бы в свободное время навестить принца Сёрена в темнице, дабы убедиться, что его содержат наилучшим образом.

Король Этристо мрачнеет еще больше.

— Моя дорогая, теперь уже я начинаю чувствовать себя оскорбленным.

Я улыбаюсь еще обворожительнее.

— И снова у меня не было ни малейшего намерения вас оскорбить, ваше величество, но, думаю, это необходимо для моего душевного спокойствия.

Король Этристо скрипит зубами; проходит, кажется, вечность, но потом он кивает.

— Хорошо.

Я низко приседаю в реверансе, потом поворачиваюсь и выхожу из комнаты, а Тени следуют за мной.

* * *

Едва Артемизия, Цапля, Блейз и я возвращаемся в мою комнату, как туда врывается Бич Драконов туча тучей. Сначала у меня мелькает мысль, что она рассержена из-за ареста Сёрена, но, разумеется, это не так. Будь ее воля, принц до сих пор сидел бы в камере на «Тумане».

— Тебе не следовало просить аудиенции короля, да еще являться к нему без подарка! — рявкает она. Ты хоть представляешь, какой душой себя выставила?

Язвительный тон тетки становится последней каплей.

— Король арестовал моего советника, и мне пришлось разбираться, — холодно отвечаю я. — И, позволь заметить, я сделала куда больше твоего, поскольку ты готова прыгать, стоит только королю Этристо щелкнуть пальцами.

Бич Драконов отшатывается, как будто я ее ударила. Мгновение она так на меня смотрит, словно хочет прямо здесь живьем содрать с меня кожу, но я выдерживаю ее взгляд.

— Я пекусь только об интересах Астреи, — говорит она. — И в интересах Астреи не оскорблять нашего самого могущественного союзника.

Не удержавшись, я фыркаю.

— Никакой он нам не союзник, а иначе предоставил бы нам войска. Король Этристо встает на сторону всякого, кто может заплатить больше других. Если бы кайзер пожелал предложить достаточную сумму, наш радушный хозяин выдал бы меня в мгновение ока. Пока что выкуп за невесту превышает назначенную кайзером награду, так что у меня есть небольшое преимущество. Я собираюсь использовать все рычаги давления, и если ты не будешь делать то же самое, то из нас двоих дура ты.

— Тео, — шепчет Артемизия.

Я не обращаю внимания на это предупреждение.

Глаза Бича Драконов горят холодным бешенством.

— Оставьте нас, — шипит она на моих Теней.

— Мы останемся с королевой, — твердо заявляет Цапля.

Я бестрепетно смотрю тетке в глаза. Больше всего мне сейчас хотелось бы спрятаться за спины друзей, но, сдастся мне, Бич Драконов скажет нечто такое, что им не стоит слышать.

— Идите, — говорю я. — Это ненадолго.

— Тео... — восклицает Блейз.

— Идите, — повторяю я.

Тени встревоженно переглядываются, но выходят из комнаты, оставляя нас с Бичом Драконов наедине. Я солгала бы сказав, что не боюсь тетку, но никак этого не показываю: почуяв страх, она разъярится еще больше.

— Кайзер покушался на мою жизнь, — говорю я, скрещая руки на груди. — Здесь, во дворце, хотя

король Этристо обещал мне безопасность. Один человек уже умер, потому что недооценил возможности кайзера, но вместо того, чтобы искать настоящих шпионов, король Этристо арестовал Сёрена. Тем временем тот, кто дал той девушке яд, все еще здесь, и лишь вопрос времени, когда он нанесет следующий удар. Здесь я не в безопасности.

— Нет, — спокойно отвечает Бич Драконов. — Но ты не хочешь безопасности.

Тут я смеюсь и сама удивляюсь тому, какой это язвительный смех.

— Хочешь сказать, я жду не дождусь, когда меня прикончат?

Бич Драконов глядит на меня с безмятежным выражением лица.

— Я имею в виду, что ты хочешь быть королевой, а это очень опасная роль.

— Я не хочу быть королевой. Я и есть королева, — поправляю я ее. — И ты, кажется, вспоминаешь об этом лишь тогда, когда тебе это выгодно.

Теперь наступает ее черед смеяться.

— Королева канувшей в небытие страны.

Королева без короны, без трона, без коронации. Кто твои подданные? Эти три юных болвана, которые бегают за тобой, как утята за уткой, потому что один человек сказал им, будто ты особенная, а они, дураки, поверили?

Я отступаю на шаг, но тетка еще не закончила.

— Я пытаюсь тебе помочь, но ты слишком упряма и эгоистична, чтобы это понять, — заявляет она, все повышая голос. — Боги, ты в точности как твоя мать.

Я не впервые слышу эту фразу, но это впервые оскорбление.

— Не говори о моей матери! — Я не признаю, что сорвалась на крик, пока не вижу удивления на

лице Бича Драконов. Она встревоженно косится на дверь. — Моя мать была в пятьдесят раз лучше тебя, — продолжаю я, на сей раз тише.

Она долго смотрит на меня, потом издает резкий, лающий смешок и идет к буфету с вином, быстро выбирает бутылку, наливает бокал до краев, делает большой глоток, разом осушив бокал почти на четверть, и снова глядит на меня.

— Знаешь, ты не первая, от кого я об этом слышу. Возможно, предыдущие ораторы использовали другое число — не «пятьдесят», это уж тыхватила — но все в таком духе. «Распрями плечи, как Айрен». «Улыбайся, как Айрен». «Почему ты не можешь быть такой же, как Айрен?» Наверное, не проходило и дня, чтобы я не услышала нечто подобное. При звуках ее имени я начала вздрагивать, словно мне в основание черепа вбивали гвоздь.

Она делает еще глоток, но я уже услышала достаточно.

— Не ее вина, что ты так ей завидовала, — говорю я.

Бич Драконов снова смеется.

— Разумеется, я завидовала, но не больше, чем она завидовала мне. «Каллистрада, — частенько говаривала она. — Как же тебе повезло, тебе же не нужно ходить на уроки этикета». Или: «Как же не хочется вставать на рассвете, но придется приветствовать Защитников вместе с матушкой». А еще: «Почему я не могу посещать уроки верховой езды вместе с тобой?» Она часто просила меня с ней поменяться, но мне никогда этого не хотелось. Мне, как и ей, не хотелось быть наследной принцессой.

— Ложь, — говорю я. — Моей матери нравилось быть королевой.

Бич Драконов пожимает плечами.

— Мне об этом ничего не известно. Я покинула страну до коронации сестры и больше не возвращалась, но ей определенно было наплевать на занятия, призванные подготовить ее к трону. — Она делает еще глоток, на этот раз поменьше, и задумчиво смотрит на меня. — Тебе повезло, что ты не успела узнать ее получше.

Слова действуют на меня, как ушат холодной воды.

— Хочешь сказать, мне повезло, что моя мать умерла?

— Я этого не говорила. — Бич Драконов возводит глаза к потолку. — Хорошо, что ты запомнила ее идеальной матерью и прекрасной королевой, благородной, доброй и храброй. Она для тебя все равно что богиня, верно? Полагаю, для каждой девочки мать является неким идеалом. Вот только всегда наступает момент, когда иллюзии развеиваются, и ты понимаешь, что твоя мать всего лишь человек, как и ты, со своими недостатками и несовершенствами. Тебе никогда не придется в ней разочароваться, так что, да, я считаю, в этом тебе повезло. В каком-то смысле.

На миг у нее становится такой скорбный вид, что я не знаю, чего мне больше хочется, дать ей пощечину или извиниться, но она быстро берет себя в руки, и уже в следующую секунду ее лицо вновь становится суровым, а взгляд непроницаемым.

— Твоя мать была прекрасной королевой, — продолжает она. — Она безропотно выполняла свои обязанности, ее любили, но она навсегда останется в истории как королева, потерявшая Астрею.

— Это не ее вина, — возражаю я. — Она же не могла знать, что придут кейловаксианцы.

В первый раз Бич Драконов смотрит на меня нерешительно, и я догадываюсь, что она думает, как поступить.

— Она знала, — медленно произносит тетка. — Я отправила ей письмо за несколько месяцев до Вторжения, предупреждала, что они идут.

— Ты врешь, — говорю я, внутренне содрогаясь. Не хочу этого слышать, но и уйти не могу.

Бич Драконов не обращает внимания на мои слова.

— Она тоже назвала меня лгуньей. Сказала, что я позорю ее, плавая по морям и называя себя пираткой.

Мне хочется бросить ей в лицо множество оскорблений, но я молчу. Приходится напоминать себе, что нужно дышать. Взгляд Бича Драконов немного смягчается.

— Возможно, мне следовало позволить тебе и дальше жить, храня в памяти ее светлый, чистый образ.

— Я тебе не верю, — говорю я, хотя в глубине души понимаю, что тетушка права. В конце концов, зачем ей врать об этом?

Бич Драконов делает еще глоток.

— Я любила сестру всем сердцем, со всеми ее достоинствами и недостатками. Айрен была моей полной противоположностью и одновременно моей половинкой. Но она была небезупречна.

Она допивает вино, потом смотрит на меня совершенно трезвым, яростным взглядом. Я не позволяю себе вздрогнуть.

— Твоя мать была посредственной королевой, — тихо говорит Бич Драконов. — Ты могла бы стать великой. Если бы я не верила в это, меня бы здесь не было. Однако добиться этого будет непросто, впе-

реди сложный путь, и пройти по нему без жертв не получится. Я устала, что ко мне относятся как к врагу всякий раз, как я говорю тебе правду. Если ты не откажешься от всего ради Астреи — от гордости, независимости, от друзей — ты никогда ее не вернешь.

Я не отвечаю, и тогда Бич Драконов ставит пустой бокал на комод и направляется к двери. Уже взявшись за ручку, она оборачивается:

— Все люди совершают ошибки, и твоя мать не была исключением. Она очень любила и тебя, и Астрею. Уверена, она считала, что поступает правильно. Она была просто человеком, не больше и не меньше.

СОН

Впервые после побега из Астреи обугленное лицо Кресс не является мне во сне. Зато я вижу мать. Она снится мне такой, какой была бы сейчас: под глазами и вокруг рта морщинки, как у Бича Драконов. Каштановые волосы ее потускнели, но в них нет седины — они просто поблекли, заплетены в длинную, перекинутую через плечо косу. На голове у мамы корона, только не та, которую она носила при жизни — это корона из пепла, которую я носила по приказу кайзера. Мама сидит неподвижно, но хлопья пепла все равно падают на ее белый хитон.

Она смотрит на меня тяжелым взглядом, а когда начинает говорить, ее голос звучит в точности как у Бича Драконов.

— Мне жаль, — произносит она.

Я жду от нее еще каких-то слов, жду, что она объяснит, почему пренебрегла предупреждением сестры, почему позволила кейловаксианцам нас захватить. Одним-единственным решением она обратила Астрею в руины, а меня отдала в руки человека, превратившего жизнь в кошмар на долгие десять лет.

Увы, это всего лишь сон, и мама не может сказать мне ничего, чего бы я сама не знала, поэтому

она лишь извиняется, извиняется, извиняется, до тех пор, пока я не просыпаюсь, ощущая во рту привкус пепла.

За окном еще темно, в небе светят звезды и луна, но знаю, что сегодня уже не смогу уснуть. В голове до сих пор звучат слова Бича Драконов, обвиняющей мою мать в гибели Астреи.

Артемизия спит на другой половине кровати, но ложе настолько огромное, что девушка даже не шевелится, когда я встаю и на цыпочках обхожу массивного Цаплю, кое-как втиснувшегося на диван. Он отказал сначала мне, а потом Артемизии, когда мы предложили с ним поменяться. Блейз, наверное, не мог уснуть и вернулся в свою комнату.

Помню, как заснула в окружении друзей. Не спрашивая, они остались в моей комнате. Шпион кайзера, кем бы он ни был, все еще разгуливает на свободе, к тому же никто из нас не доверяет ста'криверийским охранникам.

Следовало бы разбудить ребят — особенно после того, как кто-то пытался убить меня прошлым вечером, — но рука не поднимается будить друзей посреди ночи лишь из-за того, что мне не спится.

К тому же я не хочу, чтобы кто-то из них присутствовал при моем разговоре с Сёреном.

Стараясь не издавать ни звука, я надеваю пеньюар, беру с прикроватного столика кинжал и засовываю за пояс. Потом надеваю стоящие возле кровати мягкие домашние туфельки, на цыпочках крадусь к двери и выскальзываю из комнаты.

Даже вооружившись, мне не следует идти одной, тем более что я вряд ли смогу отбиться: самое большее, буду размахивать кинжалом и делать грозное лицо. Я иду по коридору, вздрагивая от каждого шороха, поминутно озираясь, каждую секунду жду, что

из темноты на меня бросится очередной убийца. На месте убийцы я бы так и поступила: подкараулила жертву в темном углу.

Слишком поздно я понимаю, что это была глупая затея, но, даже осознав это, не могу повернуть назад. Наконец я добираюсь до подъемника и с облегчением вхожу внутрь — все-таки здесь есть еще один человек.

Вообще-то, рабочий, приводящий в действие подъемник, вполне может оказаться наемным убийцей. Впрочем, он глядит на меня равнодушно, ожидая приказаний.

— На пятнадцатый этаж, пожалуйста, — говорю я. Ранее мне сообщили, что делегацию из Горакки разместили именно на пятнадцатом этаже.

Рабочий коротко кивает, начинает вращать ворот, и подъемник трогается вниз. Тряски почти нет, и все же я изо всех сил цепляюсь за железные прутья клетки. Сколько бы раз я ни пользовалась этим чудом техники, ничего не могу с собой поделаться и вряд ли когда-нибудь привыкну. К счастью, поездка занимает считанные секунды, и вот мы уже останавливаемся, и двери открываются.

Едва я выхожу на площадку, рабочий закрывает за мной дверцы, и подъемник уезжает вниз, оставив меня одну в темном коридоре. В окна льется лунный свет, вдаль уходит вереница дверей, расположенных по обе стороны коридора, однако я понятия не имею, в какой комнате разместили Эрика. Я навещала здесь Хоа, но это было днем, повсюду сновали слуги, передо мной шел провожатый. Теперь же я даже не знаю, с какой комнаты начать поиски.

Медленно иду по коридору, надеясь увидеть какую-то подсказку, но все дубовые двери похожи одна на другую. Даже вырезанные на них узоры и хру-

стальные ручки совершенно идентичны. От страха волосы у основания моей шеи становятся дыбом. Если бы убийца хотел на меня напасть, лучшего момента и желать нельзя: сейчас меня можно легко прикончить и свалить вину на горакийцев — похоже, в Ста'криверо у них мало друзей.

Наклонив голову, я смотрю, нет ли под какой-то из дверей полоски света, благо двери примыкают к порогам неплотно. Уже далеко за полночь, но наконец я замечаю свет и стучу в эту дверь, надеясь, что обитатель комнаты не спит.

Сначала мне не отвечают, потом слышатся шаги, и дверь со скрипом открывается. На пороге стоит невысокий, жилистый человек с блестящей лысиной, на носу у него очки в круглой оправе. Он глядит на меня недовольно и хмурится, очевидно, сердится, что его оторвали от дел. По крайней мере, вряд ли это убийца.

— Гм... Прошу прощения за беспокойство, — говорю я. — Я ищу Эри... То есть императора. В какой комнате он остановился?

Мужчина хмурится еще больше, и я соображаю, что он, скорее всего, не понимает по-астрейски. Я уже открываю рот, чтобы изложить свою просьбу по-кейловаксиански — наверняка он понимает этот язык, ведь Гораки долго находилась под гнетом кейловаксианцев — но горакиец меня опережает.

— Император, — повторяет он.

Меня охватывает облегчение, я киваю.

Человек выглядывает в коридор и указывает в сторону подъемника, но там так много дверей, что я не понимаю, какую из них он имеет в виду. Очевидно, он и сам это видит, тяжело вздыхает, шаркая, выходит из комнаты, ведет меня к нужной двери и стучит гораздо громче и дольше, чем постучалась бы я. Оче-

видно, сон у императора крепкий. Наконец дверь открывается, и в коридор выглядывает сонный Эрик. Сначала он только хлопает глазами, словно пытаясь осознать, что именно видит.

— Тор... королева Теодосия? — спрашивает он по-кейловаксиански. — Мастер Юроу? Что происходит?

Мой провожатый, мастер Юроу, хмурится и что-то говорит по-горакийски, так быстро, что мне не удастся разобрать ни слова. Кажется, Эрик и сам ничего не понял, потому что молча смотрит на мастера Юроу и ждет продолжения. Тот говорит еще что-то, потом умолкает и выжидательно глядит на Эрика, ожидая ответа. С ответом юноша затрудняется. Поняв, что ничего не дождется, мастер Юроу громко фыркает, величавой походкой шествует к своей комнате и скрывается в ней, напоследок громко хлопнув дверь.

Эрик морщится:

— Я смотрю, ты познакомилась с мастером Юроу.

— Не знала, в какой ты комнате, — признаюсь я. — Кто он такой?

Юноша открывает было рот, намереваясь ответить, потом закрывает, задумчиво хмурится.

— Он... алхимик. Он был лучшим в Гораки еще до Вторжения. Если начистоту, я сам точно не знаю, чем он занимается, но, кажется, все считают его работу очень важной. Как видишь, я не говорю по-горакийски, хотя моя мать изо всех сил старается меня научить. Думаю, это как-то связано с золотом.

Он хмурится еще сильнее, качает головой и смотрит на меня.

— А что ты тут делаешь, Тео? Сейчас глубокая ночь.

— Не могла уснуть.

— И решила поделиться своей печалью со мной? Я, конечно, польщен, но предпочел бы, чтобы ты этого не делала, — бормочет юноша и душераздирающе зевает.

— Хочу навестить Сёрена. И, поскольку кайзер назначил награду за мою голову, думаю, мне не следует спускаться в подземелье одной.

— И без оружия, — говорит Эрик, кивая на кинжал у меня за поясом.

— Это больше для устрашения, — признаюсь я. — Ты же видел меня вчера... Я скорее сама поранюсь, если попытаюсь сражаться.

— Верно, — вздыхает юноша. — Подожди, возьму меч, и пойдем вместе. Я бы тоже не отказался повидать Сёрена. — Он скрывается в комнате, но я успеваю услышать, как он бормочет: — Хотя предпочел бы подождать до утра.

ТЕМНИЦА

Подземелье под дворцом Ста'криверо не хочется часто посещать; вообще-то, оно производит впечатление места, входя в которое человек вообще не рассчитывает выйти. Рабочий в подъемнике упрямится, когда Эрик просит отвезти нас вниз, но я говорю, что сам король позволил мне посетить темницы (о том, как неохотно он это сделал, я, естественно, не упоминаю). Рабочий спускает нас, но как только мы выходим из подъемника, принимается крутить ворот в обратную сторону, даже не закрыв за нами двери.

— Не слишком обнадеживающе, — бормочет Эрик, оглядывая коридор. Здесь царит полумрак, единственным источником света служат свечи в маленьких канделябрах на стенах, да и тех немного. Воздух застоявшийся и затхлый, так что на меня накатывает дурнота. Не представляю, что может так пахнуть, во всяком случае, живое существо не может породить такой запах.

Мы идем по коридору, пока не упираемся в железные ворота, высотой от пола до потолка, перекрывающие проход. С нашей стороны ворот стоит, прислонившись к стене, молодой ста'кривериец и, кажется, дремлет вполглаза. На вид ему лет двадцать,

у него землистого цвета кожа, под глазами темные круги. Интересно, когда он в последний раз поднимался на поверхность?

— Что вы тут делаете? — взволнованно брякает парень при виде нас, потом сглатывает и поправляется: — В смысле, чем могу помочь?

— Мы пришли повидать принца Сёрена. Король Этристо позволил мне навестить его в свободное время.

Стражник недоверчиво хмурится:

— Так ночь же на дворе.

Я пожимаю плечами:

— Сейчас у меня как раз выдалось свободное время. Я королева Теодосия, хотелось бы, чтобы заключенного привели в надежно охраняемое, отдельное помещение, подальше от остальных заключенных. Он сегодня ел?

— Я... Да, ваше величество, — отвечает стражник.

— Рада это слышать, — говорю я. — Его высочество склонен проявлять упрямство в этом вопросе. Итак, есть ли здесь такая комната?

— Принца Сёрена содержат в одиночной камере, — отвечает стражник. — Она довольно удобная... в смысле, для камеры. Она определенно лучше всех остальных здешних помещений и расположена далеко от других заключенных.

— Думаю, нас это устроит, — говорю я с улыбкой. — Как тебя зовут?

— Тизоли, — отвечает парень и поспешно кланяется. Выпрямившись, он поворачивается к решетке, одновременно нащупывая висящую на поясе связку ключей. Отыскав нужный ключ, стражник трясущимися руками пытается вставить его в замок; не попадает раз, другой, но в конце концов открывает дверь и ведет нас внутрь.

Камера Сёрена немного больше, чем карцер на «Тумане», и раза в три больше, чем камера в астрейской темнице, где я недавно сидела. На сей раз принц не прикован к стене, так что он может стоять, ходить и делать что угодно. К сожалению, в данный момент он спит: лежит в углу, лицом к стене, подтянув колени к животу, и довольно громко похрапывает.

— Сёрен! — кричу я. Из-за того, что юноша находится в камере, за зарешеченной дверью, мне кажется, будто нас с ним разделяют сотни миль, однако он не просыпается от моего крика. Я поворачиваюсь к Тизоли — стражник переминается с ноги на ногу, словно не в силах решить, уйти или остаться.

— С ним все в порядке?

— Я... э-э-э... Думаю, да, ваше величество, — отвечает стражник, нервно поглядывая на принца.

— Да все с ним хорошо, — фыркает Эрик. — Сёрен может уснуть даже во время шторма... я сам видел.

Он складывает ладони рупором, подносит к губам и орет во всю мощь легких, призывая Сёрена проснуться. Мне приходится закрыть уши руками. Принц, впрочем, лишь переворачивается на другой бок и ерзает во сне, устраиваясь поудобнее.

— Если ты откроешь дверь — всего на минутку — мы его растолкаем, а потом сразу выйдем, — обращаюсь я к Тизоли, но тот снова качает головой, как и несколько минут назад, когда я просила его впустить нас.

Эрик набирает в легкие побольше воздуха, намереваясь снова вопить, но я его опережаю: хватаюсь за пуговицу на его рукаве и отрываю ее, так что трескается шов.

— Зачем ты это сделала? — потрясенно спрашивает Эрик, таращась на испорченный рукав. — Камзол же совсем новый... матушка меня убьет.

Не обращая на него внимания, я подхожу ближе к решетке, просовываю между прутьями руку с крепко зажатой в пальцах пуговицей. Размахнувшись, вложив в удар всю силу, я бросаю пуговицу, целясь в голову Сёрена, и та ударяет юношу прямо в лоб. Пуговица маленькая, но мой маневр удался: Сёрен вскидывает руку, слишком поздно пытаюсь перехватить ударивший его предмет, открывает глаза и сонно глядит на нас.

— Ну, наконец-то, — вздыхаю я. — Тебя не будишься.

Принц садится, с непонимающим видом хлопает глазами.

— Кажется, я все еще сплю, — бормочет он. — Что вы здесь делаете? И который теперь час?

— Почти рассвет, полагаю, — признаюсь я, потом поворачиваюсь к Тизоли. — Не оставишь нас ненадолго? Мы тебя позовем, когда закончим.

Стражник явно сомневается, потом кивает и уходит. Дождавшись, когда шаги охранника стихнут вдали, я говорю Сёрену:

— До чего переменчива фортуна.

В сложившейся ситуации нет ничего смешного, и все же я улыбаюсь.

Сёрен улыбается в ответ, хоть и не вполне искренне.

— Ты пришла вытащить меня отсюда, Тео? — сухо спрашивает он.

Я качаю головой:

— Король приказал изготовить для тебя сыворотку правды, и как только ты ее выпьешь, тебя допросят, и все подозрения с тебя будут сняты. Правда,

по словам короля, изготовление этого зелья займет некоторое время.

Сёрен кивает, но смотрит неуверенно.

— Есть предположения, кто на самом деле работает на моего отца?

— Никаких, — мрачно отвечает Эрик. — Это может быть кто угодно. Черт, знай эти злодеи, что мы с тобой братья, я, скорее всего, сейчас тоже сидел бы в этой камере.

— Да, давайте сохраним это в секрете, — вздыхаю я. — По крайней мере, я получила повод временно не встречаться с женихами. Сказала, что не буду видаться ни с кем из них, пока тебя не выпустят, потому что не могу обойтись без твоего совета.

Сёрен фыркает:

— Уверен, твоя тетушка в восторге от этой идеи.

Он хотел пошутить, но при одном упоминании Бича Драконов меня словно прокалывают булавкой. Очевидно, принц замечает, как я морщусь.

— Что такое? — спрашивает он.

Я молчу.

— Хочу спросить о вторжении в Астрею. — Я делаю глубокий вдох и раздумываю, не промолчать ли вовсе. Возможно, я не хочу услышать ответ. — Если бы нас предупредили о ваших планах захватить Астрею, как бы все повернулось? Мы отбились бы, как Вектурия? Вы повернули бы назад?

Сёрен задумчиво хмурится; он долго молчит, и я уже начинаю бояться, что он вообще не ответит, но наконец принц качает головой.

— Возможно, вы продержались бы дольше. Может быть, какое-то время наши страны вели бы войну, но в конечном счете мы все равно взяли бы верх. Астрея не была готова к такому нападению — вы еще никогда не сталкивались с военной мощью,

подобной нашей. Прости, если ты хотела услышать другой ответ.

— Вообще-то, другой ответ огорчил бы меня больше, — отвечаю я. — Но мне все равно от этого не легче.

Слова сами прорываются наружу, я пересказываю Эрику и Сёрену свой последний разговор с Бичом Драконов.

Под конец мой голос становится едва громче шепота.

— Я всегда считала свою мать идеальной королевой, но теперь этот образ разбился вдребезги, и я не знаю, как его вернуть.

Эрик и Сёрен переглядываются, но в конце концов слово берет Эрик.

— Ну, наш отец вообще кайзер, — медленно произносит он. — Так что мы не привыкли идеализировать родителей.

— Но было ли время, когда вы им восхищались? — спрашиваю я, поочередно глядя на юношей.

Они молчат.

— Нет, — наконец отвечает Сёрен. — Еще до того как я понял, что он творит с другими людьми, я знал, как он обходится с моей матерью. Я не помню ни одного доброго слова. Зато помню, что мама испуганно съеживалась всякий раз, как он к ней приближался. Она морщилась, когда он к ней обращался, словно он ее ударил. Я с самого начала считал своего отца чудовищем... Просто не представлял, как далеко распространяется его влияние.

Эрик откашливается.

— Думаю, было время, когда я мечтал походить на него, — признается он. — Это продлилось недолго, но факт есть факт. Он так и не признал меня, даже не говорил со мной, но мое происхождение не

являлось секретом. Я знал. И ребенком думал, что если стану старше, сильнее, лучше, он меня полюбит. Я тебя ненавидел, — говорит он Сёрену.

Принц хмурится:

— Вот как? Не знал.

Эрик пожимает плечами и отводит взгляд. В подземелье слишком темно, чтобы сказать наверняка, но, кажется, у него покраснели щеки.

— Тогда я тебя не знал... Лишь наблюдал за тобой издалека. Ты был обыкновенным мальчишкой, у тебя было все, чего мне так отчаянно хотелось, но ты, похоже, совершенно не ценил этого. Разумеется, я тебя ненавидел. Но когда мы стали вместе учиться и подружиться, я все понял. Думаю, именно тогда мои иллюзии развеялись, хотя они и отличались от иллюзий Тео.

— Нет, мне кажется, я тебя понимаю, — говорю я ему. — Спасибо.

Сёрен тяжело вздыхает:

— Итак, раз тебе пока не нужно беспокоиться о женихах, что будешь делать? Снова отправишься в лагерь?

— Полагаю, да, — отвечаю я, хотя при мысли об этом меня попеременно охватывают радость и ужас. Мне очень хочется помочь беженцам, поговорить с другими астрейцами, но чувство вины становится почти невыносимым: как я могу сидеть во дворце короля Этристо, набивать желудок изысканными яствами, носить платья, каждое из которых стоит целое состояние, в то время как обитатели лагеря грязны, голодны и больны? И все же я должна туда поехать. Если я не приложу все силы, чтобы им помочь, то никогда себя не прощу и уж точно не смогу называться их королевой. Тут мне в голову приходит одна идея, и я поворачиваюсь к Эрику.

— Тебе тоже стоит поехать, — говорю я ему. — Там есть и горакийцы, и тебе следует их навестить, если ты будешь их императором. Вряд ли они знают, что в Гораки теперь безопасно; возможно, они захотят вернуться домой.

Эрик недолго раздумывает, потом качает головой:

— Я бы на это не рассчитывал. «Безопасность» — понятие относительное, может быть, здесь им будет лучше.

При мысли об этом на меня накатывает тошнота.

— Не говори, пока не увидишь их, — отвечаю я, потом смотрю на Сёрен. — Тебе что-нибудь нужно?

Принц поджимает губы.

— Только одно: чтобы время летело быстрее. Ты должна куда-то идти перед завтраком?

— Нет, — отвечаю я. — Мы можем побыть здесь еще какое-то время.

Сёрен садится на пол, прислоняется спиной к стене и вытягивает длинные ноги.

— Тогда как насчет очередного урока астрейского?

— Сейчас? — переспрашиваю я, хмурясь. — Это не самое подходящее время и место.

— Я буду прилежным учеником и никуда не сбегу, — обещает принц, указывая на решетку. — К тому же так я смог бы отвлечься от мрачных мыслей и не думал бы, что король Этристо может принять решение о моей казни.

При мысли об этом в животе у меня будто завязывается тугой узел.

— Я никогда этого не допущу, — говорю я.

Сёрен улыбается, но в глазах нет радости.

— Думаю, ты уже совершила для меня достаточно чудес, Тео. И это чудо может оказаться тебе не по

плечу. Видишь? Мне срочно нужно отвлечься. Да и Эрик мог бы выучить пару слов.

— Пожалуй, мне не стоит браться за изучение двух языков одновременно, — заявляет Эрик, зевая. Он садится спиной к стене коридора, скрещивает руки на груди и закрывает глаза. — Разбуди меня, когда будешь уходить, Тео.

Я потрясенно гляжу на него:

— Только не говори, что будешь спать на каменном полу.

Эрик ухмыляется, не открывая глаз.

— Я же моряк, и могу уснуть где угодно.

Уже через минуту он начинает похрапывать — либо и впрямь заснул, либо очень искусно притворяется. А я тем временем учу Сёрена основным астрейским словам: *я, ты, иметь, делает, вода, хлеб*.

Не знаю, сколько проходит времени, но когда мы с Эриком уходим, Сёрен выглядит бодрее и веселее, чем до урока. Мы обещаем вскоре навестить его снова, но, кажется, принц нам не верит.

ЛЮБОВЬ

Едва я открываю дверь своей комнаты, как на меня обрушивается шквал испуганных криков.

— Мы думали, вы умерли, — говорит Цапля, его обычно спокойные глаза сверкают, точно два куска янтаря. — О чем вы только думали, исчезнув посреди ночи?

— И ты взяла с собой кинжал? — вторит ему Артемизия. — Ты хотела упростить задачу наемному убийце, которого отправил за тобой кайзер?

— Тебя могли убить, — говорит Блейз. От него исходят такие сильные волны ярости, что я прямо-таки вижу, как мерцает воздух вокруг юноши. У Блейза дрожат руки, но он этого, похоже, не замечает.

Зато я замечаю, как и Цапля с Артемизией. Их собственные злость и страх исчезают, сменившись беспокойством за друга. Земля у меня под ногами едва ощутимо дрожит, можно было бы подумать, что это из-за движущегося за стеной подъемника, но... это дрожь другого рода. Слышится тихий гул, как будто камни в стенах что-то шепчут.

— Блейз, — мягко говорю я.

Юноша смотрит на меня, но взгляд у него странный, отсутствующий, словно он меня вообще не видит.

Дрожь земли усиливается, так что стоящие на столе бокалы начинают позвякивать. Нужно что-то делать, что-то сказать, но я приросла к месту и могу только смотреть на Блейза. С потолка начинает осыпаться штукатурка, она падает нам на плечи, как пепел, слетающий с короны, что кайзер заставлял меня носить.

Первой приходит в себя Артемизия. В два шага преодолев разделяющее их расстояние, она бросается к Блейзу и наотмашь бьет его по лицу; звук оплеухи перекрывает гул, но юноше не помогает.

Мне уже случалось видеть, как Блейз терял контроль над своей силой, но прежде он всегда старался поскорее взять себя в руки. Еще никогда я не видела его таким, как сегодня. Не знаю, помнит ли Блейз, кто он и где находится.

Ваза, стоявшая на туалетном столике, падает на пол, во все стороны разлетаются розы. Мне приходится ухватиться за стену, чтобы не упасть, пока я иду к Блейзу. Сердце заполошно бьется в груди. До меня вдруг доходит, как все это опасно — не только для Блейза, но и для всех нас. Башни Ста'криверо и так невероятно высокие. Землетрясение вполне может обрушить одну из них, а остальные попадают следом, как прислоненные друг к другу костяшки домино, и весь город погибнет. Если немедленно не успокоить Блейза, он может уничтожить этот город и всех его жителей.

— Блейз, — снова говорю я, хватая юношу за плечи. Кожа у него такая горячая, что обжигает мне пальцы даже сквозь ткань рубашки, но я не убираю руки. Трясу юношу, но он не реагирует. — Пожалуйста, Блейз. Со мной все хорошо.

Дрожь и гул слегка утихают, но пол все равно вибрирует. Опасность еще не миновала.

Не раздумывая, я обнимаю Блейза за шею, так крепко, как только могу, хотя жар его тела обжигает мне кожу, глажу юношу по голове и по нитию начинаю напевать астрейскую колыбельную — Блейз пел мне ее, когда я в этом нуждалась.

Спи, малютка, вечер близко,
Уж укрыт туманом лес.
И рука в руке с тобою
Мы пойдем в страну чудес.
Кончен день, приходит время
Малым птичкам улетать.
Старым воронам назавтра
Срок приходит умирать.
Спи, дитя, пусть тебе снится
Все, о чем мечтаешь ты.
Пусть мечта осуществится,
А сегодня просто спи.

Постепенно все вокруг успокаивается, но Блейз — нет. Его трясет, он обнимает меня и утыкается лицом мне в шею. Лишь ощутив на коже горячую влагу, я понимаю, что юноша плачет. Все молчат, наверное, вечность, но я знаю, о чем думают ребята. Блейз стремительно теряет способность контролировать свой дар. Еще бы несколько минут — и он убил бы всех нас и тысячи ни в чем не повинных людей. Мы ничем не можем ему помочь. Блейз медленно высвобождается из моих объятий и поднимает голову.

— Мне нужно уехать, — говорит он еле слышно. — Я не могу здесь оставаться. Не могу...

Он умолкает, не закончив фразу.

В глубине души я знаю, что он прав. Здесь он представляет угрозу для всех окружающих. И все же

мне невыносима мысль о том, что придется с ним расстаться.

— Нет, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это... ты же не нарочно.

Артемизия недоверчиво смотрит на меня.

— Не имеет значения, нарочно или нет, — заявляет она. — Он же едва не... — Она осекается и качает головой. — Не думала, что все так плохо.

— Никто из нас не думал, — говорит Цапля. — Но мы знали, что рано или поздно это случится. От рудничного безумия нет лекарства.

Именно так сказал и Сёрен. Тогда я ему не поверила и сейчас не желаю верить, даже после того, что видела собственными глазами.

— Возможно, это вовсе не рудничное безумие, — говорю я нарочито бодро, хотя сама ни в чем не уверена. — Если бы это было оно, Блейз уже давно бы умер. — Я закрываю глаза, пытаюсь найти какое-то объяснение. — У него сильный дар, вероятно, поэтому его так сложно контролировать. Тебе просто нужно научиться им управлять.

Я смотрю на Блейза, мне отчаянно хочется верить в собственное предположение.

Юноша сглатывает.

— Тео, мне тоже не хочется уезжать, но...

— Так не уезжай. Останься и борись. Останься со мной.

Я не собиралась произносить последнее предложение, но слова сами сорвались с губ.

Блейз смотрит мне в глаза, я вижу, что в его душе разворачивается ожесточенная борьба.

— Я еще никогда не чувствовал такой силы. Казалось, мое тело мне не принадлежит, я просто беспомощно наблюдал со стороны. — Он сглатывает и качает головой, потом поворачивается к Артеми-

зии и смотрит ей в глаза решительным, отчаянным взглядом. — Артемизия, если в следующий раз дойдет до такого, всади кинжал мне в сердце.

У девушки округляются глаза, и в первое мгновение я жду, что она откажется.

— Если я сочту, что из-за тебя под угрозой окажутся жизни людей, то сделаю это, — осторожно произносит она.

Блейз кивает, но по-прежнему выглядит неуверенным.

— Не знаю, что со мной происходит.

— Может быть, такое уже случалось раньше, — с надеждой в голосе замечает Цапля. — Возможно, уже были Защитники с нестабильным даром.

— Никогда не слышала ни о чем подобном, — вздыхаю я.

— А как бы мы узнали? — спрашивает Цапля. — Зачем рассказывать о таком детям?

Действительно, все Защитники, которых я знала в детстве, прекрасно контролировали свои силы, но иначе и быть не могло, верно? В противном случае их просто не приблизили бы к королеве. Вполне возможно, Цапля прав, и раньше случалось такое, что Защитники теряли контроль над своим даром. Где бы об этом разузнать? Мне в голову приходит одна идея, а за ней другая — дурацкая, отчаянная.

— Сегодня мы с Эриком собирались снова отправиться в лагерь беженцев, привезти им еще еды, — говорю я. — Вот где я была ночью: вместе с Эриком навещала Сёрена. Возможно, в лагере найдутся астрейцы, которым что-то известно о таких Защитниках.

— Возможно, — кивает Артемизия, хотя я не слышу уверенности в ее голосе.

— Сколько еды тебе удалось добыть, Цапля? — спрашиваю я. После случившегося с Блейзом приступа мне трудно говорить обычным спокойным тоном, но я делаю над собой усилие. Если я стану заикливаться на переживаниях, то сойду с ума. Передо мной стоит проблема, требующая решения, и я могу ее решить, заодно оказав помощь беженцам. Нужно сосредоточиться на делах насущных, решать вопросы по мере их поступления — только так я сохраню здравый рассудок.

— Недостаточно, — отвечает Цапля. — С другой стороны, вряд ли нам удастся незаметно вывезти из города слишком много еды — тогда нас могут поймать за руку. Если я еще пару раз наведаюсь на кухню, то раздобуду еще немного — как раз хватит, чтобы нагрузить каждого из нас.

Я киваю.

— Тогда действуй. Эрик и Хоа тоже поедут с нами, мы встречаемся с ними через час. Артемизия, сможешь разузнать, что говорят люди о землетрясении? Скорее всего, все готовы объяснить недавнюю тряску естественными причинами, но хочется знать наверняка.

Артемизия и Цапля кивают и быстро уходят, оставив нас с Блейзом наедине.

Я нервно сплетаю пальцы. Мы с Блейзом так давно избегали разговоров о его состоянии, что теперь я не представляю, с чего начать.

— Я не могу оставаться во дворце, Тео, — говорит юноша после минутного молчания. — Могу поселиться в палатке за пределами городских стен, на приличном расстоянии, чтобы никому не навредить. И в то же время буду достаточно близко, чтобы помочь тебе в случае необходимости.

— И ты оставишь меня здесь одну?

Молодой человек морщится:

— Не говори так. Ты не будешь одна, с тобой останутся Цапля и Артемизия.

— Это не одно и то же. Они относятся ко мне не так, как ты. Мы с ними не были знакомы до Вторжения. Ты мне нужен, Блейз. — Мой голос дрожит, я качаю головой. — Сначала отправимся в лагерь, постараемся что-то выяснить. Если после этого ты не передумаешь, я не стану тебя останавливать.

Юноша качает головой.

— Нельзя расспрашивать об этом первых встречных. Если кто-то узнает...

— Цапля и Артемизия знают, и ничего не сделали, — замечаю я. — Они не изменили своего отношения к тебе.

— Потому что они — мои друзья. Но даже Артемизия станет смотреть на меня в другом свете, если такое повторится. Что уж говорить о незнакомых людях? Они постараются убить меня на месте.

— Что ж, значит, мы не будем рассказывать им о тебе. Просто зададим несколько гипотетических вопросов, в целях повышения образованности.

— Такие расспросы вызовут подозрения.

— Тогда мы обставим разговор так, чтобы этот вопрос казался не главным. — Мне в голову приходит одна идея. — Попробуем выяснить, известно ли кому-то о случившемся с Кресс, спрашиваем, могла ли она получить дар Оуззы, выпив зелье энкатрио. Начнем с этого.

Блейз натужно смеется, но не спорит, а это уже что-то.

— Скорее всего, мы ничего не узнаем, — вздыхает он, поигрывая браслетом с камнями земли, который я ему дала. Как же давно это было. Обычно Блейз носит браслет в кармане, но сейчас перека-

тывает в пальцах. — Нет лекарства от рудничного безумия.

Мне хочется сказать: «Это не рудничное безумие», но теперь я уже в этом не уверена. В конце концов, что есть рудничное безумие, как не отсутствие способности контролировать свою магическую силу? Возможно, дар — это вовсе не благословение. Может быть, это две стороны одной медали. Я вдруг понимаю, как мало знаю о собственной стране. Хотя я уже не ребенок, мои знания о богах и шахтах остались на том же уровне, что и десять лет назад.

Блейз так сильно сжимает браслет, что побелели костяшки пальцев.

— Возможно, тебе не стоит носить браслет с собой, — говорю я, кивая на украшение. — Возможно, он только ухудшает твоё состояние.

Блейз сжимает пальцы ещё крепче.

— Нет, он мне помогает. Чаще всего с ним мне легче.

Я прикусываю губу.

— Я не могу тебя потерять, Блейз. Если есть хоть малейший шанс тебе помочь, мы им воспользуемся.

Сначала Блейз ничего не говорит, только на скулах перекатываются желваки. Наконец он кивает.

— Хорошо, Тео. Мы попробуем. Но если ничего не выйдет, я уеду.

При мысли об этом мне становится нехорошо, но я киваю, потом нерешительно подхожу к юноше и снова обнимаю. Сначала он стоит неподвижно, но потом расслабляется и тоже обнимает меня, так осторожно, словно я — хрупкая ваза, которая того и гляди разобьётся.

— Я тебя люблю, — говорю я, утыкаясь лицом ему в плечо. Вероятно, я снова манипулирую Блейзом, прибегаю к запрещённым приемам, но все рав-

но я сказала только правду. Мне приятно произносить эти слова.

Блейз, кажется, перестает дышать, и я снова испытываю чувство вины. Как бы ни были правдивы эти слова, я произнесла их сейчас не просто так. Я говорю ему то, что он хочет услышать, чтобы получить то, что мне нужно.

Отбросив чувство вины, я полностью сосредотачиваюсь на Блейзе. Он должен сражаться, несмотря ни на что. Без него я не смогу выжить. Я не хочу без него жить. Он нужен мне живым, здоровым и счастливым, мне нужно, чтобы он был рядом, чтобы помог мне вернуть наш дом, спасти наш народ и отомстить за наших родителей.

— Я тоже тебя люблю, Тео, — говорит он едва слышно.

Я уже это знаю, и все же эти слова порождают в моей душе приятный трепет. Слегка отстранившись, я заглядываю ему в лицо.

— Тогда не смей меня бросать. Мне все равно, даже если сама Глайди явится за тобой и попытается забрать в Посмертие. Скажи ей: «Не сегодня». Слышишь меня?

Блейз сглатывает.

— Я тебя слышу.

Эти слова мало что значат; мы оба знаем, что люди не вольны выбирать время своей смерти — мы слишком многих безвременно потеряли. И все же приятно ненадолго притвориться, что мы можем обмануть смерть.

МАСКИРОВКА

Позавтракав и переодевшись, мы вчетвером отправляемся к главному входу во дворец на встречу с Эриком и Хоа. Солнечные лучи ослепляют, и, едва выйдя за порог, я вынуждена заслонять глаза ладонью. Артемизия доложила, что ущерб от землетрясения, к счастью, минимальный: кое-где выпали кирпичи с фасадов башен, да потрескались фрески. Еще в некоторых покоях дворца разбились безделушки и вазы, упало несколько канделябров, кое-где треснула плитка на полу. Ничего серьезного, все это король Этристо быстро восстановит.

«На этот раз ничего серьезного», — думаю я и поспешно отбрасываю эту мысль.

— Королева Теодосия, — раздается чей-то голос. Когда глаза немного привыкают к яркому свету, я понимаю, что ко мне обращается Колтания. Сегодня на ней красное шелковое платье, очень облегающее, подчеркивающее грудь и крутой изгиб бедер.

Я испытываю облегчение — хорошо, что это она, а не кто-то из ста'криверийских придворных — и в то же время чувствую укол раздражения. Почему она тут разгуливает, в то время как Сёрен сидит в тем-

нице? Ей сейчас следует готовить сыворотку правды, чтобы мы могли доказать невиновность принца. Вряд ли можно работать в таком платье.

— *Салла Колтания*, — говорю я, заставляя себя улыбнуться.

Она тянется ко мне, берет за руку, а потом целует в обе щеки. При виде моего удивления смеется.

— *Орианский* обычай, так мы приветствуем друзей, — поясняет она. — Прошу прощения — старая привычка.

— Все в порядке, — говорю я, хотя чувствую, что на щеках остались следы ярко-красной помады. Подавляю желание немедленно их стереть. Конечно, это не то же самое, но на ум сразу приходит кайзер, пачкавший меня пеплом на пирах — он оставлял на мне следы пальцев, чтобы заклеить.

— Вы почувствовали землетрясение утром? Довольно пугающе, зато в остальном день просто чудесный. Мы с *Марценом* собирались устроить еще один пикник, и вы непременно должны к нам присоединиться. — Она бросает взгляд на *Теней*, стоящих у меня за спиной. — *Ваших...* спутников мы тоже будем рады видеть, разумеется.

Я принужденно улыбаюсь.

— Землетрясение было пугающее, но, я так понимаю, в здешних краях это обычное дело. — Вообще-то, я понятия не имею, так ли это. — *Колтания* хмурится, но я не даю ей возможности оспорить мое утверждение. — Очень мило с вашей стороны пригласить меня, но, боюсь, я решила не встречаться с соискателями моей руки, пока принц *Сёрен* находится в темнице. В конце концов, он мой советник по дипломатическим вопросам, и в этих делах мне нужен его совет. Уверена, вы понимаете, что это решение далось мне нелегко.

Колтания приподнимает брови.

— Не думала, что его помощь в подобных вопросах так вам необходима, ваше величество.

Я смеюсь.

— А зачем еще мне держать его при себе? — Я делаю вид, будто удивлена. — О, *салла* Колтания, только не говорите, что поверили в эти слухи.

Мгновение сестра канцлера смотрит на меня так, словно борется с собой, потом улыбается и подмигивает.

— Какие слухи?

Я меняю тему.

— Я так понимаю, именно вы помогаете фармацевтам короля Этристо готовить сыворотку правды?

— Да, это меньшее, что я могу сделать, чтобы добраться до истины. После ужасной гибели эрцгерцога Этмонда... и после того, что едва не случилось с вами!

— Это трагедия, — соглашаюсь я. — Рада, что вы помогаете. С вашим научным опытом, уверена, имя Сёрена будет очищено очень быстро, и мы снова сможем вернуться к делам.

Колтания склоняет голову набок.

— Разумеется, ваше величество. Сделаю все от меня зависящее, хотя на изготовление сыворотки может уйти от нескольких дней до одной недели, в зависимости от того, как скоро мы сможем получить некоторые редкие ингредиенты.

Я беру ее за руку и пожимаю.

— Полагаюсь на ваши таланты. Прошу, повеселитесь на пикнике и передайте брату мой привет. Надеюсь, я скоро смогу вновь проводить время с вами и канцлером Марценом.

Распрощавшись с Колтанией, я спускаюсь вниз

по дворцовой лестнице; Артемизия идет рядом со мной, а Цапля и Блейз немного отстают.

— Положа руку на сердце, глядя на тебя невозможно определить, нравится она тебе или нет, — замечает девушка.

— Думаю, я и сама этого не знаю, — признаюсь я. — Во всяком случае, я ее уважаю.

Пока мы спускаемся по лестнице, я оглядываю толпу, высматривая Эрика и Хоа. Мне казалось, они будут выделяться в своих горакийских нарядах, но их нигде не видно. Когда мы доходим до подножия лестницы, к нам подходят два человека, с ног до головы одетых в светло-бежевые одежды: на головах у них капюшоны, так что лица скрыты тенью. Вначале я предполагаю, что это два манадолских жреца — те всегда носят мрачные, строгие одеяния, даже в удушающую жару, но потом один из незнакомцев приподнимает капюшон, и я с изумлением понимаю, что это Эрик. Значит, второй человек в плаще, тот, что пониже, это Хоа.

— Прекрасная маскировка, — говорю я Эрику по-кейловаксиански. — Хотя, по-моему, это слегка чересчур.

— Тебе легко говорить, — бормочет он. — Ста'криверийцы не плюют тебе вслед и не называют тебя *энта крастен*.

Я хмурюсь:

— «*Энта крастен*»?

Эрик краснеет.

— Насколько я понимаю, это значит «проклятые». Кажется, жители винят нас в сегодняшнем землетрясении. Похоже, в Ста'криверо уже несколько веков не случалось таких катаклизмов.

Я изо всех сил стараюсь выглядеть невозмутимой.

— Вот как? Сёрен сказал, что ста'криверийцы считают беженцев проклятыми, что их держат за городскими стенами, дабы их невезение не переда-лось жителям.

Как будто завоевание Гораки кайзером и последующее разграбление кейловаксианской армией — это болезнь, передающаяся от человека к человеку, от страны к стране.

— Тогда вам лучше не снимать капюшонов, — говорит Цапля Эрику, поглядывая по сторонам — не наблюдает ли кто-то за нами.

Эрик вздыхает и снова натягивает на голову капюшон, предварительно подмигнув Цапле.

— Как жаль, что приходится скрывать от мира мой светлый лик, но, полагаю, ты прав.

Скосив глаза, я замечаю, что лицо у Цапли становится цвета клубничного варенья.

* * *

Эрик, Хоа и я отстаем, дабы Блейз, Цапля и Артемизия могли подкупить конюхов и добыть нам лошадей, так чтобы меня и горакийцев не узнали в конюшнях. Увы, нам удастся получить только трех скакунов. Мне, конечно, все равно, поскольку самостоятельно ездить верхом я не умею, но Эрик выглядит оскорбленным от перспективы ехать на коне в качестве пассажира.

— В последний раз меня так катали в детстве, — заявляет он.

— Я могу поехать с вами, мне все равно, так что можете править лошадью, — говорит Цапля. Он смотрит Эрику в глаза и тут же опускает взгляд. — То есть... если вы не против поехать со мной. Вы мо-

жете поехать с Блейзом, конечно, или с Артемизией, только вряд ли они позволят вам править.

Сначала Эрик смотрит на Цаплю с удивлением, будто не зная, что сказать, но потом говорит:

— Хорошо, спасибо.

Цапля пожимает плечами и опять отводит глаза.

— Тогда Тео может поехать со мной, — говорит Артемизия по-астрейски, опередив Блейза. — Блейз, ты повезешь Хоа.

Хоа выглядит смущенной, потому что поняла только свое имя. Я быстро перевожу для нее слова девушки.

Женщина размышляет пару секунд, потом кивает.

— Молодой человек подойдет, — говорит она мне.

— Как бы это ни было неприятно, думаю, нам лучше не говорить по-астрейски, чтобы все друг друга понимали, — предлагаю я. — Иначе придется все время переводить наши слова для Эрика и Хоа.

Артемизия закатывает глаза.

— Ненавижу разговаривать на этом языке, — заявляет она на кейловаксианском с сильным акцентом, коверкая некоторые слова. — Я как будто снова подвергаюсь насилию.

Хоа глядит на девушку так, словно видит впервые.

— Мне жаль, — говорит она. Ее кейловаксианский лучше, чем у Артемизии, хотя в ее речи ощущается неуверенность.

Артемизия выглядит удивленной и немного смущенной — непривычно видеть ее такой, и я откровенно люблюсь новым для меня зрелищем.

— Все в порядке, — отвечает она. — Я лишь хотела сказать... Я ничего против вас не имею, просто жаловалась.

— Жаловаться Артемизия любит, — говорю я Хоа. — Не принимай на свой счет.

Артемизия пронзает меня гневным взглядом, но не протестует, просто щиплет меня за руку.

— А за это я буду скакать очень быстро, — сулит она.

Мой желудок судорожно сжимается.

— Тогда меня вырвет на тебя, — отвечаю я.

Хоа смеется — я впервые слышу ее смех. Этот мелодичный звук подобен пению птиц на рассвете. Он прекрасен.

ОДЖО

Похоже, моя угроза сработала: Артемизия явно не хочет, чтобы меня на нее стошнило, и скачет быстро, но не срывается в бешеный галоп. За все время поездки по пустыне я чувствую себя довольно сносно.

Когда мы приезжаем на место, Цапля, Блейз и Эрик сгружают с лошадей мешки с едой, а Хоа, Артемизия и я идем к калитке. Не удержавшись, я напоследок оборачиваюсь и смотрю на Блейза, пытаюсь понять, успокоился ли он после утренней вспышки, однако юноша выглядит как обычно, и это успокаивает меня, но в то же время тревожит.

Как и в прошлый раз, у калитки стоят стражники с безразличными, суровыми лицами, каждый вооружен кривым мечом. Когда мы подходим ближе, охрана едва достаивает нас взглядами.

— Мы приехали... — начинаю я, но умолкаю. Что мы там говорили в прошлый раз? — Нанять рабочих. Еще мы привезли оплату за уже сделанную работу. — Я указываю на мешки с едой.

Стражники обмениваются недоверчивыми взглядами, но, очевидно, им настолько все равно, что они предпочитают не разоблачать мою ложь. Недовольно

вздыхая, они открывают калитку и пропускают нас внутрь.

И вновь мне в лицо словно ударяет стена жара, зловоние шибает в нос. На этот раз я готова и никак не реагирую, а вот Хоа не ожидала такого. Она морщится, кашляет, закрывает нос и рот рукой, пытаясь спрятаться от вони. Женщина оглядывает убогий лагерь: разваливающиеся лачуги, грязные улочки, людей в рваной, замызганной одежде, многие из которых так худы, что кости выпирают из-под кожи, и несчастные похожи на выходцев из загробного мира.

Сначала темные глаза Хоа глядят с ужасом, отвращением и печалью, но очень быстро выражение ее лица меняется — она прячет свои чувства под маской непроницаемого спокойствия.

Внезапно я понимаю, что до нашего с ней знакомства она жила другой жизнью: будучи императорской дочерью, она обучена стойко справляться с любыми ситуациями, всегда ходить с высоко поднятой головой, проявлять дипломатические качества. Если задуматься, в детстве я никогда не видела, чтобы она выказывала обиду или огорчение.

— Здесь есть беженцы из всех стран, завоеванных кейловаксианцами, — поясню я. — Некоторые семьи живут тут поколениями. Они говорят на своем языке, это причудливая смесь из слов разных народов. И здесь существует совет старейшин, по одному от каждой страны. Именно с ними мы должны встретиться.

К нам подбегает стайка детей, тех самых, которых мы видели в прошлый раз: они протягивают руки, широко улыбаются, показывая плохие зубы. Я не могу сдержать улыбку, хотя при виде их выпирающих ребер и грязных мордашек у меня сжимается

сердце. Порывшись в карманах, я достаю пригоршню драгоценных камней, которые оторвала от платьев из гардероба, и даю каждому ребенку по камешку. Дети дергают меня за юбку, тянут за руки.

— *Оджо!* — кричит один из них, и остальные быстро подхватывают. Они нараспев произносят это слово, пока их голоса не сливаются в дружный хор.

Стоящая рядом со мной Хоа замирает, я не знаю значения этого слова, а Хоа, очевидно, знает. Женщина кашляет.

— «Принцесса», — поясняет она. — Так в Гораки именовали дочерей императоров. Когда-то и меня так называли, а теперь так обращаются к тебе, хотя ты больше чем принцесса. Они этого еще не знают, но ты им покажешь.

В голосе Хоа звучит такая вера в меня, какой сама я не испытываю. Мы столько лет страдали бок о бок, и все это время Хоа была для меня чужой, обреченной на молчание, держалась со мной отстраненно, чтобы защитить. Зато я не была ей чужой: я была девочкой, которую она ежедневно купала, одевала, укладывала спать по вечерам. Меня она видела чаще, чем собственного сына.

Я беру ее за руку и крепко пожимаю. В глазах женщины блестят слезы, и она быстро смаргивает их, не дав пролиться.

— *Оджо Хоа,* — говорит она так тихо, что я едва слышу. Впрочем, она ни к кому не обращается, слова предназначены исключительно для ее собственных ушей. Ей хочется услышать свое имя и титул, отнятые у нее много лет назад, так же как отняли имя у меня.

— Мы ищем старейшин, — обращаюсь я к детям по-астрейски.

Малыши непонимающе хлопают глазами, неуверенно переглядываются. Очевидно, они поняли разве что слово или два.

— Можешь спросить у них по-горакийски, где сейчас старейшины? — прошу я Хоа по-кейловак-сиански.

Она кивает и переводит мой вопрос. В глазах детей отражается понимание, кажется, они сопоставили астрейские и горакийские слова.

Одна из старших девочек, лет девяти на вид, берет меня за руку и ведет по улице. Один из младших мальчиков цепляется за вторую руку, и, обернувшись, я вижу, что Хоа и Артемизию дети тоже взяли за руки. Даже выражение лица Артемизии смягчается, когда один из малышей тянет ее за руку и улыбается, демонстрируя отсутствие одного из передних зубов.

Дети ведут нас по грязным улочкам, и я напоследок бросаю взгляд на юношей. Блейз, Цапля и Эрик вошли в калитку и сгружают с лошадей мешки с едой, а группа беженцев наблюдает за ними голодными глазами. Не представляю, как поровну разделить привезенную нами еду — ее недостаточно. Это словно повязка, которую накладывают на открытую рану, не более того.

Я смотрю на детей, держащих меня за руки: они так крепко цепляются за меня, словно боятся, что я убегу. Наверняка я могу сделать для них больше, но пока не знаю, что именно. Наверное, еще никогда в жизни я не чувствовала себя такой беспомощной, даже когда Тейн стоял надо мной с кнутом.

Дети приводят нас к той же хижине, что и в прошлый раз. Едва мы подходим к двери, как та открывается; на пороге стоит, подбоченившись,

Талла, по ее лицу невозможно угадать, о чем она думает.

— Опять ты, — говорит она по-астрейски с сильным акцентом. Женщина косится на Артемизию, потом на Хоа. — И на этот раз ты привела новых друзей. Здесь не парк, в котором можно развлекаться, знаешь ли.

Я ощущаю, как жар приливает к щекам.

— Мы привезли еду, столько, сколько смогли раздобыть. Конечно, этого все равно недостаточно, но... это все, что мы смогли увезти.

Ноздри женщины раздуваются, она смотрит на меня так пристально, что мне, вероятно, полагается окаменеть на месте.

— Это Хоа, — представляю я свою спутницу, видя, что Талла молчит.

Осознав, что речь о ней, Хоа слегка выпрямляется, чуть-чуть приподнимает подбородок.

— Оджо Хоа, — называется она. — *Та Гораки*.

Что-то мелькает в глазах Таллы.

— Было время, когда я и помыслить не могла, что встречу принцессу, а теперь вы, похоже, повсюду.

— Вообще-то, я королева, — говорю я, несмотря на то что на ум приходят слова Бича Драконов. «Королева канувшей в небытие страны». Я отбрасываю эту мысль, но совсем забыть о ней не получается.

Талла смеется и открывает дверь шире.

— Хорошо, королева. Входите, вы трое, — бросает она нам, потом смотрит на детей и говорит что-то по-горакийски, взмахивая руками. Малыши хихикают и разбегаются в разные стороны, а мы входим в хижину.

Все старейшины здесь. Наверное, они все живут в этой крошечной лачуге. Сандрин сидит на потертом матрасе с книгой в руках — у томика

такой вид, словно в нем не хватает половины страниц. Услышав наши шаги, старейшина поднимает голову, и у него между бровями обозначается морщинка.

— Ваше величество, — говорит он, вставая. — А я-то думал, вы больше нас не посетите.

Меня охватывает чувство вины, хотя я и знаю, что приехать раньше не было возможности. Быть может, мне не следовало отсюда уезжать. Не важно, как прекрасен ста'криверийский дворец: думаю, мне спокойнее здесь. Тут я могу помочь своему народу, раздавая еду и украшения, чиня соломенные крыши, вместо того чтобы продавать себя незнакомому правителю чужой страны. Вот только вечно таскать еду и латать крыши не получится. По-настоящему помочь своим людям я могу, лишь вернув им страну, которую они смогут назвать домом.

— Простите, — отвечаю я. — Мне трудно выбраться из дворца, но мы привезли с собой еду. Блейз и Цапля разгружают ее, им помогает... друг. Эрик.

Сандрин выглядит озадаченным.

— А принц не с вами? Мы его так напугали?

Судя по голосу, никаких угрызений совести он по этому поводу не испытывает. Кажется, он даже улыбается уголком рта.

— Сегодня он занят другими делами, — говорю я. — Зато со мной приехала оджо Хоа из Гораки, вот она. Ее сын, император, помогает разгружать еду возле калитки.

Сандрин смотрит на Хоа, но прежде чем он успевает что-то сказать, раздается новый голос.

— Оджо, — едва слышно говорит какой-то человек. Это горакиец, его черные волосы острижены так

коротко, что под ними проглядывает кожа черепа. Лицо у него осунувшееся. — Оджо Хоа.

Хоа смотрит на него, словно не веря своим глазам, а потом оседает на земляной пол. Мужчина снова зовет ее по имени, поднимает голову, и я вижу, что из его темно-карих глаз текут слезы. Мгновение Хоа потерянно глядит на него, потом обводит взглядом комнату, поднимается, подходит к соотечественнику и, прикоснувшись к его щеке, что-то успокаивающе говорит по-горакийски. Ее речь подобна журчанию ручейка. Человек с жаром кивает, пожирая Хоа глазами. Наконец женщина встает, берет мужчину за руку и заставляет подняться. В ее взгляде появляется железная решимость.

— Этого недостаточно, — говорит она мне по-кейловаксиански. Я не понимаю, что она имеет в виду, и тогда Хоа кашляет и начинает сначала. — Одной еды недостаточно. Еще мы должны дать им надежду.

Хоа настаивает на том, чтобы осмотреть весь лагерь, и мне ничего не остается, кроме как пойти с ней. Не знаю, как ей удастся видеть все это уродство и боль, поминутно не вздрагивая, как она может просить, чтобы ей показывали все больше и больше. Я не желаю больше видеть весь этот ужас, хочется повернуться и убежать, а через несколько дней привезти еще еды — если я смогу вырваться. Мне не хочется вникать в каждую мелочь здесь, в отличие от Хоа. Это невыносимо.

Я все равно следую за ней, и мы переходим от лачуги к лачуге, проходим одну улочку за другой; я стараюсь копировать осанку Хоа, ее манеру держаться, ее спокойное выражение лица.

«Еще мы должны дать им надежду», — сказала она, будто надежда — это нечто материальное, и ее можно пронести сюда в корзинке, перевязанной ленточкой. Не так-то просто делиться надеждой с другими, в то время как моя собственная надежда умирает.

Когда я говорю об этом Артемизии, та качает головой.

— Надежда заразительна, — отвечает она. — Если у тебя ее достаточно, она распространяется сама собой.

МИНА

Вернувшись в дом старейшин, я вновь застаю Сандрина за чтением. Он бросает на меня быстрый взгляд и снова возвращается к чтению. Я почти готова счесть это грубостью, но стараюсь не принимать на свой счет. Если судить по потрепанности книги, в этом томике, должно быть, рассказывается увлекательная история. Я осторожно присаживаюсь на матрас рядом с Сандрином и жду, когда он закончит. Наконец он откладывает книгу, заложив страницу обрывком бумаги.

— Вы умеете читать? — спрашивает он.

Я хлопаю глазами.

— Конечно, — отвечаю я и тут же прикусываю губу. — То есть я бегло читаю по-кейловаксиански. Немного умею разбирать астрейские тексты — когда мне было шесть, учитель очень меня хвалил, но теперь... что ж, полагаю, сейчас я читаю весьма посредственно. Мне запрещали говорить, писать и читать на родном языке.

Сандрин поджимает губы.

— Тогда придется вас научить, когда будет время.

Не представляю, когда у меня найдется на это время, но вслух об этом не говорю. Это великодушное предложение, и я принимаю его с улыбкой.

— Ваша подруга пользуется огромной популярностью, — говорит Сандрин. — Где она сейчас?

— Хоа помогает распределять еду, — отвечаю я. — Старейшины опасались, что возникнет столпотворение, но она успокаивает и организует толпу.

Сандрин кивает.

— У нее дар располагать к себе людей. В Астрее мы сказали бы, что она настоящая *сторака*.

— Дитя солнца? — спрашиваю я, вычленив два корня этого слова.

— В конце концов, кто же не любит солнце? Некоторые люди подобны этому светилу: от них исходят свет и тепло, согревающие всех вокруг, они легко могут подружиться с незнакомцем, просто улыбнувшись. Вы — не *сторака*.

Следовало бы обидеться, но нельзя отрицать, что Сандрин прав: у меня нет дара Хоа. Меня непросто полюбить.

Сандрин смотрит на меня оценивающе.

— Есть одна астрейская сказка про крольчиху и лису, возможно, вы слышали ее в детстве?

В памяти всплывают обрывочные воспоминания: жила-была крольчиха, хотевшая всем угодить. В обществе свинок она каталась в грязи, общаясь с курами, втыкала себе в шерсть перья и рисовала на своей шкуре пятна, чтобы понравиться корове. А потом она повстречала лисицу.

— Лиса сказала, что больше всего крольчиха понравится ей, если прыгнет в котел с кипящей водой, — говорю я. Крольчиха прыгнула в котел и сварилась заживо, а лиса съела ее на ужин.

Сандрин мрачно улыбается:

— Нельзя угодить всем, не потеряв самого себя. А вас окружают лисы. Что сделает вас счастливой?

— Все не так просто, — уныло отвечаю я. — Дело не только во мне, но еще и во всех этих людях. — Я указываю на дверь, за которой раскинулся лагерь, полный голодных беженцев. — Народ Астреи влачит жалкое существование в цепях. Мое счастье не имеет значения, если на другой чаше весов окажется мой народ.

Сандрин недолго размышляет.

— И какую цену вы можете заплатить, чтобы спасти их?

— Цена... — начинаю было я, но умолкаю. — Цена — это брак с чужим мне человеком, обладающим сильной армией, способной разгромить кайзера.

Я жду, что Сандрин станет возражать, напомним, что королевы не выходят замуж, но он молчит, потом похлопывает меня по руке.

— Это непростое решение.

— Так и есть, — сдавленно отвечаю я и смагиваю подступившие слезы. Успокойся, вспомни, зачем ты хотела с ним поговорить. — Сандрин, у вас есть знакомые, знающие что-нибудь про Защитников?

Он убирает руку и выпрямляется.

— А что вас интересует?

Я колеблюсь, вспоминая предостережение Блейза. Отбросив сомнения, я говорю, тщательно подбирая слова:

— Была одна кейловаксианская девушка, с которой я подружилась, — во всяком случае, думала, что мы подруги. На самом деле я не понимаю, что за отношения нас связывали. Перед побегом я отравила ее и ее отца зельем энкатрио; отец умер, но она выжила.

Сандрин замирает.

— Выжила, — повторяет он. — Но девушка изменилась.

Я киваю.

— Под воздействием зелья она стала очень пугающей и... у нее есть дар Оуззы.

Сандрин смотрит на меня с нечитаемым выражением лица.

— Это невозможно, — говорю я, но Сандрин молчит. — Оузза никогда бы не благословил кейловаксианку. Он позволил бы яду сделать свое дело.

Сандрин улыбается, мрачно и натянуто.

— Пытаться постичь замысел богов — прямой путь к безумию.

— Нет, — повторяю я. — Не верю, что такое возможно. Не верю...

Я умолкаю, потому что у меня нет другого выбора, кроме как поверить. Я же все видела собственными глазами, чувствовала, как раскалились прутья от прикосновения Кресс.

— Так что же делать? — спрашиваю я. — Какая-то кейловаксианка обладает такой силой... А теперь она стала кайзериной.

— У меня нет ответа на этот вопрос, — признает Сандрин. — Думаю, вы и сами знаете ответ.

Я сглатываю.

— Хотите сказать, мне придется ее убить.

Мне уже не в первый раз говорят такое, но в прошлый раз Кресс была ни в чем не виновата. Она была просто юной девушкой, любила красивые платья и хотела замуж за принца. При мысли о том, что придется ее убить, мое сердце по-прежнему сжимает холодная рука ужаса, но теперь все по-другому. Сандрин прав, в глубине души я понимаю: остановить Кресс можно, лишь убив ее. Все мучившие меня кошмары заканчивались одинаково — Кресс

отнимала у меня жизнь. Ясно, что в этих снах есть доля истины.

Я поскорее стараюсь отрешиться от этой мысли, пока Сандрин не заметил, как тяжело мне об этом думать.

— И еще... — Я снова умолкаю, не зная, как лучше сформулировать вопрос. Блейз был прав: если кто-то заподозрит, что его состояние нестабильно, его убьют. Я не настолько наивна, чтобы предполагать, будто Сандрин станет рассуждать по-иному. — Вы когда-нибудь слышали о человеке, который заразился рудничным безумием и выжил?

Сандрин хмурится:

— В одной этой фразе уже заключено противоречие. Рудничное безумие всегда заканчивается смертью. С другой стороны, полагаю, в конечном счете смерть приходит за каждым из нас, так что, вероятно, тут есть над чем подумать. Как долго человек находится в этом состоянии?

— Это не... Я интересуюсь чисто гипотетически.

Сандрин явно не верит мне. Секунду я жду, что он потребует подробностей, но наконец он качает головой.

— Рудничное безумие это не болезнь, даже если мы воспринимаем его как недуг. Это действие сокрытой в шахтах магии; одни люди справляются с ней, другие — нет.

— Все зависит от благословения богов, — говорю я, кивая. Именно так меня учили в детстве.

Сандрин задумчиво склоняет голову набок.

— Да, это самое распространенное объяснение. Я и сам выбрал его в качестве основного, но есть и другие версии, менее поэтичные. Некоторые люди верят, тут играют роль другие факторы: кровь чело-

века, телосложение. Возможно, и в этом есть доля истины.

— Если это некая философская теория, мне она неинтересна, — говорю я. — Выходит, лишь одно из этих объяснений истинно?

— Я всегда считал, что каждое верование основывается на какой-то доле истины. В нашем случае мы, возможно, никогда не узнаем ответ, поэтому вера — единственная правда, что нам остается.

Я чувствую досаду.

— Это не ответ, все эти рассуждения лишь порождают еще больше вопросов. Вы когда-нибудь слышали, чтобы человек, страдавший рудничным безумием, выжил?

Сандрин глядит на меня с тревогой, потом качает головой:

— Нет. Никогда не слышал, чтобы рудничное безумие длилось больше трех месяцев — после этого срока гибель неминуема.

«Гибель неминуема». Красивая формулировка, звучит приятнее, чем «смерть».

— Как протекает это состояние? — спрашиваю я. Не уверена, что хочу слышать ответ.

Старейшина качает головой.

— Однажды я видел это своими глазами, за несколько лет до Вторжения. Один несчастный испугался и бежал из храма, поняв, что у него рудничное безумие. До Вторжения таких неудачников убивали, хотя, полагаю, такая смерть становилась избавлением. И все же тот человек запаниковал и убежал в ближайшую деревню в поисках убежища. Когда он окончательно потерял контроль над силой, никто, кроме него, не пострадал, и все же зрелище было ужасное. В итоге от него мало что осталось, а деревеньку стерло с лица земли. Лучше вам не знать

подробностей, и, надеюсь, вам никогда не придется видеть ничего подобного.

Хочется потребовать подробностей, но я сдерживаюсь. Не стоит обременять себя такими ужасами, иначе всякий раз, закрывая глаза, я буду представлять, как Блейза постигает та же участь. Как ни ужасны кошмары, в которых Кресс меня убивает, лучше они, чем гибель Блейза.

— А если это состояние длится дольше трех месяцев? — продолжаю настаивать я. — Что, если человек выжил в шахтах... человек, обладающий даром Защитника, который не способен контролировать свою силу?

И снова Сандрин долго молчит, взгляд у него становится отсутствующий.

— Это опасно? — спрашивает он.

Я выжидаю, хотя ответ мне известен. Всего несколько часов назад Блейз чуть не разрушил столицу Ста'криверо. Сколько людей погибло бы, не прекратись землетрясение? Вряд ли кто-то выжил бы.

— Пока никто не пострадал, — уклончиво отвечаю я.

Это полуправда, и Сандрин, кажется, понимает это. Он со стоном поднимается на ноги и протягивает мне руку.

— Идемте. Хочу вас кое-кому представить.

Сандрин ведет меня по лабиринту кривых улочек. Вокруг никого, поскольку все ждут еду у калитки, но в повисшей над лагерем тишине присутствует что-то тревожное. Сейчас поселение как никогда похоже на мертвый город. При мысли об этом я, сдерживая дрожь, ускоряю шаг, чтобы не отстать от Сандрина.

Наконец он приводит меня к покосившейся хижине с просевшей крышей и дверью, едва-едва за-

крывающей вход. Впрочем, старейшина проходит мимо двери и направляется к небольшому участку вскопанной земли, на котором произрастает несколько чахлых растений. Тут есть желтые перцы, фиолетовые баклажаны и бледно-зеленые зимние дыни. Приятно видеть этот разноцветный огородик на общем сером фоне.

Рядом с грядкой горит крохотный костерок, возле него сидит сторбленная женщина с короткими иссиня-черными волосами. Над огнем висит чугунный котел, закрепленный на ржавых железных прутьях.

— Мина, — говорит Сандрин, когда мы подходим ближе. Женщина оборачивается и сердито глядит на нас через плечо, но при виде Сандрина ее взгляд теплеет.

— Хочешь принести пользу? — спрашивает она, кивая на лежащий на земле холщовый мешок, наполненный продолговатыми, оранжевыми картофелинами. — Их надо почистить.

— Вообще-то, мы пришли поговорить, — отвечает Сандрин и кашляет. — О шахтах.

На лице Мины появляется какое-то странное выражение.

— Тогда можешь чистить и говорить. Погоди-ка.

Она снова поворачивается к костерку, протягивает к нему руки и проделывает какие-то пассы. Огонь тут же начинает гореть сильнее, и вот уже языки пламени лижут дно котла. Поблизости нет ни огня, ни спичек.

— Вы — Защитница, — не сдерживаюсь я.

Еще одна Защитница! К тому же явно прошедшая обучение до Вторжения, раз умеет обращаться со своей магической силой. Значит, она знает о даре и богах гораздо больше, чем Цапля, Артемизия или Блейз. Вдобавок это огненная Защитница! Я вспо-

минаю, как мои руки нагревались, как пальцы начинало покалывать, думаю об обугленных отпечатках ладоней, оставшихся на моей простыне. Возможно, у этой женщины есть объяснение этому феномену.

Мина опять поворачивается к нам, но на этот раз смотрит на меня.

— А это еще кто? — резко спрашивает она.

— Это королева Теодосия, — отвечает Сандрин.

Мина хмурится.

— Нет никакой королевы Теодосии, есть просто перепуганная маленькая принцесса, полностью зависимая от кайзера.

— Я же рассказывал тебе о приезде королевы, помнишь? — подсказывает Сандрин.

— Еще бы мне не помнить, весь лагерь только об этом и судачит. Это ничего не меняет. Ты не королева, — говорит она мне. — Нельзя быть королевой страны, которой больше нет.

Примерно такие же слова бросила мне в лицо Бич Драконов, но в голосе этой женщины нет ядовитой насмешки, разве что грусть.

— Сандрин сказал, вы можете мне помочь, — говорю я. — И он был прав. Я не знала, что здесь есть Защитники, думала, кейловаксианцы всех убили после Вторжения.

Пару секунд Мина смотрит мне в глаза, потом отводит взгляд и качает головой.

— Я не Защитница, дитя.

Я хмурюсь:

— Но я же только что видела, как вы...

— Тебе ведь случалось встречать огненных Защитников прежде, да? Ты видела, как они вызывали огонь щелчком пальцев, играючи создавали огненные шары в ладонях, видела, как они касались пламени и оно их не обжигало?

Я киваю. Ребенком я часто наблюдала, как Ампелио проделывал все это и даже больше.

Мина кивает на костер:

— Это большее, на что я способна. И даже этот маленький фокус потребовал изрядных усилий. Что тебе известно о магии Защитников?

Я пожимаю плечами.

— Магия заключена в пещерах, протянувшихся под древними храмами... теперь эти пещеры стали рудниками. Некоторые люди, оставаясь долгое время в этих пещерах, получают благословение богов и наделяются даром, например, огненным. Но большинство не удостоиваются такой чести. Полученная сила сводит их с ума. У них начинается лихорадка, они не спят, их дар становится нестабильным и в конце концов убивает их.

Мина поджимает губы.

— Ты права, более или менее, хотя твои знания в этой области довольно поверхностны, а суждения незрелы — ты все делишь на черное и белое. В мире все не так просто, тем более магия.

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю я.

Женщина отвечает не сразу, оглядывается по сторонам, потом ей, кажется, приходит в голову какая-то идея. Она манит меня, предлагая приблизиться. Когда я подхожу к ней, она берет с земли ведро и поднимает повыше; на дне посуды плещется вода.

— Вот, осталось немного от запаса, что привезли в прошлый раз твои друзья, — поясняет она. — А теперь представь, что вода — это магия в шахтах. Вот такое ее количество вливается в каждого, кто проводит в пещерах долгое время. А теперь представь, что котел — это человек.

Она выливает содержимое ведра в котелок, тот оказывается наполненным примерно на три четверти.

— Про такого человека мы сказали бы: «Его благословили боги». Магия наполнила его, но не пролилась через край. Если бы человек оказался, так сказать, не таким вместительным, магии оказалось бы слишком много, тогда мы сказали бы: «Этого человека поразило рудничное безумие».

Я хмурюсь и говорю:

— Но это же бессмыслица. У меня есть подружка Защитница, и она примерно моего роста, а рудничным безумием страдали люди вдвое крупнее нас с ней.

— Она говорит, не о физических размерах, — поясняет Сандрин.

— Дело в личностных качествах, в свойствах души — уж и не знаю, как это назвать. Насколько мы можем судить, это не связано с генетикой, — добавляет Мина.

— «Мы»? — переспрашиваю я.

— До Вторжения я изучала пещеры вместе с группой интересующихся этим вопросом людей. Мне хотелось знать, что со мной произойдет.

— И что с вами произошло? — спрашиваю я.

Мина вновь поворачивается к котелку.

— Представь себе котел побольше. Магия все еще там, но она не заполняет всего человека. Она проникает в такого человека с трудом, по капле. Вот я, например, чувствую магию, но пользоваться ею в полной мере не могу. Если для ее применения мне приходится прилагать колоссальные усилия, то какой в этом смысл? Люди вроде меня недостаточно сильны, и не могли служить Защитниками, поэтому мы возвращались к обычной жизни. Позор, конечно, в каком-то смысле, раз боги тебя не выбрали, но ведь и не убили — просто не обратили на тебя внимания. Об этом никто не любил говорить. Ду-

маю, многих узников на рудниках постигла та же участь: они не умерли от рудничного безумия, но и благословенного дара не получили. Магия в них есть, но ее слишком мало, так что они практически ни на что не способны.

Я напряженно размышляю:

— Выходит, чтобы получить благословение богов, нужно быть «подходящего размера»?

— Некоторые верят, будто боги по-прежнему выбирают тех, кто способен вынести определенный объем магии, — говорит Сандрин, — что это именно боги благословляют определенных людей, выделяя их среди прочих.

— А другие считают, что все это непредсказуемо — так, воля случая, — добавляет Мина, пожимая плечами.

— Вы думаете, боги тут ни при чем? — удивленно спрашиваю я.

Мина отвечает не сразу.

— Не знаю, — признается она наконец. — Но если допустить, что боги выбирают тех, кого благословляют, это значит, что именно они виновны в гибели всех прочих, кому не повезло. Не верю, что боги способны на такую жестокость, а если способны, я не желаю почитать таких богов.

Как бы кощунственно это ни звучало, должна признать, что разделяю ее точку зрения.

— А если у человека есть дар, сильный дар — но этот человек не всегда может его контролировать, особенно когда злится? Человек не спит, у него всегда горячая кожа, но он находится в таком состоянии уже больше года?

Мина бросает взгляд на Сандрина, тот качает головой.

— Она утверждает, будто рассуждает чисто гипотетически, — поясняет он.

Женщина насмешливо фыркает.

— Тогда представь себе, что этот огонь — энергия, которую затрачивает человек, чтобы прибегнуть к магии. Что происходит с водой?

— Она кипит. — Я постепенно начинаю понимать, к чему она клонит.

— Точно. Вот я, например: чем больше прилагаю усилий, тем сильнее магия. Так кипящая вода булькает и идет пузырями у края котла. Так что если Защитник среднего уровня использует свою магию для больших дел, на протяжении долгого времени, кипящая магия дойдет до края котла. Говоришь, твой гипотетический друг сильнее остальных Защитников? Значит, когда он использует магию, прилагая слишком много усилий, либо слишком долго...

— Она выкипает, — заканчиваю я.

Мина кивает.

— Я читала о таких людях в древних текстах, но никогда таких не встречала.

Сандрин прочищает горло.

— Я слышал истории, в которых говорилось, что такие люди появлялись во время больших бед. Во время засухи на западе явился необычайно сильный Защитник воды, сумевший произвести достаточно воды, чтобы хватило целой деревне. Во время одного голода всех спас Защитник земли, сумевший сделать сухую, каменистую почву плодородной. Ученые отмечают, будто боги отвечали таким образом на молитвы народа.

— Что случилось с теми Защитниками? — спрашиваю я.

Сандрин и Мина переглядываются.

— Они использовали свои силы и спасли тысячи жизней, — отвечает старейшина.

— А потом выкипели, — заканчивает Мина.

Вопросов осталось еще много, но сейчас у меня нет сил думать об этом, так что я стараюсь не вспоминать о Блейзе и смотрю на Сандрина.

— А то, о чем мы говорили раньше? Энкатрио? Тут есть связь? Это зелье — вода из Огненного рудника, но людям, выпившим ее, случалось выжить. Как такое возможно?

— Это вне моей компетенции, — говорит Мина, качая головой. — Но, насколько я понимаю, в энкатрио сконцентрирован большой объем магии, больше, чем было в ведре, возможно, раза в два. Очень немногие могут с таким справиться.

— Но если они справляются, то становятся такими же одаренными, как те, кто провел долгое время в шахтах, — добавляет Сандрин.

— Даже более одаренными, — уточняет Мина. — Трудно сказать наверняка без исследований и тестов, но, полагаю, что этот твой гипотетический друг и второй выдуманный друг находятся в схожих ситуациях.

Одно мучительное мгновение я не думаю о том, что в таком случае Кресс уязвима или опаснее, чем я думала. Я не думаю о том, сколько у нее силы, скольким людям она может навредить. Я думаю лишь о том, что она, очевидно, страдает, так же как Блейз. Мне хотелось бы ей помочь, но потом я вспоминаю, что это не в моих силах.

— Еще один вопрос, — говорю я, стараясь рассуждать здраво. — Возможно ли, чтобы человек, никогда не приближавшийся к рудникам, не выпивший ни капли энкатрио, тоже обладал даром?

Сандрин смотрит на меня как баран на новые ворота, а в глазах Мины мелькает понимание.

— Этот человек, — говорит она. — Он — чисто гипотетически, разумеется, — примерно твоего возраста?

— Да, — отвечаю я. — А что? Какое это имеет значение?

— Еще до Вторжения начал распространяться странный феномен. Ходили слухи о детях, владеющих даром — весьма скромным, не идущим ни в какое сравнение с силой Защитников, даже меньшим, чем мой дар. Одна мать как-то рассказала мне, что ее сынишка, рассердившись, посмотрел на стакан воды, и вся вода выплеснулась. Еще одна женщина клялась, будто ее дочь так кричала, что опали все листья с деревьев в саду. Это все сведения из вторых рук, возможно, магия тут вообще ни при чем. И все же прослеживалась некая закономерность. Однако копнуть поглубже мы не успели: пришли кейловаксианцы.

Значит, могут быть и другие люди, похожие на меня. Мысль об этом одновременно сбивает с толку и успокаивает.

— Вам удалось узнать еще что-то до Вторжения? — спрашиваю я.

Мина качает головой.

— Но если этот твой воображаемый друг захочет найти ответы, возможно, я смогу ему помочь.

В глубине души мне хочется немедленно попросить ее о помощи, но я прикусываю язык. Сейчас это не главная моя забота. Со мной все хорошо, после того случая на корабле со мной не случилось ничего подобного. Вопреки всему я надеюсь, что такого вообще больше не повторится.

— Благодарю вас, — говорю я.

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ

Дорога обратно в город дается мне тяжелее, чем поездка в лагерь. Солнце стоит высоко в небе и светит так ярко, что обжигает кожу даже сквозь одежду. На полпути нам приходится остановиться возле огромных валунов, чтобы передохнуть в их тени. Артемизия создает ручеек, и все пьют вволю, но в жаркой пустыне вызвать воду непросто, и под конец Артемизия совершенно обессилена. Она садится на песок и прислоняется к каменному валуну.

— Мне нужна минутка, — бормочет она заплетаящимся языком, а уже в следующую секунду засыпает.

Мы тоже решаем отдохнуть в тени, с тем чтобы разбудить Артемизию через полчаса. Слова Мины не идут у меня из головы. Подгадав момент, когда Блейз идет проверить лошадей, я следую за ним, хотя выходить из тени ужасно не хочется.

— Тебе помочь? — спрашиваю я друга, пока тот поит животных остатками воды.

— Нет, я справлюсь, — отвечает тот, не глядя на меня. — Тебе лучше остаться в тени.

— В лагере я встретилась кое с кем, — говорю я. Слова сами вырываются наружу, прежде чем я успе-

ваю прикусить язык. — Поговорила с человеком, изучавшим шахты и их магию.

Блейз бросает на меня мрачный взгляд.

— Ты все-таки рассказала обо мне?

— Нет, — лгу я. — Просто рассказала о Крессентии, как мы и договаривались.

Блейз кивает, хотя глядит по-прежнему с тревогой.

— И что же?

Я рассказываю ему про Мину и ее теории касательно богов и рудников. Рассказываю про кипящую воду и смысл этой аллегории: если следовать логике Мины, Блейз не страдает рудничным безумием, ему просто нужно держать себя в руках и не пользоваться своей силой, тогда все будет хорошо. Рассказываю, что он не первый человек, оказавшийся в таком положении, были и другие, но они загнали себя до смерти, пользуясь магией. Блейз слушает молча, поглаживая конские спины мокрой тряпкой, чтобы животные хоть немного освежились.

Я накрываю его ладонь своей, пожимаю и так широко улыбаюсь, что ноют мышцы лица.

— С тобой все будет в порядке. Ты выживешь.

Однако Блейз, похоже, не разделяет моего оптимизма. Он поджимает губы и не смотрит мне в глаза. Я окидываю его взглядом, высматривая браслет, который отдала ему — украденный у Кресс, инкрустированный сотнями камней земли. Браслета не видно.

— Где браслет? — спрашиваю я.

Молодой человек опускает руку в карман штанов и достает украшение. В ярком свете солнца коричневые камни земли так и сияют.

— Тебе больше не стоит его носить, — говорю я. — Он увеличивает твою силу. Эрик сказал, что,

когда они посылали берсерков в бой, каждому выдавали живой камень, чтобы «подтолкнуть их за край». Сначала я не поняла, что он имел в виду, но, думаю, теперь понимаю.

Я тянусь к нему, чтобы забрать браслет, но юноша перехватывает мою руку.

— Тео, — тихо говорит он. — Браслет мне нужен.

— Нет, не нужен, — возражаю я. — Он лишь ухудшает твоё состояние.

Блейз качает головой и наконец смотрит мне в глаза.

— Он сделает меня сильнее, — шепчет он. — Как ты не понимаешь? Похожие на меня Защитники, о которых ты упоминала, появлялись во времена бед, и лишь они одни могли спасти народ. Ты сама так сказала.

— И они погибли, — напоминаю я.

— Они были героями, послужившими своей стране, — поправляет меня Блейз. — Именно для этого и нужны Защитники.

Я вырываюсь из его хватки.

— Ты же мне обещал. — Мой голос звучит громче, чем нужно, но я ничего не могу с собой поделать. — Ты обещал, что выживешь, что мы сделаем все возможное, чтобы это исправить.

— Чтобы исправить меня, — тихо говорит он. — Вот что ты хочешь сказать. Исправить меня.

— Чтобы вылечить тебя от недуга, который тебя убивает!

Блейз долго молчит, глядя на песок у нас под ногами.

— Кто я без своего дара? — спрашивает он в конце концов так тихо, что я едва его слышу. — Ты же об этом говоришь.

— Твой дар, — медленно произношу я. — Твой дар едва не убил нас всех сегодня утром.

У Блейза хватает совести покраснеть.

— Ампелио говорил, что он еще не встречал Защитника земли сильнее меня. Он сказал, что если бы я мог контролировать свой дар, то я мог бы изменить ход этой войны. Я мог бы спасти Астрею.

— Но ты не можешь его контролировать, — заявляю я резче, чем намеревалась. Юноша вздрагивает, как от пощечины. — Ты контролируешь свою силу все хуже и хуже, и что прикажешь с тобой делать?

На скулах Блейза перекатываются желваки, он поворачивается к лошади и отводит взгляд.

— Боги действуют, руководствуясь неведомыми простым смертным соображениями. Они не просто так наделили меня силой. Раньше ты тоже в это верила, пока Сёрен не убедил тебя, что со мной что-то не так.

Я делаю шаг назад.

— Дело не в этом, и ты это знаешь. Сегодня ты вызвал землетрясение, Блейз. Ты опасен для себя самого, для меня, для всех окружающих. Это не дар.

— Возможно, для тебя это не дар, Тео, но он пригодится, когда мы наконец сойдемся с кейловаксианцами на поле боя и я использую всю свою силу до капли. Дар это или проклятие, я все равно обращаю его против наших врагов.

От этого заявления я на миг теряю способность дышать. Воображение живо рисует выкипающий котел.

— Это самоубийство, — говорю я. — Ты этого хочешь? Умереть в семнадцать лет, став живым оружием?

Мгновение Блейз молчит, потом хрипло переводит дух.

— Я хочу спасти Астрею, — говорит он. — Что бы ни случилось со мной в той шахте, оно сделало меня сильнее. Сильнее любого Защитника. Сам я никогда не смог бы обрести такую мощь. Если ты это у меня заберешь... У меня ничего не останется.

Я пытаюсь сдержаться, но слова сами вырываются наружу.

— У тебя есть я.

Мои слова еле слышны, их почти заглушает резкий ветер пустыни.

Блейз качает головой.

— Я люблю тебя, Тео. Я так сказал, потому что это правда. Но я предпочел бы видеть тебя живой и здоровой на троне Астреи, чем прожить вместе долгую жизнь в бегах, скрываясь и прячась от кайзера.

— Необязательно выбирать что-то одно, — говорю я, обходя лошадь, чтобы нас с Блейзом ничто не разделяло. — Я хочу занять этот трон вместе с тобой, чтобы ты был рядом со мной, как Ампелио рядом с моей матерью.

Юноша печально улыбается:

— Кажется, ты не извлекла никаких уроков из историй про богов, что мы так любили в детстве. Разве ты не заметила, что во всех этих рассказах было нечто общее?

Я качаю головой.

— Чудовища, герои и глупая доблесть? Счастливый конец?

— Самопожертвование, — говорит Блейз. — Герой не может победить, не пожертвовав тем, что ему дорого. Ты хочешь получить все, но не желаешь ничего отдать взамен — ни свободу, ни меня, ни этого *принкити*. Думаю, когда придет время, я смогу пожертвовать собой за нас обоих.

Блейз поворачивается ко мне лицом, но он так хорошо скрывает свои чувства, что я будто смотрю на незнакомца, а не на человека, которого знаю лучше всех в этом мире.

— Если ты не откажешься от своих живых камней, то мы все окажемся в опасности, — говорю я. Потом произношу самые жестокие слова из всех, что мне когда-либо приходилось говорить: — Ты должен уйти.

На мгновение лицо юноши искажается от потрясения и обиды, а потом снова становится спокойным. Он кивает.

— Я довезу Хоа до столицы, а потом сразу уйду. Далеко не уеду, разобью лагерь в миле от стены. Если я тебе понадобится, можешь прислать весточку с Цаплей или Артемизией.

«Ты всегда мне нужен, — хочется воскликнуть мне. — Я не смогла бы сбежать от кайзера, если бы ты не придумал отличный план. Я бы не стала королевой. Без тебя я до сих пор была бы испуганной девочкой, пресмыкающейся перед кайзером. Не знаю, кто я без тебя».

Гордость и злость не позволяют мне произнести эти слова вслух. Это его выбор, напоминаю я себе.

Впрочем, Блейз и не ждет ответа, просто поворачивается и направляется с пустым ведром к остальным, а я остаюсь под палящим солнцем, одна, с разбитым сердцем.

МАСКА

Я слышала, как некоторые кейловаксианские солдаты рассказывали, будто чувствуют потерянные на поле боя руку или ногу. Сейчас я чувствую себя так же из-за Блейза. Даже когда мы возвращаемся во дворец без него, я по-прежнему ощущаю его присутствие. Всякий раз, ожидая увидеть юношу, я поворачиваю голову, вижу только Цаплю и Артемизию, и всякий раз для меня это потрясение. Ребята, похоже, тоже переживают из-за его отсутствия, и мы возвращаемся в мою комнату в молчании.

Лежа в постели, я стараюсь не думать о том, как там Блейз, один, за городскими стенами, страдает от удушающего жара пустыни, не отпускающего землю даже ночью, да к тому же его жжет внутренний жар. Разумеется, у меня не получается избавиться от этих мыслей, и я знаю, что сегодня не смогу уснуть.

Впрочем, я и не планировала спать.

На этот раз, отправляясь навестить Сёрена, я оставляю Цапле и Артемизии записку, чтобы они не волновались. Беру с собой кинжал. Пусть боец из меня никудышный, но клинок острый, так что в случае нападения я буду не совсем беззащитна. Надеюсь.

Когда я на цыпочках выхожу из комнаты и тихо закрываю за собой дверь, Эрик уже меня ждет. Юноша стоит в коридоре, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. Видно, что ему все еще непривычно носить горакийские одежды, и все равно он выглядит в них лучше, чем в кейловаксианском костюме неподходящего размера.

— Почему мы не можем ходить в темницу днем? — интересуется он при виде меня. — Только не говори, что не устала. Я-то хоть немного поспал вчера ночью, а вот ты вообще глаз не сомкнула.

Только когда Эрик об этом упоминает, я понимаю, что он прав. В свете событий двух последних дней я совершенно забыла про сон.

— Со мной все хорошо, — заверяю я его. — Я могу поспать позже, завтра. Король Этристо позволил мне посещать Сёрена в любое время, раз принц мой советник, но боюсь, король найдет способ мне помешать, если пойду в темницу днем, когда его величество бодрствует.

Эрик смеется.

— Хотел бы я на это посмотреть, — говорит он, потом ненадолго умолкает. — Здесь ты совсем не такая, как в Астрее: никому не позволяешь указывать тебе, что делать, даже своим друзьям.

Я пожимаю плечами и иду к подъемнику. Юноша быстро меня нагоняет.

— Я всегда принимаю во внимание их советы, — отвечаю я. — Но когда дело доходит до Сёрена, их мнения предвзяты. Ребята терпят его, думаю, он им даже симпатичен в каком-то смысле, но как ни крути, он кейловаксианец. Они ему не доверяют.

— А ты почему доверяешь? — спрашивает Эрик.

Этот вопрос я задавала себе бесчисленное множество раз, но так и не нашла ответа. Вот и сейчас я не сразу подбираю слова.

— Сёрен меня любит или думает, что любит. Возможно, он все еще принимает меня за Тору, но это не важно, потому что его поступки продиктованы этим чувством, — поясняю я. — Не пойми меня неправильно — он действительно ненавидит своего отца, испытывает неподдельную вину за случившееся с берсерками. — Несколько секунд я молчу, раздумывая. — Я знаю, что ему нужно, знаю, чего он хочет от меня, и поэтому доверяю ему больше, чем королю Этристо или любому из женихов. Я доверяю ему даже больше, чем Бичу Драконов.

Какое-то время Эрик молчит, обдумывая мой ответ.

— Больше, чем ты доверяешь мне? — спрашивает он.

Я отвожу взгляд.

— Да. Не сомневаюсь в искренности твоих намерений, Эрик. И все же я не знаю, что ты надеешься получить, находясь здесь, так что пока не выясню это, ты для меня загадка.

— Предпочитаю и дальше оставаться загадкой, — фыркает юноша.

Я не могу сдержать смехок.

Мы звоним в колокольчик, чтобы приехал подъемник, и, пока мы ждем, Эрик снова подпирает стенку. Юноша поглядывает на меня так, будто хочет что-то спросить, но не знает, как подступиться к делу. Мне непривычно видеть его нерешительным, ведь обычно Эрик прячет неуверенность под маской напускной бравады.

— Что такое? — не выдерживаю я.

Молодой человек качает головой и смотрит в пол.

— Ничего.

— Ну вот, теперь ты стал еще загадочнее. Ну же, я тебя не укушу.

Эрик явно сомневается, потом снова смотрит на меня, и я с удивлением замечаю, что щеки у него порозовели.

— Ты, случайно, не знаешь... этот твой Цапля... не интересуется парнями?

Не знаю, чего я от него ждала, но уж точно не такого вопроса, так что я прыскаю, а потом смеюсь в голос, хоть и сама не знаю почему. В конце концов, Цапля действительно интересуется парнями, по крайней мере, в прошлом ему точно нравился молодой человек; вдобавок сегодня он так поглядывал на Эрика...

Эрик краснеет еще сильнее.

— Я просто спросил. Знаешь, некоторым парням нравятся парни, а некоторым девушкам — девушки.

— Знаю, — говорю я, стараясь взять себя в руки. — Извини, я смеялась не над тобой, просто удивилась. А тебе нравятся парни?

Эрик пожимает плечами:

— Думаю, мне нравятся не только девушки.

— Не знала.

— Это потому что обычно я не выношу этот вопрос на всеобщее обсуждение, — отвечает он. — Некоторые люди считают такое поведение... неестественным.

— Некоторые люди — дураки, — говорю я. — А Сёрен, он?..

Эрик кивает:

— Думаю, он знал об этой моей наклонности с самого начала. Мне даже не пришлось ему говорить.

Я вздыхаю:

— Сомневаюсь, что тебе понравилось бы, если бы посторонние стали обсуждать твои личные дела, так что ничего не скажу тебе про Цаплю. Если хочешь, спроси его сам.

Какое-то время Эрик молчит.

— Возможно, я его спрошу.

Я крепко сжимаю губы, размышляя о Цапле и его разбитом сердце. После всего, что ему довелось пережить и потерять, не представляю, как он справится с очередным разочарованием, если что-то пойдет не так.

— Только... действуй осторожно. Ты мне нравишься, Эрик, но если мне придется выбирать между тобой и моими Тенями, я всегда выберу их.

Эрик пристально смотрит мне в глаза, потом говорит:

— Ха.

— Что?

— Ничего. — Он отлепляется от стены и берет-ся за дверцу подъехавшего подъемника. — Кажется, я только что увидел настоящую Теодосию под всеми твоими масками. И она гораздо добрее, чем мне представлялось.

БЕСПОМОЩНОСТЬ

Вчерашний стражник, Тизоли, снова ведет нас по подземелью и оставляет возле камеры Сёрена, пообещав вернуться, как только мы его позовем. К счастью, в этот раз Сёрен не спит: сидит у стены камеры с таким видом, будто ждал нас. Знаю, он не станет жаловаться, и все же видно, что пребывание в темнице действует на него угнетающе. Даже в тусклом свете факелов заметно, что кожа у принца стала землистого цвета, а под глазами обозначились темные круги. А еще от него уже изрядно пахнет.

При виде нас он невесело улыбается:

— Я надеялся, что вы вернетесь.

— Конечно же мы вернулись, — строго говорю я. — Как с тобой обращаются? Тебе дают достаточно еды и воды?

Как и ожидалось, принц только отмахивается.

— Нормально со мной обращаются. Еда, вода, все что положено.

— И на этот раз ты не отказываешься от еды? — не отстаю я. — Надеюсь, ты не проявляешь то же глупое упрямство, что и на «Тумане»?

Принц смеется, но не так громко и искренне, как обычно.

— Я ем вволю и, сказать по правде, думаю, местные стражники предпочли бы, чтобы я пил меньше воды.

Я хмурюсь:

— Что ты имеешь в виду?

Нежелание тратить еду на узника еще можно понять. Еда стоит денег, это ценный ресурс, но вода-то бесплатная.

— У них сейчас засуха, — поясняет Сёрен, определенно удивленный моим вопросом. — Ты не знала? Уже несколько лет не было дождя.

— Но ведь город построен над подземным источником, — бормочу я, вспомнив, что говорила мне на этот счет Бич Драконов. — Именно поэтому воздух здесь свежее, и мне готовят ванну утром и вечером.

— Источник пересох, — отвечает Эрик, пожимая плечами. — Но, полагаю, народу об этом не сообщают. Предполагается, что Ста'криверо — это рай земной.

— Откуда же ты это знаешь? — поражаюсь я.

Эрик фыркает:

— Хотя я и гость короля Этристо, но все же го-ракиец. Для них я бесполезен. Думаешь, эти скряги тратят на меня воду в избытке? Да они отмеряют каждый выпитый нами стакан и выставляют счет за каждую унцию. А ванны? Мои люди не мылись с тех пор, как мы приехали, и, поверь, некоторые скоро совсем запаршивеют.

Это открытие меня потрясает, но кое-что мне неясно.

— Но ста'криверийцы используют так много воды. Для полива одного только сада нужны сотни галлонов в день, не говоря уже о том, сколько пьют обитатели дворца, сколько воды тратят на ванны.

— Придворные используют много воды, — уточняет Сёрен, — а простые люди довольствуются строго отмеренными порциями, довольно скромными. Я слышал, как стражники жаловались на постоянную жажду.

Ста'криверо выглядит оплотом роскоши и достатка лишь потому, что хочет казаться процветающим, но какая польза от расшитых драгоценностями нарядов и богато изукрашенных башен, если людям нечего пить?

— Ненавижу это место, — говорю я, помолчав. — Ненавижу этот дворец и всех обитающих в нем мелких людишек, мнящих себя пупами земли, в то время как простой народ страдает от жажды. Ненавижу короля Этристо и то, как он называет меня «моя дорогая», словно я непослушный ребенок, неспособный самостоятельно принимать решения. Ненавижу этот лагерь и то, как обращаются с беженцами. Я...

Я умолкаю, не закончив фразу.

Сёрен неуверенно смотрит на меня.

— Тео, — тихо говорит он. — Если ты сейчас уедешь, это будет оскорбление для короля Этристо и всей его страны. Они — твои единственные союзники.

— Строго говоря, ты не прав, — вклинивается Эрик. — У Тео есть я и Гораки.

— И Вектурия, — добавляю я. — Король Капил заверил меня, что поспешит на помощь по первому моему зову.

Сёрен качает головой.

— Это песчинка и зернышко против целой горы.

— Знаю! — резко отвечаю я. — Знаю, что этого недостаточно, что этого не хватит. Знаю, что должна выйти замуж за правителя с большой армией.

Я просто... мне нравится представлять, как я ухожу, хлопнув дверь, напоследок обозвав короля Этристо какашкой.

Несколько долгих секунд молодые люди глядят на меня, разинув рты, а потом Эрик начинает смеяться, и спустя мгновение Сёрен вторит ему.

— «Какашкой»? — переспрашивает Эрик. — Это самое страшное оскорбление из всех, что ты способна измыслить?

— Наверное, я никого так не обзывал с тех пор, как мне исполнилось шесть лет, — добавляет Сёрен.

— Я совершенно уверен, что ты обозвал так меня, когда я сказал тебе, что такими словами ругаются только младенцы, — отвечает Эрик.

Молодые люди снова хохочут.

— Это было первое, что пришло мне в голову, — оправдываюсь я, чувствуя, как жар приливает к щекам. — А что сказал бы ты?

Сёрен перестает смеяться и некоторое время рассматривает потолок камеры.

— Я бы рекомендовал королю Этристо съесть тарелку навоза, — задумчиво тянет он.

Эрик качает головой и цокает языком.

— Любитель, — презрительно роняет он.

— Попробуй тогда сам, — предлагает Сёрен.

Эрик долго думает, поглаживая подбородок, потом хитро улыбается.

— Я бы сказал: «Король Этристо, покорнейше прошу вас отведать изысканных деликатесов: скорпионы, вымоченные в моче, и поросячий зад, фаршированный навозным жуком».

Для пущего эффекта юноша отвешивает изысканный поклон воображаемому королю.

Я зажимаю рот рукой и сгибаюсь пополам, делая вид, что меня тошнит, зато Сёрен гогочет так,

что лицо у него краснеет, как помидор. Не сдержавшись, я тоже смеюсь. Жаль, что Эрик не может высказать все это в лицо королю Этристо — с каким удовольствием я полюбовалась бы на физиономию старика! Когда мы успокаиваемся и утираем выступившие от смеха слезы, я наклоняюсь к разделяющей нас с Сёренем решетке.

— Ты же знаешь, что я ни за что бы не уехала, правда? Даже если бы могла сделать это, не опасаясь последствий. Я бы не бросила тебя, даже если бы король Этристо пообещал мне миллионную армию.

Принц грустно улыбается, смотрит на свои руки.

— Ты могла бы.

Даже когда мы переходим к уроку астрейского, я постоянно вспоминаю эти его слова и задаюсь вопросом, так ли это. Если бы дошло до этого, смогла бы я бросить Сёрена гнить тут? Даже если бы поступив так, я спасла Астрею? Не знаю, как я поступила бы в таком случае, и не хочу знать ответ на этот вопрос.

Когда несколько часов спустя мы покидаем подземелье, Эрик на удивление молчалив. Сначала я думаю, что это от усталости, и не могу его винить — я и сама засыпаю на ходу, — но, поглядев на юношу, понимаю, что он о чем-то глубоко задумался.

— Что у тебя на уме? — спрашиваю я, когда мы выходим из подъемника на моем этаже. Эрик предложил проводить меня до комнаты, а я не настолько горда, чтобы отказаться, учитывая, что где-то поблизости по-прежнему бродит убийца.

Эрик смотрит на меня так, словно только что очнулся от глубокого сна.

— Ничего, — говорит он.

Невооруженным глазом видно: врет.

Поняв, что я его разоблачила, молодой человек вздыхает.

— Просто я думаю об этом лагере. Никак не могу выбросить увиденное там из головы.

— Знаю, — вздыхаю я. — Я тоже не могу. Ненавижу чувствовать себя беспомощной.

Эрик кивает.

— Странно, правда? Беженцы ведь не беспомощны. Многие работают на ста'криверийцев, занимаются тяжелым физическим трудом. Они сильные. И они не выжили бы, не будь они умными и сообразительными. Думаю, на самом деле им не нужны ни жалость, ни даже благотворительность. Им просто нужен шанс, возможность бороться за нормальную жизнь и место, которое можно назвать домом — как и всем нам.

«Возможность бороться». Слова эхом отдаются в моем сознании снова и снова, и в конце концов я резко останавливаюсь, тяжело дыша.

— Эрик, — говорю я.

Юноша тоже останавливается и встревоженно смотрит на меня.

— Все хорошо? Только не говори, что тебе подсыпали яд или что-то в этом роде. Боюсь, твои Тени в буквальном смысле убьют меня, если с тобой что-то случится в то время, как ты была под моим прищмотром...

Я шикаю на него и вскидываю руку, призывая Эрика к молчанию. В голове у меня вырисовывается план, кусочки мозаики один за другим встают на свои места.

— Как по-твоему, сколько беженцев находится в лагере?

Эрик пожимает плечами:

— Тысячи три.

— А если не считать детей, стариков и всех, кто не хочет бороться? Сколько там наберется человек, способных сражаться?

На лице юноши мелькает понимание, он улыбается, догадавшись, куда я клоню.

— Тысяча, возможно, больше. Этого недостаточно, Тео, даже если прибавить сюда армии Гораки и Вектурии.

— Верно, недостаточно для войны, — соглашаюсь я. — Этого не хватит, чтобы вернуть Астрею. Но хватит ли этого, чтобы захватить контроль над шахтами?

Эрик хмурится, раздумывает.

— Возможно, но только на какое-то время. С таким количеством солдат можно захватить рудники, застав врасплох стражников. Но даже если получится, мы продержимся пару недель, а потом кайзер услышит новости и пришлет больше войск, после чего нас быстро сметут. У него слишком много людей, слишком много обученных воинов. Даже если воспользоваться элементом неожиданности, этого будет недостаточно. Мы лишь выиграем немного времени, только и всего.

— Время, — соглашаюсь я. — И Огненный рудник, в котором томятся еще около двадцати пяти тысяч астрейцев. Мы не останемся там надолго. К тому времени, как кайзер пришлет дополнительные войска, мы уже будем далеко отсюда.

— И выиграем еще немного времени, — подхватывает Эрик. — Чтобы освободить еще больше людей, из которых наберем еще солдат. К тому времени, как мы захватим все четыре рудника, у тебя наберется целая армия.

— У всех будет выбор, — твердо говорю я. — Если люди не захотят сражаться, мы все равно постара-

емся их защитить. Хотя, думаю, им будет нетрудно решиться, после всего пережитого. Они злы, а мы дадим им возможность выместить свой гнев на тех, кто все у них отобрал.

Эрик медленно кивает, у него блестят глаза.

— Но если ты сейчас уедешь, у короля Этристо не останется причин оставлять Сёрена в живых — разве что с досады он отправит его кайзеру, — замечает он.

Всего минуту назад я заверяла принца, что не бросила бы его, даже будь у меня возможность спасти Астрею, и вот у меня есть шанс спасти свою страну, и я понимаю, что не смогу предать Сёрена.

— Я попытаюсь собрать больше людей, — предлагает Эрик, помолчав. — Есть и другие лагеря беженцев — один в Тиммори, другой в Этралии. Даже если они не так велики, как здешний, там все равно можно будет набрать много солдат. Я могу отправиться туда и, даже если не наберу людей, то хотя бы удостоверюсь, что там с беженцами обращаются не так плохо, как здесь. Понадобится несколько дней, чтобы съездить в два эти лагеря, а потом вернуться в Астрею. Тем временем ты постарайся вытащить Сёрена из темницы и отправишь весточку королю Капилу в Вектурию, чтобы тот собрал войско тебе в помощь. Так что придется тебе еще немного поиграть в игру короля Этристо.

— Думаю, я справлюсь, — сухо говорю я. — После кайзера это будет нетрудно.

— Возможно, так и было бы, да только по этому дворцу бродит убийца, — напоминает Эрик.

С этим не поспоришь.

— Со мной все будет хорошо, — заверяю я его, небрежно помахивая рукой. — Как скоро ты сможешь отправиться в путь?

— Через несколько часов. Остальные горакийцы готовы уехать в любой момент, они только об этом и думают с тех пор, как мы сюда прибыли. Им не нравится в Ста'криверо.

В этом нет ничего удивительного, раз, по словам Эрика, здесь плюют вслед горакийцам и не дают им вволю воды.

— Как мы будем поддерживать связь? — спрашиваю я. — Не дай боги что-то пойдет не так, нужно иметь возможность координировать наши действия.

Эрик кивает, сосредоточенно хмурится.

— Дай мне поговорить с мастером Юроу, — говорит он после минутного раздумья. — У него есть какие-то изобретения, которые он никому не показывает, — возможно, что-то из этих штуковин нам поможет.

— Что это за изобретения? — подозрительно спрашиваю я. — Ты говорил, он алхимик, да? Мне казалось, алхимики пытаются получить золото?

Эрик усмехается:

— В каком-то смысле. Как, по-твоему, я смог заплатить королю Этристо за привилегию участвовать в битве за твою руку и сердце?

Я потрясенно таращусь на него.

— Мастер Юроу создал золото?

— В каком-то смысле, — повторяет юноша. — Нам удалось одурачить короля Этристо, но иллюзия может скоро развеяться.

Я качаю головой:

— Магия или наука?

Эрик пожимает плечами:

— Как я понял — а понял я не так уж много — там есть и то и другое.

МОЛО ВАРУ

Большее всего мне хочется на весь день спрятаться в своей комнате, как в норе, и планировать наш побег из Ста'криверо, а вместо этого я неожиданно для себя готовлюсь к прогулке по саду. Колтания была очень настойчива; к тому же я надеюсь убедить ее поторопиться с изготовлением сыворотки правды, чтобы Сёрен вышел из темницы как можно скорее.

Артемизия сидит в углу моей комнаты и полирует свою с каждым днем увеличивающуюся коллекцию кинжалов, а Цапля пытается починить одно из моих платьев. При всех его умениях довольно трудно скрыть отсутствие половины драгоценных камней, которые я оторвала, чтобы раздать детям в лагере.

После нашего с Сёреном и Эриком разговора о засухе в Ста'криверо, я очень боюсь за Артемизию: из-за своей способности управлять водой она может стать мишенью. С другой стороны, она одна, много воды с ее помощью не получишь, а если «выкачивать» ее постоянно, девушка долго не продержится. Попытавшись получать воду с помощью Артемизии, король Этристо лишь продемонстрирует свое бессилие — нет смысла идти на такой шаг, он не

окупится. И все же я очень рада, что вскоре мы покинем дворец.

— Напомни еще раз, как отреагировал Блейз, когда ты рассказала ему про наш план, — прошу я Артемизию, не вставая с кровати, и крепче прижимаю к груди подушку.

Артемизия возводит глаза к потолку.

— Уж и не знаю, как передать его слова еще точнее. Он сказал: «Хорошо».

— И все? Больше ничего?

— Еще спросил, что от него требуется. Я велела ему передать твое письмо кому-то, кто сможет доставить его королю Вектурии. Блейз поблагодарил меня, забрал письмо и воду, а потом я вернулась обратно. — В голосе девушки звенят нетерпение и раздражение, она явно дает понять, что ее следует оставить в покое, но я игнорирую это предупреждение.

— Но как он выглядел, говоря это? Он счел наш план хорошим или эта идея ему не понравилась?

Артемизия швыряет кинжал на пол, и неприятный лязг эхом разносится по комнате.

— Он выглядел так, словно ему жарко. И он явно хотел пить.

На это мне нечего ответить. В глубине души мне хочется извиниться, но, полагаю, Артемизия лишь назовет меня дурой. За что мне извиняться? За то, что позволила Блейзу покинуть дворец? Он опасен и не захотел меняться. Все, что я могу сделать, — это убедиться, что он никому не навредит.

В дверь стучат, и Цапля с Артемизией мгновенно вскакивают и хватаются за оружие, а я и глазом не успеваю моргнуть.

— Сомневаюсь, что убийца стал бы стучать, — замечаю я, но Артемизия машет на меня рукой, идет

к двери и открывает. Делает она это в своей обычной манере: наставив на гостя острое кинжала. На этот раз на пороге стоит Эрик. Увидев его ошарашенное лицо, Защитница шумно вздыхает — так, словно юноша разочаровал ее, не попытавшись меня убить — потом нехотя опускает оружие.

— Эрик, — говорю я, потом подхожу к нему. — Все ли готово для твоей поездки?

Юноша кивает, бросает взгляд на Артемизию и Цаплю.

— Они все знают?

Ответить я не успеваю.

— Как по мне, так это дурацкий план, — восклицает Артемизия, — а вот Цапля считает, что это проявление храбрости.

Я хмурюсь:

— Ты же говорила, что план хорош?

— Я этого не говорила, — фыркает Артемизия. — Я лишь заметила, что действовать все же лучше, чем выходить замуж за человека, которому наплевать на Астрею и который только и смотрит, как бы набить карманы за ее счет.

— Ну, ты только что подтвердила, что одобряешь наш план, — сухо говорит Эрик.

К моему удивлению, девушка смеется. Она тут же спохватывается, хмурится, словно удивляясь самой себе, плюхается обратно на стул и опять принимается чистить кинжалы.

— Если кто-то из вас хочет отправиться со мной, я не против компании, — добавляет Эрик, глядя на Цаплю.

Цапля смотрит в глаза горакийцу, и мне кажется, у него слегка розовеют щеки, хотя, возможно, у меня просто разыгралось воображение. Несколько секунд Цапля молчит, и я уже думаю, что он сейчас

согласится, но в конце концов юноша качает головой и говорит:

— Наше место рядом с королевой.

С моей стороны это чистой воды эгоизм, но я рада, что он так сказал. Не знаю, что бы я делала без него и без Артемизии.

— Очевидно, не только вы так настроены, — говорит Эрик со вздохом, потом поворачивается ко мне. — Моя мать тоже решила остаться, и я очень стараюсь не принимать это близко к сердцу.

— Я рада, что Хоа будет рядом, — признаюсь я с улыбкой. — У меня такое чувство, словно я только-только начинаю ее узнавать.

Эрик округляет глаза.

— Да-да, она сказала то же самое о тебе, — бормочет он несколько огорченно. — Еще она сказала, что ста'криверийские служанки одевали тебя слишком ярко для королевы, так что она останется и положит этому конец.

Я качаю головой:

— Она не моя горничная, и, уверена, у нее полно своих забот, ведь она мать императора.

Эрик пожимает плечами:

— Представь себе, она говорит, что внешность для женщины-правительницы очень важна, важнее, чем для правителя-мужчины. Очевидно, тебе ее помощь нужна больше, чем мне, и, поверь, для меня это многое значит, учитывая, что она была моим переводчиком с горакийского.

Я поднимаю бровь.

— Как же ты без нее обойдешься?

Юноша хмурится, поджимает губы, изображая напряженную работу мысли.

— *Эн кава дименданат*, — изрекает он. — Это значит либо «я справлюсь», либо «у меня есть тол-

стый осел». Я имел в виду первое. Все мои ослы ужасно худые, просто кожа да кости.

Я смеюсь:

— Может, попросишь ее записать несколько фраз для тебя, прежде чем ты уедешь?

Молодой человек кивает.

— О, чуть не забыл, зачем, собственно, пришел. — Он роется в кармане, достает два одинаковых золотых слитка, каждый размером с мой большой палец, и отдает один мне. — Подарок от мастера Юроу, — поясняет он. — Называется *моло вару*.

— Это часть того самого поддельного золота, которое изготавливает мастер Юроу? — спрашиваю я, поднося слиток к глазам и внимательно рассматривая.

— Нет, это настоящий материал. Только... скажем так, измененный.

Я смотрю на Эрика.

— И что в нем изменено?

Эрик делает неопределенный жест.

— Мастер Юроу долго и нудно объяснял мне, как проходит процесс, а моя мать, разумеется, все это переводила, но даже с переводом я мало что понял. Суть в том, что золото — мягкий металл. При нужном давлении... — Он умолкает, засовывает слиток в рот и с силой прикусывает.

Кусок золота в моих пальцах шевелится, и от неожиданности я едва его не роняю. Опустив взгляд, я вижу, как на золотой поверхности медленно проступают отпечатки зубов.

— Как... — начинаю было я. Рассматриваю слиток со всех сторон, ожидая, что отпечатки пропадут, но они не исчезают.

— В переводе с горакийского «моло вару» значит «мимический камень». Эти два слитка связаны. Что происходит с одним, происходит и с другим.

— Это... — Я во все глаза смотрю на слиток. — Невероятно и пугающе.

— И то, и другое, — соглашается Эрик. Он забирает у меня слиток и бросает Цапле — тот ловко его ловит. — Присмотри за ним, ладно? Разумеется, тебе необязательно его кусать. На нем можно процарапывать слова каким-нибудь раскаленным инструментом. Носи его при себе, и если почувствуешь, что он нагрелся, поймешь, что у меня для вас сообщение. И наоборот.

— Идеально, — выдыхаю я.

Эрик улыбается.

— Мастер Юроу, конечно, тот еще ворчун, но это не мешает ему быть гением, — признается он, явно наступив на горло своей песне.

— Передай ему мою благодарность, — говорю я. — Удачной тебе дороги, Эрик.

Молодой человек кивает, бросает взгляд поочередно на Артемизию и Цаплю, потом снова глядит на меня.

— Позаботься о моей матери. Увидимся у Огненного рудника.

СДЕЛКА

Когда я встречаюсь с Колтанией, сад почти пуст, лишь изредка по дорожкам группками проходят криверийские придворные, разряженные в тяжелые, расшитые драгоценностями шелковые одежды, очень похожие на растущие в саду экзотические цветы. Среди всего этого многообразия красок Колтания выглядит особенно эффектно в своем черном облегающем платье с высоким воротом. Темные волосы сестры канцлера уложены в пучок на макушке, закрепленный единственной шпилькой. Как обычно, ее губы накрашены ярко-красной помадой — единственное яркое пятно в ее облике.

При виде меня губы Колтании растягиваются в широкой улыбке, обнажив два ряда ровных белых зубов.

— Вот и вы, — восклицает она. — Я уже начинала беспокоиться.

— Извините за задержку, — говорю я. — Неожиданно встретила друга.

Колтания лишь небрежно отмахивается:

— Ну, теперь-то вы здесь, а это главное.

Она берет меня под руку и ведет по одной из многочисленных садовых дорожек.

Мне вдруг так хочется увидеть Крессентию, что сердце сжимается от боли. Сколько раз мы с ней прогуливались по серому саду вот так, рука в руке? Непринужденно болтали обо всем и ни о чем, смеялись над шутками, понятными только нам. Это было простое, приятное общение, насквозь фальшивое, и все же в глубине души мне кажется, что я все бы отдала, лишь бы снова дружить с Кресс.

«Колтания — не Крессентия», — напоминаю я себе. Впрочем, уверена: Колтания надеется произвести на меня впечатление глупенькой светской дамы, которую волнуют только новые платья и вечеринки. У нее не слишком хорошо получается. Она не знает, что под такой маской легкомысленности — как и в случае с Кресс — всегда скрывается нечто другое, будь то острый аналитический ум, любовь к поэзии или доброе сердце. Нет, Колтания выросла, наблюдая за такими девочками издалека; она им завидовала, жаждала оказаться на их месте, поэтому достоверно изобразить одну из них не может, ибо имеет о них лишь поверхностное впечатление.

Зато я ношу эту маску без труда.

— Вы были так добры, пригласив меня на прогулку, *салла* Колтания, — щебечу я, пожимая ее руку. — Уверена, вы очень устали, трудясь над сывороткой правды, которая поможет восстановить доброе имя принца Сёрена. Если подумать, вам ведь пришлось оторваться от собственной работы. Надеюсь, мы не слишком сильно вас обременяем.

Мои слова, похоже, застают Колтанию врасплох, и она не сразу находится с ответом.

— Нет, ничуть, ваше величество, — отвечает она. — Я счастлива помочь всем, чем могу, правда.

— Как это мило с вашей стороны, — говорю я, так широко улыбаясь, что болят мышцы лица. —

Мне определенно станет намного спокойнее, как только Сёрен выйдет из темницы и я смогу вернуться к выбору супруга. Как скоро будет готова сыворотка?

На миг улыбка Колтании увядает. Она неплохо скрывает свои чувства, и все же недостаточно хорошо. Не так хорошо, как человек, который с детства рос, зная, что все взгляды всегда будут устремлены на него. Именно так росла Кресс, и так же, в каком-то смысле, росла я.

— Для создания таких зелий может потребоваться определенное время, ваше величество, к тому же мы далеко от моей лаборатории. Но и здесь я делаю все возможное.

— Уверена, так и есть, — говорю я, ободряюще похлопывая Колтанию по руке. — Есть ли какие-то приблизительные сроки?

Колтания довольно умна и отвечает не сразу, очевидно, тщательно обдумывает ответ.

— Еще пара недель.

— Разве в прошлый раз вы не говорили про одну неделю?

Колтания пожимает плечами.

— Никогда нельзя сказать наверняка, можно лишь предполагать. Однако я боюсь, что некоторые соискатели вашей руки могут прийти в нетерпение, если вы так долго будете отказывать им во встречах, учитывая, сколько денег они ежедневно платят королю Этристо.

Она произносит это как бы между прочим, но я явственно слышу в ее словах вызов. Похоже, она решила поиграть со мной в «кто первый моргнет». Это определенно буду не я.

— Меня это тоже волнует, — заверяю я ее. — Впрочем, полагаю, человек, проявляющий подобное

нетерпение в столь важном вопросе, мне не подходит, вы согласны?

— Разумеется, ваше величество. Терпение имеет первостепенную важность, — говорит Колтания, обращая мои слова против меня самой.

Я стискиваю зубы.

— Какая досада. — Я громко вздыхаю. — За день до того, как случилось это несчастье, я как раз сказала своим советникам, что желаю положить конец этим смотринам. Конечно, король Этристо не прочь потянуть подольше. — Я заговорщически понижаю голос. — Вы же знаете, какой он.

Колтания кивает.

— В Ориане есть поговорка: «Жаден, как король Ста'криверо».

На этот раз я смеюсь совершенно искренне, и Колтания мне вторит.

— Как это верно, — продолжаю я. — Подумать только, а ведь я уже хотела принять предложение канцлера.

Колтания резко выпрямляется, будто проглотила палку.

— Принц Сёрен поддержал это мое решение, — добавляю я. — Вообще-то, из всех моих советников именно он настаивал, что мне следует предпочесть канцлера.

— Вот как? — сухо произносит Колтания. — Никогда бы не подумала, что принц станет хлопотать за моего брата. Я бы скорее поверила, что он советовал вам покойного эрцгерцога, если бы сам не рассчитывал занять его место.

Сёрен действительно говорил, что если мне придется выходить замуж, лучше всего остановить свой выбор на эрцгерцоге Этмонде, но не думаю, что он высказывался на эту тему публично.

— Боги мои, даже не знаю, какое из этих двух предположений невероятнее, — замечаю я со смешком.

На этот раз Колтания не смеется.

— По дворцу ходит один слух, и я чувствую себя обязанной предостеречь вас по-дружески, — произносит она, понижая голос до шепота. — Один из тюремных стражников утверждает, будто вы навещаете принца под покровом ночи и остаетесь с ним подолгу. Большинство людей полагают, что устраивать такие встречи недальновидно.

— Большинство людей, очевидно, не понимают, что пока принц Сёрен в темнице, приходится навещать его по ночам, когда в тюрьме тихо и спокойно, а поскольку большая часть этих встреч уходит на то, чтобы убедиться, что с принцем обращаются должным образом и приносят ему еду, такие встречи длятся дольше, чем могли бы, — резко отвечаю я, но быстро беру себя в руки и улыбаюсь. — Это еще одна причина, по которой мне так хочется поскорее вытащить его из темницы — чтобы мы перестали тратить время и вплотную занялись вопросом выбора супруга для меня. Вы так не считаете?

Колтания поджимает губы.

— То есть если невиновность принца будет доказана в кратчайшие сроки, вы выберете себе мужа, — медленно произносит она. — Правильного мужа.

Ну наконец-то, слабо завуалированная попытка подкупа. Но если Колтания хочет поиграть в игры, то почему бы не подыграть? Я смотрю ей в глаза и киваю.

Несколько секунд она молчит.

— Возможно, я могла бы ускорить процесс изготовления сыворотки, дабы мы могли оформить дело официально.

Ответить я не успеваю: тишину и покой сада нарушают сердитые крики. Один голос я узнаю сразу: это сам король Этристо.

— Это неприемлемо! — ревет он. Не думала, что тщедушный старец способен так громко вопить. — Мы же договорились, Реймер!

Гуляющие по саду придворные тоже узнают голос монарха и торопятся скрыться подальше, дабы не попасть под горячую руку. В глубине души мне хочется последовать их примеру, но если Этристо ссорится с царем Реймером, боюсь, это как-то связано со мной.

— Сюда, — шепчет Колтания и тянет меня к скоплению деревьев с толстыми стволами, под которыми вдобавок растут пышные кусты, так что мы можем спрятаться среди ветвей. Колючие ветки кустов больно впиваются в тело и тянут меня за платье, но сердце так громко колотится у меня в груди, что я почти не ощущаю укусы колючек. Я бросаю косой взгляд на Колтанию, та отвечает мне встревоженным взглядом и прикладывает палец к губам, призывая к молчанию.

Я следую за ней, и мы находим место, с которого видна соседняя дорожка по ту сторону зарослей. По дорожке размашистым шагом идет царь Реймер, а за ним, гораздо медленнее, едет в кресле на колесиках король Этристо, тяжело опираясь на инкрустированную самоцветами трость.

— Здесь небезопасно! — шипит царь Реймер. Он резко разворачивается и прожигает Этристо злобным взглядом. — Сначала эрцгерцог, а теперь еще и это! Я не стану рисковать своей жизнью и жизнью сына, ради того чтобы эта мороженная рыба, ваша хваленая королева, снизошла до того, чтобы сделать из него своего бессильного муженька. Даже не

короля, просто принца-консорта! Талина ждут перспективы помасштабнее и гораздо более заманчивые предложения.

Волоски у основания моего затылка встают дыбом, сердце начинает биться еще быстрее. Что значит «теперь еще и это»?

Король Этристо смеется, но слишком неискренне.

— Вы упускаете из виду бесценный бриллиант, Реймер. Действительно, королева Теодосия не такой уж завлекательный приз, но подлинное сокровище — это сама Астрея и ее магия. Вы же видели, что могут делать эти камни. Если смести кейловаксианцев, вы без помех сможете контролировать продажу этих камешков, кроме водных, как мы и договаривались.

Водные камни. В голове у меня словно что-то щелкает, последний кусочек мозаики встает на место. Вот почему прижимистый король Этристо так потратился и принимает меня. Он изначально не собирался мне помогать, и дело даже не в деньгах. Все ради воды. Перебранка двух правителей между тем продолжается.

— Это ваши проблемы, Этристо, — рычит царь Реймер. — Вам всегда нужно больше, больше, еще больше, но на этот раз вы хотите слишком многого. Этралия и без того достаточно богата.

Король Этристо плюет на землю.

— Денег никогда не бывает достаточно, — заявляет он.

— Бывает, если в деле замешан кайзер, — парирует Реймер. — Такого человека, как кайзер, нельзя злить, и, несомненно, эти убийства тому доказательство.

Не «убийство», а «убийства». Царь использовал множественное число. То есть эрцгерцог Этмонд — не единственная жертва. Сердце болезненно колет, мысли путаются. Кто еще мог стать жертвой убийцы? Я думаю о Блейзе, Артемизии и Цапле: они так старались защитить меня, что совершенно не беспокоились о собственной безопасности.

«Что, если убийца рассчитывал застать меня в комнате, пришел туда и столкнулся с ребятами?»

Додумывать эту мысль страшно.

— Кайзеру нужна девчонка. Какой ему резон вредить вам или ссориться с Этралией? — не сдаётся король Этристо.

Настает очередь царя Реймера смеяться, хотя смех его звучит довольно истерично. Он закрывает лицо руками и качает головой, потом безвольно опускает руки.

— Ну же, Этристо, вы ведь никогда не были слепцом. С самого начала покушения были направлены не на девчонку. Пожелай кайзер ее смерти, она уже была бы мертва. Он устраняет женихов, посылая всем ясный сигнал: не смейте идти против меня. Лично я прекрасно услышал намек, и вам бы тоже не мешало прислушаться.

Король Этристо вскидывает руки.

— Ладно, хорошо. Уезжайте. Бегите обратно в Этралию вместе со своим идиотом-сыном как трусы, каковыми вы и являетесь, но я не собираюсь возвращать вам деньги, которые вы уже заплатили.

Лицо царя Реймера наливается кровью, он делает шаг к Этристо.

— Это мои деньги. Мы договорились, и вы гарантировали, что девчонка выберет Талина. Она его не выбрала, так что те деньги были потрачены

впустую, и нам их вернут в течение часа, а потом мы уезжаем.

Король Этристо гневно смотрит на Реймера снизу вверх, но умудряется делать это так, что кажется, будто глядит на оппонента сверху вниз.

— Я не заключаю сделок с трусами! — выплевывает он.

Царь Реймер делает еще шаг вперед, нависая над Этристо, словно башня.

— Ты провел всю жизнь во дворце, Этристо, спрятавшись за высокими стенами, отгородившись от остального мира жаркой пустыней. Не тебе разбрасываться подобными словами. Ты не представляешь, что такое настоящая война, но я с удовольствием могу тебя просветить.

Впервые на моей памяти король Этристо молчит в ответ на угрозу.

— Я требую, чтобы в течение часа нам вернули деньги, после чего мы уезжаем, пока нас тоже не прикончили.

Не дожидаясь ответа, царь Реймер разворачивается на каблуках и уносится прочь, а король Этристо остается один. Он мрачнее тучи.

Мы с Колтанией переживаем, пока король Этристо не покинет сад, после чего выбираемся из кустов. Меня охватывает паника при мысли о новом убийстве, зато Колтания довольно спокойна, точнее, ее трясет от злости.

— Вот старый сморчок, — бормочет она, глядя на то место, где пару минут назад стояло кресло короля Этристо. — Не могу поверить, что он пообещал царю вашу руку, в то время как Марцену он посулил то же самое.

Я смотрю на нее, открыв рот.

— Вы что, не слышали их? Произошло еще одно убийство, Колтания, и, по словам царя, жертва — кто-то из женихов. Это может быть ваш брат.

Она смотрит на меня и говорит:

— Нет. Это не может быть Марцен. После смерти эрцгерцога мы наняли дегустаторов и дополнительную охрану.

Я быстро перебираю в уме соискателей моей руки, но сердце уже подсказывает мне наиболее вероятную жертву. В конце концов, если убийца убивает кандидатов, которым я уделяла больше внимания, чем остальным, ответ очевиден. Ноги сами несут меня прочь из сада, я пускаюсь бегом, не обращая внимания на крики Колтании, призывающей меня подождать ее.

ЖЕРТВА

Я впервые хочу подняться по лестнице: так мне, по крайней мере, не пришлось бы стоять и ждать подъемник, а потом стоять в подъемнике и смотреть, как мимо проплывают бесконечные этажи. В голове бьется вопрос: «Что я найду, когда подъем закончится?»

Эрик мертв. Эрика постигла та же участь, что и эрцгерцога. Из-за меня. Кайзер не хочет убивать меня; он хочет причинить мне как можно больше боли, запугать, поиграть как кошка с мышью, прежде чем сожрать.

Наконец двери открываются на этаже горакийцев, и я, даже не поблагодарив рабочего, выскакиваю из железной клетки и бегу по коридору. Разряженные в пух и прах ста'криверийские придворные шарахаются в стороны и тут же принимаются перешептываться. До меня доносятся обрывки разговоров:

«Такая трагедия».

«После всего, что обрушилось на них, они и впрямь прокляты».

«Мальчишка слишком близок с королевой Теодосией».

«Возможно, она тоже проклята».

Нет, нет, нет, вопит мой разум. Пытаясь не обращать внимания на шепотки, я мчусь к комнате Эрика. Вот уже вдалеке показалась нужная дверь, как вдруг мне на плечо опускается тяжелая рука.

— Тео, — тихо говорит мне на ухо Бич Драконов. — Идем, не нужно устраивать сцен.

Несмотря на резкие слова в голосе тетки звучит какая-то незнакомая интонация, которой я не могу подобрать названия, хотя краем сознания понимаю, что это, вероятно, что-то вроде доброты.

Мне много чего хочется ей сказать по поводу нашего последнего разговора, но все это сейчас не важно. Слова сейчас не важны. Я вырываю руку и ускоряю шаг, потом снова бегу, огибая группки ста'криверийских придворных и не обращая внимания на призыв Бича Драконов вернуться.

Я не останавливаюсь, пока не добегаю до комнаты Эрика, возле которой стоят двое стражников и отгоняют зевак. Когда я подхожу к ним, они неуверенно переглядываются.

— Пропустите, — говорю я.

— Королева Теодосия, король дал особое указание, чтобы вас не... — начинает один из охранников, но я не слушаю. Бросаюсь вперед и протискиваюсь между стражниками, не ожидавшими от меня такой прыти. Врываюсь в комнату, но там нет и следа Эрика.

Возле стола лежит на полу Хоа, сжимая одной рукой миску с виноградом. Она скорчилась, руки и ноги выгнуты под неестественными углами, на полу валяется несколько виноградин. Остекленевшие глаза женщины глядят на меня навеки остановившимся взглядом, из уголка рта капает черная кровь.

На подгибающихся ногах я делаю шаг назад, зажимаю рот руками. Меня сейчас стошнит. Я сейчас

рассыплюсь на кусочки и больше никогда не смогу оправиться. Не в этот раз.

Я вдруг снова становлюсь семилетней девочкой, и Хоа держит меня за руку, пока горит сад моей матери. Мне восемь, и Хоа будит меня после очередного кошмара, в котором Тейн убивает мою мать. Я просыпаюсь в слезах, но Хоа рядом, подает мне стакан воды и носовой платок — единственное утешение, которое она может мне дать, потому что Тени наблюдают за нами. Мне девять, десять, одиннадцать и так далее, и Хоа нежно наносит мазь на мою исхлестанную спину после очередного наказания. Десять лет Хоа безмолвно присутствовала в моей жизни, но она несомненно помогла мне выжить, так, как сумела.

А я не сумела отплатить ей тем же.

Я не осознаю, что сижу на полу и рыдаю, но вот сильные руки поднимают меня, и я плачу, прижавшись лицом к чьей-то холщовой рубашке. Меня выносят из комнаты, прочь от Хоа, и мне хочется вопить, заставить этого человека отпустить меня, чтобы я могла вернуться к Хоа, сесть рядом с ней, как всегда делала она, но я не могу произнести ни слова, меня душат рыдания. Никогда бы не подумала, что во мне найдется столько слез.

Блейз относит меня в мою комнату. Краем сознания я помню, что его не должно здесь быть, что это опасно, но он здесь, а все прочее меня сейчас не интересует. В мире не осталось ничего, кроме слез и изломанного тела Хоа, стоящего у меня перед глазами. Мне все равно, как Блейз сюда попал, насколько горячая у него кожа — пока он обнимает меня, все это не важно. Я не могу перестать плакать, хотя отчаянно пытаюсь дышать медленно.

Блейз опускает меня на пол, но придерживает за плечи.

— Нужно дать ей пощечину, — слышу я сердитый голос Артемизии. — Она хлопнется в обморок, если продолжит так дышать.

Слышатся шаги — наверное, это Цапля. И точно, он вырастает передо мной всей своей массивной фигурой. Он выглядит так, словно борется с собой, и на миг я пугаюсь, что он действительно последует совету Артемизии.

— Нет, — встревоженно говорит Блейз. — Цапля, не смей...

— Она навредит себе больше, если ее не стукнуть, — замечает Артемизия. — Сделай это.

Цапля широко открытыми глазами смотрит на нее, на Блейза, потом наконец его взгляд останавливается на мне. Юноша вздыхает и делает шаг ко мне. Блейз бросается наперерез другу, чтобы заслонить меня от него, но Артемизия неожиданно подставляет ему подножку, и он падает.

Цапля бережно касается моей руки, и мир проваливается в темноту.

Я просыпаюсь в своей кровати, спеленутая одеялами, и на одно благословенное мгновение забываю, что случилось. Один миг Хоа по-прежнему жива. Потом этот миг заканчивается, и мне хочется зарыться глубже под покрывала, заснуть и никогда не просыпаться.

— Как ты? — раздается тихий, обеспокоенный голос Блейза.

Я оглядываю залитую лунным светом комнату и замечаю юношу — тот наблюдает за мной с дивана. Цапля спит на полу, Артемизия лежит на другой половине кровати, спиной ко мне.

Я через силу поднимаюсь. Такое чувство, будто меня несколько раз ударили по голове булыжником,

все тело ноет. В горле пересохло, как будто я наглоталась ваты.

— Тебе не следует здесь быть, — говорю я, проигнорировав его вопрос. Все равно вопрос глупый — как я могу себя сейчас чувствовать?

Блейз качает головой, встает с дивана, подходит к моей стороне кровати, присаживается на корточки и медленно произносит:

— Я отдал свой браслет Артемизии на хранение. Завтра опять уеду. Я покупал еду в городе и услышал новости. Подумал... Не знаю, о чем я подумал.

— Ты подумал, что я нуждаюсь в тебе, — тихо говорю я. Сердце болезненно сжимается. — Я рада, что ты здесь.

Это признание отнимает у меня все силы. «Он меня бросил», — напоминаю я себе, но это внезапно перестает иметь значение, потому что Блейз выбрал меня, когда я в нем нуждалась. Прямо сейчас только это важно.

Блейз берет меня за руку и крепко сжимает, его кожа обжигаете-горяча.

— Даже без живых камней есть вероятность, что я потеряю контроль. Если так случится, Артемизия согласилась убить меня, прежде чем я смогу кому-то навредить.

— Как мило с ее стороны, — бормочу я, глядя на наши сплетенные пальцы. Подушечки пальцев у юноши жесткие и заскорузлые, и все же его прикосновение успокаивает. Не хочется его отпускать.

Блейз тяжело вздыхает, и я боюсь, что он сейчас заговорит о Хоа. Не хочу об этом вспоминать. Не могу пока об этом говорить, в противном случае я просто рассыплюсь на части. Как обычно, Блейз угадывает мои мысли.

— Бич Драконов пыталась зайти; сказала, дескать, хочет обеспечить твою безопасность, но я заявил, что с нами тебе ничто не угрожает.

Я издаю безрадостный смешок.

— Уверена, она восприняла это спокойно и доброжелательно. Знаешь, Бич Драконов заключила сделку с Этристо. Именно поэтому он нам помогает — в обмен на водные камни

Несколько секунд Блейз ничего не говорит, потом длинно выдыхает.

— Жаль, я не могу сделать вид, что удивлен.

— Я и раньше знала, что она способна на ужасные вещи, но это нечто еще худшее. Ампелио был прав: ее помощь обходится слишком дорого, и мне такая помощь больше не нужна.

Я жду, что Блейз станет спорить, напомнит, что нам нужна Бич Драконов, нужен ее флот, что мы не забрались бы так далеко без ее помощи. К моему удивлению, юноша кивает.

— Тогда руби концы, — говорит он. — У тебя есть горакийцы, вектурианцы и беженцы. Одной только помощи Бича Драконов все равно недостаточно. Новый план удастся или провалится без ее участия.

Я сглатываю.

— Завтра мы поговорим об этом с остальными. Нельзя строить планы без них. В конце концов, она мать Артемизии. — Я набираю в грудь побольше воздуха и задаю вопрос, ответа на который так страшусь. — Что произошло? Как Хоа?..

Я не могу закончить предложение, голос срывается.

Блейз отводит взгляд, прекрасно понимая мои чувства.

— Мы предполагаем, что тот виноград предназначен для Эрика, но после того как он уехал, Хоа вошла в его комнату и... — Он умолкает, и я рада, что он останавливается на этом.

— Кайзер убивает женихов, — говорю я. — С самого начала не я была его целью.

— Зачем? — спрашивает юноша, хмуря брови. — Бессмыслица какая-то. Кейловаксианские моряки ясно сказали: кайзер хочет вернуть тебя живой или мертвой. Он ничего не выиграет, напав на кандидатов в мужа.

Я качаю головой.

— Возможно, он согласен вернуть меня мертвой, но живая я ему интереснее. Помнишь, как разнятся награды? Он хочет, чтобы я страдала, хочет быть тому причиной, даже если сам не держит в руке кнут.

Блейз медленно кивает.

— Мне жаль, Тео, — говорит он, помолчав.

Эти слова — словно нож в живот, потому что у меня перед глазами снова возникает распростертая на полу мертвая Хоа.

— Как я скажу Эрику? — бормочу я дрожащим голосом. — Он только что воссоединился с матерью, а я... Он попросил меня позаботиться о ней, и всего несколько часов спустя Хоа убили, а я ничего не сделала.

— Он не станет тебя винить, — заверяет меня Блейз. — Ты ничего не смогла бы поделать. Это кайзер... всегда кайзер...

— Он забирает у всех нас матерей, да? — тихо спрашиваю я. — Твою, мою, маму Цапли. Даже мать Сёрена. А теперь настала очередь Эрика. Теперь только у Артемизии осталась мама.

— Думаю, мою мать кайзер тоже забрал, в каком-то смысле, — говорит вдруг Артемизия.

Интересно, как долго она бодрствует? Слышала ли, как мы обсуждали ее мать несколько минут назад? Спросить этого я не успеваю: Артемизия перекачивается на другой бок и смотрит на меня. Я выпускаю руку Блейза и тоже поворачиваюсь, чтобы оказаться с ней лицом к лицу. Мы смотрим друг на друга и, кажется, что каждая направила свой взор в заколдованное зеркало. Наверное, у нас обеих глаза наших отцов; мы не похожи, но у нас есть что-то общее, нечто большее физического сходства. Должно быть, нас роднит внутренний огонь, унаследованный от наших матерей.

— До Вторжения мама была другой. Мягче, я полагаю, хотя размазней она никогда не была. Она была счастливее. Не такой жадной. Чужие ошибки сердили ее не так сильно. Но после того как кейловаксианцы захватили в плен нас с братом, а обратно вернулась только я... думаю, она никогда мне этого не простит.

Мгновение я не знаю, что сказать. Блейз тоже молчит, внимательно разглядывает край одеяла и рассеянно водит пальцами по шелковой материи — лишь бы не поднимать глаз на Артемизию. Наверное, он боится на нее смотреть, потому что в таком случае они немного сблизятся, а он предпочел бы сохранить дистанцию.

— Не думаю, что она злится на тебя за то, что ты выжила, Артемизия, — говорю я.

Бич Драконов, конечно, не в меру сурова и резка, но вряд ли она способна на подобную жестокость.

— Нет, — соглашается девушка. — Но это из-за меня нас поймали. Я проявила беспечность и глупость, по моей вине мы угодили на рудники. Самое меньшее, что я могла бы сделать, — это вытащить оттуда брата, а я не смогла.

Видеть Артемизию уязвимой настолько непривычно, что я не знаю, как реагировать. Боюсь даже дышать слишком громко, чтобы не спугнуть этот редкий миг откровенности.

— Мне жаль, — говорю я наконец.

Артемизия пожимает плечами и снова поворачивается ко мне спиной.

— Не нужна мне твоя жалость, — бормочет она. — Но кайзер разрушил и мою семью, уничтожил даже тех, кого не убил. Он все разрушает.

Злость исходит от Артемизии постоянно; с первого дня нашего знакомства злость пропитывает все речи девушки, сквозит в каждом ее взгляде, в каждом резком движении. И все же еще никогда я не слышала, чтобы в ее голосе звенела такая ненависть.

Я придвигаюсь ближе и обнимаю Артемизию за плечи. Жду, что она стряхнет мои руки, но вместо этого она хватается за них и крепче прижимает к себе. Потом поворачивается ко мне и утыкается лицом мне в плечо. Только почувствовав на коже влагу, я понимаю, что девушка плачет.

БОЛЕНЦА

Наверное, я уснула, потому что в какой-то момент просыпаюсь от стука в дверь. Цапля и Артемизия по-прежнему спят и не слышат прихода посетителя, Блейза нигде не видно — должно быть, снова ушел. При мысли об этом сердце болезненно екает. Стук повторяется, и я выбираюсь из постели, накидываю пеньюар и прячу под него кинжал, потуже затянув на талии пояс.

На цыпочках крадусь к двери, чтобы не разбудить ребят. Убийца не стал бы стучать, и все же я замираю в нерешительности, потом шепчу:

— Кто там?

— Колтания, — шепчут из-за двери.

Я выдыхаю с облегчением, хотя в глубине души испытываю раздражение. Кажется, я уже сыта по горло сестрой канцлера с ее намеками, предложениями и сделками. Ужасно надоело делать вид, что мне интересен ее брат-льстец.

И все же она еще может мне пригодиться, чтобы вызвать Сёрена из темницы, поэтому я открываю дверь.

Колтания стоит на пороге в том же черном платье с высоким горлом, что и днем. В руках у нее две чашки с чаем.

— Надеюсь, я вас не разбудила, — говорит она уверенным голосом, явно для проформы.

— Разбудили, — отвечаю я, выхожу в коридор и закрываю за собой дверь, чтобы не разбудить Те-ней. Я вернусь в кровать, прежде чем они меня хвата-ются.

— Тогда прошу прощения, — говорит Колтания, но ни малейшего раскаяния в ее голосе нет. — Вот, проснулась и размышляла о том, как вы, должно быть, расстроились вчера. Я так понимаю, вы с *оджо* были близки.

«Оджо». Она имеет в виду Хоа. Хорошо, что Кол-тания не произнесла имени моей бывшей няни — слышать его сейчас было бы невыносимо, особенно из уст человека, совершенно не знавшего Хоа.

«А ты ее знала?» — шепчет неприятный голосок у меня в голове.

— Я знала ее почти всю жизнь, — говорю я. По крайней мере, это правда.

Сочувственное выражение сбегает с лица Кол-тании: она сообразила, что Хоа была мне вовсе не чужой.

— Что ж, мне показалось, вы захотите выпить чаю и поговорить с другом. Не пройтись ли нам немно-го, чтобы не разбудить ваших советников?

«У меня есть друзья, с которыми я могу погово-рить, — думаю я. — Друзья, которые не пытаются ничего от меня получить».

И все же мне самой кое-что нужно от Колтании. Мне нужно, чтобы Сёрен вышел из темницы, поэ-тому я заставляю себя взять одну из чашек.

— Это очень мило. Спасибо, *салла* Колтания, — говорю я и иду вслед за ней к подъемнику. — Как поживаете вы и ваш брат? Уверена, вы оба страшно потрясены случившимся.

— Нам непросто, — признается она. — Мы обсуждали, не лучше ли и нам последовать примеру царя Реймера и уехать, но Марцен решил остаться. Он очень храбр.

Меньше всего мне сейчас хочется выслушивать дифирамбы ее брату. Я слишком устала и подавлена, чтобы делать вид, будто мне есть хоть какое-то дело до канцлера. Однако я делаю глоток чая и морщусь: напиток слишком горячий и слегка горчит. Даже после того как я глотаю, во рту остается странный привкус; он напоминает мне о запахе мокрой древесины и травы после дождя, но я не могу подобрать ему названия. Вероятно, большей гадости я в жизни не пила.

— Простите, — говорит Колтания, увидев выражение моего лица. — Не знала, какой сорт вы предпочитаете, поэтому выбрала свой любимый. Похоже, у нас с вами разные вкусы.

— Все в порядке, — отвечаю я, хотя чай просто отвратителен.

Колтания открывает дверь подъемника, я следом за ней вхожу в железную клетку и киваю рабочему.

— Полагаю, я привыкла пить кофе. В Астрее его готовят со специями, он намного слаще. А к этому сорту чая нужно привыкнуть.

— К самому вкусному, как правило, нужно вначале привыкнуть, — говорит Колтания. — В сад, пожалуйста, — обращается она к рабочему.

Дверь закрывается с металлическим щелчком, и рабочий начинает крутить ворот. Подъемник едет вверх.

Я снова подношу чашку к губам, потому что отказываться было бы невежливо, но делаю совсем крохотный глоток, почти не разжимая губ.

— Лучше? — спрашивает Колтания.

— Лучше, — вру я. — Как продвигается работа над сывороткой правды?

— Боюсь, не слишком хорошо. — И снова в ее голосе не слышно ни капли сожаления. — Из-за вчерашней шумихи совершенно не было времени на работу.

«Шумиха». Я подавляю желание стукнуть сестру канцлера.

— Для меня случившееся вчера важнее, чем даже освобождение из темницы Сёрена, — заявляю я, стараясь на ходу выдумать ложь, которая заинтересует Колтанию. — Сёрен был очень близок с Хо... с оджо.

Я все еще не могу произнести имя Хоа, оно застревает у меня в горле.

— Уверена, принц будет весьма огорчен, — соглашается Колтания.

— Дело не только в этом. — Знаете, почему кайзер так долго оставлял ее в живых? Даже после того, как покинул Гораки?

— До меня доходили слухи. Говорят, когда-то она была очень красива.

«Когда-то». Колтания говорит так пренебрежительно, что во мне все вскипает. Да, юность Хоа миновала, она выглядела старше своего возраста, а кайзер оставил на ней столько отметин, что не сосчитать, но я помню, как выглядела Хоа в лагере беженцев: она была намного красивее Колтании с этими ее ярко-красными губами и кошачьей грацией.

— Не думаю, что кайзер способен на любовь, но вот одержимость — это совсем другое. — Я заставляю себя поддерживать разговор. — Когда кайзер узнает, что вместо сына умерла сама Хоа, он придет в ярость. Нужно как можно скорее уладить все вопросы со свадьбой до того, как кайзер нападет на Ста'криверо. Знаю, я уже делала намеки, но позволю-

те мне говорить прямо: как только Сёрен выйдет из темницы, я выберу вашего брата в качестве своего супруга, и мы, все мы, сможем выбраться из этого дворца до прибытия кайзера. Думаю, это в наших же интересах.

Несколько секунд Колтания молчит, обдумывая услышанное.

— Не могу не согласиться. — Она кивает на мою чашку. — Вам стоит допить чай, пока он не остыл.

Я смотрю на зеленую жидкость. Послевкусие, оставшееся во рту после первого глотка, все не проходит, я словно лизнула мокрую ветку, а потом пососала кусок ржавого металла. На этот раз, поднеся чашку ко рту, я не размыкаю губ, лишь делаю вид, что пью.

— Видите? Вы уже начинаете привыкать, правда? — Колтания улыбается.

Подъемник, дернувшись, останавливается, и часть чая проливается из моей чашки на пол, расплывшись по кремово-белому ковру отвратительным желтоватым пятном. Сейчас я отдала бы что угодно за чашку крепкого, сладкого, приправленного специями кофе!

— Идемте, — предлагает Колтания и тянет меня за свободную руку прочь из подъемника. — Свежий воздух пойдет вам на пользу.

Стоит глубокая ночь, и сад пуст; при виде темных аллей и зарослей волоски у основания моего затылка встают дыбом. Деревья и кусты похожи на притаившихся в темноте чудовищ, они словно вышли напрямиком из горячечного кошмара, а от влажного тумана я чувствую себя пьяной. От резкого запаха цветов кружится голова. Я крепче стискиваю чашку: она лишь наполовину пуста, но я больше не хочу пить этот мерзкий чай. Однако Колтания не сво-

дит с меня глаз, и я не уверена, что могу отказаться. У нее в руках судьба Сёрена. Глядя Колтании в глаза, я снова делаю вид, что пью и снова лгу:

— Восхитительно.

Впрочем, Колтания улыбается

— Цветы так прекрасны в лунном свете, не правда ли? — спрашивает она.

Мы идем по дорожке. Колтания проводит кончиками пальцев по макушке куста, на котором цветут белые цветы. Действительно, в лунном свете они словно светятся.

— Большинство цветов прекрасны в свете солнца, но некоторые предстают во всей красе лишь ночью — как вот эти, например. *Боленца* — в переводе с йоксийского это означает «ночной цвет». Лепестки этих цветов покрыты веществом, от которого они так красиво светятся. Ну не чудо ли?

— Очаровательно, — соглашаюсь я, хотя совершенно не настроена беседовать о цветах.

— Очаровательно, — повторяет Колтания. — Если соскоблить это вещество с лепестков и выварить, получится концентрат, смертельный для человека — если человек его проглотит.

Эти слова, сказанные небрежным тоном, вышибают из меня дух. Кусочки мозаики встают на свои места, и вырисовывается полная картина.

— Вы никогда не волновались за жизнь своего брата, — медленно произношу я. — Даже когда царь Реймер сказал, что убили одного из женихов. Ведь вы уже знали, кто стал жертвой.

Колтания и не думает ничего отрицать. Она смотрит на меня со скупающим видом, на миг медленно опускает веки, как будто разговор ей уже изрядно прискучил.

— Так почему? — спрашиваю я. — Зачем вам работать на кайзера?

Тут она смеется и делает шаг ко мне. Я делаю шаг назад, и ветки куста больно царапают мне ноги, проткнув своими колючками тонкую ткань пеньюара.

— В Ориане детям рассказывают одну сказку про жуткое чудовище, которое утащит их из кроваток и съест, если они будут плохо себя вести. А твоим чудищем из кошмаров стал кайзер. Достаточно просто упомянуть его, и ты уже трясешься от страха. Я хотела хорошенько тебя напугать, рассудив, что так ты скорее примешь решение. Ужасный кайзер стал страшилкой, с помощью которой я рассчитывала тебя подтолкнуть.

— Но та служанка утверждала, что ее послал кайзер, — говорю я. — Она сказала это, находясь под действием сыворотки правды. Или зелье было поддельным?

Колтания небрежно дергает плечом.

— Она повторила лишь то, что ей сказали, а сказали ей, что за покушением стоит кайзер, и за эту услугу ей щедро заплатят. Для нее это и была правда.

Я вспоминаю, как та девушка упала на пол, как билась в конвульсиях, а потом умерла, и чувствую тошноту.

— Зачем же было убивать эрцгерцога Этмонда? — спрашиваю я, повышая голос в тщетной надежде, что в саду кто-то есть и нас услышат. И помогут мне.

Колтания пожимает плечами.

— Я слышала, как ты разговаривала с принцем в саду и как сказала, что собираешься выбрать эрцгерцога. Король Этристо обещал мне, что ты предпочтешь Марцена, но я начала опасаться, что старый

хрыч контролирует тебя не так хорошо, как хочет показать.

Раз она слышала это, значит, дослушала наш с Сёренom разговор до конца и знает, что он признался мне в любви. Вот почему она была так уверена, что между нами что-то есть.

— И ты очернила Сёрена, — говорю я. — Вот почему приготовление сыворотки правды так затянулось. Ты даже не начинала ее готовить, верно?

Колтания качает головой.

— Не хотела, чтобы твое внимание рассеивалось. Не хотела, чтобы ты обдумывала предложение принца.

Она делает еще шаг ко мне, но на сей раз отступать мне некуда. Перед глазами все плывет, и Колтания вдруг раздваивается, но потом снова сливается в одну — глаза у нее горят лихорадочным блеском. Так смотрят хищники, а я была так глупа, что не распознала этот взгляд сразу.

Нужно заставить ее говорить дальше, чтобы выиграть время.

— Но ведь нам наливали одно и то же вино, — говорю я, изо всех сил стараясь сфокусировать взгляд. — Почему ты была так уверена, что я не отравлюсь? Яд был в бокале?

— Нет, не в бокале, — улыбается Колтания. — Это опасно, что-то могло пойти не так; в этом дворце слишком много слуг, я не могла подкупить всех. Нет-нет, я не подливала яд в вино, зато добавила туда клубничного соку: это безопасно, а у эрцгерцога была аллергия.

Действительно, лицо эрцгерцога Этмонда мгновенно опухло и покраснело, он задыхался. Колтания дышала ему в рот, чтобы спасти... во всяком случае, со стороны именно так и казалось.

— Ты не пыталась его спасти, да?

— Пришлось удостовериться, что кто-то не придет ему на помощь. Доблестный вояка и сам мог бы оклематься, если бы его оставили в покое.

— Яд был у тебя на губах, — догадываюсь я.

Колтания улыбается, красные губы растягиваются, обнажая белые зубы. Из-за тумана перед глазами я готова поклясться, что у нее острые, звериные клыки.

— Умная девочка. К моей губной помаде подмешан концентрат боленцы — я уже не в первый раз использую его с такой целью. За долгие годы у меня выработалась устойчивость к этому яду.

Те слухи, вспоминаю я: загадочные смерти политических конкурентов ее брата. Колтания расчищала ему дорогу к власти.

Я открываю было рот, чтобы спросить еще что-нибудь, выиграв тем самым еще немного времени, но голову вдруг пронзает ослепительная боль. Вскрикнув, я роняю чашку, и та разбивается о вымощенную камнями дорожку, а чай разливается. В лунном свете желтоватая жидкость светится.

Колтания наблюдает за мной с интересом. Боль проходит так же быстро, как и пришла, и я тяжело дышу, пытаюсь собраться с мыслями.

— Извини за это, — тянет сестра канцлера. И снова в ее голосе начисто отсутствует всякое сожаление. — Побочный эффект действия яда. Не волнуйся, когда ты потеряешь сознание, боль пройдет.

Боль снова возвращается, моя голова словно раскалывается надвое. Я сгибаюсь пополам и упираюсь руками в колени, чтобы не упасть. Кричу так громко, как только могу. Кто-то должен быть здесь, кто-то наверняка меня услышит.

— Зачем тебе травить меня? — выдыхаю я, когда острая боль сменяется тупой пульсацией в висках. — Что тебе даст моя смерть?

— О, ты не умрешь, — заверяет меня Колтания, — просто станешь... послушнее. Теперь, когда мы знаем, что Этристо заключил сделку не только со мной и Марценом, я больше не могу рисковать. Вывести тебя из Ста'криверо будет непросто, если ты будешь вопить и брыкаться.

«Вывести меня из Ста'криверо». И правда, зачем убивать меня, ведь намного выгоднее похитить. Раз до сих пор никто не пришел на мой крик, значит, уже точно никто не явится мне на помощь.

Я чувствую прижатый к боку кинжал, но коль скоро я с трудом управлялась с ним, будучи в трезвом уме, то сейчас, одурманенная ядом, и вовсе не справлюсь.

Накатывает очередной приступ боли, сильнее двух предыдущих. Меня тошнит, но накануне я ничего не ела, так что из меня выходит только слюна.

— Выпей ты весь чай, как я тебя и уговаривала, ты бы уже мирно спала, — сетует Колтания и тяжело вздыхает, как будто моя боль причиняет ей неудобство.

Я падаю на землю, перед глазами пляшут черные точки. Отчасти мне хочется потерять сознание и спастись от нового приступа боли, погрузиться в благословенную тьму, но я борюсь с подступающим забытием. Заставляю себя сосредоточиться на окружающей обстановке: острые грани камней подо мной, колючие ветки куста царапают мне спину. Колтания нависает надо мной, наблюдает за мной так, словно я — самый необычный экземпляр, над которым ей доводилось экспериментировать.

Боль приходит снова, и я крепко сжимаю кулаки, чтобы ногти впились в ладони — этому трюку я научилась, претерпевая наказания кайзера, чтобы не падать в обморок. Я снова кричу, стараясь делать это как можно громче.

— Никто тебя не услышит, — фыркает Колтания.

Едва она это говорит, как раздаются торопливые шаги. Мое сердце начинает биться быстрее, но надежда умирает, стоит мне увидеть подбежавшего к нам канцлера Марцена. Округлившимися от испуга глазами он смотрит то на меня, то на сестру.

— Колтания, — лепечет он, — ты же сказала, что просто с ней поговоришь.

— Не для того мы вложили столько денег в это дело, чтобы все пошло прахом из-за нерешительности одной девчонки. Сегодня она благоволит тебе, завтра — принцу, послезавтра — императору. Кто знает, что она выкинет еще через неделю? — Колтания чеканит слова, не сводя с меня злобного взгляда. — Я сделала то, что должна была, Марцен, как поступала всегда. Как только мы увезем ее подальше от ее советников и охранников, она станет куда сговорчивее. Но в одном ты была права, Теодосия: кайзер непременно придет за тобой, как только узнает, где ты прячешься. Уверена, царь Реймер скоро известит его об этом, в тщетной попытке завоевать расположение. К тому времени как кейловаксианцы явятся сюда, мы уже будем далеко. Мы позаботимся о тебе, правда, Марцен?

Канцлер не смотрит на сестру, он таращится на меня, у него даже рот приоткрылся.

— Мы такого не планировали, — бормочет он, обращаясь скорее к самому себе, нежели к нам.

— Планы изменились, Марцен! — рывкает его сестра. — Прежде мои методы решения проблем тебя

вполне устраивали, и ты не жаловался, так что не стоит сейчас начинать. Боль скоро пройдет, и наша королева заснет. Я останусь с ней, а ты проверишь, все ли готово для нашего немедленного отъезда. Если ее хватятся, пока мы здесь, убежать мы не сможем.

Мгновение Марцен не двигается, стоит, будто прирос к месту, не сводя с меня глаз. Голову опять пронзает боль, на этот раз она распространяется по всему телу; я кричу — уже не столько в надежде, что меня услышат, сколько пытаюсь вызвать жалость Марцена.

Даже если в глубине души он меня и жалеет, этого оказывается недостаточно. Канцлер переводит взгляд на сестру и кивает.

— Поторопись, — командует она. — Если кто-то нас раскроет, живыми из этого города нам не выбраться.

Канцлер Марцен расправляет плечи и, не оглядываясь, убегает прочь.

Я вижу все хуже и хуже, черные точки перед глазами становятся больше. Дольше мне не продержаться, и все же я должна. Не позволю снова сделать из себя пленницу, больше никогда не буду чьей-то пешкой. Когда меня накрывает новый приступ боли, я наклоняюсь к самой земле и кричу, а сама засовываю руку под пеньюар и хватаюсь за рукоять кинжала. Мне с трудом удастся удержать оружие, потому что пальцы словно ватные. Не представляю, как найду в себе силы нанести удар.

И все же я должна, другого выхода нет. Я сжимаю кинжал так крепко, как могу, потом сажусь. Закрываю глаза, опускаю голову и плечи, делая вид, что потеряла сознание, и приваливаюсь к колючему кусту.

— Наконец-то, — сквозь зубы цедит Колтания.

Слышен звук шагов: она приближается ко мне, присаживается рядом на корточки. Я сильнее стискиваю рукоять спрятанного под пеньюаром кинжала. Сердце грохочет в груди — лишь его стук не дает мне провалиться в темноту. У меня только одна попытка.

Я помню уроки Артемизии, помню, как держать кинжал, куда целиться. Помню, как девушка намеренно злила меня, но сейчас это не требуется. Колтания убила Хоа. У меня перед глазами до сих пор стоит распростертое на полу изломанное тело, этот образ навечно отпечатался в моем сознании. Колтания убила ее, и это знание жжет меня огнем, не давая провалиться в забытье.

Колтания хватает меня за плечи, чтобы поднять, а я изо всех сил бью ее кинжалом в живот.

Не самое лучшее место для удара: не сердце, не горло, не легкое — Артемизия объясняла, что если попасть в эти точки, смерть наступает почти мгновенно — но под таким углом, да еще в моем состоянии трудно прицелиться. Попасть в живот проще всего, пусть даже Колтания умрет не сразу. Клинок проходит сквозь ткань, кожу и мышцы очень легко, словно в пустоту.

Колтания ахает мне в ухо, отскакивает от меня. Глаза ее округляются, в них плещется паника, она пытается осознать, что именно я сделала. Я смотрю ей прямо в глаза, пока она оседает на землю, потом падаю рядом.

Лишь спустя несколько долгих минут жизнь в ее глазах окончательно меркнет, и все это время я не отвожу взгляда.

ШОК

Не знаю, сколько проходит времени. Я парализована, сижу рядом с телом Колтании. Яд, которым она меня отравила, течет в моих венах, перед глазами все плывет, голова кружится, но, по крайней мере, прекратилась боль. Благодарение богам, я сделала лишь пару маленьких глотков чая, не то очнулась бы уже в Ориане или на пути туда, совсем одна. Догадались бы Тени, что со мной случилось? Хотелось бы думать, что догадались бы, но трудно сказать наверняка. Хорошо, что не придется это выяснять.

Где-то рядом хрустит ветка, и я с трудом поворачиваю голову, отчего головокружение разом усиливается. Никого нет, только цветы и деревья, но прямо передо мной воздух едва заметно мерцает — если присмотреться, можно различить призрачные очертания человеческой фигуры.

— Цапля, — зову я и прижимаю руку к груди, чтобы унять заходящееся сердце.

Из ниоткуда возникает Цапля, большими глазами смотрит на мое залитое кровью платье, мертвую Колтанию у моих ног и рукоять кинжала, торчащую

из живота трупа. Судя по выражению его лица, он понял, что здесь случилось, хотя понятия не имеет, почему так вышло.

— Колтания была убийцей, — бормочу я. — Кайзер ни при чем, она действовала сама по себе, ради блага брата. Хотела удостовериться, что я выберу именно его. Они устали ждать, поэтому решили меня похитить и силой выдать за него замуж. Я... Мне пришлось это сделать.

Глаза у Цапли все еще круглые, как висящая в небе луна, но он кивает.

— Идемте. — Он протягивает мне руку, и я хватаюсь за нее, как за спасительный якорь. — Это все меняет.

Это такое преуменьшение, что мне едва удастся сдержать смех. Столько дней я ходила и оглядывалась, полагая, что кайзер меня нашел, что мне никогда от него не спастись. Возможно, в какой-то степени так и есть, но пока я в безопасности. За убийствами стоял не кайзер, а талантливая женщина, чьи амбиции взяли верх над здравым смыслом. Мертвая женщина. Женщина, которую я убила. Мне пока неясно, что я чувствую по этому поводу: при мысли об этом разум словно накрывает белой пеленой. Так что я не буду об этом думать сейчас.

— По крайней мере, теперь король Этристо выпустит Сёрена, — говорю я. — И мы сможем уехать, как и планировали.

Цапля ведет меня обратно в башню, к подъемнику, в котором ждет тот же рабочий. При виде моего испачканного кровью платья и полубезумного выражения лица — уверена, другим оно сейчас быть не может — он никак не реагирует, и все же тревогу

могут поднять в любой момент. Когда найдут тело Колтании...

— Мне не поверят, — говорю я больше для себя, чем для Цапли.

Юноша все равно отвечает:

— Думаю, найдется много доказательств, подтверждающих вашу версию случившегося.

Я качаю головой.

— Еще было много свидетельств невинности Сёрена, да только король Этристо ничего не стал слушать, потому что ему это было невыгодно. Принц Сёрен полезнее ему в качестве узника, чтобы сподручнее было на меня давить, — медленно говорю я. — А теперь он может арестовать еще и меня, тем паче что большинство женихов разбежались. Король теряет из-за меня деньги.

Я рассуждаю вслух, но тут умолкаю и с тревогой смотрю на рабочего. Сердце стучит в груди даже громче, чем во время борьбы с Колтанией. Цапля тоже глядит на рабочего, и бледнеет. Юноша смотрит мне в глаза, и мы с ним понимаем друг друга без слов.

Нам нужно больше времени, и выиграть его можно только одним способом.

Цапля действует так стремительно, что я едва замечаю его движение — уверена, тут не обошлось без магии воздуха. Рабочий не успевает ничего предпринять: юноша хватает его за шею и сжимает горло. Здоровяк отбивается и выпускает ворот, так что подъемник резко останавливается, и мой желудок подскакивает к горлу. Рабочий крупнее Цапли и ожесточенно сопротивляется, но лицо юноши становится отрешенным, и наконец глаза рабочего закрываются, он обмякает всем телом.

Цапля не совершает той же ошибки, которую допустила Колтания, когда стояла надо мной: он не выпускает рабочего, справедливо рассудив, что неподвижность необязательно означает потерю сознания.

— Сможете справиться с воротом? — спрашивает он, удерживая рабочего. — Двигать подъемник вниз должно быть легче, чем вверх.

Я киваю, потому что говорить не могу, и берусь за ворот. Крутить его тяжело, даже несмотря на то, что мы движемся вниз, я обливаюсь потом. Когда мы проезжаем два этажа, Цапля велит мне остановиться.

— Выйдем здесь и пойдем пешком, — говорит он, выпуская наконец тело рабочего. Юноша открывает дверь подъемника и жестом велит мне выходить.

Я наконец вновь обретаю способность говорить и могу озвучить мысль, которая все это время не давала мне покоя.

— Король Этристо потерял из-за меня много денег. Вернуть их он сможет, только продав нас с Сёреном кайзеру.

Цапля, очевидно, пришел к тому же выводу, потому что совершенно не выглядит удивленным.

— Нужно уходить сейчас, — говорит он.

Сердце оглушительно гремит у меня в груди, но я нахожу в себе силы кивнуть:

— Да, но без Сёрена я никуда не пойду.

Артемизия ждет в моей комнате — сидит в кресле перед камином. Она поворачивает голову к двери, видит мое окровавленное платье, и выражение тревоги на ее лице сменяется паникой.

Не давая ей возможности задать вопрос, я поспешно рассказываю обо всем, что случилось после того, как час назад я ушла вместе с Колтанией. Удивительно, насколько спокойно звучит мой голос, хотя в душе я отчаянно паникую.

— Что нам нужно сделать? — отрывисто спрашивает Артемизия, когда я умолкаю. — Освободить Сёрена. Послать весточку Блейзу. Беженцы... нужно раздобыть корабли, чтобы перевезти беженцев, и еду, чтобы их кормить. Еще оружие для тех, кто хочет сражаться.

Она загибает пальцы, подсчитывая стоящие перед нами задачи.

— На все это нет времени. — Я качаю головой. — Мы не сможем все это сделать...

— Не так быстро, — перебивает Артемизия. Ее губы растягиваются в улыбке, но на сей раз глаза ее весело блестят. Такая улыбка для нее редкость, и я даже слегка пугаюсь. — На наше счастье, в гавани Ста'криверо находится много торговых судов, битком набитых всевозможными товарами, в основном провизией и оружием.

— То есть нам остается только заявиться туда и украсть несколько кораблей, — медленно произносит Цапля, глядя на девушку, как на сумасшедшую. — Мы не сможем этого сделать. Нас всего трое — пятеро, если считать Блейза и Сёрена, — но даже этого явно недостаточно.

— С Блейзом и Сёреном нас будет пятеро, — соглашается Артемизия. — Но трое из нас — Защитники, к тому же сейчас глубокая ночь. — Она делает паузу, глядя то на Цаплю, то на меня. — План безумный, но может сработать.

— Я могу вытащить Сёрена, если вы сумеете разыскать Блейза и захватить корабли, — говорю я. —

Беженцев около трех тысяч, если верить подсчетам Эрика. Сколько кораблей нам понадобится?

Цапля качает головой.

— Нам понадобился бы целый флот, Тео, — мрачно произносит он. — Думаю, даже Артемизия согласится, что это невозможно.

Артемизия молчит, только поджигает губы и хмурится, но я знаю: у нее уже есть примерный план.

— Что, если... — начинает Цапля. — Знаю, тяжело об этом говорить, но что, если забрать не всех беженцев? В конце концов, мы тащим их на войну, в ходе которой большинство погибнет. Это опасно...

— Не так опасно, как оставаться здесь после того, как король Этристо поймет, что я сбежала, прихватив его корабли и лишив его дешевой рабочей силы, — замечаю я. — Он просто убьет оставшихся, так что нужно увозить всех. Я никого здесь не оставлю, и не важно, будут они сражаться или нет. Артемизия, что думаешь?

Девушка тяжело вздыхает.

— Есть один вариант, но рискованный — может выйти нам боком. Понадобится помощь моей матери и ее команды.

Я качаю головой.

— Да она сама может сдать меня королю Этристо. — Из-за вчерашних событий я совсем забыла, что мне удалось подслушать его разговор с царем Реймером. — Бич Драконов обещала Этристо право распоряжаться водными камнями, только поэтому он согласился меня принять. Ста'криверо уже долгое время страдает от засухи.

Мгновение Артемизия смотрит на меня так, словно хочет спорить, но в итоге ничего не говорит. Ей

лучше чем кому бы то ни было известно, на что способна ее мать.

— Она нам нужна, Тео, — говорит девушка. — Иначе придется действовать исходя из слов Цапли: оставить здесь две трети беженцев.

Во мне закипает раздражение. Все идет не так, и я не вижу хорошего выхода. В саду лежит тело Колтании. Через несколько часов ста'криверийцы поднимутся наверх — прогуляться или позавтракать на свежем воздухе — и обнаружат труп. Сначала найдут рабочего в подъемнике. Он быстро придет в себя, все расскажет, и король Этристо сложит два и два. Уже к полудню я буду сидеть в темнице рядом с Сёреном, а кайзер отправится сюда, чтобы забрать нас обоих.

Предполагалось, что у меня будет больше времени, но ничего не поделаешь: придется действовать исходя из реальных возможностей.

— Идем, Артемизия, — говорю я. — Раз уж придется разбудить твою мать, я не собираюсь делать это в одиночку.

* * *

Когда Бич Драконов открывает дверь, вид у нее такой, будто она намерена убить того, кто посмел ее потревожить. Одета в белую ночную рубашку, с растрепанными волосами и отпечатком подушки на щеке, она совершенно не похожа на бравую пиратскую капитаншу, которую я знаю и, чего уж там скрывать, боюсь.

Меня так и подмывает высказать ей все, что я думаю касательно водных камней, но прямо сейчас она мне нужна, так что я прикусываю язык.

— Лучше бы у вас была веская причина разбудить меня, — рычит тетка, переводя негодующий взгляд с меня на Артемизию.

Девушка толкает меня локтем, и я воспринимаю это как предложение начать беседу.

— Ну, я только что убила *саллу* Колтанию в саду, а перед этим выяснила, что это она отравила эрцгерцога Этмонда и Хоа, — говорю я. Пусть это мелко и по-детски, но я откровенно люблюсь выражением теткиного лица. — Мы совершенно уверены, что, когда ее тело найдут, а рабочий в подъемнике придет в сознание, король Этристо арестует меня, после чего продаст нас с Сёреном кайзеру, дабы возместить издержки, понесенные в ходе неудачного сватовства. Мне бы очень не хотелось, чтобы так случилось, поэтому мы сейчас уплываем на кораблях, которые захватим в гавани, и заберем с собой беженцев. Направимся в Астрею и захватим Огненный рудник. Ах да, Эрик присоединится к нам там, он привезет беженцев из остальных лагерей. Не хочешь тоже к нам присоединиться? У тебя ведь большой опыт по части захвата торговых судов.

Бич Драконов долго таращится на меня, открыв рот. Пытается заговорить, закрывает рот, снова открывает. Какое-то время она изображает вытаскивающую на берег рыбу, потом наконец берет себя в руки.

— Ты с ума сошла? — спрашивает она. В ее голосе нет сердитых ноток, лишь искренняя забота.

— Я в отчаянии, — отвечаю я. — Но, полагаю, уже недалеко до безумия.

Бич Драконов качает головой, протирает сонные глаза.

— Ладно, — изрекает она с усталым вздохом. — Я помогу тебе выбраться и захватить корабли, но после этого ты будешь сама по себе.

— Мам... Капитан, — говорит Артемизия, потом кашляет. — По-моему... мне кажется, это неверный выбор. Ты нужна нам не только для захвата кораблей, но и для битвы. Нам нужно, чтобы ты могла победить вместе с нами.

В голосе Артемизии звенит такая тоска, что у меня сжимается сердце, но Бич Драконов и бровью не ведет. Она смотрит на дочь так же, как смотрела бы на одного из членов своей команды, посмевшего оспорить ее решение.

— Король Этристо рассердился на меня, так что я уплываю и забираю компенсацию в виде кораблей, — говорит она.

— Он на тебя «рассердился»? — переспрашиваю я, не удержавшись. Слова срываются с губ прежде, чем я успеваю прикусить язык. — Это смешотворно. Скажи, сколько водных камней ты ему предложила, ради возможности выставить меня на торги и продать тому, кто больше всех заплатит?

Она бестрепетно выдерживает мой взгляд.

— Я предложила ему весь рудник.

Жар приливает к кончикам моих пальцев, но я сжимаю кулаки. «Только не сейчас».

— Он не твой, и ты не имела права им распоряжаться, — чеканю я.

Тепло распространяется по пальцам, поднимается вверх по рукам, кожу покалывает. Я пытаюсь не обращать внимания на эти ощущения, сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Боль немного меня отвлекает.

Краем глаза я вижу, что Артемизия косится на мою руку.

Бич Драконов пожимает плечами.

— Кто-то же должен был подумать об Астрее, — говорит она, и Артемизия снова смотрит на нее. — Я знала, что сама ты этого ни за что не сделаешь, поэтому взяла ответственность на себя. Одна шахта в обмен на целую страну. Четверть силы в обмен на остальное. Простое решение.

— Шахты тебе не принадлежат, — повторяю я сквозь зубы. — Ты не королева, как бы тебе ни хотелось ею быть. Я наследница моей матери, а ты — всего лишь пиратка.

Я намеревалась оскорбить тетку, но та лишь гордо выпрямляется.

— Этристо не умеет воевать, — говорит она и переводит взгляд на Артемизию. — Забрать его корабли будет довольно просто, после чего мы легко сбежим. Но я не стану бросать свою команду в горнило войны с Кейловаксией — эту войну не выиграть. И тебе не стоит воевать, Артемизия. В конце концов, Тео права: мы с тобой простые пиратки.

Она говорит резким голосом, но Артемизия впервые не вздрагивает и не съеживается под суровым взглядом матери. Наоборот, она расправляет плечи.

— Знаешь, Водный рудник уничтожил меня, и он же создал меня заново. Король Этристо не заслуживает ни единого камешка из недр этих шахт. За некоторые вещи нужно биться насмерть, даже если борьба кажется безнадежной. Можешь и дальше считать меня бесполезной — надеюсь, я сослужу добрую службу Астрее.

Бич Драконов не отвечает, лишь переводит взгляд на меня.

— Мне не нужна твоя корона, Тео. Она меня раздавит, — тихо говорит она. — Я всегда делала

лишь то, что лучше для Астреи, но это не значит, что я очертя голову брошусь в сражение, которое нельзя выиграть. Я дам тебе твои корабли, но потом наши пути разойдутся.

Говорить больше не о чем, поэтому я киваю и поворачиваюсь к двери. Мы с Артемизией уходим, не сказав больше ни слова, а дверь за нами закрывается. Мы проходим полпути по коридору, как вдруг Артемизия резко останавливается, хватает меня за руку и заставляет разжать кулак. В полумраке освещенного свечами коридора видно, что кожа на ладони покраснела.

Мне хочется отнять руку и спрятать за спину, но уже поздно. Артемизия все знает — вероятно, еще раньше заподозрила неладное, а теперь подтвердила свою догадку. Я сглатываю.

— Это происходит уже какое-то время, — тихо говорю я. — Сначала были мелочи, например, пламя свечи двигалось в такт моему сердцебиению, я слышала зов огненных камней. Но теперь на меня накатывает сильный жар, когда я злюсь.

Я умалчиваю о самом серьезном происшествии, том, которое случилось после моего кошмара с Кресс в главной роли.

Сначала Артемизия не отвечает. Трогает мою ладонь кончиком пальца, и тут же отдергивает руку.

— Горячо.

— Я не чувствую, — признаюсь я. Меня так ужасала необходимость объясняться, но в то же время приятно с кем-то поделиться. Удивительное дело: я рада, что этим человеком оказалась именно Артемизия.

Она снова касается моей ладони, но на этот раз ее пальцы холодят мне кожу, как будто я окунула руку

в бассейн с холодной водой. Это ощущение распространяется по всему телу.

— Кто-то еще знает? — спрашивает Артемизия.

— Нет, — шепчу я. — Не хочу рассказывать ребятам.

Мгновение я выжидаю, что Артемизия возразит, но она только вздыхает и спрашивает:

— Так ты сможешь вызволить Сёрена?

Я киваю:

— Со мной все хорошо.

— Отлично, — резко бросает Артемизия. — Будем решать проблемы по мере их поступления.

ПРОРЫВ

Сёрен, как обычно, сидит, прислонившись к стене камеры. Когда он поднимает голову, становятся видны темные круги у него под глазами, резко контрастирующие с его бледной кожей. Даже в неверном свете свечей видно, что эта бледность имеет землистый оттенок. Принц уже несколько дней сидит в камере, и, чем бы его тут ни кормили, еда не идет ему на пользу.

Когда дойдет до драки, он будет не в лучшей форме. Хорошо, что, даже будучи ослабленным, Сёрен остается лучшим бойцом, чем большинство других воинов, находящихся на пике формы. Надеюсь, в решающий момент его сил хватит.

Тизоли оставляет нас и возвращается на пост, так что мы можем поговорить.

— Выглядишь ужасно, Тео, — тихо говорит Сёрен. — Наверное, что-то случилось, раз ты сегодня пришла намного позже обычного?

— Возникли... трудности, — осторожно признаюсь я.

Очевидно, Сёрена что-то настораживает в моем голосе, потому что он, тяжело вздохнув, поднима-

ется с пола. Я распахиваю плащ и достаю привязанный к спине меч. Угловатый, тяжелый кейловаксианский клинок не так красив, как украшенные чеканкой астрейские мечи, особенно после того, как из его рукояти вытащили живые камни. Я помню, что первый камень Сёрен сам отдал Защитникам, которых мы повстречали в астрейской темнице, а остальные, должно быть, выковыряли матросы Бича Драконов, после того как обезоруженного принца увели в карцер.

При виде оружия лицо Сёрена озаряется широкой улыбкой.

— Стурдекс, — говорит он, просовывает руки между прутьями решетки и тянется к мечу. — Я уж думал, что он пропал, после того как мы покинули Астрею.

Я передаю ему меч, не в силах скрыть веселье, хотя понимаю, что сейчас не время и не место веселиться.

— Бич Драконов взяла его себе, но Артемизия забрала, — поясняю я. — Ты... дал имя своему мечу?

Принц почти не обращает на меня внимания, он полностью поглощен клинком: взмахивает им, взвешивает в руке. Юноша смотрит на меч с такой нежностью, что я почти жду, что он вот-вот его поцелует.

— Без камней он ощущается совсем по-другому, — задумчиво бормочет Сёрен, потом, кажется, осознает суть моего вопроса. — Конечно же я дал ему имя. Мы с ним через многое прошли вместе... Стурдекс нравится мне больше многих друзей. Возможно, он нравится мне даже больше, чем ты.

— Надеюсь, это не так, потому что я собираюсь о многом тебя попросить.

Сёрен отрывает взгляд от меча, смотрит на меня, решительно сжав губы.

— С чего начнем? — спрашивает он.

Несколько минут спустя я зову Тизоли и говорю, что готова уходить. Когда стражник подходит к камере, перебирая в руках висящие на связке ключи, меня вдруг начинают одолевать сомнения. Из всего, что я сделала сегодня, я буду сожалеть лишь о том, что собираюсь сделать сейчас. Потому что Тизоли самый добрый из всех ста'криверийцев, кого я до сих пор встречала.

Я все равно прыгаю на него, когда он поворачивается ко мне спиной, все равно хватаю его за шею, как научил меня Цапля, и сжимаю изо всех сил. Все равно выбиваю у него из рук ключи и пинаю их ногой, так что они отлетают прямо в камеру Сёрена.

Меня мучают угрызения совести, когда Тизоли наконец обмякает, падает на колени, а глаза его закрываются. Я не выпускаю его, пока Сёрен не отпирает замок и не выходит из камеры с мечом на изготовку. Наконец я выпускаю Тизоли, а Сёрен слегка тыкает его в плечо острием меча. Тизоли не двигается, но грудь его поднимается и опускается.

— Ты его не убила, — успокаивает меня принц, хотя я и сама это вижу. И все же эти слова успокаивают.

Я киваю и вытаскиваю из ножен кинжал.

— Уже почти рассвет, нам нужно быть на пути в лагерь прежде, чем дворец проснется.

— У меня такое чувство, что все это с нами уже было, Тео, — говорит Сёрен. — Кажется, только вчера я спасал тебя из темницы.

— Есть существенная разница: я не знаю ни о каких потайных туннелях, — замечаю я.

Принц смотрит на меня с тревогой.

— Так какой у нас план? Выйдем через главные двери? Сейчас, конечно, глубокая ночь, но там все равно будет стража.

— Знаю, — отвечаю я. Сердце громче колотится в груди. — Ста'криверийцы обожают представления, так что мы устроим для них спектакль. — Я киваю на неподвижного Тизоли — тот одет в простые штаны, рубашку и камзол стражника. — Кажется, у вас двоих примерно одинаковый размер.

Сёрен скептически глядит на меня, но я прямо-таки вижу, как у него в голове крутятся шестеренки. Принц кивает.

— Отвернись.

Я возвожу глаза к потолку, но повинуюсь.

— Тебя внезапно обуяла скромность?

— Не совсем, — отвечает принц. Я слышу, как он стаскивает с себя одежду и обувь. — Но сейчас тебе нужно сохранять ясный рассудок, и не хотелось бы тебя смущать.

Я невольно фыркаю:

— Определенно сейчас не время для глупых шуток.

— Не уверен. Убегать, спасая свою жизнь, не так ужасно, если мы делаем это вместе с тобой. Все, можешь повернуться.

Я поворачиваюсь и понимаю, что у Тизоли и Сёрена определенно разный размер одежды. Рубаха и штаны более-менее подошли, но у Сёрена

слишком широкая грудь, так что пуговицы застегиваются еле-еле, вдобавок рукава коротки. Очевидно, Сёрен и сам это понимает, но его это скорее веселит, нежели огорчает.

— Что поделаешь! — хмыкает он, одергивая рубашку. Разумеется, та по-прежнему сидит на нем ужасно. — Все равно должно сработать. А с тобой что будем делать? Тебя очень легко узнать.

Я подбираю с пола плащ и снова закутываюсь в него, ниже опуская капюшон, чтобы лицо скрылось в тени. Принц принимается было натягивать форменный камзол Тизоли, но я его останавливаю.

— Мы все равно привлечем внимание, — поясняю я. — Главное при этом устроить славное представление.

* * *

Мы поднимаемся не на подъемнике, а по лестнице; древние ступеньки так и норовят осыпаться под ногами. При наличии подъемника лестницей так давно не пользовались, что она буквально рассыпается от старости. Какое-то время все идет хорошо, а потом мы добираемся до главного этажа, и навстречу нам попадает какой-то стражник. Мы с Сёреном начинаем спотыкаться и громко смеяться, я повисаю на плече юноши, словно не могу стоять самостоятельно, Сёрен тоже делает вид, будто опирается на меня.

В первое мгновение такой близости на меня находит ностальгия, а в голову лезут воспоминания о наших с Сёреном поцелуях, но это чувство так же быстро проходит, потому что пахнет от юноши

темницей: плесенью, тьмой и застарелым потом. Никогда бы не подумала, что буду благодарна за этот запах.

Краснолицый стражник что-то кричит нам по-ста'криверийски — очевидно, это какой-то вопрос. Бурно жестикулируя, он указывает на открытый дверной проем за нашими спинами, вероятно, спрашивая нечто вроде: «Что вы, парочка придурков, там делали?»

Сёрен, шатаясь, выпрямляется во весь рост и едва не падает, хватается за мое плечо, указывает на меня и что-то говорит по-ста'криверийски; язык у него так заплетается, словно юноша изрядно перебрал спиртного. Он многозначительно поднимает брови и глядит на стражника. Уверена, Сёрен только что сказал, будто мы с ним уединились в подземелье не просто так, а с весьма конкретной (и очень неприличной) целью, и именно поэтому юноша весь в грязи и в пыли.

Стражник смуро глядит на меня, и я пониже опускаю край капюшона. Он что-то мне говорит, я, разумеется, не понимаю ни слова, но Сёрен поспешно разражается сиплым хохотом.

Он снова что-то говорит стражнику, наверное, нечто вроде: «Она пташка очень застенчивая, вот, смутилась, что ее застукали после нашего с ней свидания в подземелье, так что, если ты не против, старина, мы пойдем».

Стражник смурится и говорит что-то еще. Я понимаю только слово «этралиец». Похоже, он думает, что Сёрен этралиец. Полагаю, это неудивительно: и кейловаксианцы, и этралийцы светловолосые и бледнокожие. Вот только делегация этралийцев во главе с царем Реймером отбыла из дворца вчера.

Сёрен сохраняет спокойствие, и бормочет что-то по-ста'криверийски, добавив несколько слов на этралийском для достоверности. Он притягивает меня ближе и снова указывает на меня. Жаль, я не могу его пнуть.

Стражник громко фыркает и бросает на Сёрена сердитый взгляд, так что юноша снова начинает что-то радостно вещать заплетающимся языком.

Проходит, кажется, вечность, но в конце концов стражник закатывает глаза и взмахом руки отпускает нас, крикнув что-то напоследок, наверное, нечто вроде: «И больше не смейте устраивать свиданки в подземелье». С радостью последую его совету. Не хотелось бы снова оказаться в темнице, хотя риск вскоре попасть туда весьма велик.

Проходя по главному залу, мы с Сёреном старательно пошатываемся, хватаемся друг за друга и хихикаем, привлекая внимание еще нескольких ста'криверийцев: служанок, поваров и посыльных. Все они смеются над нашим глупым видом — еще бы, приятно видеть, как парочка богатеньких бездельников выставляет себя на посмешище.

Когда мы наконец выбираемся из дворца, я уже смеюсь абсолютно искренне. Сёрен тоже смеется, и, хотя притворяться больше не нужно, мы по-прежнему опираемся друг на друга.

— Он спросил, почему я все еще здесь, раз все этралийцы уехали еще вчера, а я сказал, что решил остаться и жениться на тебе, — поясняет Сёрен сквозь смех. — Стражник разозлился и стал ворчать, дескать, чужеземцы воруют ста'криверийских девушек. Тогда я сказал, мол, пусть приезжает в Этралию, я его познакомлю со своими кузинами. Боюсь,

в один прекрасный день он попытается меня найти и заставить сдержать слово.

Я громко фыркаю от смеха и говорю:

— Идем.

Машинально беру его за руку и тяну за собой.

Мы шагаем по пустынной улице.

— Тебе понравилось, да? — спрашивает принц.

— Убегать, ради спасения своей жизни? — Я оборачиваюсь и гляжу на него через плечо. — Конечно нет.

— Опасность, — уточняет он. — Охотничий азарт, необходимость действовать стремительно.

Я обдумываю эту мысль, потом пожимаю плечами.

— Думаю, мне нравится действовать, а не ждать у моря погоды. Мне нравится, когда есть план, и я осуществляю его, не ожидая милости от других, не завися от чужих решений.

— Изначальный план был несколько иным, верно?

Этого вопроса я боялась с тех пор, как передала ему меч в темнице.

— Да, — признаюсь я.

Пока мы идем по извилистым улицам, я рассказываю Сёрену о плане, который мы придумали вместе с Эриком, потом — про смерть Хоа, про Колтанию, яд и лежащий в саду труп.

— Мне жаль, — говорит принц, когда я заканчиваю.

Я снова оборачиваюсь и смотрю на него.

— За что?

— Я ошибся: тебе все это не нравится. Ты в шоке. Я видел такое на поле боя — солдаты наблюдали, как умирали их лучшие друзья, или впервые убивали

людей и смотрели, как жизнь меркнет в глазах их жертв. Они все равно продолжают сражаться, потому что так нужно. Кровь быстрее бежит по их венам. Они бьются отчаяннее и сильнее, чем прежде. Их разум сосредоточен лишь на том, чтобы выжить в битве... но битва всегда заканчивается, а вместе с ней проходит и шок. Мне жаль, что тебе пришлось все это пережить.

Я сглатываю, отвожу глаза и тихо говорю:

— Нужно торопиться. Постараемся отъехать от города подальше, прежде чем король Этристо пошлет за нами погоню.

БЕГСТВО

Деньги, которые дала мне Артемизия, пригодились: Сёрен подкупает конюха, и тот седлает для нас лошадь, а принц тем временем пытается наскоро отмыться мокрой тряпкой. В итоге тряпица становится черной, а принц обретает относительно приличный вид. Он переодевается в чистую одежду, купленную все у того же конюха: вещи юноше велики, но в них ему, по крайней мере, удобнее, чем в штанах и рубаше Тизоли.

Нам предстоит долгая скачка, и, честно говоря, я не знаю, что было бы лучше: если бы Сёрен «благодарил» темницей или самим собой. Раньше от него исходил запах морской соли и свежеструганых досок, но я поскорее отбрасываю эти мысли.

Когда конюх приводит лошадь, Сёрен помогает мне на нее забраться, потом сам вскакивает в седло передо мной. Он забирает у слуги повод, бьет скакуна пятками по бокам, и мы мчимся прочь из города. Я крепко обнимаю Сёрена за пояс, прячась за его спиной от горячего ветра пустыни. Как только мы отъезжаем от города, я наконец сбрасываю с головы капюшон.

«Мы справились», — бьется в голове восторженная мысль. Мы выбрались из города, прежде чем тело Колтании обнаружили, прежде чем рабочий в подъемнике очнулся и рассказал всем о случившемся. Даже если прямо сейчас все вскрылось, страже ни за что нас не догнать. Обнаружив наше отсутствие, они предположат, что мы попытаемся скрыться тем же путем, каким прибыли сюда — по морю, отплывем на корабле из гавани. Им и в голову не придет проверить лагерь беженцев.

Я крепче обхватываю Сёрена за пояс.

— Все нормально? — кричит он.

Голос принца плохо слышен из-за свиста ветра.

Я киваю, прижавшись щекой к его плечу.

— Я бы никогда тебя не бросила.

Он не отвечает, и я предполагаю, что он вообще меня не услышал, это вполне понятно, ведь ветер дует так сильно, что я почти не слышу собственные мысли. Когда я уже не жду ответа, юноша говорит:

— Ты никогда не бросала. Приходила на помощь, даже если это осложняло тебе жизнь.

Я думаю о том, как решила спасти его из темницы: оставить там принца было бы гораздо проще. Сейчас я уже была бы на корабле вместе с Тенями, не пришлось бы идти на огромный риск. Я помню, как на «Тумане» заключила сделку с Бичом Драконов и чем пожертвовала, ради того чтобы вытащить Сёрена из карцера. Когда я сама сидела в темнице, то сказала Блейзу, что меня не нужно спасать, потому что мне на выручку придет Сёрен и мы сможем использовать это к собственной выгоде.

Присутствие Сёрена в моей жизни изрядно ее осложняет, но я вдруг понимаю, что мне это нравит-

ся. В саду я сказала принцу, что он не может меня любить, потому что совершенно меня не знает, и я по-прежнему в это верю. И все же сама я прекрасно его знаю. И я в него влюблена.

* * *

Когда на горизонте появляется обнесенный стеной лагерь, солнце уже поднимается на востоке, но его нижний край еще касается песчаных дюн. Уже достаточно светло, и я вижу, что мы приехали не первыми: к калитке уже подъезжает группа всадников с мечами наголо. Издалека я могу различить только бело-голубые волосы Артемизии.

Сёрен останавливает лошадь на гребне бархана, и мы оглядываем лежащий внизу лагерь и разворачивающееся сражение. Из бараков к стене бежит с полдюжины стражников. С одним Артемизия быстро расправляется, хотя он вооружен двумя мечами, а девушка — только одним. Сначала она выбивает у него один меч, но когда солдат взмахивает вторым, отрубает ему руку.

Я поспешно отвожу взгляд, хотя от пронзительных криков раненого никуда не спрятаться.

— Все закончится быстро, — говорит Сёрен, спрыгивает на песок и помогает мне спуститься с лошади.

Я киваю.

— Их поставили сюда, чтобы не позволять беженцам покидать лагерь, — говорю я. — Они следили, чтобы тысячи безоружных людей не выходили за эти стены — прямо как пастухи. Им и в голову не могло прийти, что кто-то попытается прорваться в лагерь снаружи.

Один из наших воинов протыкает мечом другого стражника, и клинок выходит у того из спины. Я вздрагиваю, и Сёрен, очевидно, замечает это.

— Тебе необязательно смотреть, — говорит он. — Я могу тебе сказать, когда все будет кончено.

Сначала я намереваюсь остаться и смотреть. В конце концов, лагерь захватывают по моему приказу; хоть я и не нахожусь в гуще сражения, вся эта кровь на моих руках. Меньшее, что я могу сделать, — это увидеть все своими глазами. Но Сёрен сказал, что сражение скоро закончится, а мне еще нужно подготовиться.

— Спасибо, — благодарю я принца, обхожу лошадь и снимаю плащ. Расправляю складки темно-красного платья, но после скачки подол помят и испачкан в пыли, и этого не исправить. Придется обходиться тем, что есть.

Сёрен смотрит на меня, удивленно приподняв брови.

— Не знал, что мы направляемся на бал. Было бы удобнее надеть брюки, раз уж пришлось ехать верхом.

— Артемизия сказала, что мне следует произвести должное впечатление, — поясняю я. — Нужно, чтобы люди пошли за мной, а они охотнее пойдут за тем, кто похож на королеву, а не на оборванку.

Сёрен фыркает:

— Прямо так и сказала?

Я пожимаю плечами.

— Она права. Люди уже видели меня растерянным ребенком, не знавшим, что делать.

Молодой человек задумчиво глядит на меня, не обращая внимания на очередной пронзительный крик, раздавшийся у стены.

— Не знаю, какое отношение это имеет к платью. Да, в нем ты выглядишь более величественно, но только из-за него люди за тобой не пойдут.

У меня внутри все сжимается.

— Что же делать?

Сёрен пожимает плечами, отводит глаза и поворачивается к лагерю.

— Тебе не нужно выглядеть как королева — ты и так королева. Покажи им девушку, которой хватило ума сбежать у кайзера из-под носа; которой хватит отваги защитить свой народ ценой собственной жизни; девушку, которой хватит сил, чтобы твердо стоять на ногах, как бы на нее ни давили. Ты королева, Тео, и они будут дураками, если не последуют за тобой.

Он не смотрит на меня, произнося все это, и я ему за это благодарна. Сёрен не видит, какое воздействие оказывают на меня его слова, как от его речей у меня краснеют щеки. Я шагаю к нему и расправляю плечи. Все охранники лежат на песке, мертвые или обезоруженные, так что пора проверить, прав ли Сёрен.

ПРИБЕЖИЩЕ

Когда мы с Сёренom подходим ко входу в лагерь, остальные уже ждут нас. Над мертвыми телами стоят Цапля и Артемизия, держа в руках окровавленные мечи. К моему удивлению, Бич Драконов тоже здесь — я полагала, она останется на корабле и не станет принимать непосредственного участия в осуществлении нашего «глупого плана», однако она здесь. Когда мы подходим, она смотрит на меня с легким прищуром. В душе у меня до сих пор клокочет ярость из-за того, что тетка пообещала королю Этристо Водный рудник, и все же я заставляю себя кивнуть в знак благодарности. Мы не продвинулись бы так далеко без Бича Драконов.

Я подхожу к Цапле и Артемизии. Мы расстались всего пару часов назад, но мне уже страшно хочется обнять ребят. Впрочем, я сдерживаюсь, потому что их одежда и руки испачканы кровью.

— Молодцы, — говорю я. — Как все прошло в гавани? Вы захватили достаточно кораблей?

Артемизия кивает:

— Предостаточно. А также провиант и оружие. Моя мать всячески выражает недовольствие, зато ее

команда восприняла все случившееся с энтузиазмом. Думаю, около половины ее матросов присоединятся к нам, чтобы отправиться захватывать рудник.

Я улыбаюсь:

— Чудесно. А Блейз?

— Мы отправили его на встречу со старейшинами, — поясняет Артемизия. — Он передал им твое предложение, чтобы все могли его обдумать и дать ответ к тому времени, как ты приедешь.

Я киваю, пытаюсь унять нервозность.

— Тогда давайте переправим людей на корабли. Разобраться, кто хочет сражаться, а кто нет, можно и потом, когда все мы будем в безопасности.

Когда Цапля и один из людей Бича Драконов открывают калитку, я вижу, что на улицах возле стены собрался весь лагерь: люди обнимают своих любимых, прижимают к груди узелки со всем своим скудным имуществом.

Я вхожу в лагерь, за мной следуют мои Тени, Бич Драконов и ее воины, но все как один беженцы глядят на меня с тревогой. Они пришли сюда, в надежде обрести убежище, а я снова принесла войну к их порогам.

Вот только здесь они не в безопасности.

Я наблюдаю, как старейшины строят людей в линию и направляют к выходу из лагеря, бывшего их домом на протяжении многих лет. Многие жили тут десятилетиями. Люди проходят мимо меня, и я, чувствуя на себе их взгляды, выпрямляю спину, расправляю плечи. Я стараюсь выглядеть как королева, но потом вспоминаю слова Сёрена: нельзя выглядеть как королева, можно просто быть ею.

Я вдруг понимаю, что до сих пор пыталась подражать своей матери, казаться такой же грациозной и уверенной, но я — не она. Было бы верхом глупости чувствовать себя уверенно в сложившихся обстоятельствах, и здесь никому не нужна моя грациозность. Этим людям нужно убежище, еда и путь вперед, и все это я могу им дать. Пока этого достаточно.

Сквозь толпу протискивается Сандрин, подходит к нам и кланяется в пояс. Следом за ним идет Блейз, он посматривает по сторонам мрачно и с тревогой. Под глазами у него сильнее чем прежде обозначились темные круги, от него исходит такая сильная энергия, что вибрирует воздух.

— Ваше величество, — обращается ко мне Сандрин. Он впервые называет меня так, очень непривычно слышать мой титул из его уст. Мне кажется, я еще не заслужила такого уважения.

— Сандрин, — говорю я, слегка наклоняя голову. — Благодарю за вашу помощь. Как только посадим всех на корабли, мы отплываем. Вряд ли ста'криверийцы станут нас преследовать, бойцы из них никудышные.

Старейшина кивает.

— Я передал всем ваше послание. — Он бросает взгляд на стоящего позади Блейза. — Многие пока сомневаются.

— Это непростое решение, его не следует принимать второпях, — отвечаю я. — У людей будет время обсудить все еще раз на корабле. Надеюсь, вы и остальные старейшины останетесь на моем корабле? Мне понадобятся ваши мудрые советы.

Сандрин выглядит удивленным, но кивает.

— Почту за честь.

Он снова кланяется и присоединяется к другим старейшинам — все вместе они ведут беженцев к выходу из лагеря.

Когда он удаляется, ко мне подходит мрачный Блейз.

Я не знаю, что сказать, так что просто благодарю его.

— Рад был оказаться полезным, — отвечает юноша. — Артемизия посчитала, что для меня участие в сражении оказалось бы слишком опасным.

Разумное решение, но Блейзу оно явно пришлось не по вкусу.

— Ты был нужен мне здесь, — заверяю я его. — Как, по-твоему, все прошло? Сандрин сказал, что многие еще раздумывают, но...

Блейз понимает, о чем я спрашиваю, и уголки его губ чуть-чуть приподнимаются в мрачной улыбке.

— Думаю, большинство хотело согласиться на борьбу сразу же, едва услышав твое сообщение, и, сдается мне, в конечном счете это их желание перевесит все сомнения.

Я улыбаюсь, в душе загорается искра надежды.

Несколько секунд юноша молчит.

— Отдал Артемизии свои камни, — признается он. — Опасно оставлять их у меня, пока я на корабле.

Прежде он уже отдавал свой браслет Артемизии — на хранение, но не навсегда. Он все равно заберет браслет обратно и попытается сделать какую-нибудь благородную глупость, но не сегодня. Сегодня он здесь, со мной, в безопасности, и он просто Блейз.

Юноша тянется ко мне и крепко обнимает. Его объятие обжигает, особенно под жарким

ста'криверийским солнцем, но я все равно обнимаю его в ответ.

— Мы плывем домой, Тео, — шепчет Блейз мне на ухо. В его устах слово «дом» звучит как нежная сахарная вата.

Оно эхом отдается у меня в голове, даже после того как юноша меня выпускает, — это слово-молитва, обещание, которое вот-вот исполнится.

В МОРЕ

Три тысячи человек изъявляют готовность сражаться.

Все эти люди с трудом помещаются на пятнадцати кораблях, которые Бич Драконов захватила в гавани, но нам удастся взять на борт всех. Думаю, даже в такой тесноте у людей здесь больше места, чем в лагере. Флот Бича Драконов тоже принимает многих беженцев, тех, кто не может или не хочет сражаться; правда, не уверена, что тетушка собирается с ними делать.

Пусть я не слишком доверяю Бичу Драконов — во всяком случае, многие ее решения и поступки вызывают у меня сомнения, — но хочется верить, что она обойдется с этими людьми по совести, учитывая, как сильно подвела многих из них в прошлый раз. Мы обе хотим лучшего для Астреи, даже если почти никогда не сходимся во мнениях.

Когда наши пути расходятся, трудно не испытывать грусть. Бич Драконов подвела и меня тоже в каком-то смысле, и все же я могу ее простить, если однажды она даст мне такую возможность. Увы, Бич Драконов не такова, и прощение ей не требуется. Она не захотела получить его от моей матери, а от

меня и подавно его не ждет. Она даже у родной дочери не просит прощения, хотя Артемизия тоже его не ждет, зная крутой нрав матери.

Мы вместе стоим на корме и смотрим, как маленький флот Бича Драконов исчезает на горизонте. Я до последнего надеюсь, что корабли повернут назад и все-таки присоединятся к нам, но Артемизия провожает флот своей матери смиренным взглядом.

— Это получается у нее лучше всего, — говорит она после минутного молчания. — Именно поэтому она до сих пор жива — потому что умеет правильно выбрать время для бегства.

В ее отрешенном тоне есть какой-то подтекст, который я не заметила бы еще пару недель назад, когда не знала Артемизию так, как знаю сейчас. Она всегда знала, что мать не останется, и все же надеялась, что та ее не бросит.

— Мне жаль, — говорю я.

Девушка пожимает плечами — движение выходит резким и неуклюжим в противовес ее обычной грациозности. Артемизия так сильно стискивает зубы, что я удивляюсь, как она вообще может говорить.

— Только дураки зря тратят время на сожаления и извинения, — заявляет она, но в этих словах нет привычной желчи.

«Значит, мы обе дуры», — думаю я, но вслух этого не произношу. Артемизия не хочет об этом говорить, и ей это не нужно, поэтому я не стану давить на нее и предлагать поделиться своими чувствами. Я даже не пытаюсь ее обнять, хотя будь я на ее месте, мне бы хотелось, чтобы меня обняли. Артемизии это не нужно, ей нужен кто-то, кто останется рядом и сделает вид, что не замечает ее слез, хотя они текут по щекам. Именно так я и поступаю.

Этой ночью в моей каюте чересчур тихо. Я заняла капитанские покои на главном корабле, и они просторные, насколько так можно говорить о каютах: здесь есть комната с письменным столом, обеденным столом и койкой, но после моих покоев в ста'криверийском дворце помещение кажется крохотным. Обстановка простая и скромная — ничего похожего на ста'криверийские роскошь и украшательство, хотя по всему этому я хотя бы не скучаю. Наоборот, мне приятно касаться потертого дерева и тонкого матраса, нравится сидеть за грубо оструганным столом на жестком стуле с неровными ножками. Здесь мне удобно, я чувствую себя как дома — это чувство гораздо приятнее пышной роскоши.

В тишине на меня обрушивается лавина мыслей; стоит закрыть глаза, как в голову лезут всевозможные кошмары, хотя я еще даже не успела заснуть. Вполне возможно, я веду всех этих людей на бойню. Тысячи людей могут вскоре умереть из-за сделанного мной выбора. Это все равно как если бы я сама вонзила кинжал в грудь каждому из них.

Когда-то я думала, что на руках Сёрена столько крови, что их уже никогда не отмыть, но теперь мои собственные руки кажутся ничуть не чище. Я лично убила Ампелио и Колтанию, но сколько еще жизней оборвалось из-за меня? Элпис, Хоа, эрцгерцог Этмонд, Защитники в астрейской темнице, подосланная Колтанией служанка, охранники у входа в лагерь беженцев.

Знаю, все эти смерти были неизбежны, но меня все равно снедает чувство вины. И вот я веду за собой людей — тысячи человек — на битву, которую мы, возможно, не сможем выиграть.

Это глупо и безответственно, но другого пути нет. Только так мы можем вернуться домой.

В дверь каюты негромко стучат, и я вздыхаю с облегчением — теперь можно ненадолго отрешиться от мрачных мыслей. Встаю с узкой койки, натягиваю платье поверх ночной рубашки, подпоясываюсь. Открыв дверь, я с изумлением обнаруживаю на пороге Сёрена. Не знаю, кого я ожидала увидеть. Блейза? Друг ночует в одной каюте с Артемизией, а та пообещала его убить, если он начнет терять над собой контроль. Вряд ли он рискнет скрыться из ее поля зрения.

Я пытаюсь разобраться в себе. Испытываю ли я облегчение из-за того, что это Сёрен, или в глубине души я хотела видеть Блейза? Не знаю. Я уверена лишь в одном: в присутствии Сёрена в животе у меня что-то приятно щекочет, а в груди разливается тепло.

Я открываю дверь шире и жестом предлагаю юноше войти. Дверь закрывается за ним с решительным щелчком.

— Как ты? — тихо спрашивает он. — После Хоа, Колтании и всего остального?

Я прикусываю губу и поворачиваюсь к нему. Призраки безжизненного тела Хоа и мертвых глаз Колтании до сих пор не дают мне покоя. Думать о Колтании намного легче, поэтому я хороню Хоа в глубинах памяти и сосредотачиваюсь на сестре канцлера Марцена.

— Помнишь, что ты сказал мне, после того как я убила Ампелио? — спрашиваю я, присаживаясь на край койки.

Сёрен остается стоять и слегка хмурится. Не знаю, каких слов он от меня ждал, но определенно не этих.

— Полагаю, я пытался тебя утешить и в процессе выставил себя идиотом, — медленно говорит он.

Я натянуто улыбаюсь:

— Так и было. Но позже, когда ты снова вернулся к этой теме, ты был прав. Убивать всегда непросто, даже если делаешь это не в первый раз, даже когда нет выбора, когда это самозащита. После убийства ты уже не будешь прежним.

Сёрен выдерживает мой взгляд.

— Ты сделала то, что должна была.

— Знаю. — Я смотрю на свои руки. Мне приходится бороться с собой, потому что трудно решить, стоит ли произносить то, что у меня на уме, или оставить это признание при себе. Ответ я так и не нахожу и в конце концов заставляю себя говорить.

— Но в тот миг, когда я вонзила кинжал в живот Колтании, я не думала о самозащите, не думала о том, что случится со мной, если я не вырвусь из ее рук. Я думала о Хоа, о том, что Колтания сделала с ней, о том, что она забрала у меня дорогого мне человека. Когда я ее убивала, мною двигало не желание защититься, а ярость. В то мгновение меня переполняла жажда мести.

Отвратительное признание, сделанное в маленькой каюте посреди океана, но Сёрен даже не вздрагивает. Он смотрит мне в глаза спокойно и уверенно, словно видит самые глубокие уголки моей души, которых я стыжусь. Эту часть своей души я пытаюсь спрятать ото всех, даже от Блейза. Сёрен видит мои самые уродливые стороны: трусость, вероломство, склонность к манипулированию другими. Он видит все это, понимает, и все же глядит на меня так, словно я — его любимая книга, каждую страницу которой он прочитал множество раз, раскрыл все ее секреты, но все равно постоянно перечитывает.

Я по-прежнему не уверена, кто я в его глазах: Тора, Тео или некий собирательный образ из этих двух девушек, но прямо сейчас мы с ним словно одни

в целом свете, и нет ни Торы, ни принца. Мы — Тео и Сёрен, и мне кажется, что он знает меня так же хорошо, как я знаю его.

Я встаю и в несколько шагов сокращаю расстояние между нами, так что теперь нас разделяют всего несколько дюймов. Сёрен не делает шаг назад, но и вперед не подается, хотя его дыхание щекочет мне лицо. Он не делает попытки дотронуться до меня, даже не поднимает руки. Он не станет, догадываюсь я, потому что недавно я велела ему держать свои чувства при себе.

Так было бы проще. Разумнее было бы оставить все как есть. Принц — мой советник, и не более того. Но когда я стою так близко от Сёрена, трудно вспомнить, почему я решила держать его на расстоянии. Трудно помнить о том, как Блейз, находящийся сейчас в одной из соседних кают, сказал, что любит меня. Трудно помнить о кайзере, который сидит на троне моей матери, и о его новой супруге, еще недавно бывшей моей подругой. Трудно помнить о тысячах людей, согласившихся последовать за мной на бой. Для всех этих людей кейловаксианский принц — враг.

— Сёрен, — шепчу я.

Он смотрит на меня: глаза у него того же голубого цвета, что и у кайзера, но даже это перестает иметь значение, а зловещий призрак поработителя Астреи тает где-то в глубине моей памяти.

Нерешительно я поднимаю руку и касаюсь щеки юноши. Ему нужно побриться, отросшая щетина колется.

Сёрен смотрит на меня так, словно хочет что-то сказать, но не успевает, потому что я приподнимаюсь на мысках и касаюсь его губ своими. В тот же миг самообладание Сёрена улетучивается, и он це-

дует меня в ответ. Одной рукой он гладит меня по щеке, другой обнимает за талию, крепко прижимая к себе. Сначала это очень нежный поцелуй, похожий на те, которыми мы обменивались в Астрее, когда тайком пробирались по потайным туннелям и плавали ночью на лодке, когда мы были словно два незнакомца, но мы больше ими не являемся. Я знаю его, а он знает меня, знает самые темные уголки моей души.

Поцелуй. У губ Сёрена вкус свежего хлеба и вина, которое мы все пили за ужином. Поцелуй становится жадным, всепоглощающим, так что я уже не знаю, где кончается мое дыхание и начинается его. Мы сливаемся в единое существо. Когда его губы отрываются от моих, я хочу оттолкнуть Сёрена, но он тут же принимается целовать мой подбородок, щеку, мочку уха, отчего по спине у меня бегут мурашки, а в груди разгорается огонь.

— Теодосия. — Он шепчет мое имя так, словно это гимн какому-то богу. Собственное имя уже не кажется мне слишком длинным, он идеально мне подходит, в точности как наши губы подходят друг другу, когда Сёрен снова меня целует.

Мне не приходится просить Сёрена остаться в каюте на ночь. Приглашение без всяких слов повисает в воздухе, и юноша его принимает, стаскивает сапоги и забирается на мою кровать. Мы сворачиваемся рядом, прижавшись друг к другу под одеялом; моя голова покоится на его груди, он обнимает меня за талию.

— Если меня обнаружат здесь утром, пойдут слухи, — бормочет Сёрен, зевая.

— Знаю. — Я прислушиваюсь к стуку его сердца — оно бьется ровно и уверенно, в такт моему.

Юноша вычерчивает какой-то узор на моей обтянутой тонкой сорочкой спине.

— В саду ты велела мне больше не упоминать о моих чувствах, потому что полагала их ненастоящими, — медленно произносит он.

— Сёрен... — начинаю было я.

— Просто дай мне сказать, пожалуйста, — перебивает он. Потом недолго молчит, собираясь с мыслями. — В Астрее ты была Торой, и мне хотелось обладать той девушкой. Хотелось защитить ее от своего отца так, как я не смог защитить свою мать. Мне хотелось убежать с ней и спасти нас обоих. В этом ты была права. Но те мои чувства — лишь бледная тень нынешних, Тео.

Я открываю рот, чтобы попросить его замолчать, но слова застревают в горле. Как бы ни было опасно это признание, я так сильно хочу его услышать, что в груди что-то болезненно сжимается.

— Я больше не хочу тебя защищать, потому что ты не нуждаешься в защите. Для этого у тебя есть другие, да ты и сама уже много раз сумела за себя постоять. Я больше не хочу убежать с тобой, я хочу быть на твоей стороне и сражаться — сражаться за то, что раньше было мне не нужно. Рядом с тобой я сильнее, храбрее и не хочу возвращаться к прежней жизни. Я люблю тебя, и мне не важно, кем ты притворяешься или хочешь казаться. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — тихо говорю я.

Когда дыхание Сёрена становится медленным и размеренным, я невольно вспоминаю, как те же слова произнес Блейз пару дней назад. В устах Блейза они звучали словно бальзам, наносимый на еще не зажившую рану. Сёрен произносит эти слова так, будто разбивает цепь, которой мы с ним скованы, но все равно надеется, что я останусь рядом.

СТРАТЕГИЯ

Корабль, на котором находимся мы, идет позади основной флотилии. Хотя из Астреи до Ста'криверо мы добрались за неделю, у нас уходит вдвое больше времени, чтобы обогнуть побережье Астреи и подойти к материку с юга, потому что там находится Огненный рудник. Две недели проходят в тренировках и разработке стратегии. Мы пытаемся получить из двух тысяч беженцев тысячу солдат. Оружия и доспехов, украденных вместе с одним из ста'криверийских кораблей, хватает едва-едва, но придется обходиться тем, что есть, потому что сегодня утром на горизонте показалось побережье — вдали темнеет скалистый берег Астреи, освещенный восходящим солнцем. Времени на ожидание, тренировки и планирование больше не остается.

Я понимаю, что, попытавшись лично встать во главе армии, принесу больше вреда, чем пользы, но трудно не чувствовать себя балованным дитятей, лежащим на подушках в колыбели. Сёрен, очевидно, переживает сильнее меня, но никогда не жалуется, проводя ночи в моей каюте, когда мы, свернувшись под одеялом, отгораживаемся от остального

мира. Если кейловаксианский принц примет участие в сражении, велик риск, что его случайно убьет кто-то из моего войска. И все же я ощущаю его разочарование.

Сёрен пытается отвлечься, занимаясь разработкой стратегии. Он смотрит на рудники с точки зрения кейловаксианского командира, поэтому его вклад очень важен. Даже мои Тени, проводшие несколько лет в шахтах, удивлены тем, как подробно принц все описывает и зарисовывает на листах пергамента, разложенных на моем столе. Мы сидим за столом плечом к плечу: Сёрен, Блейз, Цапля, Артемизия и я.

— Этими кружками я отметил, где с наибольшей долей вероятности стоит стража, — говорит Сёрен.

Я перевожу взгляд с его мрачного лица на карту — кружков на ней больше, чем свободного места.

— Довольно много, — продолжает принц, видя, что все молчат.

— «Много» — это преуменьшение, — фыркает Артемизия, поджав губы.

— Захватить рудник будет гораздо сложнее, чем лагерь беженцев, — признает Сёрен. — И все же мы превосходим их числом, они не ожидают нашего появления, а это дает нам преимущество.

— Достаточное, чтобы превозмочь их преимущество, обеспеченное огромными запасами, военным опытом, силой и мощью живых камней? — спрашивает Блейз.

Сёрен хмурится, потом говорит:

— Возможно.

Одного лишь «возможно» явно не хватит, так что нам остается надеяться на лучшее. Я потираю виски, снова гляжу на карту и указываю на линию берега.

— Итак, мы высадимся здесь?

Сёрен кивает.

— Но будет эффективнее послать пару более быстрых кораблей, чтобы зайти еще и с этого направления, — говорит он, указывая точку на берегу, расположенную в стороне от Огненного рудника. — Таким образом мы атакуем с двух сторон, тогда у них останется только узкий коридор, по которому они отправят известие моему отцу.

Я киваю.

— Хватит ли нам людей? Или же разделив наши силы, мы ослабим их, и врагу будет проще нас разбить?

Сёрен пристально смотрит на карту, сосредоточенно хмурит брови.

— Должно хватить, — изрекает он наконец.

«Должно». Бич Драконов не просто так отказалась присоединиться к нам в этом сражении: оно сопряжено с огромным риском.

— У юго-западного побережья у них нет дозорных кораблей, — добавляет Сёрен. — Но есть судна, патрулирующие северное побережье. У нас достаточно кораблей, чтобы их ликвидировать, но, скорее всего, в процессе мы потеряем несколько своих судов.

— Мы не можем себе позволить терять корабли, — говорю я, хмурясь. Мне в голову приходит одна идея, я смотрю на Цаплю. — Как далеко простирается твоя способность становиться невидимым?

Молодой человек недолго раздумывает.

— Трудно сказать, я никогда не пробовал накрыть больше пары человек.

— А ты сможешь охватить весь флот? — спрашиваю я. Предполагалось, что это будет вопрос

распоряжение, но в моем голосе звучит отчаянная надежда.

На лбу Цапли собираются морщинки.

— Нет, — медленно отвечает он. — Но, возможно, я смогу сделать так, что нас будет плохо видно, особенно если поиграть с отражением в воде. Правда, ненадолго, но нам должно хватить времени, чтобы пройти мимо них.

Артемизия склоняет голову набок, ее темные глаза становятся задумчивыми.

— Если Цапля сумеет замаскировать флот, я могу изменить течения, чтобы наши корабли быстрее прошли мимо патруля кейловаксианцев. Даже если нам не удастся проскочить незамеченными, мы удивим их, внезапно появившись из ниоткуда, и, таким образом, минимизируем возможные потери. — Она бросает взгляд на Блейза. — Или, — осторожно произносит она, — мы можем взорвать их корабли, не дав им возможности сделать ни одного выстрела.

Блейз смотрит на Артемизию, потом глаза его слегка расширяются — он понимает, о чем она говорит. Наконец юноша кивает.

— Я могу это сделать, — медленно говорит он, словно пробуя слова на вкус. — Дерево связано с землей.

Я живо вспоминаю, как во время нашего плавания на «Тумане» Блейз неосознанно заставил корабль пульсировать в такт своему сердцебиению и как я боялась, что корабль разлетится на куски. Артемизия права: если мы сумеем применить это средство против кейловаксианских кораблей, есть возможность нанести им сокрушительный удар до того, как мы произведем высадку. Однако цена может оказаться чересчур высока.

— Слишком опасно, — говорю я. — Мы не знаем, чего это будет тебе стоить, не говоря уже о наших собственных кораблях.

Блейз качает головой.

— Мой дар — наше самое сильное оружие, Тео.

На память мне приходят слова Мины и образ выкипающей в котле воды.

— Это убьет тебя. Если мы сумеем подобраться к ним поближе с помощью способностей Артемизии и Цапли, то потопим их корабли без всякой магии, с помощью пушек, и не пойдем на такой риск.

Артемизия издает какой-то горловой звук.

— Даже если так, — медленно произносит она, — и у нас все получится, без потерь все равно не обойдется. Не важно, какое мы получим преимущество, подобравшись к ним незаметно, мы все равно потеряем какое-то количество бойцов, а может, и целый корабль. Мы не можем себе этого позволить.

— Рисковать Блейзом мы тоже не можем, — возражаю я.

Несколько секунд все молчат.

— Нет, можем, — заявляет Блейз, потом с видимой неохотой поворачивается к Сёрену. — Поскольку Артемизия будет занята другим, ответственность ложится на тебя, *принкити*. Если увидишь, что я теряю контроль над своей силой и становлюсь опасным, ты убьешь меня прежде, чем я все вокруг разнесу. Это ясно?

Сёрен бросает взгляд на меня, потом снова глядит на Блейза и говорит:

— Ясно.

— Нет, — восклицаю я, на этот раз громче. — Это слишком опасно. Ты же можешь умереть, Блейз.

На скулах друга перекатываются желваки, он пожимает плечами.

— Зато я смогу выиграть для нас преимущество, в котором мы так остро нуждаемся.

Я смотрю на остальных, надеясь, что кто-то еще выступит против этого безумного плана, но все молчат, друзья отводят глаза. На кончике языка уже вертится приказ, я знаю, что снова могу воспользоваться своей королевской властью как оружием. Можно было бы приказать Блейзу отказаться от этой затеи и остаться в безопасности, но я подавляю это желание. Некоторые решения я не имею права принимать.

— Мы пошлем шлюпку, дабы передать этот план капитанам других кораблей, — говорю я. — Что случится, когда мы сойдем на берег?

— Ты был кейловаксианским командующим, — обращается Цапля к Сёрену. — Как отреагируют солдаты, когда мы нападём на рудник?

Принц выглядит слегка растерянным.

— Никогда не служил в шахтах; как я понял, солдат для рудников тренировали как-то по-особому, хотя назначение туда всегда считалось чем-то вроде оскорбления. Тут собрались не лучшие воины, так что все легче.

— Было бы легче, — фыркает Артемизия, — если бы наша армия не состояла из беженцев, которые тренировались всего пару недель.

На это Сёрену нечего возразить.

— Мы могли бы подождать, — говорит он. — Если мы дождемся Эрика и вектурианцев, то получим больше солдат, и расклад будет в нашу пользу.

— Но, выжидая, мы рискуем потерять элемент неожиданности, — говорю я. — Если кейловаксианский патруль заметит наш флот, то они первые на нас нападут.

Сёрен кивает, потом поворачивается к Цапле.

— Ты держишь связь с Эриком посредством того кусочка золота, — говорит он. — В последнее время от него были новости?

Цапля качает головой:

— Нет. Они на пути из Тиммори и рассчитывают прибыть сюда завтра, но погода может задержать их еще на пару дней.

Так много изменяющихся факторов, столько непредвиденных обстоятельств, столько всего может пойти не так. Я смотрю на карту Сёрена, как будто на ней можно прочитывать какие-то секреты и гениальные советы, но это просто карта, и расклад сил на ней не в нашу пользу.

— Когда лучше всего атаковать? — спрашиваю я Сёрена.

Принц хмурится.

— Они обязательно выставят ночных дозорных, — говорит он. — Большинство солдат будут спать, и не сразу смогут вступить в бой, но темнота будет действовать на наших воинов сильнее, чем на них. Кейловаксианцев учат сражаться в темноте, и они умеют использовать ее против противников. Лучше всего ударить на рассвете. Уже будет довольно светло, но стража еще не сменится. Они успеют устать, будут не готовы к бою. Конечно, это даст нам совсем небольшое преимущество, к ним быстро примчится подкрепление.

— А рабы? — спрашиваю я. — Где они будут?

— Кто-то будет в шахтах, — говорит Цапля. — Ночная смена короче, но в шахтах работа никогда не останавливается. Остальные будут вот здесь, в бараках для рабов. — Он указывает точку на нарисованной Сёреном карте, прямо рядом с шахтой.

Я киваю и обращаюсь к Сёрену:

— Тогда сделаем, как ты говоришь — атакуем на рассвете. — Смотрю на ребят. — Сейчас, наверное, уже время ужинать, так что идите, поешьте. А когда закончите, еще раз обсудим план.

Все встают из-за стола, стулья скрипят по деревянному полу, но я остаюсь на месте. Я слишком взволнована и подавлена, чтобы впихнуть в себя еду, и не хочу, чтобы люди на корабле видели меня такой неуверенной и испуганной.

— Блейз, — говорю я, когда ребята идут к двери. — Не задержишься на минутку?

Молодой человек замирает на пороге, оборачивается и идет обратно. Артемизия на секунду останавливается и кивает, после чего выходит и закрывает дверь, но я уверена — девушка подождет в коридоре на всякий случай. При мысли об этом мне становится тошно, а потом — еще хуже, потому что я понимаю, что благодарна за ее присутствие.

С минуты мы оба молчим, и между нами повисает напряжение. Мы почти не разговаривали после побега из Ста'криверо, хотя я не уверена, кто из нас двоих избегает общения и происходит ли это намеренно. Нужно было столько всего сделать, подготовиться к сражению, но, даже думая об этом, я помню, что неизменно находила время на Сёрена, каждую ночь засыпала в его объятиях. Интересно, знает ли об этом Блейз? Наверняка подозревает.

Я кашляю и говорю:

— Мне не нравится этот план.

Юноша отвечает не сразу.

— Думаешь, мне он нравится? — спрашивает он наконец. — Думаешь, меня привлекает идея так рисковать?

— Думаю, тебя привлекает идея стать героем. — Слова срываются с губ прежде, чем я успеваю их сдержать.

Блейз отшатывается, словно я его ударила.

— Не я это предложил, Тео. Ты же слышала: Артемизия, Цапля и Сёрен — все они полагают, что это наша лучшая возможность. Ты и сама это знаешь.

— Но это не значит, что мне нравится этот план, — тихо произношу я.

Мучительно долгое мгновение Блейз просто стоит и смотрит на меня.

— Ты веришь, что Глайди даровала мне эту силу?

— Мина сказала...

— Я не спрашиваю, что наговорили Мина, Сандрин, Цапля или Артемизия. Я хочу знать, во что веришь ты.

Я прикусываю губу, потом отвечаю:

— Да. Я верю, что Глайди тебя благословила.

— В таком случае было бы оскорблением не использовать ее дар. — Блейз мрачно усмехается. — В этом мое предназначение, так позволь мне следовать ему.

Я качаю головой:

— Тебе не нужно мое разрешение, Блейз. Остальные согласились с тобой. Я осталась в меньшинстве.

— Это не важно, — говорит юноша. Еще несколько мгновений он, похоже, борется с собой, потом вдруг хватает меня за руки и крепко сжимает. Кожа у него горячая, как всегда, но я все равно сжимаю его

пальцы в ответ. — Если ты попросишь меня этого не делать, я не стану.

Это жестокое предложение, и в глубине души я ненавижу Блейза за то, что он произнес это вслух, потому что правильного ответа на этот вопрос не существует. Я не могу ни одобрить его выбор, ни отговорить от него.

— Ты знаешь себя. — Я через силу улыбаюсь. — Если ты веришь, что справишься, то и я в тебя верю.

ПРИЗРАК

Луна освещает нам путь, когда корабль отходит от основного флота. Остальные будут ждать нашего сигнала. На носу плечом к плечу стоят Цапля, Артемизия и Блейз, вглядываются в горизонт, туда, где патрулируют берег три кейловаксианских корабля. Сёрен и я сидим сзади, наблюдаем и ждем — вернее всего будет сказать, что мы ждем чуда.

Сёрен сжимает рукоять меча и не спускает глаз с Блейза. Мне нет нужды спрашивать, действительно ли он собирается выполнить указание Блейза и убить его, если тот потеряет над собой контроль, — я знаю, что принц без колебаний сделает это, как знаю и то, что всеми силами постараюсь ему помешать.

«Даже если Блейз подвергнет всех нас опасности?» — шепчет тихий голосок у меня в голове, но я стараюсь его заглушить. До этого не дойдет. Не может быть, чтобы дошло до такого.

Все, кто находится на корабле и не занят какой-то работой, столпились за нашими с Сёреном спинами, наблюдают за тремя Защитниками, и кажется, будто мы все затаили дыхание и ждем момента, когда можно будет выдохнуть.

Цапля начинает первым: если приглядеться, видно, как напряглись от усилий его плечи. Мою кожу начинает покалывать, словно все мое тело затекло, а теперь вновь обретает подвижность: так бывает всякий раз, когда я ощущаю действие дара Цапли. Быстро обернувшись, я понимаю, что остальные тоже это чувствуют — люди изумленно глядят на свои руки и ноги, а те начинают исчезать из виду, становятся почти прозрачными.

Но ощущение не такое сильное, как в тот раз, когда Цапля сделал невидимой меня одну. Он не настолько силен, чтобы заставить исчезнуть из виду целый корабль. Однако корабль и все, кто на нем, становятся почти невидимы в темноте.

Затем принимается за дело Артемизия, и уж она-то, в отличие от неподвижного Цапли, устраивает целый спектакль: вскидывает руки, резко выбрасывает их вперед, потом с видимым усилием тянет на себя. В толпе у меня за спиной раздаются изумленные охи и ахи. Из кончиков пальцев девушки льется едва видимая дымка и устремляется к кейловаксианским кораблям, причем движется намного быстрее обычного тумана, гонимого ветром. В лунном свете кажется, что полупрозрачная фигура Артемизии сливается с волнами, движется, как вода, как часть самого океана.

Движения девушки завораживают, похожее чувство было у меня, когда я наблюдала, как она сражается на мечях.

По толпе проносится благоговейный шепоток — наш корабль мчится по морю с огромной скоростью. План работает: к тому времени как Цапля устанет и не сможет больше поддерживать чары невидимости, Артемизия доставит нас к кейловаксианским

кораблям. До последнего момента я сомневалась в успехе этой задумки. Нам нужно подобраться к врагу как можно ближе, чтобы Блейз мог пустить в ход собственный дар.

Какая-то крошечная, глупая часть меня надеется, что Цапля не сможет долго поддерживать чары, кейловаксианцы заметят нас, и придется вступить в обычный бой, без применения магии, и тогда Блейзу не придется использовать свою силу. Не придется рисковать своей жизнью.

Мои молитвы остаются без ответа. Созданная Артемизией волна тихо подносит нас к кейловаксианским кораблям, а Цапля задействует свой дар до последнего момента. Наконец вперед выходит Блейз, все его тело сотрясается. Он достает из кармана инкрустированный живыми камнями браслет, надевает на запястье и щелкает замочком.

Я вдруг понимаю, что, несмотря на всю свою браваду, друг боится. Мои ноги сами собой делают шаг вперед, к Блейзу, но Сёрен удерживает меня свободной рукой.

— Он проявил недюжинную смелость, решившись на такое, — тихо говорит он, не сводя глаз с Блейза. — Не отнимай у него эту возможность.

Протест уже готов сорваться с моих губ, но я сдерживаюсь. Сёрен прав: даже если бы я предпочла, чтобы Блейз был трусом, но остался в живых, чем проявил храбрость и погиб, это не мне решать. Поэтому я делаю то единственное, что могу, — наблюдаю.

Цапля шатается — он исчерпал все силы, и Артемизия поддерживает его, не давая упасть. Оба Защитника перестали управлять стихиями воды и воздуха, но этого больше не требуется. Кейловаксиан-

ские корабли достаточно близко, я даже вижу, как по палубам бегают матросы, слышу их перепуганные крики. Слишком поздно — они этого не осознают, но скоро поймут.

Блейз опирается на фальшборт, кажется, что его выгнутая спина того и гляди разорвется. На нашем корабле так тихо, что слышно дыхание стоящих позади меня людей, шорох волн, разбивающихся о борт, проклетия и приказы, которые выкрикивают кейловаксианцы.

Блейз вытягивает перед собой левую руку, направляя ее в центр того корабля, что прямо перед нами. Под тонкой рубашкой видно, как вздуваются мышцы у него на спине, словно из тела юноши хочет вырваться наружу какое-то существо. Раздается треск, потом еще и еще, каждый следующий громче предыдущего, а в следующую секунду корпус кейловаксианского корабля раскалывается надвое, во все стороны летят обломки досок. Вражеский корабль начинает тонуть, и тут раздается звон колокола. Это сигнал, догадываюсь я, кейловаксианцы пытаются предупредить остальные свои корабли об опасности.

На корабле, стоящем слева от расколотого судна, слышат сигнал тревоги и пытаются прийти на помощь первому кораблю, но Блейз не дает им такой возможности. Он поднимает вторую руку и направляет на корабль. Из тела юноши исходит такая мощная волна энергии, что ему приходится опереться грудью на планширь, чтобы не упасть. Несмотря на треск, грохот и пронзительные крики, я слышу, как тяжело, с присвистом дышит Блейз, преодолевая боль.

— Это слишком, — говорю я Сёрену. — Он больше не выдержит.

Второй корабль начинает разваливаться на части, в точности как первый, и обломки летят в чернильно-черную воду.

Два корабля потоплены при нулевых потерях с нашей стороны — этого достаточно. Но Блейзу этого, разумеется, мало — я понимаю это еще до того, как он поднимает руку и направляет на третий корабль. В отличие от своих отважных товарищей, это судно не пытается их спасти, вместо этого оставшиеся в живых кейловаксианцы пытаются удрать.

— Можно их отпустить, — говорю я Сёрену, но принц качает головой, не отводя взгляда от Блейза.

— Они наверняка вернутся с подмогой. Нельзя так рисковать.

Блейз, очевидно, тоже это понимает. Отвернувшись от тонущих кораблей, он сосредотачивает все внимание на беглеце.

Плечи юноши трясутся, он с трудом набирает в легкие побольше воздуха и снова вскидывает руки, потом выпускает дикий, животный вопль, такой громкий, что, кажется, небеса вот-вот обрушатся. Из его ладоней вырывается не направленный поток силы, а настоящий неуправляемый смерч, охватывающий все вокруг.

Больше всего достается улепетывающему кейловаксианскому кораблю — от него остаются только щепки, но наш корабль тоже накрывает. Толпа у меня за спиной пронзительно вопит, люди валятся на палубу, прикрывая головы руками, а сверху падают обломки мачты.

— Блейз! — пронзительно кричу я, но мой голос тонет в окружающем грохоте. Прямо в меня летит кусок мачты, но я не могу сдвинуться с места, пока меня с силой не дергают в сторону.

— Собери всех на корме, пусть садятся в шлюпки, — командует мне Сёрен, вытаскивая из ножен меч.

Я перехватываю его руку.

— Нет, — выдыхаю я. — Блейз не осознает, что делает, ты не можешь...

— Тео, посмотри по сторонам. Он же убьет нас всех, — говорит Сёрен, указывая на палубу свободной рукой. — Он сам меня попросил, и я собираюсь сдержать слово.

Я сглатываю, слезы жгут мне глаза.

— Тогда дай мне это сделать, — прошу я дрожащим голосом. — Я должна ему, Сёрен.

Сёрен быстро смотрит на Блейза, потом снова на меня, спустя секунду кивает и вкладывает мне в руки меч.

— Помни: бей сильно и правильно целься, тогда смерть будет быстрой.

Я киваю. Лишь когда он отворачивается и начинает командовать напуганными беженцами, направляя их на корму, я осознаю, что примерно то же самое принц сказал мне, когда я приставила кинжал к его шее.

Собравшись с духом, я шагаю к Блейзу — юноша по-прежнему опирается о фальшборт, все его тело содрогается, видно, как спазматически сокращаются мышцы. По обеим сторонам от него стоят Цапля и Артемизия — они слишком обессилены, поэтому могут только наблюдать и звать Блейза по имени, хотя их голоса почти не слышны среди грохота, треска и криков.

Меч длиннее, чем те, которыми мы тренировались с Артемизией, острие волочится за мной по палубе. Корабль кренится на бок, и я едва не падаю, так что приходится опереться на меч, как на трость,

но палуба тут же кренится в другую сторону. С каждым шагом мне все труднее дышать, словно я тону в зыбучих песках, но я смотрю только на Блейза и переставляю ноги одну за другой.

Откуда-то издалека доносится крик Артемизии — она зовет меня по имени, но, кажется, будто она в тысячах миль от меня. Весь мир вдруг оказался далеко-далеко, остались только мы с Блейзом и клинок в моих руках.

Воздух между нами потрескивает, как будто совсем рядом бьют молнии. Я протягиваю руку и достаю до плеча друга, в надежде, что от моего прикосновения он, как в прошлый раз, успокоится и найдет в себе силы стряхнуть с себя магию Глайди. Однако когда юноша поднимает голову и смотрит мне в глаза, я не вижу в них Блейза. Глаза у него остекленели, точно у мертвой Хоа. Он смотрит на меня и не видит.

— Блейз, — шепчу я.

Палуба начинает трещать у меня под ногами, осколки дерева дождем разлетаются во все стороны.

В Ста'криверо все было не так. Тогда Блейз меня услышал, и я смогла его вернуть, но теперь в нем бурлит лишь магия, неуправляемая, безграничная. Я проглатываю слезы, не дав им пролиться, и дрожащими руками поднимаю меч.

Я словно снова стою над Ампелио, и острое меча упирается ему в спину. Тогда я убила его, чтобы избавиться от худшей боли, чтобы спасти себя, не дать угаснуть восстанию. Чем это отличается от нынешней ситуации?

Я зажмуриваюсь, чтобы не заплакать. Нужно проткнуть мечом грудь Блейза, ударить со всей силой, как советовал Сёрен.

Я вдыхаю и выдыхаю, чтобы сосредоточиться.

Крепче сжимаю рукоять меча.

Делаю выпад.

Меч вырывают у меня из рук с такой силой, что я, не устояв на ногах, падаю на палубу. У меня уходит секунда, чтобы осознать, что случилось, а когда я все понимаю, время словно замедляет свой бег.

Артемизия держит в руках меч Сёрена, но не за рукоять, а за клинок, и по лезвию течет кровь. Издав пронзительный вопль, девушка широко размахивается и изо всех сил бьет Блейза рукоятью по голове.

И Блейз, и Артемизия падают на палубу, а корабль перестает трести.

После того как Блейз потерял сознание, угроза миновала, и мы оцениваем произведенные разрушения. К счастью, пострадали только верхняя палуба, мачты и часть фальшборта, возле которого стоял юноша. Есть дыры в обшивке, в них хлещет вода, но их быстро удастся заделать.

— Без парусов нам далеко не уплыть, — говорит Артемизия, закончив докладывать о повреждениях.

Сама я не осматривала корабль. После того как Цапля и Сёрен перетаскивали бессознательного Блейза в его каюту, я пришла туда и последние три часа сижу рядом с другом.

— Нам не нужно плыть далеко, — напоминаю я ей, не сводя глаз с неподвижного лица Блейза. — Мы можем причалить здесь. К тому же у нас есть шлюпки.

Артемизия кивает, смотрит на Блейза, потом на меня.

— Мы послали весточку на другие корабли, они идут сюда. Через час нам нужно сойти на берег.

Я не отвечаю, и она продолжает:

— Тебе следует отдохнуть, Тео. Нам предстоит долгий день.

Голос девушки на удивление мягок, но ее слова меня сердят.

— Думаешь, я смогу уснуть, пока Блейз в таком состоянии? — рываю я. — Он может не проснуться, Артемизия, и... — Голос срывается, я делаю глубокий вдох, потом через силу продолжаю: — А если бы не ты, он вообще был бы мертв.

Последнюю фразу я произношу шепотом, и она тяжело повисает в воздухе. Матрас прогибается: девушка садится рядом со мной.

— Думаю, ты ставишь себе слишком высокую планку, — говорит она.

Я понимаю, что она пытается снять напряжение, но у меня нет сил оценить шутку.

— Как ты узнала, что достаточно просто вырубить его? — спрашиваю я.

Артемизия вздыхает:

— Я не знала, просто действовала по наитию... рискнула. Если бы это не сработало, я сделала бы, как он просил, и убила бы его. Просто... нужно было попытаться. Не хотелось... — Она переводит дыхание. — Не хотелось терять еще кого-то.

— Мне тоже, — говорю я, качая головой. — Но я не остановилась и готова была убить Блейза, когда до этого дошло.

К моему удивлению, Артемизия опускает руку мне на плечо.

— На кону стояли жизни людей, — произносит она необычным для нее мягким голосом. — Ты по-

ставила свою страну выше велений своего сердца, и этого не стоит стыдиться. Блейз понял бы тебя.

Я киваю, хотя ее слова больно ранят.

Да, Блейз понял бы меня, но сам ни за что не поступил бы так со мной, окажись я на его месте.

Через несколько минут Блейз приходит в себя, и в тот же миг владевшее мной напряжение улетучивается.

Юноша пару раз моргает, взгляд его фокусируется на мне.

— Тео, — говорит он, и в его устах это слово подобно молитве. Я вижу, как в темно-зеленых глазах друга мелькает понимание — кажется, он вспомнил, что случилось. В прошлый раз в Ста'криверо он сказал, что видел все происходящее, но не мог пошевелиться.

— Все живы? — спрашивает он наконец.

— Потерь нет, — успокаиваю я его, и юноша заметно расслабляется. — Нанесенные кораблю повреждения без труда устранили. Сейчас будем спускать на воду шлюпки и отправимся на берег.

Блейз кивает и пытается сесть. Я жду, что он спросит, что случилось, как ему удалось выжить. Если он помнит все, что происходило до того, как он потерял сознание, он, вероятно, помнит меня с мечом в руках. Я вижу в его глазах понимание и вопрос, вижу, что он глядит на меня неуверенно. Он уже открывает было рот, чтобы что-то спросить, но потом, вероятно, решает, что не хочет знать ответ.

Он качает головой, словно надеясь, что от этого мысли прояснятся, и спрашивает:

— Есть ли новости от кораблей, которые мы ждем? От вектурианцев и горакийцев?

Значит, Блейз решил сменить тему и вернуться к более насущным вещам.

— Нет, — отвечаю я. — Но они уже в пути. Даже если произойдет задержка, у нас достаточно воинов, чтобы продержаться до их прибытия.

Блейз задумчиво смотрит на меня.

— Почему ты ему веришь? — Вопрос застаёт меня врасплох, но, очевидно, эта мысль не даёт Блейзу покоя уже давно. — С королем Капилом все ясно: ты оказала ему услугу, а он решил за нее отплатить. Но Эрик? Что ему нужно? Ты же толком его не знаешь, верно?

— Он хочет того же, что и мы, — отвечаю я. — По той же причине мы можем рассчитывать на беженцев: Эрик, как и они, хочет вернуть свою страну. Хочет восстановить свой дом и защитить тех, кого любит. А еще отомстить.

Сердце сжимается при мысли о Хоа. Эрик еще не знает. Цапля предложил написать ему это известие на золотом слитке, но я его отговорила. Некоторые вещи можно сообщать только лично.

Блейз безрадостно смеется, потом морщится от головной боли.

— Мсть, — повторяет он, прислоняясь к спинке узкой кровати. — Не самая благородная мотивация, да?

Слова неприятно царапают слух.

— Благородство не имеет никакого значения, зато желание отомстить — это самое сильное побуждение к действию, — говорю я.

Одно долгое мгновение юноша смотрит на меня.

— Весьма кейловаксианский взгляд на вещи, — замечает он наконец. В его словах есть ядовитый упрек.

Блейз был готов умереть, был готов к тому, что Артемизия или Сёрен проткнут его мечом, оборвав его жизнь, потому что они такие, какие есть. Но он никогда не думал, что это сделаю я.

Я пожимаю плечами и отвожу взгляд.

— Может, так и есть, — тихо произношу я. — Возможно, именно поэтому Эрик, Сёрен и я так хорошо понимаем друг друга — нас всех в каком-то смысле вырастил кайзер. Такого детства, какое было у нас, я никому не пожелаю, но вряд ли ты можешь назвать кого-то из нас слабым.

Это не извинение, но после слов Артемизии я не могу заставить себя извиниться.

— Я просила тебя не рисковать, Блейз, — продолжаю я, не в силах смотреть ему в глаза. — Ты настоял... Ты, Артемизия, Цапля и Сёрен. Вы все посчитали, что риск стоит свеч, но ты едва не убил всех нас, и я сделала бы то, что должно, чтобы нас спасти.

— Я недаром просил Сёрена, — тихо и мрачно говорит Блейз. — У него душа и без того черна, он уже убивал...

— Как и я, — прерываю я его.

— Это не одно и то же. Ампелио...

— Это то же самое, — произношу я уже громче. — Я убила Ампелио, чтобы спасти себя и не дать угаснуть восстанию. Только сегодня на кону стояло нечто большее, чем в прошлый раз. Тысячи жизней могли оборваться, если бы я промедлила еще несколько минут. Я пыталась вернуть тебя, но ты не реагировал, и дольше ждать было нельзя. Поэтому я сделала то, что должна была сделать, а если ты и впредь будешь настаивать на том, чтобы подвергать себя и всех нас такому риску, я сделаю это снова.

Какое-то время Блейз молча смотрит на свои руки.

— Ты меня боишься, Тео? — спрашивает он так тихо, что я едва его слышу.

Я открываю было рот, чтобы отрицать, и снова закрываю.

— Да, — честно отвечаю я. — Я тебя боюсь.

Видно, что мои слова причиняют Блейзу боль, но он не удивлен.

— Прости. Никогда не хотел вызывать в тебе страх.

— Знаю.

В глубине души мне хочется взять Блейза за руку, но это желание быстро проходит. Я пытаюсь придумать оправдание этому нежеланию, но правда проста: мне не хочется прикасаться к Блейзу. Не хочу ощущать его горячую кожу, не хочу вглядываться в его глаза в поисках там прежнего Блейза, а вместо этого видеть пустоту и пугающую мощь. Передо мной незнакомец, обладающий смертоносной силой. Я его боюсь и не понимаю, как можно не бояться.

— Прошу тебя, не принимай участия в завтрашнем сражении, — говорю я.

Он напрягается всем телом, но не смотрит на меня.

— Ты же видела мою силу, Тео. Представь, что я могу сделать на поле боя. Боги сотворили из меня оружие, и ты должна его применять.

Я качаю головой:

— Ты можешь навредить многим невинным людям.

Блейз цедит сквозь зубы:

— Боги такого не допустят.

— Возможно, я верила в это до сегодняшнего дня, — отвечаю я. — Захватив Огненный рудник,

мы отправимся к Земляному руднику и будем молиться, чтобы там нашелся кто-то, кто будет знать, что делать и как тебе помочь, как тренировать тебя, чтобы ты мог пользоваться этой силой, не навредив себе.

— Ты моя королева, Тео, — тихо говорит юноша. — Ты могла бы приказать мне не участвовать.

— Знаю. Я не собираюсь этого делать, но я прошу тебя и верю, что ты поступишь правильно. — Блейз смотрит на меня еще мгновение, по его лицу невозможно угадать, о чем он думает. Наконец юноша коротко кивает. Выйдя из каюты и закрыв за собой дверь, я вздыхаю с облегчением.

ПОДГОТОВКА

Шлюпки доставляют нас на берег Астреи — они привозят нас домой. Несмотря на то что моей страной большую часть моей жизни правили враги, сердце у меня все равно сжимается при виде родного края. Скалистые берега, крутые зеленые холмы вдалеке, быстро светлеющее ночное небо — все это часть меня самой, укорененная во мне глубже, чем кости, мышцы и кровь. Астрея принадлежит мне, а я принадлежу ей.

Лодкам приходится около дюжины раз курсировать между берегом и кораблями, чтобы перевезти всех воинов, если их можно так назвать. Хотя Сёрен и Артемизия говорят, что люди хорошо тренировались на протяжении двух прошедших недель, они все равно не профессиональные солдаты, а пекари, учителя, горшечники — обычные люди. Некоторые уже в возрасте, и могли бы быть дедушками; другим лет четырнадцать-пятнадцать — еще дети. По крайней мере, теперь они попали в другой, лучший мир. Все они попросили дать им возможность сражаться, упорно тренировались и идут в бой, зная, что могут погибнуть.

Когда все закончится, на моих руках будет еще больше крови, вне зависимости от того, каков будет итог сражения. Отправив их на этот бой, я их все равно что убила.

— Как ты это делал? — спрашиваю я Сёрена. Мы с ним сидим на огромном прибрежном валуне и наблюдаем за построением солдат. Принц бросает на меня быстрый взгляд, хмурится, и я уточняю: — Когда ты вел за собой войска, ты знал, что не все вернутся живыми, даже когда был заранее уверен в победе. Ты знал, что будут потери. Как ты мог отправлять людей в бой?

Сёрен какое-то время молчит, задумчиво глядя на строящихся солдат. Его лицо будто высечено из камня, по нему ничего нельзя прочитать. Когда-то я думала, что он такой и есть — суровый, лишенный всяких чувств, словно кусок мрамора, — но теперь я знаю, что это не так. Я знаю, что такое выражение лица для принца как броня, за которой он прячется, когда чувствует себя уязвимым.

— Полагаю, будучи их командиром, я никогда об этом не задумывался, даже когда отдавал приказы. Мои люди и я были командой, я уважал их и полагал, что они осознают возможные риски и сами делают выбор. Я уважал этот их выбор.

— Однако ты сражался вместе с ними и не просил у них ничего сверх того, что был готов отдать сам. Я же приказываю людям сражаться, в то время как сама буду наблюдать с безопасного расстояния. — Ничего не могу поделать, в моих словах слышится горечь.

Я вижу в толпе Артемизию — ее голубые волосы сразу бросаются в глаза. Девушка выкрикивает команды, руководит построением солдат. В другой жизни могла бы я быть такой же неистовой, как она?

Могла бы броситься в битву и прорубать себе путь через море врагов с такой же легкостью и грацией, как она?

Возможно, когда-то я могла бы стать такой, но не теперь.

— Они следуют за тобой, Тео, — говорит Сёрен. — Ты не можешь сражаться плечом к плечу с ними, но ты можешь быть их лидером, а для этого должна уважать их выбор. Ты должна отправлять их в бой и делать все возможное для того, чтобы как можно больше солдат вернулись живыми. А потом тебе придется почтить память погибших, и лучше всего можно сделать это, продолжив борьбу за мир, которым они могли бы гордиться.

Какое-то время мы молчим, и я уже думаю, что Сёрен все сказал. Я уже собираюсь поблагодарить его, но он заговаривает вновь.

— Я никогда этого не делал, — признается он. — Я отправлял людей в бой и уважал их — это правда, но не думаю, что я оказывал им должные почести. В конце концов, мы никогда не сражались за то, во что действительно верили. Мы воевали за моего отца, потому что он приказал. Солдаты гибли ради его жадности и жажды крови, и я этому способствовал. Это чувство вины давит на меня, и вряд ли когда-нибудь исчезнет, но с тобой все будет иначе.

У меня перехватывает дыхание. Я ценю признание Сёрена, хоть и не до конца ему верю. Даже если мы победим и сокрушим кейловаксианцев, не думаю, что меня перестанет мучить совесть из-за смертей Ампелио, Элпис, Хиллы, Сантино, Оларика, эрцгерцога Этмонда, Хоа. После предстоящего сражения я вообще не смогу перечислить имена всех, кто погиб из-за меня.

«Это все ради блага народа», — напоминаю я себе. Умрут десятки или сотни, чтобы спасти тысячи. В Астрее столько людей томится в рабстве, столько людей мы можем спасти, но сделать это без жертв не получится.

Эта мысль успокаивает меня лишь на мгновение, а потом я вспоминаю, что кайзер тоже говорил своим воинам, что они отправляются сражаться «ради блага народа».

Я поворачиваюсь к Сёрену.

— Ты по-прежнему боишься стать таким же, как твой отец?

Молодой человек отворачивается от солдат и смотрит на меня задумчивым взглядом.

— Не так часто, как раньше, но все еще боюсь, — признается он. — А что?

Я качаю головой, сжимаю губы, словно пытаюсь сдержать рвущиеся наружу слова, но они все равно звучат:

— Иногда я боюсь, что тоже стала похожей на него. Он оставил на мне свои отметины, искалечил не только тело и разум, но и мою душу. Порой я волнуюсь, что он слепил из меня свою копию.

У принца глаза лезут на лоб.

— Тео, — говорит он, понижая голос. — Из всех, кого я встречал, ты меньше всех похожа на моего отца. Одно только то, что тебя это волнует, твое чувство вины из-за возможной гибели этих людей доказывает, что ты не такая.

— Но...

Сёрен не дает мне закончить, берет за руку, крепко пожимает и пристально смотрит мне в глаза.

— Ты та, кто ты есть, вовсе не из-за моего отца. Ты стала такой вопреки всему, что он сделал, во что

пытался тебя превратить. Не стоит так его превозносить.

От этих слов черная яма у меня в животе не уменьшается, продолжает расти, но я все равно рада это слышать. Я тоже пожимаю руку юноши.

— В том, каким человеком стал ты, Сёрен, его заслуги тоже нет.

Принц грустно улыбается.

Полагаю, ни один из нас так и не поверил другому до конца.

Когда солнце раскрашивает горизонт серебром, я стою на берегу перед построившимся войском и чувствую себя очень маленькой. Впрочем, нельзя этого показывать, поэтому я выпрямляюсь во весь рост и обзираю своих воинов так, будто действительно достойна ими командовать. Я чеканю слова уверенно, как настоящая королева, как человек, заслуживающий верности.

— Я хочу вернуться домой, — начинаю я. — Знаю, все вы хотите того же, вне зависимости от того, где находится ваш дом. И я знаю, что у многих из вас нет домов, в которые можно вернуться — их уничтожили кейловаксианцы, они стерли ваши родные очаги с лица земли, засыпали вашу землю солью. Горакс дает мне надежду на то, что жизнь после Вторжения возможна, что ваши страны смогут восстановиться. А если это не так, я предлагаю вам новый дом в Астрее.

Я делаю паузу, потом продолжаю:

— Сегодня мы начинаем триумфальное освободительное шествие, сегодня мы разобьем кейловаксианцев. Сегодня мы скажем им, что они слишком долго топтали нас, слишком многое у нас отобрали,

слишком многое разрушили. Сегодня мы скажем им «хватит» и начнем мстить!

Над шеренгами солдат проносится одобрительный гул, и я еще сильнее расправляю плечи.

— Сегодня мы покажем им, из чего мы сделаны. За Астрею! — кричу я. — А также за Гораки, Йокси, Манадол, за Тиаву, за Раджинку и Коуту. Мы восстанем вместе и покажем кейловаксианцам, какую большую ошибку они совершили, считая нас слабыми!

На этот раз одобрительные крики становятся просто оглушительными.

БЕРСЕРКИ

Бой начинается, когда небо над горизонтом озаряют первые лучи восходящего солнца. Удивленные крики, тревожный звон колокола, лязганье металла о металл, вопли боли — все это сливается в одну какофонию, жутким эхом гремящую над окружающими лагерь горами. Я наблюдаю за ходом сражения с высокого утеса, справа от меня стоит Сёрен, слева — Блейз.

Мы не можем подходить слишком близко, но ход битвы может измениться в любой момент, и нам нужно быть рядом, чтобы в случае необходимости передать указания Артемизии и Цапле. Нужно быть рядом, чтобы в случае необходимости дать сигнал к отступлению.

Мы не стали забираться слишком высоко — наша одежда не располагает к восхождениям на гору. На мне снова красное платье — это самый величественный наряд из всех имеющихся у меня; Блейз и Сёрен одеты в тяжелые доспехи — возможно, им придется вступить в схватку. Не представляю, что буду делать, если до этого дойдет, но оба юноши нетерпеливо переступают с ноги на ногу: они предпочли бы сражаться, вместо того чтобы стоять тут.

Даже мне приходится признать, что наблюдать труднее, чем действовать. У нас больше солдат, чем у противника — кейловаксианцы не ожидали нападения такого большого войска, и в первый момент оказались захвачены врасплох. Сначала кажется, что мы побеждаем — наша маленькая разношерстная армия теснит опытных кейловаксианцев, прорывается к руднику и расположенному рядом с ним лагерю, но мы начинаем терять преимущество еще до того, как солнце окончательно поднимается над горизонтом.

Сёрен был прав: кейловаксианцы достаточно искусны в военном деле, чтобы компенсировать своим умением численное превосходство врага. Они сражаются слаженно и уверенно, отрезая нашим воинам дорогу к руднику. Хотя Сёрен оказался не готов к тому, с каким ожесточением бьются наши солдаты: ярость и отчаянная решимость удешевляют их силы.

— Они сражаются так, будто знают, что не выживут, — говорит принц с некоторой долей благоговения в голосе.

— Они сражаются так, будто им все равно, выживут они или погибнут, — поправляет его Блейз.

Всякий раз, как кто-то из наших солдат падает, у меня болезненно сжимается сердце. Сначала я мысленно возносила молитву богам, но затем погибших становится так много, льется столько крови, столько неподвижных тел остается лежать на земле... Вскоре становится трудно определить, кто за кого сражается.

Шаг за шагом наши солдаты продвигаются к массивным железным воротам, за которыми расположены рудник и рабские бараки; казармы кейловаксианских солдат стоят по периметру перед оградой.

С нашего наблюдательного пункта бараки почти не видны — мы различаем только края соломенных крыш и поднимающиеся над ними тонкие струйки дыма.

«В первую очередь они будут защищать самое ценное: рудник и рабов, — говорил Сёрен, когда мы планировали атаку. — Как только они поймут, что мы явились освободить заключенных, битва будет проиграна».

Он прав. Кейловаксианцы выстроились перед воротами и изо всех сил обороняют эту линию, даже если это будет означать потерю собственных казарм. Наши солдаты теснят их, и тут несколько кейловаксианских воинов вдруг исчезают в небольшой постройке, которую я поначалу не заметила. Маленькое, приземистое здание стоит в стороне от рабских барачных, его почти не видно в тени скалы. Домик обнесен ошетиившимся пиками забором, металл странно поблескивает в солнечном свете красно-оранжевыми отсветами.

Сёрен тоже смотрит в ту сторону и сглатывает.

— Железо, смешанное с измельченными огненными камнями, — говорит он. — Это недавнее открытие; никогда не видел этого сплава в таких огромных количествах. Его производство обходится очень дорого. Что бы они там ни хранили, это явно нечто очень ценное.

— Не что, а кого, — поправляет его Блейз, кивая на постройку.

Из дверей строения снова появляются солдаты, но они не одни. Охранники тащат за собой с десятков закованных в кандалы астрейцев — все пленники скованы одной цепью, и она не дает им передвигаться быстро. Люди щурятся от солнечного света, закрывают лица ладонями.

Ценные астрейцы, для защиты которых кейловаксианцы не пожалели денег. Нет, они не собираются их охранять.

— Это берсерки, — шепчу я. Блейз берет меня за руку, и на этот раз я почти не ощущаю жара его кожи. Не могу отвести взгляд от этих людей.

— Мы знали, что такое возможно, Тео, — говорит друг. — Мы к этому готовились.

Я киваю, потому что голос вдруг пропал. Действительно, мы знали, что кейловаксианцы наверняка попытаются использовать берсерков, которых держат в шахтах. Мы специально разработали особый план на этот случай. Он позволит снизить урон, который берсерки могут нанести нашей армии, но самих берсерков спасти не удастся. Я знаю, что их не спасти, и все же в животе словно завязываются тугие узлы.

— Не могу на это смотреть, — тихо говорю я.

— Ты не обязана, — отвечает Блейз. Краем глаза я вижу, что он и сам слегка позеленел.

— И все же тебе следует смотреть, — говорит Сёрен. Принц сглатывает, видно, что он заставляет себя не отводить глаз. Я вдруг осознаю, что из нас троих только он знает, что мы сейчас увидим. Только он уже видел берсерков в действии.

— Ей не нужно этого видеть! — рявкает на принца Блейз. — Думаю, она и так может представить, что сейчас случится, после того как ты рассказал о своих «подвигах» в Вектурии.

Сёрену хватает совести выглядеть пристыженным.

— Важно понимать, — произносит он тихо и отчетливо. — Увидеть своими глазами.

— От этого ничего не изменится, — возражает Блейз, и в его голосе явственно слышны злые нотки. Его пальцы, сжимающие мою ладонь, дрожат, воздух вокруг него начинает мерцать. Яжимаю его руку,

и мерцание прекращается, хотя в глазах юноши по-прежнему плещутся возмущение и страх.

Он не хочет, чтобы я это видела, догадываюсь я. Не хочет, чтобы я увидела, как он умрет, если та же участь постигнет его. Думаю, ему и самому не хочется на это смотреть — легко рассуждать о самопожертвовании, если речь идет о чем-то абстрактном, но, уверена, гораздо труднее будет решиться пойти на смерть, увидев, насколько она отвратительна.

— Она сильнее, чем ты полагаешь, — заявляет Сёрен. В его голосе нет издевки, но Блейз все равно оскорбляется. Он всем корпусом поворачивается к принцу и прожигает его злобным взглядом.

— Я знаю, насколько она сильна, — шипит он. — Я это знал еще в то время, когда ты считал ее слабой и беспомощной.

Сёрен не отвечает, хотя на его скуле дергается желвак. Рука кейловаксианца тянется к рукояти меча. Я знаю, что он связан обещанием выполнить то, что должна была сделать Артемизия в случае крайней нужды, если Блейз станет опасен. При мысли об этом мне становится тошно. Очевидно, Сёрен понимает, что Блейз просто злится, потому что его рука замирает, не коснувшись меча.

— Прямо сейчас я считаю, что Тео способна сама принимать решения, — говорит он ровным тоном.

Я сглатываю, но заставляю себя вновь посмотреть на поле боя и на десять скованных цепью астрейцев. Они явно не в себе, спотыкаются на каждом шагу, их шатает. У одного подгибаются ноги, и он падает на землю, но стражник тут же заставляет его подняться.

— Их чем-то опоили, — тихо поясняет Сёрен. — Так ими легче управлять, они не сопротивляясь будут исполнять приказы.

Кейловаксианские командиры вкладывают в руки пленников живые камни, и несчастные с готовностью их принимают — так умирающий от жажды тянется к воде.

«Подтолкнуть их за край», — так сказал Эрик, когда рассказывал мне про берсерков. Вот только он не рассказал, что именно заставляет человека пересечь черту. Едва астрейцы касаются живых камней, как в их ословелых глазах загорается искра, причем очень мрачная. Звериная злоба. Воздух вокруг них начинает мерцать.

Сжимая живые камни, берсерки начинают шагать к нашей армии. Несчастные переставляют ноги неуверенно, медленно, но теперь в каждом их движении сквозит неестественная энергия. Они дергаются, как марионетки, которых кукловод вынуждает идти туда, куда ему нужно. Не могу на это смотреть.

Мои солдаты колеблются. Мы предусмотрели, что так может случиться, все наши воины проинструктированы о том, как следует действовать. Несколько десятков солдат держат наготове луки с наложенными на тетивы стрелами, ожидая именно этого момента. Однако они медлят, и я не могу их за это винить, ведь на них надвигаются вовсе не берсерки — это просто кейловаксианское слово, обозначающее придуманное кейловаксианцами понятие. В глазах моих солдат эти люди — не оружие, простые люди. Больные, нуждающиеся в помощи, которую мы не можем им оказать. Мы можем лишь подарить им последнюю милость: пронзить их сердца стрелами.

— Стреляйте же, — бормочет Блейз сквозь зубы, не сводя глаз с лучников. — Стреляйте.

Зато Сёрен не говорит ни слова, лишь молча наблюдает за разворачивающейся перед воротами сценой.

Наконец летит первая стрела и поражает одного мужчину точно в грудь. Раненый смотрит на торчащее из груди древко, из-за выпитого зелья реакция у него заторможенная. Потом он падает на землю, как будто вместо воздуха глотнул воды.

Этот выстрел действует на лучников отрезвляюще, и стрелы сыплются градом — одни не попадают, другие поражают цели. Берсерки падают один за другим, живые камни выпадают из их рук и катятся по земле. Я считаю их, и мое сердце обливается кровью. Наконец на ногах остается только девочка лет восьми. Она шагает медленно, словно разучилась ходить, приволакивает ногу, и, хотя я стою далеко, мне кажется, она плачет.

Стрелы больше не летят, но девочка продолжает идти. Она делает еще шаг и еще, пересекает небольшое расстояние, разделяющее две армии — крошечная фигурка почти теряется на поле боя.

Теперь даже Блейз молчит, хотя я знаю, что все мы ждем, что прилетит последняя стрела и найдет свою цель, мы ждем, что кто-то положит конец мучениям ребенка.

Никто не стреляет. Ни у кого не поднимается рука.

Девочка доходит до первой шеренги наших солдат и останавливается. Она стоит перед тысячным войском и кажется еще меньше, чем есть на самом деле. Совсем крошечная, разве она может кому-то навредить? Мои люди начинают отступать, но делают это недостаточно быстро.

Что-то вспыхивает. Нет, вспыхивает девочка. Еще мгновение назад она стояла там и плакала, а уже в следующий миг превращается в огненный шар, поглощающий всех, кто находится в радиусе нескольких ярдов от нее. Люди пронзительно кричат, горят, но громче всех кричит сам ребенок.

Я невольно делаю шаг назад и с трудом удерживаюсь на ногах; приходится собрать всю волю в кулак, чтобы не отвернуться от этого ужасного зрелища. Я продолжаю смотреть, хотя то, что я вижу, меня убивает.

Огонь затухает так же быстро, как и разгорелся, и на том месте, где только что стояла девочка, остается выжженная воронка футов пятидесяти в диаметре, а также около тридцати сожженных тел солдат и одно маленькое тельце.

Меня вот-вот стошнит. Приходится зажать рот ладонью и дышать носом, пережидая, пока не пройдет рвотный спазм.

— Могло быть хуже, — тихо говорит Сёрен. — Могло быть гораздо хуже.

Я знаю, что он прав, но все равно с трудом сдерживаю желание дать ему пощечину.

Эрик рассказывал мне о берсерках, говорил, что с ними происходит, чем они становятся, но никакие слова не смогли подготовить меня к тому, что я только что увидела. Только что на моих глазах живые люди, плача, шагали навстречу неизбежной гибели.

Моя армия потрясена, солдаты медлят, зато кейловаксианцы спешат воспользоваться замешательством противника. Они рвутся вперед, теснят наших воинов и отбрасывают от ворот на несколько ярдов, которые мы отвоевали с таким трудом. Зато когда наши люди приходят в себя, они принимаются биться с удвоенной яростью.

СРАЖЕНИЕ

Бой длится еще несколько часов, но берсерков больше нет, и я благодарна за это судьбе. Знаю, та маленькая девочка еще долго будет являться мне в кошмарах. Потрясена не только я — с момента гибели ребенка Блейз не проронил ни слова, хотя, несмотря ни на что, мы побеждаем. Наши солдаты борются за каждый дюйм, но чаша весов медленно склоняется в нашу пользу.

К тому времени как солнце поднимается высоко в небе, мы добираемся до рабских барачков, и несколько воинов выпускают оттуда заключенных. Кейловаксианцы еще сопротивляются — около двух сотен отбиваются изо всех сил, но, думаю, они сдадутся в любой момент, особенно после того как рабы присоединяются к нашей армии. Кейловаксианские воины упрямы, но не глупы: они не хуже нас видят, что их дело безнадежное.

— Возможно, нам пора спуститься? — спрашиваю я Сёрена, но тот предостерегающим жестом скидывает руку и хмурится.

— Что-то не так, — бормочет он, не сводя глаз с поля боя. Он словно силится разгадать очень трудную загадку. — Они уже должны были сдаться. Со-

противляться дальше бессмысленно. — Он умолкает и вдруг бледнеет. — Разве что они ждут прихода подкрепления.

Я качаю головой:

— Это невозможно, Сёрен. Ближайший к ним форпост кейловаксианцев находится в нескольких днях пути отсюда, так быстро им сюда не добраться.

Принц хмурится пуще прежнего, всматривается в горизонт, но тут Блейз указывает куда-то на восток.

— Там, — хрипло шепчет он.

Я смотрю в ту сторону, и мне становится нехорошо. Там, по дороге между двумя горными хребтами движется еще одна армия, и все ее солдаты одеты в красное. Цвет кейловаксианцев.

— Немыслимо, — бормочу я, обращаясь скорее к самой себе, чем к молодым людям.

На скулах Сёрена играют желваки.

— Очевидно, король Этристо послал весточку моему отцу, — цедит он сквозь зубы. — Другого объяснения мне в голову не приходит. Старик сложил два и два, понял, куда мы в первую очередь направимся, и послал гонца с письмом. Один быстrophодный корабль легко мог обогнать нас, так что известие, вероятно, прибыло в столицу с неделю назад.

У меня крутит живот, я не могу отвести взгляд от приближающейся армии. Бесконечная красная лента все тянется через перевал, ей нет ни конца ни края.

— Как по-твоему, сколько их? — спрашиваю я Сёрена.

Юноша глядит на меня остановившимся взглядом.

— Слишком много.

Я киваю. Он лишь подтверждает мою догадку, но одно дело — думать, и совсем другое — слышать подтверждение от других.

— Придется отступить, — говорю я. — Мы освободили рабов, этого достаточно. Мы все равно одержали победу, и других вариантов попросту нет. Если останемся, нас просто перережут.

Сёрен кивает, а Блейз вдруг срывается с места и, подскочив к краю скалистого выступа, смотрит на море. Заслоняет глаза ладонью, чтобы не слепило солнце.

— Подождите-ка, — говорит он. — Сюда идут какие-то корабли.

У меня чуть не останавливается сердце.

— Кейловаксианские? — спрашиваю я, пытаюсь сохранять спокойствие. Если нас окружают со всех сторон, нам конец. Мы не только проиграем сражение, мы потеряем все.

Пару секунд Блейз молчит, но эти несколько мгновений кажутся мне вечностью.

— Нет, — отвечает наконец юноша. — Я вижу горакийский флаг.

Я возношу благодарственную молитву всем богам и делаю себе мысленную пометку спросить Эрика про его богов, чтобы и их поблагодарить.

— И... — бормочет Блейз, вглядываясь в даль. — Следом идут еще корабли. На некоторых флаги Вектурии, и, Тео, мне кажется... я вижу флаг Бича Драконов.

У меня подкашиваются колени, и я не падаю только потому, что Сёрен удерживает меня за плечо. Я не сразу осознаю, что смеюсь — с моих губ срывается истеричный, немного безумный смех.

— Этого хватит? — спрашиваю я принца.

— Два лагеря дадут нам еще четыре тысячи человек или около того, плюс воины, которые у нас уже есть, плюс рабы, которых мы только что освободили, плюс пара сотен вектурианцев, плюс команда Бича Драконов, — перечисляет принц. Он недолго молчит, очевидно, подсчитывая в уме, потом кивает. — Может хватить.

— Еще не поздно убежать, — говорит Блейз. — Отступим, перегруппируемся и нападём на другой рудник.

Я качаю головой:

— Именно этого ждет от нас кайзер. Он ожидает, что мы побегим от него, он привык, что все от него бегут. В другой раз он подготовится так, что нам уже не удастся застать его врасплох. Теперь или никогда.

Блейз кивает:

— Я передам весть нашей армии, сообщу им, что происходит, велю как можно скорее вооружать освобожденных рабов или отвести в безопасное место.

Я открываю было рот, чтобы возразить, но быстро понимаю, что это лучшее решение. Сама я пойти не могу, а Сёрен — кейловаксианец, в пылу боя его сначала прикончат и только потом сообразят, что он не враг.

— Возвращайся скорее, — говорю я.

Мрачный Блейз долго смотрит на идущее вниз сражение.

— Нет, — тихо, отчетливо произносит он, не глядя на меня. Это слово будто порождает эхо, но, наверное, это лишь игра моего воображения.

Нет. Нет. Нет. Мне вдруг приходит в голову, что я впервые слышу от Блейза это слово. Он часто не соглашался со мной и спорил, отстаивая свою точку зрения, но еще никогда не отказывал мне на прямую.

— Блейз, — говорю я, делая шаг к другу. — После того, что мы только что увидели...

— После того, что мы только что увидели, я отлично понимаю, где мне следует быть. — Голос юноши тих, но в нем звенит сталь. — Я останусь рядом с Артемизией. Если она заметит, что я теряю контроль, она меня убьет, но прежде даст мне убить столько врагов, сколько я смогу. Я ей доверяю.

Я делаю еще шаг, сжимаю лицо Блейза в ладонях и вынуждаю его посмотреть на меня.

— Блейз, ты не можешь. Ты этого не сделаешь. Я тебе прикажу... я приказываю тебе остаться здесь, приказываю как твоя королева.

Мой голос не похож на голос королевы, я сама это слышу, но сейчас я не королева. Я просто испуганная девушка, умоляющая юношу, которого она любит, не покидать ее. Ненавижу себя за эту слабость, но не могу остановиться.

Блейз сглатывает, его взгляд тяжелеет.

— Нет. — Кажется, это слово его убивает.

Слезы жгут мне глаза, я ожесточенно их смаргиваю. Блейз не увидит, как я плачу.

— Я никогда тебя не прощу, если ты сейчас уйдешь, — выплевываю я.

Юноша отводит взгляд и тихо говорит:

— Знаю. — Он смотрит на Сёрену поверх моей головы. — Ты знаешь, что делать, если увидишь, что мы проигрываем... Даже если тебе только покажется.

Сёрен сдавленно произносит:

— Я верну ее на корабль.

Блейз кивает, потом осторожно высвобождается из моих рук. Смотрит на меня так, словно пытается запомнить навсегда, и говорит:

— Я люблю тебя, Тео.

— Если бы любил, не поступал бы так, — восклицаю я, и каждое мое слово ранит, подобно кинжалу.

Блейз вздрагивает, будто я его ударила, потом отворачивается от меня.

Спускаясь с горы, он ни разу не оборачивается, хотя не может не слышать, как я выкрикиваю его имя.

Эрик и Бич Драконов прибывают за несколько минут до того, как кейловаксианцы получают подкрепление, и когда войска схлестываются, долину накрывает кошмарная какофония. Лязг металла о металл, пронзительные крики, боевые кличи сливаются в один жуткий вой, и уже невозможно разобрать, где кто. Шум боя порождает эхо, отражающееся от горных склонов. У меня перед глазами все сливается — тела, кровь, — и это длится целую вечность, но я слежу только за одним человеком.

Предполагается, что с такого расстояния Блейза трудно заметить в гуще боя, ведь у него нет таких ярких волос, как у Артемизии, и все же я его вижу. Он идет вперед с мечом в руке, и в каждом его движении сквозит ужасающее неистовство.

Сёрен ничего не говорит при виде моих слез. Похоже, я его немного пугаю, и он держится поодаль, притворяясь, будто ничего не замечает. Краем сознания я догадываюсь, что ему нечасто приходилось видеть плачущих женщин. Когда мои рыдания наконец утихают, принц отрывисто произносит:

— Блейз безрассуден, но не глуп. — Он явно пытается меня утешить. — С ним все будет хорошо.

— Не в его власти управлять своей судьбой, — бормочу я, вытирая мокрые щеки. Я помню землетрясение в Ста'криверо — тогда друг был на волосок от того, чтобы утратить контроль над своей силой,

но я успела вернуть его, не дала шагнуть за край. А кто вернет его теперь? Артемизия вонзит меч ему в спину, если решит, что для нашей армии он опаснее кейловаксианцев. Она даже посчитает такой поступок милосердием.

Сёрен пожимает плечами:

— Похоже, он контролирует себя лучше, чем все берсерки, которых мне доводилось видеть. Если он совершил пару ошибок, это еще не значит, что сила его убьет.

Я понимаю, что он прав, но его доводы меня не успокаивают.

Блейз все-таки меня бросил. Я потеряла всех, кого любила, и не могу потерять еще и его.

— Тео, — зовет меня Сёрен.

— Со мной все в порядке, — говорю я, снова утирая глаза.

— Я не об этом, — нерешительно произносит принц. — Думаю... Думаю, здесь мой отец.

От потрясения у меня из головы начисто вылетают все мысли.

— Что? — Я хлопаю глазами. — Кайзер никогда не принимает участия в битвах.

— Он не сражается, — говорит Сёрен, щурясь и вглядываясь в даль. — Он наблюдает, как и мы. И, по-моему, рядом с ним Крессентия.

Кресс. На миг у меня замирает сердце, я торопливо подхожу к Сёрену и вглядываюсь туда, куда смотрит он.

— Вон там. — Юноша указывает вдаль. — На склоне той горы. Видишь?

Я вижу. Трудно не заметить богато украшенные кресла — должно быть, понадобились усилия многих кейловаксианцев, чтобы протащить всю эту красоту через горы. Над головами сидящих в креслах

людей даже натянут красный шелковый тент, дабы защитить их от солнца. Можно подумать, они явились сюда посмотреть на фестиваль, а не на бой. Лиц сидящих в креслах людей я не могу разглядеть, да это и не требуется.

— Зачем он проделал столь длинный путь? — спрашиваю я Сёрена.

Юноша отвечает не сразу:

— Потому что ты вывела его из себя своим побегом. Он хочет лично увидеть, как тебя разобьют.

У меня в животе словно завязывается тугой узел.

— Ну, этого он не увидит. Жаль, что ты не слишком искусный лучник, Сёрен. Одним выстрелом можно было бы положить конец этой войне.

Юноша качает головой.

— Даже если бы я смог выстрелить, мой отец не так глуп. Уверен, он закован в броню с ног до головы. А вот нам нельзя показываться, — замечает он, отступая обратно в тень скалы, и тянет меня за собой. — Не то он отправит за нами людей.

Я киваю, сердце оглушительно стучит в груди.

— Сёрен, можешь пообещать мне кое-что?

Молодой человек глядит на меня озадаченно, но кивает.

— Что именно?

Я сглатываю:

— Если они до нас доберутся, если станет ясно, что нас вот-вот захватят, я хочу, чтобы ты меня убил.

У юноши округляются глаза.

— Тео, нет.

— Больше я не буду его пленницей, Сёрен. Сделай это, или я сброшусь с этого утеса, хотя предполагаю, это будет гораздо более мучительный конец, чем смерть от меча. Прошу тебя.

Одно долгое мгновение Сёрен смотрит мне в глаза, потом кивает.

— Если до этого дойдет, — обещает он.

Не уверена, верю я ему или нет.

Мы с Сёренom несколько часов стоим в тени скалы, прижавшись друг к другу, но вот наконец шум на поле боя стихает.

— Все закончилось? — спрашиваю я.

Сёрен выглядит озадаченным.

— Вряд ли. Погоди-ка.

Он ложится на живот, ползет к краю утеса и оглядывает долину, потом смотрит на меня.

— Они машут флагом, сражение остановлено.

— Они сдаются? — удивленно спрашиваю я. Даже в самых сладких мечтах я и представить не могла, что кайзер так быстро отступит.

Сёрен качает головой:

— Это желтый флаг, они хотят переговоров. Кайзер желает поговорить с главой вражеской армии. Он хочет поговорить с тобой.

ПЕРЕГОВОРЫ

Сёрен идет вместе со мной на встречу с кайзером — мы не сговаривались, юноша просто следует за мной. Принц говорит, что встреча пройдет при закрытых дверях — в казарме кейловаксианских солдат, скорее всего, в комнате коменданта рудника. Каждая сторона возьмет с собой только одного охранника. На время встречи бой прекращается.

Даже зная, чего следует ожидать, я не могу унять дрожь, меня корчит от ужаса, потому что скоро я опять окажусь в одном помещении с кайзером: увижу его, услышу его голос, он будет смотреть на меня.

Не знаю, как я это вынесу.

И все же я должна.

Моим охранником будет Артемизия. Возможно, кейловаксианский воин будет ее недооценивать — во всяком случае, я на это надеюсь.

— Кинжал при тебе? — тихо спрашивает Сёрен. Мы идем через усеянное трупами поле, нас окружает группа солдат — на случай, если кейловаксианцы нападут на нас по дороге. Воины расступаются, давая нам дорогу. Они больше не сражаются, потому что поступила команда временно опустить оружие,

но нас провожают пристальными взглядами, подобными натянутой тетиве лука; во взглядах читается ненависть, надежда или просто пустота.

Я киваю: ножны с кинжалом спрятаны у меня на бедре под платьем.

— Мне не позволят его пронести, — осознаю я вдруг, и при мысли о том, что в присутствии кайзера я останусь беззащитной, становится трудно дышать.

— Строго говоря, оружие нужно будет сдать, — соглашается Сёрен. — Но они не ждут, что ты вооружена — общут только меня. Пусть кинжал будет у тебя под рукой, но не используй его без необходимости. Если ты первая нападешь на кайзера, заплатишься своей жизнью.

Я киваю и сглатываю, пытаюсь справиться со страхом.

Артемизия бросает на меня косой взгляд.

— Пора, — объявляет она. — Ты готова?

— Нет, — честно отвечаю я. — Но все равно идемте.

Едва мы входим в казарму коменданта, присутствие кайзера подавляет меня. Он немедленно впивается в меня холодными голубыми глазами, заставляя меня съежиться под этим взглядом. Я настолько выбита из колеи, что не сразу замечаю: кайзер не один. Рядом с ним сидит Крессентия, кайзер держит ее за руку. Бывшая подруга выглядит так же, как в нашу последнюю встречу: пепельно-серое лицо, тусклые белые волосы. Обугленную шею ее охватывает ожерелье из огненных камней, но оно не скрывает уродства девушки, наоборот, лишь подчеркивает. На голове у Крессентии корона из черного золота, инкрустированная огненно-красными рубинами.

Это корона моей матери, осознаю я вдруг. Кончики пальцев немедленно начинает покалывать и жечь, поэтому я стискиваю кулаки, чтобы погасить это ощущение.

Взгляд Кресс падает на меня, и я резко останавливаюсь, но ладонь Сёрена мягко подталкивает меня в спину, вынуждая идти вперед, чтобы враги не увидели моего замешательства.

Я осторожно присаживаюсь в кресло, поставленное напротив мест кайзера и Крессентии, а Сёрен занимает соседнее.

Несколько секунд все молчат. Кажется, будто заговоривший первым в какой-то степени проиграл.

Наконец принц кашляет и обращается к кайзеру.

— Слышал, тебя можно поздравить со свадьбой, отец, — произносит он с мрачной улыбкой, потом смотрит на Кресс. — А вы, леди Крессентия, примите мои искренние соболезнования.

Лицо кайзера наливается кровью, но Кресс отвечает первой, и ее грубый голос режет воздух, подобно ножу.

— Теперь я кайзерина Крессентия, — холодно говорит она. — Не думаю, что вам двоим можно адресовать схожие поздравления.

Пусть Сёрен заговорил первым, зато Крессентия первой проиграла, потому что сразу же продемонстрировала слабость. Даже в разгар битвы, в ходе которой решается судьба страны, Кресс остается обиженной девушкой, лишившейся молодого человека, за которого собиралась замуж.

Этим можно воспользоваться.

— Еще нет, — отвечаю я, сладко улыбаясь. — Когда мы поженимся, свадьба пройдет во дворце Астреи — мы совместим ее с торжествами по случаю нашей победы.

Кресс стискивает зубы, но я уже смотрю не на нее, а на кайзера, отчаянно стараясь подавить страх и тошноту, охватывающие меня в его присутствии.

— Полагаю, вы здесь, чтобы обсудить условия вашей капитуляции, — говорю я спокойным, уверенным тоном. Не позволю ему запугивать меня.

Кайзер фыркает.

— «Нашей капитуляции»? — переспрашивает он, качая головой.

— Это же вы запросили переговоры; полагаю, вы хотели обсудить условия, — продолжаю я. — В конце концов, мы превосходим вас числом.

— Сражения выигрывают не только за счет численного превосходства, и тебе, Сёрен, это должно быть известно, — тянет кайзер, обращаясь к сыну, хотя вопрос ему задала я.

— Удивительно, что ты еще это помнишь, — парирует Сёрен. — С тех пор, как ты в последний раз участвовал в бою, прошли десятилетия, отец. С тех пор многое изменилось.

Кайзер натянуто улыбается.

— Я позволю вашим армиям тихо-мирно покинуть Астрю, — говорит он, откидывается на спинку кресла и устремляет на нас безмятежный взгляд. — Взамен мне нужны только вы двое. По-моему, это более чем справедливый обмен: две жизни ради спасения тысяч.

Он пытается сыграть на нашем благородстве — умный ход, который я предугадала, ибо успела достаточно узнать кайзера.

— Нет, — равнодушно произношу я. — Мы отпустим вас и вашу армию, если вы и ваши люди немедленно покинете мою страну.

Это такой же блеф, как предложение кайзера: отец Сёрена ни за что не отпустил бы моих людей

живыми, даже если бы я сдалась, а я определенно не приму капитуляцию, если вместе с ней не получу смерть кайзера. Мы оба это знаем, но все равно притворяемся.

Кайзер смеется.

— Тогда мы зашли в тупик, — произносит он, потом глядит на Крессентию. — Видишь, дорогая? Я же говорил, что встречаться с ними бессмысленно.

«Так это Крессентия настояла на переговорах?»

Я бросаю косой взгляд на Сёрен, но принц тоже выглядит озадаченным. Какая Кресс выгода от встречи с нами? Возможно, ею двигало любопытство, но, я слишком хорошо знаю Кресс и уверена, что дело не в этом. Ее отец воспитывал ее не как человека, который живет, движимый простым любопытством. Нет-нет, здесь кроются другие причины, и я их пока не вижу. Я словно смотрю в окно, за которым клубится густой туман, так что видны лишь темные силуэты и очертания.

Меня мороз продирает по коже: Кресс встает с кресла.

— Полагаю, мне хотелось увидеть его в последний раз. — Она горестно вздыхает и делает шаг к нам.

Сидящий рядом со мной Сёрен тоже замирает, словно в ожидании нападения. Крессентия видит это и улыбается — она точно кошка, кружащая вокруг мыши.

— Боишься меня, принц Сёрен? — спрашивает она, задумчиво склоняя голову набок. — Теперь я весьма пугающее создание, и все благодаря ей. — Она кивает на меня. — Я предложила ей дружбу, и в обмен на мою доброту она меня отравила. Она не рассказала тебе об этом?

— Ты предложила мне ошейник, Кресс, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я была для тебя не другом, а домашней зверюшкой.

— Ах, какая драма. — Крессентия возводит глаза к потолку, потом неторопливо идет по комнате, как бы невзначай проводя кончиками пальцев по письменному столу. На деревянной столешнице остается обугленный след. Я чувствую, как учащается сердцебиение, желание сбежать из этой комнаты становится просто непреодолимым. Увидев мою реакцию, Кресс самодовольно улыбается.

Именно так она улыбалась мне на балах и приемах, когда мы с ней делились секретами. Воспоминание об этом — словно удар под дых, но я отбрасываю его и концентрируюсь на настоящем.

— Полагаю, мне следует тебя поблагодарить, — спокойно говорит мне бывшая подруга. — Это просто удивительно, не находишь? — Она задумчиво рассматривает свои пальцы. — Знаешь, я могла бы сжечь вас обоих одним прикосновением. Прежде чем ваша маленькая охранница успела бы войти, вы уже стали бы горсткой пепла. — Она смеется, в глазах горит злобная радость. — Очень подходящий конец для тебя, Принцесса пепла, не находишь?

Я касаюсь спрятанного под юбкой кинжала, хоть и понимаю, что выхватывать его бессмысленно. К тому времени как я его достану, будет уже поздно. Пальцы по-прежнему покалывает и жжет; интересно, что случится, если я перестану сдерживать ярость, если выпущу ее наружу, так что останутся только огонь, дым и зола? Такой поступок рассердил бы богов, напоминаю я себе; они могут обратить свой гнев на Астрею, и тогда я никогда не встречу свою мать в Посмертии.

Но когда я вижу, как Кресс управляет огнем, исходящим из кончиков ее пальцев, я нисколько не сомневаюсь: она без колебаний использовала бы его против меня. Если она попытается это сделать, я сделаю все возможное, чтобы ее остановить. Наверное, у меня не было бы шансов, ведь Кресс знает свою силу, понимает, как ею управлять, в то время как я свою боюсь.

Кайзер улыбается Крессентии так, словно она — самое прекрасное, что он видел в своей жизни, словно он хочет обладать ею. Кресс улыбается в ответ, но есть в ее улыбке нечто тошнотворное, нечто темное и отвратительное. Она обходит комнату, встает рядом с кайзером и кладет руки ему на плечи.

— Вижу, ты притихла, да? — спрашивает она меня. — Никаких остроумных возражений? Ты ведь знаешь, что я могу это сделать, правда?

Я заставляю себя выдержать ее взгляд, хотя больше всего мне хочется отшатнуться.

— Ты можешь. Но знаешь, Кресс, ты не убийца. Вопреки всему я надеюсь, что это так.

Кресс шурится, и все ее тело содрогается. Не отводя взгляда от нас с Сёренем, она обнимает кайзера за шею, ее тонкие белые руки резко контрастируют с красноватой кожей его горла. Кресс нежно запрокидывает голову кайзера, заставляя его посмотреть на нее, потом наклоняется и прижимается губами к его губам.

Кайзер слишком поздно понимает, что происходит, и когда начинает сопротивляться, прикосновение Крессентии уже обжигает его губы и горло, так что он даже не может кричать. Комнату заполняет запах горелой плоти, такой едкий, что у меня кружится голова. Я в ужасе наблюдаю, как тело моего

мучителя превращается в золу, как его искажившееся от ужаса и боли лицо навечно застывает.

Крик замирает у меня в горле. Я не могу отвести глаз от кайзера, смотрю, как жизнь в его глазах меркнет. Я ждала этого момента годами, мечтала увидеть, как он сдохнет у меня на глазах. Никогда не думала, что это произойдет вот так. Никогда не думала, что мне будет так страшно.

Запах паленой плоти становится сильнее, и у меня к горлу подступает желчь. Сёрен зажимает нос рукавом рубашки, его лицо становится таким же белым, как ткань, из которой эта рубашка сшита, однако Кресс совершенно спокойна. Ее не беспокоят ни вонь, ни собственный поступок. Краем сознания я догадываюсь, что это, очевидно, не первая отнятая ею жизнь. В какое же чудовище она превратилась с тех пор, как я видела ее в последний раз!

— Ну вот, — говорит она, выпуская безжизненное тело кайзера. — А теперь почему бы нам еще раз не обсудить условия?

Крессентия подходит к письменному столу коменданта, выдвигает один из ящичков, роется там и наконец достает наполовину полную винную бутылку. Поставив бутылку на стол, она извлекает из одного кармана платья небольшой кубок, инкрустированный огненными камнями, а из другого — флакон, в котором переливается молочно-белая жидкость.

При виде ее у меня екает сердце. Энкатрио, то самое зелье, которым я отравила Кресс и ее отца.

— Где ты его достала? — спрашиваю я, и мой голос едва громче шепота.

Крессентия пожимает плечами.

— После того что оно сотворило со мной, нетрудно было догадаться, что его берут в Огненном

руднике. А дальше осталось просто задать правильные вопросы и склонить людей к сотрудничеству.

— Ты их пытала, — произношу я надтреснутым голосом. Да, Кресс стала чудовищем, но это же я толкнула ее на этот путь, правда? Я сделала ее такой.

Кресс округляет глаза.

— Мне бы не пришлось их мучить, если бы они сразу выдали интересующие меня сведения. — Вытащив из флакона пробку, она наливает немного зелья в кубок. — Этого должно хватить, — бормочет она, хотя мне кажется, что она разговаривает сама с собой. Потом она наливает в кубок вино, так что тот оказывается наполовину полон, и покачивает его, перемешивая яд с вином. Наконец она идет ко мне, и мне приходится собрать в кулак всю силу воли, чтобы не попятиться.

Сёрен делает шаг вперед, заслоняя меня собой.

— Что ты собираешься делать с этой отравой? — спрашивает он настороженно.

Кресс улыбается принцу.

— Обещаю, что не стану насильно вливать содержимое этого кубка ей в глотку. Я лишь предлагаю ей выпить добровольно — пусть проглотит все до последней капли.

— И с чего бы мне делать это? — спрашиваю я дрожащим голосом.

— Потому что, если ты выпьешь, я прикажу своей армии отступить. Можешь оставить себе рудник, можешь оставить всех освобожденных рабов — ну, именно ты не сможешь этого сделать, ибо уже будешь мертва, но твои люди останутся в живых.

— Мы и так живы, — возражает Сёрен. — Битва еще не окончена.

— Не окончена, — соглашается Кресс, метнув на принца быстрый взгляд, — но очень скоро закончится. Хотя людей у вас и больше, все они необучены и слабы. У них нет живых камней. Даже если вы каким-то чудом выиграете сегодняшнее сражение, ваша армия будет ослаблена, и вы сможете удерживать этот рудник ровно до того момента, как я приведу новые войска. Мы вернемся через неделю и как жука раздавим остатки вашей армии. — Она улыбается мне. Зубы у нее не заостренные, но улыбка такая же кровожадная, как в моих кошмарах. — Это простой выбор, Тора. Твоя смерть или смерть твоих людей.

Я смотрю на нее, не в силах сдвинуться с места. Она совершенно серьезна, предлагает мне смерть, называя это милосердием, и, пожалуй, она права. Если бы кайзер не пришел сюда с подкреплением, мы, вероятно, смогли бы собрать достаточную армию, добраться с ней до следующего рудника и захватить его тоже, но понесли бы серьезные потери. Это был бы наш первый и последний успех.

Если я выпью это зелье, у моих людей появится шанс. Я не так глупа, чтобы поверить, будто Кресс позволит моей армии долго удерживать Огненный рудник, но эта передышка дала бы нам время, чтобы придумать новый план, найти другой способ сражаться. Уверена, даже если меня с ними не будет, Артемизия, Цапля, Эрик и Блейз продолжают борьбу. Я им не нужна: Артемизия сама так сказала еще в астрейском дворце. Если меня не станет, восстание продолжится.

Я должна в это верить.

Глядя в глаза Кресс, я обхожу Сёрена и забираю из рук бывшей подруги кубок. На миг наши пальцы

соприкасаются, я жду, что они окажутся горячими, но они такие же, как мои.

— Тео, нет! — умоляюще говорит Сёрен. — Есть другие пути.

— Нет, — отвечаю я, не отводя взгляда от Кресс. — Другого пути нет.

«Возможно, зелье меня не убьет», — приходит мне в голову отчаянная, лихорадочная мысль. Оно ведь не убило Кресс. В моих жилах течет кровь Оузы, я сама видела доказательство этого. Хотя с гораздо большей долей вероятности огонь, уже живущий во мне, разгорится сильнее под воздействием энкатрио, и тогда, по словам Мины, мой котел просто выкипит.

Нужно доверять моим богам, нужно верить, что они меня защитят. Вот только они не защитили Блейза, не защитили мою мать, Ампелио, Элпис и всю Астрекю. Я не могу убедить себя, что они защитят меня сейчас.

Я подношу кубок к губам, но на мгновение замираю и говорю:

— Кресс.

Лишь одно слово, ее имя.

В глазах бывшей подруги мелькает какое-то чувство, и на миг мне кажется, что мне удалось докричаться до потаенного уголка ее души, который я считала потерянным. Она улыбается мне совсем как когда-то, когда мы были просто глупыми девочками, обменивавшимися свежими сплетнями. Потом ее улыбка становится алчущей.

— Пей, — приказывает она.

Я беру Сёрену за руку, потому что не хочу умирать в одиночестве, подношу кубок к губам и пью.

Первый глоток горяч, но терпеть можно. Второй обжигает. Я пью так быстро, что вино течет из угол-

ков губ, опалая кожу, но я не останавливаюсь. Пью, пока в кубке ничего не остается.

В горле начинается жжение, боль такая резкая, что я падаю на колени, не в силах ни о чем думать. Мне уже все равно, где я нахожусь, чью руку из последних сил сжимаю и что происходит вокруг.

Боль распространяется по телу, меня охватывает дрожь, пол подо мной кажется ледяным. Меня крепко обнимают чьи-то руки, но они очень быстро исчезают, и я бьюсь в судорогах.

Звенит пронзительный крик, но это не мой голос. Наверное, это кричу не я, потому что я даже не могу открыть рот.

Распахивается дверь, в комнату вбегают какие-то люди, но я их не узнаю, перед глазами все плывет.

Опять крики. Паника. Того, кто обнимал меня, уволаскивают прочь, он отбивается и кричит. Я не вижу его, но все еще слышу. Он зовет меня по имени. Называет меня Теодосией.

Голубые волосы. Надо мной кто-то склоняется, холодные руки касаются моей кожи, словно вода, и мне становится еще больнее, чем от жгущего меня изнутри огня. Если яд превратил меня в огонь, то вода оставит от меня только пар.

Все вокруг чернеет.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Я просыпаюсь в палатке, и яркий солнечный свет проникает в швы между полотнищами ткани. Мне кажется, будто с меня содрали всю кожу, каждый нерв пылает огнем, но боль можно терпеть. Я могу трезво размышлять. Помню, как выпила зелье, как кричала Кресс, вызывая своих солдат. Помню, как солдаты волокли отбивающегося Сёрена, а Артемизия пришла на помощь мне, вместо того чтобы спасти его.

Перекатываюсь на потертom матрасе, грубая ткань царапает мне кожу, и я, не в силах сдержаться стон, зажмуриваюсь.

— Тео? — тоненько и испуганно восклицает кто-то.

Через силу открыв глаза, я вижу, что на земле возле моей койки сидит Артемизия и смотрит на меня серьезно и встревоженно. Судя по темным кругам у нее под глазами, она давно не спала. Я пытаюсь сесть, но от этого движения все тело пронзает новая волна боли, так что я обессиленно падаю на матрас и закрываю лицо руками.

Кожа под моими пальцами гладкая, но липкая от пота. На ощупь она не похожа на обуглен-

ную кожу Кресс. Я оттягиваю пряди волос, ожидая увидеть, что те поседели, но волосы остались прежними, побелела лишь одна прядка. Увидев ее, я вздрагиваю.

«Я жива».

Эта мысль ошеломляет меня и будоражит воображение. Я жива, хотя мне полагалось стать обугленным трупом. Я жива, но стала другой. Пусть зелье не исковеркало меня, как Кресс, но все равно изменило. Я по-прежнему ощущаю жар в кончиках пальцев, но теперь он медленно распространяется, и я ощущаю его во всем теле — по моим венам течет живой огонь. Впрочем, меня это больше не пугает. Не представляю, что может меня напугать после того, как я выпила энкатрио.

— Как долго я спала? — спрашиваю я. Голос звучит хрипло, горло саднит.

— Два дня, — отвечает Артемизия. — Кейловаксианцы отступили. Их кайзераина выдала нам лист пергамента, на котором написано, что отныне мы можем владеть этим рудником, хотя, как по мне, грош цена этой бумажонке.

— Верно, — киваю я, удивляясь, что Кресс все-таки сдержала слово. Очевидно, она думает, что я мертва. — А Сёрен?

Артемизия шумно сглатывает.

— Кейловаксианцы забрали его с собой, сказали, дескать, он — предатель и принадлежит им. Эрик пытался их остановить, но Сёрен согласился пойти добровольно. Вы с ним — пара благородных идиотов, — говорит она, и в ее голосе явственно слышится нежность.

— А Блейз? — спрашиваю я. — Он же отправился в гущу сражения. Он?.. — Я умолкаю, не в силах закончить фразу.

— Жив, — успокаивает меня Артемизия. — Болтается тут неподалеку, сказал, ты не захочешь его видеть.

Не уверена, так ли это. Наша ссора все еще звучит у меня в сознании, я до сих пор вижу, как Блейз уходит, хотя я умоляла его остаться. И все же я жива, Блейз жив, и все это похоже на чудо, так как я могу сердиться?

— Ты меня спасла, — говорю я. Помню, как Артемизия использовала водный дар, чтобы мне помочь. Если бы не она, яд убил бы меня или изуродовал, как Крессентию, а может, случилось бы что-то похуже.

— Ты же спасла всех остальных. — Артемизия пожимает плечами. — Это было меньшее, что я могла сделать. Как ты себя чувствуешь?

Она задает этот вопрос таким тоном, словно не уверена, хочет ли услышать ответ. Она спрашивает меня не о боли, потому что и сама видит, как я морщусь, слышит мои стоны. Она имеет в виду нечто большее.

— Почти как раньше, — отвечаю я. Мне трудно описать свое состояние.

Артемизия щупает мою щеку.

— Кожа у тебя до сих пор теплая, — говорит она. — Сначала мы подумали, что это лихорадка, но Цапля не смог тебя вылечить, сказал, это что-то другое.

Я сглатываю и смотрю на свою ладонь. Я видела, на что способна Крессентия. Если я собираюсь ей противостоять, то больше не имею права бояться. Поэтому я призываю огонь, представляю, как он разгорается, но что-то идет не так. Я ощущаю внутри себя пламя, но оно так глубоко, что приходится искать его, бороться, и вот, наконец, у меня на ладони загорается крошечный огненный язычок.

Артемизия даже не вздрагивает, лишь смотрит на пламя с легким любопытством.

— Теперь все иначе, — замечает она. — Ты можешь его контролировать.

— Да, — соглашаюсь я и хмурюсь. — Только все не так, как я представляла. Гораздо слабее.

Артемизия кивает.

— Ну, во всяком случае, тебе больше не придется скрывать свой дар. Королева, пожертвовавшая жизнью ради спасения своего народа, восстала вновь и сделалась сильнее, словно... — Она умолкает, подбирая нужное слово.

Зато я тут же вспоминаю подходящее определение.

— Словно *Фирен*. — Видя, что Артемизия озадачена, я поясняю: — Птица из горакийской мифологии. Мне рассказала о ней Хоа: эта птица возрождается из пепла и дыма и вновь становится пламенем.

При мысли о Хоа сердце словно стискивает чья-то холодная рука.

— Как Эрик?

Ответить Артемизия не успевает: край палатки приподнимается, и внутрь протискивается Бич Драконов. При виде меня она улыбается, и все же в ее улыбке есть что-то мрачноватое — мама улыбалась по-другому. Бич Драконов улыбается совсем как Артемизия.

— Ты очнулась, — изрекает она, коротко кивая. — Как самочувствие?

Не отвечая, я снова зажигаю на ладони пламя. Округлившиеся от страха и благоговения глаза тетки радуют меня больше, чем следовало бы.

— Знаю, ты не веришь в богов, тетя, — говорю я, — но, похоже, они верят в нас.

Бич Драконов долго молчит, потом спрашивает:

— Это больно?

Я сжимаю кулак, и огонь гаснет.

— Все болит. Прими мою благодарность, без тебя мы потеряли бы намного больше жизней.

— Славная выдалась битва, — отмахивается Бич Драконов. — То, что ты сделала, достойно восхищения. Глупо, но восхитительно.

Я киваю. Это наивысшая из похвал, какую только можно ждать от Бича Драконов.

Артемизия откашливается.

— Я тоже рада, что ты с нами, — говорит она на удивление тоненьким голоском.

Выражение лица Бича Драконов на миг становится мягче, но, похоже, она не знает, что сказать. В комнате, словно тонкая паутина, повисает напряженное молчание, Бич Драконов и Артемизия так смотрят друг на друга, что я чувствую себя лишней.

Бич Драконов сказала, что мне повезло, ведь мне никогда не придется разочароваться в своей матери. И все же к горлу у меня подступает ком, потому что я понимаю: такого момента у меня тоже никогда не будет, я никогда не посмотрю в глаза матери и не прощу ее за то, что она лишь человек, которому свойственно ошибаться.

После ухода Артемизии и Бича Драконов проводить меня приходит Эрик. В рубаше и простых брюках, с распущенными волосами он выглядит младше, чем есть на самом деле. Кто-то уже сообщил ему про Хоа, и мне остается лишь надеяться, что этот кто-то постарался по возможности смягчить удар.

— Мне жаль, — говорю я и сама понимаю, что словами горю не поможешь.

Эрик садится возле моей койки и берет меня за руку. Если его и удивляет жар моей кожи, он никак

этого не показывает. Наверное, слухи о моем состоянии уже успели распространиться.

— Кайзер уже никогда не причинит такого зла ни одной женщине. — В голосе молодого человека звенит сталь. — Он вообще больше никому не навредит. Жаль, что матушка не смогла хотя бы день прожить в мире, где нет кайзера.

— Мне тоже жаль. — Я набираю в легкие побольше воздуха. — Я убила женщину, которая ее убила. Это была самозащита, у меня не было выбора — все это правда, но еще я убила ее за то, что она сделала Хоа, и я никогда об этом не пожалею.

Какое-то время юноша молчит, потом кивает.

— Однажды ты расскажешь мне об этом подробнее, — говорит он. — Но в последнее время я видел слишком много смертей. Даже смерть убийцы моей матери меня не порадует.

Я прикусываю губу.

— Как думаешь, Сёрен мертв?

Эрик снова смотрит мне в глаза.

— Нет, — четко произносит он. — Сёрен — предатель, а кейловаксианцы предателей не милуют, но в данном случае я бы предположил, что Крессентия сохранит ему жизнь. Ее положение в качестве кайзерины довольно шаткое — до сих пор у кейловаксианцев не было правителя-женщины, так что аристократы не обрадуются такому новшеству. Чтобы сохранить трон, ей нужно выйти за принца замуж.

При мысли об этом мне становится тошно, но, по крайней мере, это значит, что пока Сёрен будет жить. До поры. Сёрен жив, и это знание наполняет меня радостью, но я не могу не думать о том, что в ближайшее время ему, скорее всего, придется пройти через ад.

— Мы освободим его до того, как это случится, — заверяю я Эрика.

Легче сказать, чем сделать.

Очевидно, Эрик понимает это не хуже меня, и все же кивает.

— Мы его освободим, — повторяет он, пожимая мою руку.

Труп кайзера сильно обгорел, но мы все равно складываем для него погребальный костер. Я стою перед ним, так близко, что могу дотронуться до обугленного тела. Я еще очень слаба и с трудом держусь на ногах, но заставляю себя выпрямиться. На память приходят слова, которые я сказала Блейзу, — кажется, это было в прошлой жизни.

«Когда кайзер умрет, вне зависимости от того, как и когда это случится, я хочу сжечь его тело. Хочу сама поднести факел, хочу стоять и смотреть, пока от него ничего не останется, кроме золы».

До сих пор мне казалось, что смерть этого человека принесет мне облегчение, но даже глядя на его мертвое тело и пустые глаза, я не нахожу покоя.

«Моя мать была королевой мирных времен, — думаю я, когда люди, складывавшие погребальный костер, заканчивают и отходят в сторону. — Но я не такая королева».

Отвернувшись от кайзера, я смотрю на толпу беженцев и освобожденных астрейцев — люди собрались посмотреть, как будет гореть виновник их бед. Возможно, это подходящий момент для очередной прочувствованной речи, но они пришли сюда не ради речи. Опустив глаза, подходит Блейз с факелом в руке. Он ни разу не посмотрел на меня с момента моего пробуждения, и я

по-прежнему не знаю, хочу ли, чтобы он на меня смотрел, или нет.

Я не беру факел, просто поворачиваюсь к телу кайзера и вытягиваю перед собой руку с открытой ладонью. И снова приходится прикладывать усилия, уговаривать пламя появиться. Над толпой повисает выжидательное молчание, а потом на моей ладони загорается маленький огонек, и в толпе слышатся изумленные возгласы и перешептывания.

Я подношу руку к пучку соломы, подложенному под труп, и наблюдаю, как разгорается пламя. Перешептывания у меня за спиной перерастают в одобрительные крики. Артемизия была права: люди не осуждают мой дар, напротив, верят, что его даровал мне Оузза в награду за самопожертвование.

Возможно, так оно и есть, но этого недостаточно. Я видела, как Кресс ловко управлялась со своей силой. Ей не приходилось прикладывать усилий и ждать — пламя охотно срывалось с ее ладоней, было частью ее самой, так же как кожа, сухожилия и кости.

Я почти не слышу радостные крики. Смотрю на кайзера и даже не позволяю себе моргнуть, когда огонь начинает лизать его и так уже почерневшее тело. И тут я замечаю, что на шее у него что-то блестит, красный живой камень — он покрыт золотом и пеплом, но ошибиться невозможно. Этот огненный камень носил на груди Ампелио. Сунув руку в огонь, я хватаю камень и срываю с шеи кайзера.

Блейз опускает руку мне на плечо и пытается отстранить от огня, но я не двигаюсь с места.

Мне хочется видеть, как кайзер исчезает в пламени, как от него остается лишь пепел. Я крепко сжи-

маю в кулаке живой камень Ампелио, чувствуя, как его сила сливается с моей собственной.

«Я могла бы носить корону из этого пепла», — мелькает у меня безумная мысль.

Когда костер наконец разгорается так сильно, что тело исчезает из виду, я поворачиваюсь и ухожу, не оглядываясь.

Я обнаруживаю Мину в одной из кейловаксианских казарм; рядом с ней паренек и девочка, оба ненамного младше меня. Койки сдвинули к стенам, чтобы освободить место в центре комнаты, и эта троица стоит сейчас там. Я замираю в тени перед дверью и какое-то время наблюдаю.

— Покажи мне, Лай, — говорит Мина, опуская на каменный пол миску с водой. Когда она это делает, немного воды проливается.

Паренек сглатывает, мнется, сцепив руки за спиной. Сначала я думаю, что это один из освобожденных нами рабов, но потом замечаю отметины у него на руках — у него определенно брали кровь.

Это Защитник. Кейловаксианцы, очевидно, изучали его перед сражением. Мысль об этом вызывает тошноту; быстро глянув на девочку, я понимаю, что не ошиблась — у нее тоже есть отметины на руках. Сколько же их?

Паренек поднимает руки и тянется к миске. Вода из нее вдруг вздымается вверх и замирает в воздухе, приняв форму идеальной сферы.

Мина кивает.

— Можешь превратить ее в лед? — спрашивает она.

Лай хмурится, с сосредоточенным видом смотрит на сферу. Водный шар дрожит, мерцает в свете све-

чей, а потом его поверхность покрывается льдом, и вот уже в воздухе висит ледяная сфера.

— Хорошо, — одобряет Мина. — Опusti ее.

Лай опускает руки, и ледяной шар мгновенно падает, разбивается, и осколки разлетаются по каменному полу.

— Извините, — бормочет паренек.

— Все в порядке, — успокаивает его Мина. — Как ты себя чувствуешь?

Она подходит к Лаю, щупает его лоб и тут замечает меня.

— Ваше величество, — говорит она и слегка склоняет голову.

Лай неуклюже кланяется, девчушка неловко делает реверанс, а я вхожу в комнату.

— Мина. — Я улыбаюсь ей, потом ребятам. — Ты нашла Защитников.

Женщина поджимает губы.

— Нашла. Их тут целых десять. Девять огненных, в том числе присутствующая здесь Гризельда. Лая привезли с Водного рудника, дабы изучать в сравнении с огненными Защитниками. Лай, Гризельда, вы позволите королеве Теодосии дотронуться до вас?

— Зачем? — спрашиваю я, хмурясь.

Впрочем, подростки кивают, а Мина кивком предлагает мне до них дотронуться.

— Пощупайте их лбы, — распоряжается она.

Я делаю, как она говорит. Кожа подростков горячая, как у Блейза. Вдобавок, подойдя ближе, я вижу у них под глазами темные круги, словно ребята давно не спали.

Очевидно, Мина видит, что я начинаю понимать, что к чему.

— Почему бы вам двоим не сходить на обед? — предлагает она Лаю и Гризельде. — Продолжим урок позже.

Подростки торопливо выходят из комнаты, но я жду, пока их шаги в коридоре не стихнут, и только потом говорю:

— Есть еще. — Я не уверена, как можно их назвать. «Берсерки» — очень точное определение, но мне не хочется его использовать, потому что оно звучит, как смертный приговор.

Мина кивает.

— Восемь других Защитников совершенно обычные, а вот способности Лая и Гризельды не идут ни в какое сравнение с тем, что мне доводилось видеть прежде. Они очень похожи на вашего гипотетического друга. Он все еще гипотетический?

Я молчу, потом признаюсь:

— Это Блейз, он Защитник земли.

— Так я и думала. Видела, что он сделал с теми кораблями — на такое не способен ни один Защитник земли.

— Это едва его не убило.

— Ну, не убило же, — замечает Мина. — Не в этот раз.

На это мне нечего ответить.

— Вы сказали, что даете им уроки. Это правда или вы их изучаете? — спрашиваю я.

— Всего понемногу, полагаю. — Женщина тяжело вздыхает. — Я читала, что Защитники такой силы — большая редкость. Лишь одному из сотни выпадал такой мощный дар, а теперь у нас есть сразу трое, и это мы еще проверили не всех освобожденных из рудников людей. Кто знает, сколько еще сюрпризов нас ждет?

— Что это значит?

Мина пожимает плечами, смотрит на дверь, за которой исчезли подростки.

— Если бы вы спросили Сандрина, он сказал бы, что все это — часть божьего замысла, и, возможно, оказался бы прав. Но за последнее десятилетие в шахты отправляли намного больше людей, чем пребывало там в мирное время, поэтому среди них могло оказаться много людей, способных вместить оптимальное количество силы. Может быть, боги и здесь приложили руку. — Она снова обращает взор ко мне. — Вы ведь не из-за них сюда пришли, верно?

Я замираю, потом качаю головой, вытягиваю перед собой руку ладонью вверх и, спустя несколько секунд появляется маленький огонек. Мина задумчиво рассматривает пламя.

— Негусто, — изрекает она. — Это больше, чем мой дар, надо отдать вам должное. До Вторжения из вас мог бы получиться Защитник.

Я сжимаю кулак, гася пламя.

— Крессентия — кайзерина — та самая девушка, о которой я вам рассказывала. Она выпила энкатрио... И ее сила просто огромна. Она управляет даром так же легко, как дышит, ей даже не приходится прилагать усилий.

— Хотите знать, сможете ли сравняться с ней? Только вы ведь уже знаете ответ, — вздыхает женщина. — Вы — наполовину полный горшок, а она полна до краев.

Я проглатываю разочарование. Чего-то такого я и ожидала, но слышать это все равно неприятно.

— Все эти люди относятся ко мне, как к *Фирен*, восставшей из пепла, — произношу я дрожащим

голосом. — Словно я героиня, которую они давно ждали. А я не такая. Я не могу защитить их ни от нее, ни от других кейловаксианцев.

Мина сурово поджимает губы.

— Вы выжили в плену у кейловаксианцев — мало кто способен на такое. Вы защищали нас до сих пор; кто сказал, что вам для этого непременно нужен дар?

Я улыбаюсь и благодарю ее, но в глубине души, мне кажется, мы обе знаем, что она не права.

Мы выжили в этой борьбе благодаря удаче и капельке магии. В следующий раз нам так не повезет.

ПОЛЕ БОЯ

Кейловаксианцы всегда говорили о полях сражений с большим почтением, чем о собственных храмах. Существовала даже популярная при дворе баллада, повествующая о поле брани, в которой были такие слова: «Трава окрасилась алой кровью врагов». В той балладе поле боя представлялось неким суровым, но по-своему прекрасным местом.

Проходя мимо развалин храма огня, в котором я однажды стояла вместе с матерью, когда была ребенком, я твердо знаю: в поле боя нет ничего красивого. Эрик и мои Тени тоже молчат, но я благодарна за то, что они пошли со мной. Меньше всего мне сейчас хочется быть одной. Силы возвращаются ко мне медленно, но верно, и я наслаждаюсь каждой возможностью встать с постели.

Трава вокруг рудника красная, прямо как в той кейловаксианской балладе, вот только в тех стихах не упоминались груды мертвых тел и отрубленные конечности. В балладе не было ни слова про витающий в воздухе запах разлагающейся плоти, от которого к горлу подступает тошнота. В балладе не упоминалось о тех людях, что станут скорбеть об убитых, будь то враги или друзья.

— Погребальный костер, — говорит Эрик, нарушая молчание. — Это обычный похоронный обряд для кейловаксианских воинов.

— И для астрейцев тоже, — отвечаю я. Удивительно, оказывается, у наших двух культур есть что-то общее. — А остальные?

Молодой человек задумчиво качает головой.

— Горакийцы сжигают своих умерших, а вот все прочие...

Шагающая по другую сторону от меня Артемизия подсказывает:

— Йоксийцы сжигают. Браккийцы тоже. Согласно вектурианскому обычаю, погибших воинов следует положить в горящую лодку и пустить по морю.

— Этого мы сделать не можем, — вздыхаю я. — Все наши корабли и лодки нужны нам позарез.

Артемизия согласно кивает.

— Не знаю обычаев других стран, но у нас достаточно выживших, так что можно спросить у них.

— Их так много, — бормочет Цапля, оглядываясь по сторонам. Наш лагерь притулился у подножия горы, а вся остальная долина усеяла трупами. Их сотни, а может, и тысячи. Не представляю, как мы сможем определить, выходцем из какой страны являлся при жизни каждый убитый.

Я сглатываю.

— Кейловаксианцы вернутся, и тогда... — Я умолкаю, не в силах облечь свои соображения в слова.

— Мы будем готовы, — отвечает Эрик. — Мы одержали победу, и это для нас значит больше, чем просто выживание. Мы встретились лицом к лицу с кейловаксианцами, и теперь на нас можно делать ставку. Мы можем попросить помощи у других стран, и на этот раз, возможно, получим нужное нам войско.

— Возможно, — повторяю я.

— Боги благословили тебя, Тео, — говорит Цапля, и в уголках его губ появляется намек на улыбку. — Поступив так, они благословили и всех нас.

Я отвожу глаза, не в силах на него смотреть. Даже Цапля не знает, как давно у меня этот дар, ведь я держала это в секрете от всех. Он не знает, насколько слабыми оказались мои способности, после того как их вытащили на поверхность. Как и все остальные, Цапля верит, что я получила награду за свое самопожертвование. Очень милая легенда, но я совсем не такая, как всем кажется. Я перевожу взгляд с Цапли на Артемизию.

— Каково это — обладать благословением богов?

Ребята переглядываются, но первой заговаривает Артемизия:

— Это как стакан холодной воды в удушающую жару.

— Я чувствую себя... хорошо, — добавляет Цапля. — Словно я в мире со всем окружающим миром.

У меня екает сердце.

— Я ничего подобного не чувствую, — тихо произношу я. — Не испытываю ни облегчения, ни умиротворения. Наоборот, ощущаю... пустоту.

Мысли мои вновь возвращаются к Кресс с ее пылающими, словно угли, глазами и обжигающим прикосновением.

«Наши сердца — сестры, — сказала она мне в одном из моих кошмаров. — Давай посмотрим, похожи ли они?»

Возможно, вопреки всему они действительно похожи. Может быть, мы с Кресс обе — мерзкие отродья, хотя мне и не хочется быть чудовищем. Я предпочла бы вовсе не иметь магических способ-

ностей, чем быть таким монстром, и в этом разница между нами.

— Эта сила у меня в крови с самого рождения, — признаюсь я дрожащим голосом. — Раньше я ее подавляла, но я никогда не хотела быть такой — в этом мы с вами не похожи. — Я смотрю на Блейза. — Ты тоже не выбирал такую судьбу. Дар сам пришел к тебе, словно своеобразный яд.

Блейз выдерживает мой взгляд: юноша не соглашается, но и не протестует.

— Сила владеет мною, но я не могу ею управлять, — продолжаю я, и на сей раз голос мой не дрожит. Я вдруг преисполняюсь уверенностью.

Мы идем еще немного, пока не оказываемся у входа в Огненный рудник — всех рабов из него вывели, проход оцеплен веревкой. Можно подумать, кто-то захотел бы отправиться туда по собственной доброй воле.

Именно это я и собираюсь сделать.

Когда я останавливаюсь у входа, остальные тоже замирают. Друзья не произносят ни слова, пока я не берусь за перегораживающую проход веревку.

Блейз хватается за руку и тянет назад. После того как он перестал носить на себе живые камни, его кожа стала не такой горячей — хотя это лишь на время — и все же пальцы юноши теплее моих.

— Нет, — шепчет он.

— Это единственный путь, — говорю я. — Ты знаешь это не хуже меня. Ты чувствуешь разрыв между тем, кто ты есть, и силой, которой владеешь. Это потому, что мы с тобой не контролируем свой дар. Он управляет нами.

— Войдя в шахту, ты не исцелишься, — восклицает друг. — После того как ты выпила яд, пребывание там может толкнуть тебя за край.

— Может, — соглашаюсь я, оборачиваюсь и смотрю на Цаплю. — Но не толкнет. Только так я смогу управлять своей силой, только так смогу получить над ней власть, понять ее. Лишь пройдя этот путь, я смогу стать королевой, которая нужна моему народу.

— Прости, что я тогда ушел, Тео, — просит Блейз срывающимся голосом. — Прости, что нарушил обещание. Клянусь, я больше никогда тебя не покину. Не оставляй меня.

Мгновение я не двигаюсь с места.

— Ты отправился на битву, потому что ты тот, кто ты есть. Это было глупо, но ты знал, что поступаешь правильно. Я тоже хочу поступать так, как должно.

Блейз не отвечает, но у него в глазах блестят слезы. Я кладу руки ему на плечи, приподнимаюсь на мысках и касаюсь губами его губ. На миг он замирает от потрясения, но потом подается мне навстречу и так крепко обнимает за талию, словно пытается удержать и никогда не отпускать. Вот только я не могу остаться, поэтому отталкиваю его и смотрю на друзей.

— Не знаю, как долго буду там находиться. Если кейловаксианцы вернутся, бросайте меня и бегите. Хорошо?

Цапля качает головой, но Артемизия кивает.

— Я сделаю то, что должно, — отрывисто произносит она.

Я смотрю на Эрика.

— А когда я выйду оттуда, мы придумаем, как спасти Сёрена. И я закончу то, что начала с Кресс.

Я еще никогда не видела Эрика таким серьезным.

— Удачи, Тео, — мягко говорит он.

С отчаянно бьющимся сердцем я поворачиваюсь и вхожу в шахту.

ЭПИЛОГ

Здравый смысл превращается в нечто эфемерное, и в конце концов я уже не уверена, какая мысль разумна, а какая безумна. Не знаю, где я нахожусь и что здесь делаю. Слышу смех Кресс, затылком чувствую ее пахнущее дымом дыхание, но не могу дотянуться до нее рукой.

В конце концов меня находит мать. Я сижу, сжавшись в комок, у стены — руки все в крови, голова раскалывается от жажды. Мама смотрит на меня так же, как смотрела десять лет назад, перед тем как ей перерезали горло. Вопреки своим ожиданиям я не бегу к ней, а она, кажется, не ждет этого от меня.

Я сглатываю. В горле саднит, словно я кричала много часов кряду.

— Это Посмертие? — спрашиваю я.

Мать качает головой.

— Еще нет, любовь моя. — Она протягивает мне руку. — Идем, тебе многое предстоит сделать.

Следовало бы испытать облегчение оттого, что я не умерла, но я почти ничего не чувствую. Смотрю на ее руку, но не хватаюсь за протянутую ко мне ладонь.

— Ты могла бы остановить кейловаксианцев, — говорю я.

Мать не изменяется в лице, услышав это обвинение, но ничего не отрицает.

— Я умерла как королева мирных времен, и мир умер вместе со мной, — говорит она, помолчав. — Но ты — королева пламени и ярости, Теодосия, и ты спалишь их мир дотла.

Я беру ее за руку, и мать ведет меня в глубь шахты.

ПРИНЦЕССА ПЕПЛА МЕРТВА.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА!

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Считается, что, работая над книгой, писатель непременно запирается у себя дома, дабы творить без помех, но будь это так, мне было бы достаточно высказать благодарность своему ноутбуку, и она получилась бы довольно короткой. Однако как воспитанием ребенка помимо семьи занимается еще и общество, так и для создания книги нужна большая команда. Мне очень повезло работать с лучшей командой издателей.

Выражаю искреннюю благодарность Кристе Марино, моему блестящему редактору, за то, что выслушивала и поддерживала меня, и за то, что не просто помогала сделать мою книгу лучше, но помогала мне совершенствовать свои писательские навыки. Благодарю Беверли Горовиц, Барбару Маркус, Монику Джин и всех сотрудников «Делакорт Пресс» — вы дали мне и моей книге удивительное место, которое можно назвать домом.

Спасибо моим замечательным агентам, Лоре Би-аджи, Дженнифер Вельц и Джону Кьюсику, за то,

что питали и строили мою карьеру — с вашей помощью осуществились мои мечты.

Благодарю моего рекламного агента Джиллиан Вэндал Мьяо за ее неусыпную поддержку и заразительный оптимизм. Спасибо Элизабет Уорд, Кейт Китинг, Кайле Рейзи, Мэллори Мэтни, Джанин Перес, Келли МакГоли, Элисон Импи, Колин Феллингхем, Тамаре Шварц, Стефании Мосс и Исааку Стюарту за ваш энтузиазм, самоотдачу и доброту. И, конечно, большое спасибо всем остальным сотрудникам «Рэндом Хаус» — вы вдохнули жизнь в эту книгу и серию в целом, ваша работа потрясает воображение.

Спасибо команде нью-йоркских писателей за творческие советы: Патрис Колдуэлл, Лекси Уэнглер, Арвин Ахмади, Зораиде Кордова, Саре Холланд, Саре Сметана, Камилле Бенко, Лорин Чемберлен, Марку Оширо, Джефффри Уэсту, Джереми Уэсту, Керин Челлендер, Эмили Кс. Р. Пен, Дониэль Клейтон, Блайз Оду, Кристине Ареола, М. Дж. Франклину и Адаму Силвера.

Благодарю Кирстен Уайт, И.К. Джонсон, Карен МакМанус, Мелиссу Алберт, Джессику Ключес, Аманду Куэйн, Швету Тахрар, Кларибель Ортега, Кэт Чо, Фарах Пенн и Лорен Шпиелер за дружбу и поддержку.

Спасибо моему папе за то, что не давал мне утратить почву под ногами, направлял меня и всегда поддерживал, а также спасибо Денизе за ее мудрые советы и руководство. Спасибо моему маленькому брату Джерри — он всегда вдохновляет меня, с ним я становлюсь лучше, чем есть на самом деле.

Спасибо Каре Шеффер и Эмили Хечт — вы стали для меня спасительным канатом в бурном море

кризисов и торжеств. С вами радость становится еще радостнее, а печаль — не такой грустной.

Выражаю благодарность Джеффри Поллоку, Деборе Браун, а также Джесс и Идену Поллок — вы были моей нью-йоркской семьей.

И, наконец, спасибо всем ВАМ за то, что были вместе с Тео во время ее путешествия. Без вас я не написала бы ни строчки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Одна	6
В безопасности	11
Семья	19
Столкновение	30
Признание	41
Цепи	50
Вместе	61
Жжение	67
Сёрен	73
Урок	82
Нападение	93
Пленники	103
Маттин	111
Честь	118
Доверие	125
Этристо	138
Ста'криверо	148
Дворец	157
Целомудрие	166
Игра	177
Женихи	186
Вылазка	200
Лагерь	207
Старейшины	213

Мэриал	222
Очарование	227
Гораки	236
Фирен	244
Пикник	252
Тренировка	264
Убийство	273
Под защитой	285
Допрос	291
Арест	298
Сон	308
Темница	314
Любовь	323
Маскировка	332
Оджо	339
Мина	347
Самопожертвование	362
Маска	368
Беспомощность	373
Моло вару	382
Сделка	388
Жертва	398
Боленца	407
Шок	420
Прорыв	432
Бегство	441
Прибежище	446
В море	451
Стратегия	459
Призрак	469
Подготовка	483
Берсерки	489
Сражение	497
Переговоры	506
Последствия	518
Поле боя	531
Эпилог	536
Слова благодарности	538

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

YOUNG ADULT. НАСЛЕДНИЦА ПЛАМЕНИ

Себастьян Лора

ЛЕДИ ДЫМ

Ответственный редактор *П. Рудакова*
Младший редактор *А. Чубарова*
Художественный редактор *В. Безкровный*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *В. Андриановой*
Корректор *Л. Китс*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.

Тел.: 8 (495) 411-88-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Эндриуш: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы,

123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 кінәсіз, 20 кабинет, офис 2013 ж.

Тел.: 8 (495) 411-88-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Tauar belgisi: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасындағы дистрибутор және ағым бойынша арыз-талғаттарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өңімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Эндриген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 16.10.2020. Формат 84x108^{1/32}.

Гарнитура «Raleigh BT». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.

Доп. тираж 2500 экз. Заказ А-3192.

Отпечатано в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

e-mail: idelpress@mail.ru

16+

ЛитРес:
один клик до книги

Отдел торговли книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: rescription@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оттовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-58, доб. 2261.
E-mail: lvanova.ey@eksmo.ru

Оттовая торговля букинисто-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменная ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanco@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanco-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невской пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оттовы покупателей:
Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: rescription@eksmo-sale.ru
Новосий Новгород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Новом Новгороде. Адрес: 603094,
г. Николай Новгород, ул. Карлганского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 218-15-91 (92, 93, 94). E-mail: rescription@eksmo.nn.ru
Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 94, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: vench@szko.ru
Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбург. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: retrove.ey@eksmo.ru
Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самара.
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7(848)207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru
Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростов-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rmd.eksmo.ru
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростов-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.
Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov.mgr@rmd.eksmo.ru

Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирск. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-81-42. E-mail: eksmo-nk@yandex.ru
Хабаровск. Обособленное подразделение в г. Хабаровск. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru
Томск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Томск.
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Томск.
Адрес: 625022, г. Томск, ул. Алейшеская, д. 9А (ТЦ «Перестройка»+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/97/98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru
Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодар
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодар
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(92).
Республика Беларусь. ООО «ЭКСМО АСТ Сн энд Сн». Центр оптово-розничных продаж
Cash&Carry в г. Минск. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,
пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.
Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: eksmoast@yandex.by

Казакстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровский, д. 3 «А»
Телефон: +7 (727) 251-59-90 (91, 92) E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Интернет-магазин: www.book24.kz

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербова, д. 17е.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forzukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Итай-город» и заказать в интернет-магазине www.chizai-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Заказ по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: market@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-100176-6

9 785041 001766 >

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
«ЭКМО-АСТ»

